

Александр Магерамов

В ЧИСТИЛИЩЕ
ПОВЕСТЬ

Москва 2009

Магерамов А.А.
В чистилище
М., 2009. — 316 с.: ил.

Александр Магерамов родился в 1965 году в Твери в семье военнослужащего. В 1986-м окончил Омское высшее общевойсковое училище имени Фрунзе. Служил в Германии — командир взвода в 239-й мотострелковом полку. В 1988-м был направлен в Республику Афганистан — 40-я армия, командир взвода 371-го мотострелкового полка, служил в разведывательной роте, мотострелковом батальоне. Принимал участие в боевых действиях в провинциях Герат, Фарах, Гильменд, Нимруз, Кандагар. После вывода советских войск в апреле 1989 года был направлен для прохождения службы в 56-ю десантно-штурмовую бригаду в Туркмении. В 1990 году принимал участие в эвакуации армянского населения из Баку, охране государственной границы СССР на участке г. Ордабад — г. Мегри и защите населения от экстремистов в районе г. Мегри. В декабре 1991 года переведен в Ракетные войска стратегического назначения, в марте 1992-го назначен командиром отдельной роты противодиверсионной борьбы. С 1993-го — инструктор парашютно-десантной подготовки. В 1998-м вышел на пенсию. В 1994-м — офицер подразделения СН в Департамент налоговой полиции. Занимается изучением истории, геральдики, генеалогии.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Список сокращений.....	4
Часть 1. « В чистилище». Повесть	9
Часть 2. «Связист». Интервью	137
Часть 3. «239-й полк». Эссе	152
Часть 4. «Легенды и мифы афганской войны». Дневник	200
Часть 5. «Вывод советских войск из Республики Афганистан». Эссе	278
Литература.....	304

© Магерамов А.А., 2009

Все права автора защищены. Ни одна часть этого издания не может быть занесена в память компьютера, либо воспроизведена любым способом без предварительного письменного разрешения автора.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1/396 сп	– 1-й батальон 396-го стрелкового полка;	ГО	– гражданская оборона;
А	– Армия;	гпв	– гранатометно-пулеметный взвод;
АВС	– автоматическая винтовка Симонова;	ГПЗ	– головная походная застава;
АГС-17	– 30-мм автоматический гранатомет на станке;	ГРУ	– главное разведывательное управление ГШ;
адн	– артиллерийский дивизион;	ГСВГ	– Группа советских войск в Германии;
АК	– армейский корпус;	гсд (п)	– горная стрелковая дивизия (полк);
ап	– артиллерийский полк;	ГШ	– Генеральный штаб;
атб	– отдельный автотранспортный батальон;	ДЗОТ	– дерево-земляная огневая точка;
БМП-1 (2, 2Д)	– разновидности гусеничной боевой машины пехоты;	ДИРА	– «Движение исламской революции Афганистана», оппозиционная партия;
БО	– береговая оборона;	ДОТ	– долговременная огневая точка;
БРДМ	– колесная бронированная разведывательно-дозорная машина;	ДП	– ручной пулемет «Дегтярев пехотный»;
БРМ -1К	– боевая разведывательная машина на базе БМП;	ДРА (РА)	– Демократическая Республика Афганистан (Республика Афганистан);
БТР (БТР-80)	– бронетранспортер;	ДСП	– гриф секретности – для служебного пользования, а также древесно-стружечная плита;
БФ	– Белорусский фронт;	дшбр (дшб)	– десантно-штурмовая бригада (батальон);
ВВ	– внутренние войска;	ДУЦ	– дивизионный учебный центр;
ВВПОУ	– высшее военное политическое общевоинское училище;	Зак.	– Закавказский;
ВВС	– Военно-воздушные силы;	зенадн (зенбатр)	– зенитный артиллерийский дивизион (батарея);
ВДВ	– Воздушно-десантные войска;	ЗК (ЗКПЧ)	– заместитель командира (по политической части);
ВГК	– Верховное главнокомандование РККА;	ЗФ	– Западный фронт;
ВКП(б)	– Всероссийская коммунистическая партия (большевиков);	исапб	– инженерно-саперный батальон;
ВМБ	– военно-морская база;	лап	– легкий (пушечный) артиллерийский полк;
ВМФ	– Военно-морской флот;	кап	– корпусной артиллерийский полк;
ВО	– военный округ;	КВЖД	– Китайская восточная железная дорога;
ВОВ	– Великая Отечественная война;	КВО (КОВО)	– Киевский (особый) военный округ;
ВОКУ	– высшее общевоинское командное училище;	К(М)ГБ	– комитет (министерство) государственной безопасности;
ВРИО	– временно исполняющий обязанности;	КК (кд, кп)	– кавалерийский корпус (дивизия, полк);
ВТ	– военный трибунал;	КП	– командный пункт;
ВУЗ (ВВУЗ)	– высшее (военное) учебное заведение;	КП	– командир полка;
гап	– гаубичный артиллерийский полк;	КПВ(Т)	– 14,5-мм крупнокалиберный пулемет Владимирова (танковый);
ГБ	– государственная безопасность;	КО	– Калининская область;
гв.	– гвардейский;	КФ	– Калининский фронт;
ГДР	– Германская Демократическая Республика;	КЭТ-Л	– легкий колесный эвакуационный транспортер, машина на базе «Урала»;
ГлавПУр	– Главное Политическое управление РККА;	ЛКСМ (У)	– Ленинский Коммунистический союз молодежи (Украины);

МВО	– Московский военный округ;	пдп (пдб, пдр)	– парашютно-десантный полк (батальон, рота);
МВД	– Министерство внутренних дел;	ПКП	– пулемет крупнокалиберный пехотный, база – 14,5-мм КПВ;
мд	– механизированная дивизия;	ПК	– пулемет Калашникова;
МГБ	– Министерство государственной безопасности;	ППД	– пункт постоянной дислокации;
МГООС	– Музей обороны города Севастополя;	ППД-40	– пистолет-пулемет Дегтярева обр. 1940 года;
миндн (батр)	– минометный дивизион (батарея);	птабр	– противотанковая артиллерийская бригада;
МК	– механизированный корпус;	ПТО	– противотанковое оружие;
мпп	– мотопехотный полк;	ПТП	– противотанковая пушка;
мсд (мсп, мсб, мср, мсв)	– мотострелковая дивизия (полк, батальон, рота, взвод);	ПТР	– противотанковое ружье;
МТЛ-Б	– малый артиллерийский тягач, легко бронированный;	ПТУР	– противотанковая управляемая ракета;
Н(Г)Ш	– начальник (Генерального) штаба;	РВВДКДУ	– Рязанское высшее воздушно-десантное командное дважды Краснознаменное училище;
НДПА	– народно-демократическая партия Афганистана;	РВС, РВСР	– Революционный военный совет республики, аналог современного Минобороны;
НКВД	– Народный комиссариат внутренних дел;	РВСН	– ракетные войска стратегического назначения;
н.п.	– населенный пункт;	рдр	– разведывательно-десантная рота;
НСВ(С)	– 12,7-мм пулемет Николаева, Соколова, Волкова (станковый);	РККА	– Рабоче-крестьянская Красная армия;
оар	– отдельная автомобильная рота;	РКП(б)	– Российская коммунистическая партия (большевиков);
обс	– отдельный батальон связи;	рр	– разведывательная рота;
ОГ	– оперативная группа;	РС	– реактивный снаряд;
ОЗК	– общевойсковой защитный комплект;	РСЗО	– реактивная система залпового огня;
ООР	– Одесский оборонительный район;	РТУ	– ротные тактические учения;
ОП-1	– общевойсковой плащ из общевойскового защитного комплекта;	СА	– Советская Армия;
орб (орр)	– отдельный разведывательный батальон (рота);	САВО	– Среднеазиатский военный округ;
оисапб	– отдельный (инженерно-) саперный батальон;	сапб	– саперный батальон;
оиптадн (оптдн)	– отдельный (истребительно-) противотанковый (артиллерийский) дивизион;	сбр	– стрелковая бригада;
ОКСВА	– ограниченный контингент советских войск в Афганистане;	СВВПТАУ	– Свердловское высшее военно-политическое танко-артиллерийское училище;
омсб	– отдельный медико-санитарный батальон;	СВТ	– самозарядная винтовка Токарева;
омсбр	– отдельная мотострелковая бригада;	СК (сд, сп, сб, ср)	– стрелковый корпус (дивизия, полк, батальон, рота);
омсрр	– вероятно, отдельная мотострелковая разведывательная рота;	СЗФ	– Северо-Западный фронт;
ООД	– отряд обеспечения движения;	СО	– Смоленская область;
оптдн	– отдельный противотанковый дивизион;	СОР	– Севастопольский оборонительный район;
орхз	– отдельная рота химической защиты;	СУБО	– Севастопольское училище береговой обороны имени ЛКСМ (У);
ПВО	– противовоздушная оборона;	Тгр	– танковая группа;
пд (пп, пб, пр)	– пехотная дивизия (полк, батальон, рота);		

ТК	– транспортер колесный, эвакуационная машина на базе «Урала»
ТК (тд, тп, тб, тр)	– танковый корпус (дивизия, полк, батальон, рота);
ТТ	– пистолет «Токарева Тульский»;
ТТХ	– тактико-технические характеристики;
УА	– ударная армия;
УВО	– Украинский военный округ;
УКС	– упражнение контрольных стрельб;
УР	– укрепленный район;
УФ	– Украинский фронт;
ФАБ-500 (250)	– 500 (250)- килограммовая фугасная авиационная бомба;
ХБ	– хлопчатобумажное полевое обмундирование;
ЦАМО	– Центральный архив Министерства обороны;
ЦК	– Центральный комитет;
ЧОН	– части особого назначения (аналог внутренних войск), существовали до 1925 года;
ЧССР	– Чехословацкая Социалистическая Республика;
«эр-эс»	– реактивный снаряд;
ЮФ	– Южный фронт.

Часть I «В чистилище». Повесть

«Военачальник – это судьба народа»

Хельмут Карл фон Мольтке (старший)

Воин, памяти которого посвящена эта повесть, с начала сорок второго защищал нашу страну во время Ржевской битвы – самого кровопролитного сражения в истории человечества, продолжавшегося в течение долгих пятнадцати месяцев. Известно, что в окрестностях этого небольшого западнорусского городка с 1941 по 1943 год погибло около двух миллионов только советских солдат и офицеров, а сам город был превращен в безжизненную пустыню. Дивизия, в составе которой ветеран вступил в войну, первоначально дралась с врагом в составе 4-й Ударной армии – среди заснеженных лесов, холмов и болот на границе Тверской и Смоленской областей. А последние сражения, в которых ему довелось участвовать, шли юго-западнее города Белого в то время, когда в ходе второго этапа Московской битвы советские войска попытались устроить вторые Канны немецкой группе армий «Центр».

Ветеран в последние апрельские дни сорок второго лишь чудом остался в живых. Он никогда подробно не рассказывал о пережитом, так как его видение событий, их оценка слишком сильно отличались от официальной истории Великой Отечественной войны. А узнать о тех кровавых сражениях автору впервые довелось лишь от его ближайших родственников, через много-много лет после смерти офицера. Правда, для установления хронологии происшедших событий пришлось пересмотреть горы литературы, но в ней не удалось найти почти ничего, что свидетельствовало бы об участии 135-й стрелковой дивизии в боях у города Белого. Историки за послевоенные годы осветили лишь отдельные эпизоды ее участия в боевых действиях. Подробно ими описан путь дивизии в начальном периоде войны – с 22 июня по октябрь сорок первого, а затем с июля сорок второго, когда в ходе операции немецких войск «Зейдлиц» дивизия в очередной раз попала в окружение. При этом шесть-восемь месяцев ее существования, как на этапе формирования, так и участия в сражениях остались практически не освещенными.

Строки из письма: «...135 стрелковая дивизия 1-го формирования в действующей армии [находилась] с 22 июня 1941 года по 27 декабря 1941 года. 135 стрелковая Краковская Краснознаменная дивизия 2-го формирования в действующей армии [значится] лишь с 15 февраля 1943 года. За 1942 год данных нет, то есть в действующей армии ее не было. Не воевала дивизия?..» Сразу после получения этого полувопроса — полуутверждения от внука погибшего бойца 135-й автор не мог не испытать ничего, кроме недоумения! Ведь сохранившиеся документы: удостоверение личности, выданное в 41-м, военный билет 43-го года, трудовая книжка, а также рассказы родственников свидетельствовали об обратном — дивизия «второго формирования» воевала уже в 1942 году. Воспоминания близких, правда, были очень скудными и отрывочными — без упоминаний мест боев, населенных пунктов, фамилий, имен. А Центральный архив Министерства обороны ограничился отпиской, не предоставив вообще никакой информации.

Но упрямство не позволяет человеку останавливаться на полдороги, и потому неизбежно была поставлена задача: с целью восстановления боевого пути соединения раскрыть эту неизвестную страницу Великой Отечественной войны. Единственной отправной точкой было наименование подразделения, дивизии и армии, в которых проходил службу ветеран, а также информация о том, что он получил ранение 27-го апреля. В соответствии с выпиской из личного дела именно после этого дня он был доставлен в госпиталь в селе «...Лосьмино, Пречистенского района Смоленской области»...

Но ведь соединение в окрестностях Белого воевало не одно? И тут пришла удача! Удалось обнаружить мемуары Александра Шумилина, в 1942 году — лейтенанта, командира стрелковой роты 17-й гвардейской стрелковой дивизии, также воевавшей в те дни у г. Белого. Оценка событий в рукописи Александра Ильича за некоторыми исключениями почти полностью совпадала с рассказами ветерана 135-й — временами даже возникало ощущение, что воспоминания обоих командиров принадлежат одному и тому же человеку. Впрочем, это было неудивительно, ведь служили они одновременно, воевали в тех же местах и примерно на равных должностях. А потому слово предоставляется автору неопубликованной рукописи «Ванька ротный»:

«Война — это живая, человеческая поступь — навстречу врагу, навстречу смерти, навстречу вечности. Это человеческая кровь на снегу, пока она яркая и... еще льется. Это брошенные до весны

солдатские трупы. Это шаги во весь рост, с открытыми глазами — навстречу смерти. Это ключья шершавой солдатской шинели со сгустками крови и кишок, висящие на сучках и ветках деревьев. Это розовая пена в дыре около ключицы — у солдата оторвана вся нижняя челюсть и гортань. Это кирзовый сапог, наполненный розовым месивом. Это кровавые брызги в лицо [от бойца], разорванного снарядом... Только за одно то, что перенес русский солдат на своих плечах, он достоин священной памяти своего народа! Без сна и отдыха, голодные, в страшном напряжении, на лютom морозе и все время в снегу, под ураганным огнем немцев передовые роты шли вперед. Невыносимые муки тяжелораненых, которых подчас некому было выносить — всё это выпало на долю идущего на врага... Не все живые и вернувшиеся знают, ЧТО значит идти... на верную смерть... 3.05.1983». Пожалуй, лучше этих слов по отношению к боям под городом Белым не мог, да и, наверное, никогда не сможет сказать уже никто!

Официальная советская история десятилетиями учила своих граждан тому, что в трагедии первых двух лет войны был виноват кто угодно — то «вероломный» Гитлер, то «тупые» кавалеристы-полководцы, причем все скопом, то чуть ли не весь народ, который плохо воевал и создавал отсталую технику и оружие. Позже им стал Сталин вместе со своим ближайшим окружением.

Автору же представляется, что во всем произошедшем виновна сама система строительства и комплектования наших Вооруженных сил, взаимоотношения на различных уровнях власти, в том числе — отношение к подчиненному личному составу, а главное — качество боевой подготовки военнослужащих всех степеней. Эта, возникшая после революции 1917 года традиция наложила на благодатную почву крепостной, кастовой системы, которая практически без изменений действовала как сто, так и шестьдесят пять, и двадцать лет назад. В последние два десятка лет данная традиция особенно развилась и усилилась, вкратце ее можно охарактеризовать двумя словами: воинствующее невежество.

Очень кратко, а главное — образно, эту «систему» описал бывший участник белого движения на Юге России — Иван Михайлович Калинин после своего возвращения на Родину в середине 20-х годов. В опубликованных в Советской России «Заметках бывшего военного прокурора» он высказывает мнение о времени пребывания у власти как свежее испеченных, так и бывших генералов, штаб-офицеров Императорской армии: «...В гражданскую войну почти при каждом

большом белом вожде состояла так называемая «лавочка»... «Лавочка» — это совокупность близких к вождю людей, связанных с ним дружбою, кутежами, тесными материальными интересами, а подчас и преступлениями. «Лавочка» доставляла вождю развлечения, оберегала его в пьяном виде, составляла... свиту при торжествах, рекламировала... в прессе, обдывала всякие его денежные делишки, добывая темные суммы для вольготной жизни патрона... не забывая при этом свой карман. Патрон, в свою очередь, заботился об этой теплой компании — повышал в чинах, покрывал, пользуясь своей властью, ее грешки, иногда избавлял от заслуженной судебной кары, давал возможность поднажиться и т.д. Эту своеобразную камарилью, состоящую, большей частью, из людей молодых, с ничтожным служебным положением, ненавидела не только строещина, но и высшие начальники, которым зазнавшиеся опричники не оказывали [никакого] почтения...».

Не существовало также независимости судебной власти — тот же бывший прокурорский работник писал: «...по условиям военного быта царской эпохи, [военные суды] не пользовались судебной независимостью и находились под большим влиянием высшего военного начальства... [В них] выявилось обычное для старой России... превращение в орудие политической мести и сведения личных счетов».

Из приведенных двух цитат явно видно, что язвы, существовавшие как в самой Империи, так и дореволюционных Вооруженных силах, после октября 1917 перекочевали вначале в Белые армии, а позже по цепочке — в Красную, Советскую и современную Российскую, ведь представителей подобных «камарильей» видел своими глазами практически каждый из так называемых «строевиков» и «прочих окопников». При изучении описания судебной системы начала XX века не покидает ощущение, что Калинин создавал свое произведение не восемьдесят лет назад, а буквально вчера — психология «отцов-руководителей» за последнюю сотню лет изменилась мало, оставаясь именно таковой, какою она была описана в выше-названной книге и здесь можно вспомнить неподсудность отдельных персон, приближенных к «князькам» различного калибра. А еще — кровавую схватку 20-х годов «первоконников» с «червонцами», и чуть раньше — со «второконниками» бывшего казачьего войскового старшины Миронова — ведь все происходило уже в составе РККА. Даже сам труд Ивана Михайловича является всего лишь одним из многих кирпичиков в гигантской пирамиде мероприятий по

восхвалению личности С.М. Буденного, победившего в той схватке не на жизнь, а на смерть своих бывших товарищей по оружию. Фактически — весьма ярких представителей красной «партизанщины»! Под этим термином в Гражданскую войну, как в Белой, так и Красной армии подразумевалось одно и то же — неподчинение центральной власти, бандитизм, а глаголом «партизанить» прикрывали увлечение военнослужащих обеих противоборствующих сторон банальным грабежом, мародерством и связанными с ними убийствами.

Район боевых действий 1-й Конной армии С.М. Буденного и 2-го Сводного конного корпуса Б.М. Думенко в январе-феврале 1920 г. Фрагмент карты L-37-Б по состоянию на 1934 г.

А в Красной армии уже в начале 1920 года произошла весьма характерная история. Тогда по обвинению в «контрреволюции», организации убийства 2.02.1920 г. вблизи хутора Маньч-Балабинка своего только что назначенного заместителя — политического комиссара 2-го Сводного конного корпуса В.К. Микеладзе, «...произвол», «слабую борьбу с партизанщиной», «поощрение грабежей» и «...подготовку мятежа против Советской власти» был арестован, судим и 11.05.1920 расстрелян в Ростове бывший начальник С.М. Буденного по Особой кавалерийской дивизии, а в то время — командир Конно-Сводного корпуса IX армии Кавказского фронта Б.М. Думенко. В его подчинении было около трех тысяч трехсот сабель, и бывший вахмистр, кавалер четырех Георгиевских крестов, обладатель «черной бороды до пояса», как его описывает Роман Гуль, в тот

момент уже являлся обладателем всех высших наград республики: Ордена Красного знамени за №5, Почетного Революционного оружия и золотых часов с надписью: «Лучшему солдату Красной армии», лично врученных ему Народным комиссаром по военным и морским делам Л. Троцким. Именно этому Красному командиру 4.04.1919 г. персонально посылал привет в телеграмме сам вождь мирового пролетариата! А вся его вина заключалась в том, что он не хотел подчиняться Центру — как и всем остальным «самодержцам» регионального масштаба, ему не улыбалась перспектива прекращения привычной жизни с вольницей, сабельными рубками, кутежами и практически ничем не ограниченной властью. Ведь военные руководители обеих противоборствующих группировок устанавливали на подвассальных территориях правила игры, манипулировали жизнями тысяч людей, вершили их судьбы, оставаясь при этом НАД законом! Белый генерал Шкуро, по Калинин «...запятнавши[й] себя неслыханными грабежами», на требования командования прекратить погромы, мародерство, бессудные убийства в подчиненных ему кубанских и кавказских частях дал ответ вроде того, что его горцы «...без грабежа воевать не будут». И Антон Иванович Деникин приказал прокурорам Белой армии оставить подчиненных генерала в покое!

О своем отношении к «лавочке Думенко» писал в своих показаниях от 20.02.1920 г. комиссар 2-й Горской кавалерийской бригады того же корпуса Георгий Сергеевич Пескарев (1896—1939): «Ненависть и клевета... — вот отличительная черта этой компании, которая к тому же не прочь и пограбить, и понасиловать». И это вовсе не беспочвенные обвинения — в следственных документах можно проследить драматическую историю розыска пьяной думенковской компанией в селе Дегтево 15-летней девочки — дочери хозяйки дома, где квартировал штаб корпуса для последующего вступления с нею в интимные отношения, а после его неудачи — осуществления насилия над сестрой хозяйки. Там же имеется описание произошедшего накануне группового изнасилования той же «камарильей» и последовавшего за ним расстрела двух пленных сестер милосердия.

Согласно имеющимся в деле показаниям, Думенко был непьющим человеком, и на суде не было выявлено фактов, свидетельствующих об обратном, но должен ли он был остановить свою пьяную «лавочку», столь доблестно воевавшую с женщинами и детьми? В докладе члена РВС IX армии знаменитого Белобородова сообщается и о более вопиющих фактах разложения: после взятия 2-м Свод-

ным конным корпусом г. Новочеркаска разгул пьянства среди его военнослужащих удалось прекратить лишь «...с помощью частей 21-й дивизии и 1-й партизанской бригады», и потому, по его словам, на тот момент «...вопрос о ликвидации Думенко утратил... свою остроту».

Документы дела изобилуют многими другими интересными подробностями, живописующими отдельные подразделения и части регулярной Красной армии: «...кавалеристы 1-го Кубанского полка Сухоруков и Коваленко... убедившись, что перед ними [лежит] убитый [человек]... немедленно *инстинктивно* (курсив мой — МАА) приступили к обычному для красноармейцев конного корпуса мародерству и сняли с убитого... сапоги и револьвер». И т.д. и т.п. — как говорится, чем дальше в лес, тем больше дров! Имеется в деле и копия январского доклада комиссара Микеладзе, тело которого обокрали упомянутые красноармейцы — в своем донесении в РВС IX Армии он накануне своей смерти сообщает практически те же сведения, что и военком 2-й Горской бригады Пескарев, назначенный в феврале политкомиссаром корпуса, дополнительно сообщив о бродящих по штабу корпуса в период ожесточенных боев на Маныче «размалеванных кокоток» и угрозах применения против красных войск думенковской компанией танков.

В мемуарах С.М. Буденного встречаются такие слова из истории 1-й Конной армии: «...как-то ночью бойцы сторожевого охранения 11-й кавдивизии подобрали раздетого, обмороженного и тяжело раненного человека, пробиравшегося в направлении хутора Федулов... Оказалось, что раненый — коммунист Кравцов, служивший в Конармии и совсем недавно назначенный начальником связи корпуса Думенко. Кравцов рассказал, что в корпусе... тайно действует какая-то банда — хватает ночью активных коммунистов, расстреливает и трупы бросает в прорубь на Маныче. Так... и он... ночью был схвачен... с другими коммунистами... Бандиты долго водили их по льду Маныча... прорубь найти не удалось, так как был снегопад, и лед занесло. Тогда, раздев коммунистов до нижнего белья, бандиты дали по ним залп и, считая всех убитыми, ушли... Кравцов, получив три пулевых ранения, случайно остался жив».

Трудно сейчас сказать, имели ли место все те страшные преступления, обвинения в которых были выдвинуты Чрезвычайной следственной комиссией в адрес «первой шашки республики» — легендарного Бориса Мокеевича, в совершенстве владевшего холодным оружием и особым ударом с отяжкой разрубающего противни-

ка до самого седла. Впрочем, чем являются ее материалы — правдой или оговором честного человека, совершенно неважно! Дело в том, что в уголовных преступлениях был обвинен военачальник весьма высокого ранга, поэтому несомненно, что подобные явления в РККА по меньшей мере «имели место». **То, что в убийстве медсестер и насилиях над мирными жителями его на суде даже не обвиняли, является косвенным подтверждением того, что данные преступления были довольно широко распространены в революционной армии! Про обстановку в буденовских частях командованием Кавказского фронта в Москву доносилось:** «1-я конная утопила свою славу в винных подвалах Ростова...», ее военнослужащие в те же дни вели боевые действия не только против белых, но и 8-й армии Сокольников. Представитель ВЧК Петерс телеграфировал в Москву: «Армия Буденного разлагается с каждым днем: установлены грабежи, пьянство, пребывание в штабе подозрительных женщин, по службам были случаи убийства наиболее сознательных товарищей. Буденный перестает считаться с кем-либо. Бесчинства, творимые им на железной дороге, совершенно невероятны: непрерывные захваты топлива, паровозов, вагонов, экстренных поездов, расхищение трофейного имущества. За каждой частью следует хвост вагонов, наполненных женщинами и награбленным имуществом».

Происходили все эти события в ходе начавшегося контрнаступления белых войск, в результате которого Ростов-на-Дону 21.02.1920 г. был в очередной раз потерян. Обстановку в частях красного фронта менять было необходимо кардинальным образом, да и недругов у бывшего начальника Буденного было предостаточно, а потому вскоре на Бориса Мокеевича и его «лавочку» было заведено «дело». В отчетах, отправленных вскоре в столицу, сообщалось, что арест и последовавший за ним расстрел Думенко и Ко имел неожиданные последствия — в соответствии с донесением Члена РВСР И.Т. Смилги: «Ликвидация... имела самое положительное влияние на наши части. Надо ли говорить о том, что население тех мест, где [он] орудовал... вздохнуло с облегчением».

Был ли Борис Мокеевич Думенко казнен за дело, или стал «мальчиком для бития», на которого «повесили» целый ворох тяжких преступлений против собственного народа, сейчас вовсе не принципиально — во всяком случае, он вместе с подельниками в 1964 году был посмертно реабилитирован. Зато своей смертью красный командир открыл совершенно новые принципы взаимоотношений между должностными лицами, ставшими образцовыми для лю-

бого советского коллектива — ведь основным методом работы начальников различных рангов вплоть до сегодняшнего дня стала практика «своевременного» выдергивания из толпы подчиненного и показательного, на глазах у всех «топтанья его ногами». А после полного морального или физического уничтожения подобного лица — нового похода к притихшим подчиненным за очередной жертвой. Бывший командарм своей смертью еще в 1920 году показал — в нашей стране «неприкасаемых» не будет даже среди высших кругов, поэтому «к стенке» можно бессудно прислонить любого, самого высокопоставленного руководителя, организатора проигравшей борьбу «лавочки». Стоять—бояться?

Несомненно, что Москве уже в ходе Гражданской войны стало жизненной необходимостью покончить с позорными явлениями в рядах Красной армии, и руководство инициировало показательные процессы и казни отдельных зарвавшихся садистов, изуверов и палачей, ведших себя на территории своей родины хуже оккупантов. Достаточно вспомнить сотни документально подтвержденных фактов из книги Сергея Петровича Мельгунова «Красный террор в России», а также «Конармию» И. Бабеля и произносимые раньше вполголоса рассказы о взятии города Николаевска-на-Амуре «приамурскими партизанами» Тряпицина, залитого ими в начале 1920 года поистине реками крови жителей города. В дни той кровавой вакханалии были уничтожены тысячи мирных людей, город и крепость Чныррах разрушены до основания, крупные здания взорваны, около 1200 частных домовладений сожжены, как и все деревни на побережье моря, а также в низовьях Амура. Вся вина расстреливаемого и сжигаемого местного населения заключалась лишь в том, что оно не захотело покинуть своих обжитых домов и по приказу Тряпицина последовать за красными отрядами вглубь тайги, на берег реки Амгуни.

За эти массовые убийства наказания не понес почти никто из непосредственных участников тех страшных преступлений. Напротив, после резни — одних только японских граждан было уничтожено около семисот — появилась бодренькая песенка про «...штормовые ночи Спасска, николаевские дни...» — именно такие слова до появления более поздних «волочаевских», звучали в данном произведении. Самого Я.И. Тряпицина вместе с юной «женой-начальником штаба» Н. Лебедевой-Кияшко (очень удобное сочетание — не правда ли? Подобные «танделы», кстати, были довольно широко распространены среди вождей всех противоборствующих группировок Граж-

данской войны — *примечание автора*) и двумя десятками соратников, правда, расстреляли 9.07.1920 г. в селе Керби (Полины Осипенко) с формулировкой: «...за содеянные преступления, повлекшие за собою смерть... половины населения Сахалинской области». А ведь еще совсем недавно сам товарищ Ленин писал Якову Тряпищину приветствие в газете, наставляя его «бить чёрные банды Колчака». С того момента «лавочка» бывшего соратника Сергея Лазо, Главкомандующего Красной Армией, «командира партизанской армии», «члена реввоенсоветов», а также другие камарильи стали представляться в советской прессе не регулярными частями РККА, а «бандами анархо-синдикалистов», максималистов, эсеров или меньшевиков.

Еще чуть позже, уже в послевоенные годы, активно загремели выстрелы в межличностных «разборках», и они оборвали жизни многих легендарных военачальников — красные командиры за время войны уже привыкли вершить самосуд над своими друзьями и недругами. Так, при не выясненных до конца обстоятельствах погиб Г.И. Котовский, или как про него писали — «...популярный, но совершенно неуправляемый начдив...» и другие красные, а также белые офицеры! Аналогичным образом закончил свой жизненный путь известный белый генерал Я.А. Слащев (1886 — 11.01.1929), вернувшийся в Советскую Россию и преподававший в момент своей гибели в советской школе комсостава «Выстрел».

В результате всех проведенных мероприятий в начале 20-х годов в Красной армии удалось выстроить четкую вертикаль, ввести довольно жесткие правила повседневной жизни для всех ее военнослужащих. Гораздо хуже после разгрома Белого движения дела обстояли с другими доставшимися в наследство от старой власти и вновь возникшими традициями: семейственностью, местничеством, кумовством, коррупцией — яркими представителями этих язв на теле как Белой, так и Красной армии были описанные выше «лавочки». Звучали даже опасения восстановления в Республике нового института «Великих Князей», лишь сменивших «голубую» кровь на революционную пролетарскую. С подобными явлениями пытались бороться сверху, но ничего, кроме истребления бывших соратников — «второконников» и «червонцев» из этого не получилось. А потому размышления Ивана Михайловича касаются слишком многих сложившихся в наших Вооруженных силах традиций! Описанная им система безбедно существовала и существует вплоть до сегодняшнего дня — тот, кто служил в Советской армии, да и не только в ней, видел как минимум одну такую «лавочку» своими собственными глаза-

ми! Вкратце ее можно выразить формулой: «Перед законом все равны, но некоторые почему-то — РОВНЕЕ».

Несомненно, что «черная кость» наших Вооруженных сил в предвоенные годы занималась исключительно подчиненным личным составом и боевой подготовкой, а «белая» — в основном своими темными и не слишком законными делишками, разворовывая государственное имущество, а вместо командования частями и соединениями большую часть времени проводила в столице в праздности, интригах и развлечениях! Некоторые советские полководцы умудрялись, служа на Дальнем Востоке, практически все свое время проводить в Москве! То есть тщательно сохранялась набившая за столетия оскомину ситуация: «Кому война, а кому — мать родна».

...Да и не было у нас в стране всеобщей воинской обязанности, и за время пятнадцатилетнего существования профессиональной Красной армии выросло целое поколение молодежи, никогда не стоявшей в армейском строю. Поэтому неизбежно возникает вопрос — чему можно было в сорок первом научить бойца, никогда не служившего в Вооруженных силах за те считанные недели, бывшие в распоряжении его командиров? Тысячу, нет, — две тысячи процентов за то, что последний месяц перед началом боевых действий был самым познавательным в плане аврального освоения премудростей воинских специальностей для красноармейцев частей, отправляемых из-под Москвы на Калининский фронт — ведь их наверняка никто беспричинно не отрывал от занятий!

Ни для кого, служившего в войсках, не являлось секретом, ЧТО всегда было приоритетом для командиров — то ли наведение внешнего глянца, сокрытие преступлений и происшествий, да хоть та же разгрузка вагонов, то ли боевая подготовка? Служившие в Советской и современной Российской армии на своем примере знают, что нешуточный объем задач, стоящих перед командованием и военнослужащими всех степеней, практически не оставлял у них ни времени, ни возможности, ни желания чему-либо целенаправленно и планомерно учиться. Это касалось как солдата — сержанта, но особенно — командира-единоначальника, то есть будущего военачальника, отвечающего за «все и вся» в своем подразделении, а потому всегда и во всем «крайнего». «Виновность» за происшествия, происходящие в подразделениях, культивировалась среди командного состава Красной и Советской армий чуть ли не на клеточном уровне. Вместо того, за что они должны были отвечать в буквальном смысле голову — за обучение и воспитание своих подчиненных!

Ведь приобретение нашими военнослужащими знаний в области основной специальности всегда было второстепенным делом перед необходимостью что-либо «достать», решить какие-то хозяйственные вопросы в частях и подразделениях, сделать или организовать что-то интересное для руководства, да просто — угодить вышестоящему командованию. Появилось даже на редкость тупое выражение: «Давайте создадим себе проблемы, а потом их героически преодолеем». При этом боевая подготовка, особенно в последние десятилетия стала вообще никому не нужна, за исключением отдельных энтузиастов различного ранга — ими могли быть и рядовой и генерал. Но подобная личность почти всегда была исключением — гораздо выше по приоритету стояла уборка городских кварталов, подготовка стадионов к выступлениям популярных артистов, наконец, просто зарабатывание денег для своих воинских частей, а зачастую — коррумпированного командования. Возможно, некоторые читатели не согласятся с подобными утверждениями, подумают или скажут примерно следующее: «Нет, у нас все было по-другому!». Но в данном случае речь идет не об отдельных, как теперь говорят, «элитных» или «специальных» подразделениях, частях и соединениях, а обо «всех остальных» войсках, не имеющих к первым ни малейшего отношения.

Именно мотострелковые, танковые, артиллерийские, авиационные, ракетные части составляли, составляют, и будут составлять основу Вооруженных сил любого государства, а не внутренние, пограничные войска или, например, корпус стражей какой-нибудь там революции и аэромобильные части. Посмотрите на тех, кто отслужил в нашей армии — все уволенные в запас гордятся особой формой, прибавкой к названию подразделения типа «спец.» или чем-то в том же духе — то есть все... за исключением бойцов и командиров «обычных» дивизий, полков и бригад. А СПЕЦНАЗ в последние десятилетия не появлялся, пожалуй, в одной лишь только гильдии дворников, чем весьма девальвировал это чисто армейское понятие. Впрочем, аналогичным образом были полностью дискредитированы все армейские воинские звания. Скажите, что это за чин такой — полковник юстиции? Покажите точки на картах, где в Минюсте сосредоточены целые полки? И для чего они там существуют? Почему люди, никогда не командовавшие в бою даже мотострелковым отделением из восьми человек, и не умеющие поставить элементарной боевой задачи своим подчиненным, носят звания капитанов, подполковников и генералов, правда с прибавкой —

таможенной, внутренней и т.д. службы? Ведь это испокон веков были армейские воинские звания — «полковник», в частности, происходит от слова «полк»! Почему бы для большей части военизированных структур — тех, в которых нет рот — батальонов — полков — дивизий, не ввести особых чинов, равных по Табелю о рангах военным, но установленным только для этих организаций, как испокон веков было принято на Руси?

Но, кроме того, даже в рядах Вооруженных сил и других силовых ведомств не все военнослужащие и сотрудники одинаковы — одни из них командуют подразделениями и частями, другие — занимаются административно-хозяйственной деятельностью. В нашей стране вплоть до 50-60-х годов подобные работники, а также медики, юристы, тыловики имели особые звания, связанные с этим привелегии и внешние отличия — вместо золотых погон некоторые из них носили узкие серебряные погончики и другие специальные знаки различия. Кроме того, вплоть до середины 40-х они имели отличные от командиров воинские звания, например: «интендант», «военинженер», «воентехник», «военврач», «военюрист» с прибавкой — 1-го, 2-го или 3-го ранга и т.д.

Несомненно, отдельные особо недоверчивые личности будут спорить с утверждениями предыдущего абзаца, и поэтому ниже представляется описание знаков различия офицеров СА, взятое из книги: «Пособие для допризывника» издания середины 50-х годов. Дословно: «...Поле погон повседневных строевых офицеров Советской армии — из золотого галуна, цвет поля полевых погон — защитный. Цвет кантов погон: пехота — малиновый, артиллерия — красный, бронетанковые войска — красный, авиация — голубой, кавалерия — светлосиний, инженерно-технические войска — черный. Цвет просветов на повседневных погонах такой же, как и цвет кантов, на полевых — бордо. Звездочки и эмблемы на погонах — посеребренные. Поле погон повседневных для офицеров инженерно-технических служб — из серебряного галуна, цвет поля полевых погон — защитный. Цвет кантов на погонах — по роду войск и служб. Цвет просветов на повседневных погонах такой же, как и кантов, на полевых — коричневый. Звездочки и эмблемы — позолоченные. Поле погон повседневных для офицеров медицинской, ветеринарной, административной служб и офицеров юстиции — из серебряного галуна, цвет полевых погон — защитный. Цвет кантов на погонах — красный, цвет просветов на погонах повседневных — красный, на полевых — коричневый. Звездочки

и эмблемы золоченые, на погонах офицеров ветеринарной службы – посеребрённые...».

Таковы были знаки различия сразу после смерти И.В. Сталина. А уже при политработнике Н.С. Хрущеве всех боевых офицеров полностью «уравнивали» во внешнем виде и правах с тыловиками, ввели одинаковые звания и форму одежды, то есть теоретически с момента получения лейтенантского звания любой выпускник, как военного, так и гражданского ВУЗа, мог быть немедленно назначен на должность командира боевого подразделения. К чему привели подобные «реформы» за последние пятьдесят лет, каждый видит своими глазами – заплывшие жиром снабженцы, как «офицеры», так и «знаменосцы», прочие так называемые «сотрудники» одним лишь своим видом дискредитируют всех прочих военнослужащих армии и других силовых ведомств. В особенности – настоящих командиров боевых подразделений, в массе своей – подтянутых во всех отношениях рабочих, спортсменов и служаков – строевиков или «строевщину», как выразился И.М. Калинин.

Недаром ВДВ, СПЕЦНАЗ, спецподразделения МВД в 60–70-е годы стали усиленно добиваться введения для себя особой формы одежды. Вероятнее всего, как раз для того, чтобы даже внешне отличаться от всего остального «стада», в котором уже в те годы были видны первые признаки разложения. Справка: перед началом и во время Великой Отечественной войны военнослужащие Воздушно-десантных войск носили смесь обмундирования пехоты и ВВС. На их прыжковых комбинезонах, кителях, а также гимнастёрках располагались голубые петлицы с черной выпушкой или без нее, в верхней части которых помещались авиационные эмблемы – «пропеллереры с крылышками», а также стандартные общевойсковые знаки различия. В 40-50-е годы ВДВ по-прежнему носили обыкновенное, то есть пехотно-летное, артиллерийское, танковое и т.д. обмундирование с эмблемами своих родов войск на погонах, имея выше левого локтя ромб из сукна защитного цвета с цветной окантовкой по роду войск и металлической эмблемой в виде парашюта с крыльями золотистого цвета – для офицеров и серебристого цвета – для сержантов и рядовых. Даже самый первый вариант берета для ВДВ утвержденного его легендарным командующим Василием Филипповичем Маргеловым в июне 1967 года, был малинового, пехотного цвета.

А сама «малина», которая стала к тому времени называться мотострелковыми войсками, к началу 70-х потеряла свой исконный

цвет, взамен получив красный, «общевойсковой». Одинаковый с цветом околышей и петлиц, установленных для всей советской милиции, а также весьма схожий с расцветкой, установленной для Внутренних Войск. И потому по внешнему виду уже ничем, кроме букв «СА» на погонах солдат и сержантов не отличаясь ни от последних, ни от частей Гражданской обороны и всех тыловиков, имевших аналогичный красный цвет полей фуражек, погон и петлиц. Мотострелкового офицера к середине 70-х легко можно было спутать с ЛЮБЫМ тыловым, финансовым, а также административным работником, да еще сотрудником конвойных и охранных частей МВД. Ведь все они, а также пограничники и другие военнослужащие ГБ уже давно носили единую «общевойсковую» эмблему, носившую в среде армейских зубоскалов названия: «Капуста» и «Сижу в кустах и жду Героя».

Малиновый берет ВДВ образца 1967 года с голубым флажком, в 1968 ставшим красным (из коллекции Дмитрия Крупенникова)

Бойцы мотострелковых подразделений, правда, впоследствии нашли радикальное решение – при увольнении в запас они отправлялись домой не с красными, а черными погонами. Имея заодно купленную за свой счет фуражку с таким же околышем и танковыми

эмблемами на опять-таки черных петлицах. Общевоинской цвет к середине восьмидесятых уже твердо ассоциировался в солдатском сознании с чем-то очень позорным! Однажды пришло понимание этой взаимосвязи. Подвыпивший мужчина средних лет, весь в синих наколках от многочисленных судимостей, со скрытой угрозой спросил курсантов тылового училища: «...Что суки, много нашего брата вы перестреляли с вышек за «бабло»? Оказалось, что он просто спутал их общевоинскую форму с «краповым» (темно-вишневым) цветом погон и петлиц обмундирования военнослужащих — курсантов Министерства внутренних дел. Ведь форма одежды пехоты в тот момент была аналогична установленной для внутренних войск, охранявших в то время все «зоны» страны — на погонах курсантов МВД, как и у курсантов общевоинских, финансовых, политических и тыловых училищ сияла одна лишь буква «К». Вот с таким весомым и авторитетным багажом «царица полей» пришла к временам «ускорения», «гласности» и «перестройки»...

Но это еще не все!..

Основное отличие любой нашей мотострелковой части от какой-нибудь английской, вроде Королевского полка фузилеров (Royal Regiment Of Fusiliers) заключалось в том, что за спиной у «фузилеров» — многосотлетняя история и традиции. Тщательно лелеяемых и хранимых, защищаемых такими же древними законодательными актами — а потому никто из руководства страной и армией не имеет права их с бухты-барухты отменить. А в нашей стране чехарда с воинскими частями и соединениями доводилась и доводится до полного абсурда — что говорить, если среди всех дивизий, бригад и полков, воевавших на земле Афганистана и имевших приобретенные за время боевых действий отличную выучку и боевые традиции, в составе современной армии остался один-единственный 56-й десантно-штурмовой полк! Если не считать 201-ю дивизию в Таджикистане, о которой отдельный разговор. А предельно урезанный, и до крайней степени сокращенный 56-й полк был переформирован на рубеже двух веков из бывшей 56-й воздушно-десантной бригады. С 1979 по 1989 год она называлась 56-й десантно-штурмовой... А до этого — 351-м парашютно-десантным полком... Еще раньше — 351-м стрелковым... Дальше нецелесообразно даже перечислять, так как получится целое историческое исследование, в котором будут упоминаться пехотные, воздушно — десантные и другие части, причем чуть ли не десятками. Аналогичным образом обстоят дела не только с историей прославленной 56-й бригады, в которой автору

повезло (скорее даже — посчастливилось) служить в течение нескольких лет! «Что имеем, не храним, потерявши — плачем»? Вначале возводим на монументы одних вождей и военачальников, чтобы через несколько лет или десятилетий их скинуть, и водрузить новых. Может быть, стоит принять закон — вроде того, что не ставить никаких памятников после смерти исторической личности в течение лет пятидесяти?

Хотелось бы узнать, какие телодвижения потребуется произвести некому имяреку в английском парламенте, чтобы упомянутым «фузилерам» сменить название — ведь фузея — допотопное, заряжаемое с помощью шомпола через дуло кремневое ружье, существовала еще во времена Петра Великого, а исчезла из английской армии перед Крымской войной — более чем полтора века тому назад. Вот так — фузеи нет, а фузилеры имеются, и они при этом весьма гордятся своей воинской частью, давным-давно ставшей мотопехотной! Совсем недавно — в 2006 году — ее бойцы вместе с военнослужащими парашютного полка 16-й воздушно-штурмовой бригады (16 Air Assault Brigade) воевали в Афганистане в провинции Гильменд в районе: Пиришк — Муса-Кала — Нау-Зад — Сангин — Каджаки, о последнем н.п. ниже будет рассказано довольно подробно. И поэтому ни у кого в Королевских Вооруженных силах не повернется язык обозвать их какой-нибудь «дульнозарядной» кличкой. Ведь у каждого рода войск — свои задачи, зачастую — весьма специфические. Недаром пехоту напыщенно называли когда-то «царицей полей», а артиллерию — «богом войны». Можно сравнить с современными прозвищами типа: «махры», «мазуты» и «прочей мабуты».

В 90-е годы двадцатого века именно Вооруженным Силам «досталось» больше всех — руководство страны, вероятно, решило, что военизированные формирования различных ведомств могут полностью заменить армию... Чечня, правда, все это полностью опровергла. А откровенно наплевательское отношение к боевой подготовке личного состава наших войск привело к тому, что солдаты большинства частей даже автоматы стали держать в руках лишь по паре раз за всю свою службу. Да и то не все — частенько попадают фото, где новобранцы ввиду отсутствия боевого оружия обеими руками сжимают текст военной клятвы!

Требуются примеры разложения? Цитата из письма Сергея Тарасенко, касающаяся статьи про 239-й мотострелковый полк, в середине 80-х годов дислоцировавшийся в ГСВГ: «...Много спорных вопросов. В таком режиме, как Вы описываете, служила вся

Группа... Это Вы ещё не застали командиром полка подполковника Стеклова, командиром [21-й мотострелковой] дивизии Соколова и командующим [2-й гвардейской танковой] армией Шуралёва... Помните такое — «...кто год прожил в ...39-м, тому не страшен Бухенвальд?»... Стены Вас красить заставили? Ужас! А кто это делать должен? Личный состав не славяне? И что? Вы ж не балетное училище заканчивали, а ВОКУ. Выходных не было? А у кого они были? ...Конечно, дико тяжело было. Но я лично благодарен судьбе за те годы. С такими людьми жизнь свела! И такую закалку жизнь дала, что по сей день хватает. С уважением...». И еще: «...Шуралёв по тревоге полк со строевого смотра в «парадках» в запасной район загнал. Представляете, КАК после этого [наша форма] выглядела?» — напоминает Сергей в своем письме о событиях начала 80-х, ведь подобное высокое «полководческое искусство» и «грамотную» подготовку к учениям, на которых военнослужащим довелось действовать в обмундировании, предназначенном вовсе не для ведения боевых действий многие, как видно, до сих пор вспоминают с ностальгией. Можно, конечно, задать вопрос — может быть, упомянутый генерал приказал после учений всему полку новую форму пошить в связи с «гибелью старой из-за военной необходимости»? Но, увы, тот кто знает обстановку тех лет, уверенно ответит, что данный вопрос — чисто риторический.

А вот совершенно иное мнение. Как вспоминает Владимир Николаевич Мосейченко из г. Киева, прочитавший ту же статью про 239-й полк и письмо Сергея: «Очень страшно [было] читать про... полк, в котором я служил в 1966—1968 заместителем командира 2-го взвода 2-й роты 1-го батальона. Взводный у меня был великолепный, ротный — отличный. Командир батальона, [правда] — дурак, а начальник штаба... — «ясное солнышко» (оба участники ВОВ). По воскресеньям, а также с начала самоподготовки вечером и до утреннего развода офицеров мы не видели. Порядок обеспечивался сержантами и старшинами. По боевой подготовке нас натаскивали очень и очень здорово, особенно при Гречко. Вообще наш полк по ВСЕМ параметрам был одним из лучших в ГСВГ. Командир полка — полковник Емец, начальник штаба полка [по кличке] — «Фантомас», заместитель по строевой части — подполковник Гутник — отличнейший офицер, «слуга царю, отец солдатам»... С конца 1967 года у нас [были] бесконечные тревоги — учебные и боевые, с выездом и без, в любое время суток. Дедовщины у нас не было, так как на это «занятие» просто не хватало времени, сплошная круговерть — все

время нужно было что-то делать. После отбоя все засыпали как убитые. Какие-либо действия военнослужащего между командами «Отбой» и «Подъем» считались нарушением дисциплины. Даже команда «Тревога» подавалась ночью после команды «Подъем». В разговорах со старшими боевыми офицерами — ветеранами Великой Отечественной войны, которые служили в нашем полку, я сделал для себя вывод, что дисциплина в Советской армии потихоньку слабеет, а с их уходом в запас вообще покатыт[ся] вниз. Очень жаль, что великолепный 239-й полк [к 80-м годам] превратился в захудалый советский колхоз, а его офицеры — в обыкновенных колхозных бригадиров. В любом случае 239-й полк сохранится в моей памяти таким, каким я его знал».

Несомненно, что в двух приведенных письмах читателю весьма заметна разница — автору первого было «дико» тяжело служить из-за всеобщего маразма, творящегося во вновь созданном «колхозе» и Группе в целом, а второму — просто трудно из-за непрерывной и четко организованной боевой подготовки тогда еще действительно мотострелкового полка! Но о проведенном в городе Перлеберге времени не жалеет ни один из них. Вероятно, с девальвацией армейских ценностей в сознании людей произошла и переоценка жизненных приоритетов — они стали воспринимать откровенный развал как что-то само собою разумеющееся. И это касается не только армейской службы, ведь первое представленное письмо в очередной раз свидетельствует о неистребимом среди наших людей оптимизме — даже в катастрофических ситуациях они находят положительные моменты! Приведенные две выдержки свидетельствуют о полном перерождении одной боевой части в некую хозяйственную структуру с неясным статусом. И всего лишь, за каких то полтора десятка лет!

Но разложение войск интенсивно продолжилось и после восьмидесятых годов, не прекращаясь ни на минуту вплоть до сегодняшнего дня! Ведь тот же 239-й полк в начале девяностых был выведен из Германии в Омск и немедленно расформирован. Поэтому очередное свидетельство касается совсем недавних времен, оно описано сторонним наблюдателем и касается уже подразделений Российской армии: «Александр Арнольдович! Добрый день!.. Несколько лет назад наблюдал выдвижение «Тополей» на боевые позиции. Зрелище, с одной стороны, впечатляющее, жаль, не было с собой фотоаппарата. Но настолько же удручающее — [их] можно взять голыми руками, силой отделения — была бы поставлена задача! Ночью солдаты бое-

вого охранения напильсь до беспамьятства. В лес и окопы собрали всех свободных офицеров и прапорщиков. Жуть! Не подумайте, что я — агент разведки вероятного противника, просто катался [вокруг] на велосипеде... Грустно. Александр Крайнов».

Подобные примеры можно продолжать до бесконечности, автор сам был свидетелем многомесячного выделения «крылатых пехотинцев» для исполнения обязанностей грузчиков на коммерческом рынке с оплатой подобных «услуг» их непосредственному начальнику. Хотя трудно привести более вопиющий факт разложения армии — ведь в последнем письме речь идет о состоянии дисциплины в составе войск «Ядерного Щита Страны». На руководство государства и армии не повлиял даже откровенный провал в подготовке войск, проявившийся в Первой чеченской войне. Зато во время нее появился прејскурант на вручение орденов и медалей. Ходят упорные слухи, что сейчас за деньги можно стать не только депутатом, но даже Героем России! А одна знакомая женщина, приехавшая из Сибири в Москву проведать своего родственника — солдата Президентского полка рассказала, что для того, чтобы молодого человека отпустили в увольнение, она была вынуждена дать взятку дежурному офицеру. Темпы покупок и продаж в стране, причем, включая все самое святое, свидетельствуют, что данные примеры — отнюдь не досужий вымысел.

Река Красногородка, вытекающая строго на север из одноименного озера. Часть водоема, закованного льдом, белеет вдали в виде полосы. 4.03.2008 г.

Но вернемся к Ржевской битве. Что же это была за точка на карте, где полегло так много наших дедов и прадедов? Автору удалось с достаточно высокой степенью вероятности установить, какие события происходили в районе, где весной сорок второго вела боевые действия 135-я стрелковая, или, как ее называли среди соединенной 41-й армии — «болотная дивизия». Для этого был использован сайт «Мемориал», где ЦАМО выставил в сеть списки безвозвратных потерь РККА, хранящиеся в его фондах. За что хотелось бы выразить ВЕЛИКУЮ благодарность создателям сайта — руководству и сотрудникам корпорации «Электронный Архив»! Юрист из Москвы Михаил Александрович Тихонов прислал карту Смоленской области военных времен. Также были использованы мемуары и письма ветеранов 135-й стрелковой дивизии, хранящиеся в фондах «народного» музея этого соединения¹ и архиве автора. После чего оставалось только свести воедино воспоминания, донесения, списки, извещения, журналы захоронений, населенные пункты, а также ориентиры, указанные на топографических картах и других схемах, нарисованных бывшими командирами и штабными работниками 135-й. Так и появился ответ на вопрос — что происходило на севере Смоленской области с самого начала войны?

Огненный смерч почти два года непрерывно бушевал в районе, расположенном в 15–20 км к юго-западу от города Белого, центром которого условно можно считать нынешнее озеро Красногородское. С октября сорок первого там бились с врагом воины 250-й стрелковой дивизии 30-й армии и кавалерийского корпуса генерала Доватора, с марта сорок второго — 134-й, 135-й и 234-й дивизий оператив-

¹ «Народный» музей 135-й сд был создан в 29-й школе города Коломны в 1972 году по инициативе Раисы Георгиевны Майоровой и по сей день сохраняется благодаря неустанным трудам Елены Борисовны Сафроновой, Ольги Викторовны Дятловой и многих других людей, не безразличных к истории нашей страны. В начале 2008 он занял 1-е место в конкурсе народных музеев страны. В его фондах хранятся воспоминания бывшего командира взвода 396-го сп 135-й сд Крупейникова о боях у реки Лосьмянки, а также заместителя начальника политотдела Виктора Васильевича Яшина. Кроме того, сохранились рукописи мемуаров бывших: начальника артиллерии дивизии Владимира Кузьмича Чевгуса («135-я сд в боях за Родину», 1985), и еще одного начальника политотдела — Александра Степановича Паршинского («От Коломны до Судетских гор», 1985). Кроме вышеперечисленных источников, автором при работе были использованы: Приказы командира 135-й сд за январь — май 42-го, письма, фотографии, воспоминания ветеранов дивизии, как здравствующих, так и покинувших наш скорбный мир, также находящихся в этом уникальном учреждении. В частности — письма Александра Степановича Копина, бывшего ЗКПЧ стрелковой роты в 1/396 сп. Но... даже состав лиц, оставшихся в живых, подтверждает слова А.И. Шумилина о так называемых «копниках», в подавляющем числе — погибших, в отличие от «других» фронтовиков. Д.А. Крупейников, с которым автору удалось побеседовать — единственное исключение среди них. Связано это, думается, с тем, что после трех ранений, полученных в «Долине смерти»: 19.04 — в ногу, 21.04. — в нижнюю треть живота и 3.05.1942 — множественного осколочного, он в дивизии больше не служил.

ной группы генерал-майора Владимира Яковлевича Колпакчи из 4-й Ударной. С лета того же года — 262-й стрелковой, а с ноября — 6-го Добровольческого сибирского корпуса в составе: 150-й СД, 74-й, 75-й, 78-й, 91-й стрелковых бригад. Двенадцать с половиной тысяч добровольцев из Новосибирска, Омска, Красноярска, других сибирских городов, попавших в окружение в конце сорок второго, навечно остались лежать в земле возле деревни Плоское, располагавшейся когда-то в десяти километрах к югу от города — от данного села сейчас сохранился только дорожный указатель. Именно этот район местные жители по сей день называют «Долиной смерти». К югу от Белого сражались и гибли военнослужащие со всех уголков нашей страны — из Ивановской, Ярославской, Московской, Калининской областей, с Волги, Урала, Белоруссии, Украины, Кавказа, Сибири, Дальнего Востока, Средней Азии. Впрочем, разве можно перечислить все населенные пункты, где родились и жили бойцы и командиры, похороненные в той страшной долине. Они говорили на многих языках, были разных национальностей, вероисповедания, но прибыли на свой последний рубеж, чтобы отстоять от врага нашу Родину. Тысячи из них так и остались на нем навсегда!

Если посмотреть с моста через реку Красногородку на запад, становится видна «1-я высота 216,8 (217)». Сейчас через нее проложена дорога на д. Чичаты, а обозначена она на картах как «высота 215». 4.03.2008 г.

Кровавый бог войны и ненависти к нашему народу не только отнимал человеческие жизни. Он, словно катком пройдя по окрестностям, оставил среди лесов и болот свой разрушительный след. Враги планомерно и целенаправленно уничтожали, населенные пункты, жителей захваченного ими в 1941 году района. Исподтишка они продолжают это делать и сейчас, поэтому неудивительно, что на современных картах не сохранилось даже незначительного числа из существовавших в нем до войны деревень. Навсегда исчезли: Азарово, Бабенки, Боровцы, Булатово, Бурое, Васьково, Воробьево, Выдра, Вышегоры, хутор Демехи, Долгий Мост, Домний, Гарь-Шалыга, Гарь-Хлиповка, Глинцово, Горюны, Гряды, Гудилово, Гусь, Дуброво, Емельяново, хутор и деревня Залексоновка, Заозерье, Клепики, Красногородка, две из трех Лосьмянок, Лукино, Ляпкино, Мазуры, Могильцы, Нефедово, Остров, Поляново, Пшеничное, Сапкино, Смородовка, Хомичи, Хотино, Цыгуны, Чалищево, Черный ручей. А ведь все эти деревни располагались в радиусе всего лишь пяти-шести километров от Красногородского озера! Сегодня вблизи от этого водоема остались одни лишь Демяхи, ведь «на месте» удалось установить, что деревень: Бор, Лосьмино, и последней из сохранившихся на карте Лосьмянок тоже уже больше не существует — сиротливо стоят лишь несколько заброшенных домов, а в Чичатах, в той самой школе, где когда-то располагался госпиталь и медсанбат «болотного» соединения, осталось всего восемнадцать учеников. Пять лет назад их было тридцать, и потому сейчас уже рассматривается вопрос о закрытии последнего в этом районе учебного заведения! Похоже, что весьма недалек тот день, когда окрестности вокруг Чичатского и Красногородского озер станут совершенно безлюдными, готовыми к приходу новых оккупантов — уже исчезли Брехалово, Смородовка, Торчек, Хитровка, оба Макаровых и множество других населенных пунктов. А к югу от Чичат — в Дуброво и Михалево осталось лишь по паре стариков, доживающих последние дни. И то же самое происходит повсюду. То есть по всей стране!..

Впрочем, фамилия ветерана умышленно не названа в данной повести, ведь она посвящена вовсе не какому-то конкретному человеку. Нет! Многолетняя работа проделана во имя светлой памяти бойцов и командиров, безвестно погибших возле крошечной речушки под названием «Лосьмянка»² и других многочисленных рек, озер, урочищ, гор, балочек, сопков, лесов, болот, сел, деревень, станций и городов, а также тех немногих фронтовиков, сражавшихся на передовой, которым довелось выжить в той страшной войне. Почему по-

весть не посвящена всем участникам Великой Отечественной? Читатель поймет это, прочитав всю повесть вместе со сносками....

Про подобных людей автор «Ваньки-ротного» сказал тридцать лет назад страшные слова: «...если вы увидите увешанного наградами, знайте, что любая из [них] имеет обратную сторону. Воевали и шли под свинец не те, кто погонял нас, ротных, по телефону, не те, кто рисовал на картах кружочки и стрелы, не те, кого стригли и помадили [в тылу]... Начальники... по телефону требовали, угрожали... расправой, крыли трёхэтажной матерщиной. А когда я являлся с докладом — снисходительно улыбались... иронично удивляясь... [и] не стеснялись прямо в глаза спросить:

— Ты ещё жив? А мы думали, что тебя убило! И деревню не взяли?.. Смотри[те] — он даже не ранен!..

Невидимая стена разделяла фронт на два лагеря. Одни сидели в тылу... за солдатскими спинами, а мы ценой своей жизни и крови добывали им деревни. Чем тупей и трусливей были они, тем настойчивей и свирепей, гнали... нас вперёд. Мы были жертвой их промахов, неумения и неразберихи. Все эти прифронтовые «фронтовики» и «окопники», должны [теперь] тихонько сидеть... гадить в галифе и помалкивать в тряпочку, о том, что они воевали и видели войну, чтобы ненароком не испачкаться в собственном дерьме... Я служил службу «погонялы» своих солдат на верную смерть. В этом я признаюсь, беру на себя вину [и] каюсь — на мне лежит этот тяжкий грех. А начальники мои перед солдатами остались не виновными. Они... не кричали, в атаку их... не гнали, трибуналом не пугали, [ведь] у них были для этого командиры рот — Ваньки ротные!.. Не думайте, что я что-либо сгущаю, мне иногда от обиды просто хочется всех подальше послать! Как они только выжили, сидя у нас за спиной?!.. Мы были тем мусором, цена жизни которого была мала и ничтожна...»

Автору удалось разыскать лишь одного из **ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫХ** ветеранов — «окопников» 135-й стрелковой дивизии, неоднократно видевшего врага сквозь прорезь прицела и смерть в рукопашных боях — полковника в отставке Дмитрия Андреевича Крупейни-

кова, проживающего сейчас в городе Ярославле. В марте—мае сорок второго 18-летний младший лейтенант воевал в должности командира взвода и роты 396-го стрелкового полка, затем, после выписки из медсанбата был ротным в 497-м полку — обе эти части сражались у деревень Залексоновка, Бор, Лосьмино, Гудилово, Глинцево, Воробьево вместе с подразделением, описанным в работе, представленной на суд читателя. Он, как и герой повести, выжил совершенно случайно, получив в течение двух недель три ранения, в результате последнего из которых был эвакуирован сначала в Торопец, затем в Калинин, а позже — в г. Горький. В дивизию Дмитрий Андреевич больше не вернулся, а его слова, сказанные автору 26.03.2008 г. после прочтения черновика данной повести, набросанного еще до поездки в коломенский музей, являются поистине высшей наградой, гораздо более ценной, чем общественное признание или вручение всевозможных медалей и орденов: «Спасибо вам за правду!»...

Полковник Д.А. Крупейников

Все остальные описанные в повести бойцы, командиры, военачальники и гражданские лица также являются историческими персонажами. Единственное исключение среди них — военнослужащие 3-й батареи 45-мм противотанковых пушек 173-го отдельного противотанкового дивизиона, или, как значится на оттиске печати этой части, найденном в одном воронежском архиве — «Отдельный 173-й дивизион ПТО». Установить имена этих давно умерших лю-

³Продолжают они гибнуть и сейчас — 26.10.2007 года между деревнями Лосьмино и Демяхи (местные жители называют ее ДемехИ, так же, как и Лосьмино с ударением на последнем слоге, поэтому именно под этим названием первый н.п. проходит во всех военных сводках) от случайного взрыва снаряда погиб руководитель поискового объединения Бельского района Сергей Васильевич Жаров. Вечная память этому офицеру Российской армии, после увольнения из войск в «лихие девяностые» посвятившему всю свою жизнь распутыванию невероятно запутанных клубков истории боев в Бельском районе! А также захоронению погибших воинов и обезвреживанию взрывоопасных предметов. Им только однажды было сдано в местную милицию 480 килограммов тротила!

дей, ставших «...просто землей и травой», кроме случайно выжившего в сорок втором комбата пока не удалось из-за особенностей учета безвозвратных потерь в «болотной» дивизии. Но об этом ниже...

Бельский район Смоленской области³ в годы войны советские воины называли «долиной смерти», а немцы — «долиной ада».

ТРК «Пилот», Архив новостей, 16.08.2007 г.

Петр Иосифович ненавидел войну каждой клеточкой своего организма. Ему внушали отвращение войны освободительные и захватнические, справедливые, и не очень — все они вызывали неприятие, и это несмотря на то, что он был профессиональным военным. Еще в середине двадцатых годов молодой человек закончил так называемую «нормальную военную школу» в г. Харькове, после выпуска из которой получил звание «комвзвода» и по два рубиновых «кубаря» в петлицы. Назначенный на должность комначсостава Петр несколько лет принимал участие в «Первой гражданской», когда дрался с «белобандитами» на Северном Кавказе. Участвовал он пятнадцатью годами позже и в той войне, что вошла в историю нашей страны, как «Великая Отечественная», в Западную под названием

³ Бельский и Ильинские районы СО после войны были переданы Великолукской, а в 1958 — Калининской, ныне Тверской области. Некоторые территории Холм — Жирковского района КО — в состав СО. Территории Кировского района КО сейчас входят в Селижаровский, а Молодотудский — в Оленинский районы Тверской области.

Вот что А.И. Шумилин сообщает о местности, где в апреле-мае вели боевые действия 134-я, 135-я и 234-я сд 4-й УА: «Дорога из Белого на Смоленск шла по твердой земле. Сначала она обходила Батуринские болота по краю холмистого поля, потом...постепенно забиралась всё выше. И где-то в районе Батурино — Пречистое переползала через водораздел. Деревня Батурино стояла на господствующей высоте. Справа к дороге подходили леса и болота.... Батуринские леса долгое время никем не были заняты. В них скрывались в основном местные дезертиры. Одного взгляда на карту достаточно, чтобы понять, что на север и запад от края дороги простираются обширные заболоченные земли и непроходимые леса». Субъективное впечатление автора повести — местность довольно сильно пересеченная — нескончаемые болота, озера, многочисленные реки и ручьи почти непрерывно чередуются высотами, густо покрытыми молодой порослью — и все эти достопримечательности располагались среди множества бывших, а на сей день — немногочисленных населенных пунктов. Болота из-за структуры почвы часто находятся прямо на вершинах господствующих высот. Но в 42-м такой обильной растительности, по свидетельству местных жителей, не существовало — вся местность в районе реки Лосьмянки была открытой. Леса начались лишь к северу от Лосьмино.... А вот как описывал в газете «Правда» за 14.03.1943 город Белый писатель Борис Полевой: «Мы долго ходили по этой огромной, обгорелой, еще дымящейся развалине, которая до немецкого нашествия была живым, живописным и бойким городком. На улицах не видно ни одного жителя. Город мертв...». Еще одно свидетельство — Н.П. Чмаровой, касающееся деревни Цицино, находившейся когда-то рядом с Плоским, в «Долине смерти»: «...свою местность признать не можем... ни дерева, ни кустика — все сожжено... Снегу нигде не было: зимой у нас весь снег сжигало. Только лунки черные.... Некоторые совсем не могли узнать, где жили».

«Вторая мировая», а в историю белой эмиграции, как «Вторая гражданская». Она, кровавым Молохом прошедшая практически по каждой советской семье, искалечила не только тело Петра, но и его душу.

Читая через много лет после войны приглашенные историками описания шедших в те месяцы жарких схваток, Петр Иосифович вспоминал, как все было в действительности... Конечно, он не мог тогда знать всего масштаба проводимых к западу от Москвы операций, и лишь по прошествии времени постиг, сколько советских людей было втянуто в те кровопролитные сражения. Ведь общее руководство войсками Западного и Калининского фронтов осуществлял Г.К. Жуков, который по свидетельству многих сослуживцев, «...в крови брода никогда не искал». Еще про будущего маршала говорили, что он не может остановиться, пока хоть кто-то из личного состава подчиненных ему частей еще остается целым и невредимым. Петр Иосифович в глубине души даже порадовался, что не был лично знаком с этим жестким человеком, лишь один раз довелось ему увидеть Георгия Константиновича в двадцатые годы перед строем полка — в составе какой-то комиссии.

«Так!.. Что же историки и военачальники пишут про Ржевско-Вяземскую операцию?.. — подумал он, решив впервые прочесть официальную советскую историю битвы под Москвой, — ага, вот что»: «Вначале успех сопутствовал Красной Армии. Однако к концу января ситуация резко изменилась. Немецко-фашистское командование спешно перебросило из Западной Европы 12 дивизий и 2 бригады. В результате контрударов 33-я армия и 1-й гвардейский кавалерийский корпус оказались в окружении, а севернее этого «котла» лишь узкий коридор связывал 22-ю, 29-ю, 39-ю армии и 11-й КК со своими войсками. На картах военного времени появился Ржевско-Вяземский плацдарм. Из словаря-справочника «Великая Отечественная война 1941-1945»: «Ржевско-Вяземский плацдарм, выступ, образовавшийся в обороне немецко-фашистских войск в ходе наступления советских войск зимой 1941-1942 г.г. на западном направлении. Ржевско-Вяземский плацдарм имел размеры до 160 км в глубину и до 200 км по фронту у основания. Зимой 1942—1943 здесь было сосредоточено около 2/3 войск группы армий «Центр». Против этой группировки действовали основные силы Калининского и Западного фронтов. В этом же ряду — огромное количество советских армий, принимавших участие в боевых действиях: есть сведения о почти двадцати, включая ударные и воздушные».

И еще: «С 8 января по 20 апреля 1942 года войска Калининского (32-е стрелковые и 5-ть кавалерийских дивизий, 4-е танковые бригады, всего 346,1 тысяч человек) и Западного (45-ть стрелковых, 12-ть кавалерийских и 1-а танковая дивизий, 26-ть стрелковые бригады, 2-е воздушно-десантные бригады и 14-ть танковых бригад, всего 713,1 тысяч человек) фронтов (Всего 95 дивизий, 46 бригад, 1059,2 тысяч человек, около 11 тысяч орудий и минометов, 474 танка) провели Ржевско-Вяземскую стратегическую наступательную операцию с целью разгрома главных сил немецкой группы армий «Центр». Операция являлась частью битвы под Москвой. Немецкая группировка включала: 625 тысяч человек, около 11 тысяч орудий и минометов, 354 танка, 350 самолетов. Командовал ею генерал-фельдмаршал Г. фон Клюге. Операция советских войск проводилась без оперативной паузы после завершения Московской стратегической наступательной операции. В результате проведенных боев, несмотря на незавершенность, советские войска нанесли поражение шестнадцати дивизиям противника, продвинулись на запад на 80-250 км, полностью освободили Московскую и Тульскую области, многие районы Калининской и Смоленской областей. В то же время не удалось окружить и полностью разгромить противостоящую группировку немецких войск, что было обусловлено недостатком танковых соединений и, как следствие, низкими темпами наступления

**Памятник воинам 262 сд на дороге между дд. Пушкари и Нестерово.
На этом участке в июле 42-го вышли из окружения многие другие части,
в том числе 17 гв., 135, 179 сд, 24 кд, 21 тбр.**

ударной группировки фронтов, составлявшими в среднем 1–2,5 км в сутки. Глубокий охват группы армий «Центр» противника, потерявшей более 330 тысяч человек убитыми и ранеными, поставил ее в невыгодное оперативное положение. Уже в ходе боевых действий были введены управления 3-й и 4-й Ударных армий, 29 дивизий и 33 бригады. В рамках операции проведены Сычевско-Вяземская, Можайско-Вяземская, а также Вяземская воздушно-десантная и Ржевская операции».

Петр не мог без слез⁴ вспоминать бои, в которых ему довелось участвовать в феврале–апреле сорок второго на территории Калининской и Смоленской областей, не любил встречаться с другими ветеранами 135-й «Краковской» Краснознаменной стрелковой дивизии. Ведь из тех людей, с которыми он плечом к плечу бился в кровавых сражениях, не уцелел, практически, никто. Из всей своей части Петр Иосифович в послевоенные годы встретил только бывшего водителя командира 173-го противотанкового дивизиона. Выжили лишь они вдвоем, да еще сын полка дивизиона, которому после окончания войны было около шестнадцати лет. Впрочем, эта цифра – трое уцелевших из дивизиона 2-го формирования была неудивительна, ведь только в ходе операции немецких войск «Зейдлиц» под городом Белым с 1 по 10 июля 1942 безвозвратные потери дивизии составили 4088 человек убитыми и пропавшими без вести. В те трагические дни – 5–6 июля, когда атакующие части германских 2-й танковой и 246-й пехотной дивизии соединились возле деревни Пушкари с частями XXIII-го немецкого корпуса, его родное соединение в очередной раз попало в окружение.

Вражеский армейский корпус под командованием генерала Шуберта 2-го июля начал наступление вместе с Западной группой – частью 110-й дивизии генерала Гильберта, 1-й танковой дивизией генерал-майора Крюгера, 102-й дивизией генерала Фриснера и Восточной – 5-й танковой дивизией генерала Фена с кавалерийской бригадой 9-й армии, специально сформированной для этой операции. Поддерживали наступление немецкие пикирующие бомбардировщики, а ударившая от Белого группа генерала фон Эзебека⁵ двинулась сначала на восток, а затем, изменив направление, пошла на

⁴ При прочтении повести у читателя может возникнуть ощущение, что герой произведения слишком часто «пускает слезу». Аналогичные ситуации возникают, когда приходится общаться с другими ветеранами-«окопниками». Пример: Иван Степанович Павленко – бывший командир подразделения связи, вспоминал в марте 2008, как его радиовзвод в Абхазии с боями выходил с очередного перевала. (Подробности – в «Связисте»). Рассказывая о пережитом, Иван Степанович сам заплакал, у него подскочило давление и автору пришлось перенести разговор на более поздний срок.

север. 135-я в те дни получила удар в спину в самый критический момент своего наступления — когда исход сражения, по Наполеону, решает один-единственный сохранившийся в резерве батальон. Она была окружена вместе с 17-й гвардейской дивизией, с которой плечом к плечу сражалась уже несколько месяцев у этого древнего русского города. А еще 24-й кавалерийской дивизией и 21-й отдельной танковой бригадой — все эти четыре соединения обороняли назначенный им рубеж, располагаясь на левом фланге 41-й армии Калининского фронта. В армию генерала Тарасова входили еще 134-я, 179-я и 234-я⁶ стрелковые дивизии, полукольцом располагаясь вок-

⁵ Немцкая 2-я ТД по официальной версии в мае 42-го была передислоцирована под г. Белый, заменив 7-ю ТД. Она действовала в этом районе вместе с 246-й пд до августа, когда была снова выведена под г. Ржев, в резерв 9-й А. Однако по воспоминаниям военнослужащих 135-й сд подразделения 2-й тд, поддержанные авиацией, вступили в бой уже 29-го апреля на рубеже: Околица — Красногородка — Воробьево — Глинцево. 2-я танковая дивизия была сформирована в октябре 1935 и состояла из 3-го тп, 2-го и 304-го мпп двух батальонных составов, 74-го ап, состоявшего из трех адн, других подразделений обеспечения и непосредственной поддержки. До 1 июня ею командовал генерал фон Эзебек, назначенный в мае командующим боевой группы в составе: 2-й тд и 246-й пд, других подразделений огневой поддержки и обеспечения, действующих на участке: г. Смоленск — г. Белый. С 1.06. по 5.09.1942 2-й тд командовал генерал-лейтенант Арно фон Ленски.

246-я пд Вермахта была соединением 3-й волны, не имевшим 50-мм ПТП ни в полках, ни в истребительно-противотанковом дивизионе. Она была оснащена трофейными и французскими автомобилями. Состав дивизии: 313-й, 352-й, 404-й пп, 246-й ап, 246-е саперный, противотанковый и другие отдельные батальоны (дивизионы). С декабря 41-го по май 43-го 246-й командовал генерал-майор Максимилиан Зиры (1891-1967). Дивизия была подготовлена к отправке на восток в начале декабря 1941, и прибыла в Витебск в январе. С февраля 1942 по январь 1943 она входила в состав немецкой 9-й А генерала Моделя и действовала в районе: Белый — Демяхи — Лосьино — Пречистое и далее до г. Смоленска. Зимой — весной 42-го дивизия активно участвовала «... в уничтожении окруженных советских войск и отдельных немецких наступательных операциях». С мая была включена в группу генерала Эзебека. В ходе «Зейдлица» в июле 42-го во взаимодействии со 2-й тд участвовала в разгроме советских соединений — 17-й гвардейской, 135-й сд, 24-й кд и 21-й тбр.

Как могла группа Эзебека с 1-й тд при этом окружить четыре соединения только 41-й А, а именно это следует из приводящейся на немецких картах обстановки неясно. Ответ на этот вопрос, вероятно, необходимо рассматривать в плоскости фактической численности войск. Э. Манштейн в своей книге «Утерянные победы» предлагает читателю считать советский корпус по численности приблизительно равным немецкой дивизии. Однако приведенный пример показывает, что немецкая 246-я пд не смогла бы окружить и уничтожить полнокровные левофланговые части 41-й А, которые в таком случае были бы равны по численности армейскому корпусу. Так что все не так однозначно!

⁶ О 234-й сд группы Колпакчи известно, что в середине апреля эта дивизия удерживала участок обороны в районе Карасева, Баушкина, Гаврово, Торчилово — севернее Пречистого. Ей было приказано уничтожить противника в н.п. Селище, Тарчин, овладеть Федотовкой и не допустить противника вдоль большака на Новоселки — Сутоки (ЦАМО Ф.135 сд, оп.1. д.6, л.1). В этот период ее 549-м омсб велась «Книга погребения с 19.01.1942 по 31.12.1942» на 32 страницах. Хоронили умерших бойцов и командиров в марте-апреле в д. Юганово Велижского сельсовета Пречистенского района СО. (ЦАМО, Ф. 58 оп. А-0071693 д. 2450). А в апреле-мае-июне соединение по-прежнему сражалось у дд. Баушкино, Извоз (Узвоз), Песчива Пречистенского района СО — вместе с д. Юганово названные н.п. находятся северо-западнее, севернее и северо-западнее с. Пречистое (ЦАМО, Ф. 58 оп. 818883 д. 1347)

руг города с задачей — уничтожить Бельскую группировку противника. Ближайшими к ее левому флангу были находившиеся северо-восточнее соединения 39-й армии генерала Масленникова, почти в полном составе попавшие в окружение.

Группа Эзебека соединилась с вражеским армейским корпусом, во взаимодействии с 1-й танковой дивизией Вермахта разгромила 17-ю гв. сд вместе со 135-й и, сильно потрепав северо-восточнее Пушкарей 134-ю сд, замкнула за частью войск 22-й и 41-й армий огненное кольцо. С 7 по 9 июля, с боями выйдя из «котла», «болотная дивизия» имела в своем составе живыми всего лишь около 1000 человек⁷, а соединились ее остатки с войсками Калининского фронта в районе деревни Льба, после ряда ожесточенных боев — на участке между Пушкарями и Нестерово, и в промежутке между дд. Нарцы и Лейкино.

Сам Петр Иосифович в том страшном году лишь чудом остался в живых, спасенный от неизбежной смерти «владимирцами». Кем

⁷ По данным А.С. Паршинского 7-8 июля из окружения вышло около 1500 рядовых, до 500 человек младшего командного состава и менее 500 — среднего. Кроме того, он отмечает, что позже из котла выходили еще военнослужащие дивизии. Конечно, такие огромные потери не были единичными в трудном боевом пути 135-й. Ее 1-е формирование (1ф) было создано на базе 25-й «Чапаевской» сд в Прилуках в августе-сентябре 1939. На 27.10.1940 в ее составе находилось: начсостава — 978, младшего начсостава — 1015, рядовых — 9530 человек, винтовок — 8189, револьверов — 784, пулеметов — 595, орудий — 173, минометов — 74, лошадей — 2875, танкеток Т-37 — 16, броневых автомобилей — 12, автомобилей — 218, тракторов — 36, мотоциклов — 4. Командиром дивизии был назначен генерал-майор Федор Никандрович Смахотворнов. В состав 135-й входили: 396, 497, 791-е сп, 184-й гап, 276-й ап, 120-й орб, 168-й обс, 157-й осапб. С началом войны дивизия, находящаяся в составе 27-го СК 5-й А КОВО находилась в 90 километрах от границы, а на 23-е она располагалась в лесу западнее Торчина. Дивизия получила задачу: совершить марш по лесам западнее Луцка, и к 23-му июня вместе с 19-й тд из состава 22-го МК (сосредоточенного без 41-й ТД в г. Луцке), во взаимодействии с другими соединениями 5-й А «...разгромить Владимир-Вольнскую группировку противника и восстановить положение на границе». Однако лишь 19-я тд и 135-я сд к середине дня 24-го были готовы начать наступление — упомянутые в приказе Г.К. Жукова два МК и два СК были к тому моменту уже разгромлены противником. А 19-я танковая имела в своем составе лишь 45-ть Т-26 и 12-ть бронемашин — при том, что к 22.06.1941 танков в дивизии было 163 единицы — 34 БТ, 122 Т-26 и 7 «химических» — т.е. огнеметных танков, а стрелкового вооружения на 10.06. в ней значилось — 1449 винтовок обр. 1891 и 3273 винтовки обр. 1891/30, снайперских винтовок — 26, карабинов обр. 1938 — 184, ППД-40 — 148, СВТ — 972 единицы. Стрелковая 135-я имела в своем составе необычно много пистолетов-пулеметов ППД-40 — 422 единицы — почти полный штат (А.В. Исаев, «Десять мифов второй мировой»), и в момент начала наступления находилась на рубеже: Александровка — 3-км восточнее Войницы — Крухеничи — Локачи, а 19-я тд к 13-00 занимала лес севернее Шельбува. В 14-00 24 июня оба соединения с приданным 16-м сп 87-й сд при поддержке 1-й противотанковой бригады (ею командовал будущий маршал Москаленко, а располагалась бригада восточнее Александровки), с 460-м ап 27-го СК попытались атаковать немецкие соединения в направлении Владимира-Вольнского. Начальник штаба дивизии полковник Тищенко впоследствии доносил, что с 24.06.1941 года соединение, выдвигающееся из района «лагеря Новоурск» активно вело боевые действия в районе сел Войница, Пасека, Торчин, Вольнской области.

«В 17-00 противник, введя в бой танки,... атаковал 135-ю... и 19-ю танковую... В итоге двухчасового боя 19-я... потеряв большую часть своих танков, а 135-я... и 1-я птабр (оборонявшаяся

были эти люди, откуда они происходили, их имена — осталось для него неизвестным. Но он был благодарен незнакомым бойцам и командирам за то, что, выкопав его через несколько дней после боя из перепаханного снарядами и гусеницами танков окопа — раненого, контуженного, находящегося без сознания, они не позволили ему умереть на позиции. Кроме комбата, сменщики нашли невдалеке от его тела еще двоих тяжелораненых, которых они тоже доставили в полевое медицинское учреждение, или, как было впоследствии записано в личном деле Петра: «...с 27.04.1942... — госпиталь в селе

ясы у местечка Торчин — в 25 км западнее Луцка — примечание автора) — значительное количество личного состава и матчасти..., начали отходить на рубеж: Станиславовка, Ульяновки, Одероды — в 12-16 км западнее Луцка». (Владимирский А.В. «На киевском направлении. По опыту ведения боевых действий войсками 5-й А Юго-Западного фронта в июне-сентябре 1941», М., Воениздат, 1989). Заместитель командира 135-й — полковник Стеценко пропал без вести 24.06.1941, в тот же день погиб командир 791-го сп майор Серый, а командир 396-го полка подполковник Алексей Ефимович Яковлев был ранен на следующий день. К вечеру 25-го обескровленные части дивизии отошли на правый берег реки Стырь, где вновь были брошены в контрнаступление, но уже 26-го вместе с остатками 19-й тд и 460-го ап в панике бежали в направлении Ровно. Только энергичные меры командования армии во главе с генералом М.И. Потаповым остановили беспорядочное отступление этих частей. Сохранилось еще одно донесение НШ 135-й сд подполковника Дениса Васильевича Михайлова (№082 от 29.08.1941) о потерях — 334 человека, составленное в «...м. Борзня» (ЦАМО, Ф. 58 оп. 818884 д. 19), в котором упоминаются все те же Войница, Пасека, Торчин, и еще: в июле — с. Красноармейск Житомирской области, в августе — дд. Крожелино, Барды Коростеньского района, Новаци, Большаки, Топорище (все — Житомирской обл.) Затем 5-я армия отступала, 4 и 5 сентября 135-я «...с трудом отбивала атаки превосходящих сил противника в районе Горбово, Вибли, Пески», в районе г. Чернигова. Позже армия вновь попала в окружение, из которого в октябре 1941 года вышла с огромными потерями. Фактически, уже в те дни 135-я, как боевая единица, прекратила свое существование, и есть сведения, что из «...города Калач Воронежской области оставшихся в живых... [военнослужащих дивизии] направили под... Сталинград», а управление дивизии в г. Воронеже во главе с комдивом пошло на восстановление 45-й сд (ЦАМО, Ф. 229, оп. 209, д. 2, л. 405). 27.12.1941 135-я стрелковая дивизия (1ф) была расформирована.

В 1944 году в одном из Донесений 135-й сд (2ф), подписанных командиром дивизии полковником Ромашинным, НШ майором Мельниковым, начальником 4-го отдела капитаном административной службы Гусевым и членами комиссии сообщается, что 497-й сп дважды — в ноябре 1943 и январе 1944 попадал в окружения в Житомирской области. Безвозвратные потери полка каждый раз составляли до 1000 человек, из них, около 100 — убитыми, и примерно по 900 — пропавшими без вести. Все документы 497-го сп в обоих случаях уничтожались, хотя другие части дивизии, не попавшие в окружение, представили в штаб именные списки своих потерь, внесенные впоследствии в архивные фонды ЦАМО. Таким образом, только 497-й сп как боевая единица за короткий срок погибал дважды....

В донесениях 135-й сд (2ф) за 1942, кроме упомянутых, встречаются должностные лица:

- в 276-м ап, который располагался 9.09.1942 в Кировском районе, деревне Козлово КО: КП майор Бутенко, комиссар — бат. комиссар Бочков, НШ — капитан Колонтай.

- в 396-м сп, находившемся 13.08.1942 в деревне Кошелевка, а 23.10.1942 — в д. Пустыш-кино, Кировского района КО: КП майор..., Комиссар — бат. комиссар..., НШ полка к-н...(неразборчиво)

- в 497-м сп (29.05.1942 располагался в «...д. Петрушина Бельского района»), 9.11.1942 им командовал КП майор Шишков, НШ майор В. Тарасов. Еще есть сведения, что 497-й полк 29.05.1942 сражался возле д. Петрушина Бельского района.

Лосьмино, Пречистенского района Смоленской области». Наиболее вероятно, что это было ошибкой, так как находящееся рядом с местом боев село с таким названием значилось и значится лишь в Бельском районе. Также непонятно происхождение термина, которым называли себя его спасители⁸, но они сообщили персоналу только то, что стало известно впоследствии раненому командиру. Одновременно Петр постоянно размышлял о том, что напрасно ему позволили выжить, — смерть была бы для него избавлением от многолетних душевных страданий командира, не уберегшего от гибели ни одного из своих бойцов....

А больше всего он не любил выступать перед молодежью! Ведь его, как и других ветеранов Великой Отечественной войны, часто приглашали на подобные встречи. К первой из них он долго готовился, надеясь донести до подростков всю свою ненависть к войне! Но после того как Петр оказался с ребятами лицом к лицу, перед ним возникли образы погибших подчиненных, многие из которых были немногим старше сидящих напротив трибуны школьников. Когда бывшего комбата попросили рассказать о тех боях, он, вспомнив все, что произошло с его подразделением в конце апреля сорок второго, закрыл лицо руками и, захлебываясь в рыданиях, вымолвил только: «Это была мясорубка!» Потом он сразу же ушел с трибуны и никогда больше не ходил на подобные встречи, «доверив» их проведение другим фронтовикам, воевавшим, в основном, в последние годы войны⁹. А «мясорубка» осталась в памяти навсегда — именно такое кровавое определение окрашивало до конца жизни все воспоминания Петра о войне. Поэтому в семье его об этом не расспрашивал никто и никогда. Лишь изредка, забываясь, он по эпизодам описывал свой боевой путь и непростую судьбу..

Когда началась Великая Отечественная война, Петр Иосифович сразу же написал рапорт на откомандирование его в действующую

⁸ Наиболее вероятно, что «владимирцами» были бойцы и командиры 21-й отдельной танковой бригады. Ее боевой путь — см. http://artofwar.ru/editors/m/maa/text_0360.shtml. Многие из ветеранов 135-й сд помнят, что 21-я тбр сражалась вместе с дивизией, но наличие в составе наших войск в апрельско — майских боях танков не отмечает никто из них. Местные жители также подтверждают, что после войны в окрестных лесах находилось два десятка подбитых и сгоревших немецких танков и лишь один советский — «...в Гари, что на деревню Свиты».

⁹ Эта история была рассказана родственниками, присутствовавшими на встрече. И потому автор просто устал удивляться, до чего тесен наш мир. Приводимое ниже письмо было получено 21.03.2008 от потомка неоднократно упоминаемого в работе Александра Илича Шумилина: «...я Петра Иосифовича видел в тот момент. Год точно сказать не могу — или 1967, или 1968, а школа — имени космонавта Комарова. Недалеко, можно сказать — почти напротив станции метро «Прспект Мира», через дорогу напротив церкви. Я там учился в то время... Николай».

щую армию. Ведь он считал своим долгом, как кадровый военный, в этот тяжелый для страны период руководить подразделением на поле боя, а не сидеть в тылу, имея пожарную «бронь». Много раз за последующие месяцы он писал рапорта об отправке на фронт, но все они безжалостно отклонялись руководством Калининской городской пожарной охраны, где он проходил службу в должности Заместителя начальника по противовоздушной обороне. А после начала войны его еще назначили Начальником штаба Местной ПВО.

И вот, наконец-то, накануне эвакуации учреждений и «сдачи» советскими войсками города очередной рапорт старшего лейтенанта был удовлетворен! В октябре он прибыл на призывной пункт своей родной РККА. Вскоре его и других, как мобилизованных, так и прошедших лечение в местных госпиталях командиров уже везли на грузовике в часть, в составе которой Петру предстояло отправиться на фронт, грохотавший невдалеке.

За бортом мелькали города и села, пока еще не тронутые войной войска, передвигающиеся по шоссе Москва—Ленинград, и беженцы, нескончаемый поток гражданских лиц, пытающихся уйти в тыл от войны. Все это напомнило ему «белый» Ростов-на-Дону, где он жил будучи школьником, во времена Всевеликого Войска Донского атамана Краснова и «Ледяного» похода Добровольческой армии, да еще 20-е годы, когда в составе 25-й Чапаевской и 9-й Донской стрелковых дивизий он участвовал в боях с повстанцами. Попутчики, многие из которых недавно выписались из госпиталей, рассказывали по дороге про тяжелые приграничные сражения, большие потери наших войск, мужество и предательство, героизм и трусость, делились боевым опытом со своими боевыми братьями, с которыми им предстояло в ближайшие месяцы снова идти в бой. Один из них — пехотный капитан, почему-то абсолютно уверенный в своей скорой гибели, — заставил Петра вспомнить о пройденном им жизненном пути. Ведь пришло, похоже, время подводить итоги!..

Петр Иосифович родился в старинной польской шляхетской семье. Род их вел свое происхождение от рыцаря, пришедшего в Польшу, под город Краков из Моравии, и был известен с 880 года от Рождества Христова. Позже его предки поселились в Мстиславском воеводстве Великого княжества Литовского, Русского и Жемайтского, а после присоединения в XVIII веке восточных земель Речи Посполитой к Российской империи им было подтверждено дворянство российским Департаментом герольдии. Семья Петра тогда была вне-

сена в 6-ю часть Родословных книг Могилевской губернии, и это была та часть, в которую заносились только очень древние рода, причисленные к дворянскому сословию не менее, чем за двести лет до этого события. Все братья его деда в XIX веке остались жить в имении Скураты, что рядом с городом Могилевом, в отличие от самого Томаша, сына Юзефа (Фомы Иосифовича), который имел «неосторожность» принять участие в восстании 1863 года, и был вынужден, опасаясь ареста, а также конфискации родовой собственности покинуть отчий дом. Братья от него по той же причине сразу отреклись, а еще он был лишен потомственного дворянства. Впрочем, на новом месте дед быстро продвинулся по служебной лестнице и вновь стал дворянином, правда, уже так называемым «личным». Потеряв все связи с родными-католиками и женившись на православной русской женщине, он тем не менее своего первенца по многолетней семейной традиции назвал Юзефом, или как его звали в детстве — Юзиком.

Поэтому отец Петра — Иосиф Фомич — несмотря на то, что считал себя поляком, был православного вероисповедания, так же, как его жена — донская казачка и родившиеся с разницей в шесть лет сыновья. Своего первенца, как и дед, по все той же древней семейной традиции он назвал Томашем, в русском варианте — Фомой. В 1910 году отец Петра был избран профессором Варшавского университета, с началом 1-й Мировой войны служил в Анатомио-бактериологической лаборатории Западного фронта русской армии и «за службу» был награжден орденом Святого Станислава 2-й степени. В мае-июне 1915 года он вскрывал трупы погибших в результате газовой атаки немцев в Булимовском лесу под Варшавой. Его публикации по данной теме, а также диссертация ученика и друга Шалвы Иосифовича Криницкого впоследствии были использованы советским правительством для принятия в Лиге Наций так называемых «Женевских протоколов 1925 года о запрете применения химического оружия».

После эвакуации университета из Варшавы Петр вместе с родителями и братом Фомой оказался в городе Ростове-на-Дону. Отец за два последующих года построил и основал в этом городе институт, стал первым деканом впервые созданного в регионе Университета, но внезапно умер, заразившись сыпным тифом. Петр помнил, как отца отпевали в Александро-Невском, так называемом «Новом» соборе Ростова-на-Дону, как огромная процессия шла вслед за гробом, провожая безвременно скончавшегося ученого в последний путь.

Помнил речи над открытой могилой, особенно глубокое впечатление произвели на него слова и сопереживание близких друзей отца — молодого доктора медицины Ш.И. Криницкого и пожилого профессора А.А. Жандра. Вспомнил холмик над свежезарытой могилой, и свой ужас — только в тот момент он понял, что стал сиротой. Впрочем, коллеги не оставили семью профессора без средств к существованию, и добились назначения пенсии вначале от Университета, потом от Всевеликого войска Донского, а затем и Советской власти!

Старший брат в 1920 году, во время обучения на медицинском факультете того же высшего учебного заведения был направлен на практику в санчасть советской IX армии в город Екатеринодар. Мать тоже была вынуждена пойти трудиться, и даже 14-летний Петр, не закончив школы, пошел зарабатывать на жизнь в Университет помощником препаратора. Но вскоре он был направлен биржей труда на курсы тракторного дела, одновременно получил среднее образование, а после завершения обучения работал инструктором в совхозе «имени Артема» в Донбассе. В отличие от своего брата, записавшего при советской власти в свою графу национальности — «русский», Петр всю жизнь во всех документах значился поляком, как его отец, дед, прадед. И репрессиям он ни из-за происхождения, ни из-за пятой графы, в отличие от многих, кто сейчас утверждает обратное, не подвергался никогда! Впрочем, он особо не афишировал своего дворянского происхождения....

А вскоре Петр решил связать свою жизнь со службой в армии. Повлияло на это, кроме «левых» убеждений в семье еще при жизни отца, общение с его сослуживцем и старинным другом еще по петербургской Военно-медицинской академии — профессором медицины Варшавского, а затем Донского университета Александром Жандром¹⁰.

Именно Александр Андреевич еще при жизни отца говорил одиннадцатилетнему Петру, что каждый патриот должен послужить в вооруженных силах своей Страны. Еще он сказал тогда подростку: «...Если ты пойдешь служить в русскую армию, неважно, как она будет тогда называться, и примешь присягу — то или исполний ее до последнего вздоха, или не принимай никогда!» Правда, несмотря на столь лояльные к новой власти взгляды, большевики не «простили» Александру Андреевичу его офицерского прошлого, он был арестован и расстрелян по решению коллегии ДонЧеКа в августе 1920 года. Но эта бессмысленная казнь поистине великого гражданина нашего Отечества была единственным, с чем был категорически не согласен

Петр во взаимоотношениях с новой властью! Петр принял революцию всем сердцем, до конца своей жизни был стойким атеистом, кроме того, уже после войны вступил в ряды ВКП (б)!

Петр – командир роты, начало 30-х

А что же Красная армия? Уже в 1924 году она была очень сильно сокращена — из трех с лишним миллионов штыков и сабель в строю осталось менее полумиллиона человек. Тем не менее Петру, приписавшему себе два года к возрасту и числившемуся с тех пор рожденным в 1905 году, удалось поступить добровольцем на службу в 25-ю стрелковую дивизию¹¹, которой командовал до самой своей гибели легендарный советский полководец Василий Иванович

¹⁰ А. А. Жандр родился 26.12.1855 года по старому стилю в г. Санкт-Петербурге в семье сенатора. С 1860 года был пажом Высочайшего Двора, затем корнетом Лейб — гвардии Уланского полка (1873), участвовал в русско-турецкой войне 1877-78 годов, был ранен. Награжден за участие в боях Орденом Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом, орденом Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», румынским Железным крестом. В 1882 году А.А. окончил физико-математический факультет Санкт — Петербургского университета, одновременно стал магистром зоологии. В 1890 году он окончил Императорскую Военно-медицинскую академию, стал профессором. Преподавал в Александровском кадетском корпусе и Императорской Военно-медицинской академии, был ординатором военного госпиталя и полковым врачом. Являлся соредктором «Русского физиологического журнала имени И.М. Сеченова». Вновь был награжден орденами: Святого Станислава 2-й степени, Святой Анны 3-й степени. Участвовал в создании Саратовского и Донского Университетов, а в Великую войну стал врачом госпиталя Французского Красного Креста.

¹¹ История 25-й сд до начала ВОВ — см. http://artofwar.ru/editors/m/maa/text_0340.shtml

Чапаев. Лишь надев на себя буро-серую солдатскую шинель с «разговорами», красноармейскими петлицами и шевроном на левом рукаве с изображением восходящего солнца, а на голову – суконную буденовку с красной эмалевой звездой, Петр понял, что свершилась мечта его жизни – он стал кадровым военным.

Из Полтавы Петр в октябре 1924 был направлен в г. Харьков, где в течение года обучался на красного командира в военной школе, как тогда назывались военные училища, созданные М.В. Фрунзе. В те дни их в городе было два – Харьковская школа Червонных старшин и Украинская военно-подготовительная школа. Сам Наркомвоенмор до своей смерти состоял в последней из них членом партийной организации. Про данное военно-учебное заведение известно немного. Создано в мае 1924 года «...на базе Харьковской пехотной школы(?) и 9-х пехотных Сумских командных курсов» в соответствии с приказом РВС Республики. Предназначалось для обучения будущих курсантов военно-учебных заведений с 3-годовичным сроком обучения. В школу принимались подростки 15–18 лет по направлению ЛКСМ (У), как правило, воспитанники детских домов, дети военных и рабочих. А также красноармейцы, имеющие хотя бы начальное образование, направляемые воинскими частями для обучения. В декабре 1925 года эта военная школа переехала в Полтаву. Закончив военно-учебное заведение, и всего лишь через год учебы, в октябре 1925 года Петр был назначен командиром взвода вновь в 25-ю стрелковую дивизию и, хорошо зарекомендовав себя на первой должности начсостава, в апреле 1927 года стал командиром роты в 9-й Донской сд¹².

В этих двух соединениях он и познакомился со многими будущими полководцами РККА, ведь «краскомов» в пятисоттысячных Вооруженных силах было немного и все они, практически, были знакомы друг с другом. Так, в 9-й Донской стрелковой дивизии вместе с Петром проходили службу будущие Герои Советского Союза – К.А. Мерецков и Н.Ф. Грухин. В ней же с 1920 по 1929 год прошел практически все ступени служебной лестницы: командира взвода, роты, начальника полковой школы, командира батальона 26-го Ленинградского стрелкового полка другой будущий Герой Советского Союза – небезызвестный А.А. Власов. Первым командиром роты у Петра был ставший впоследствии генерал-полковником артиллерии и руководителем Всесоюзной игры «Зарница» Н.А. Хлебников. А, кроме того, в подразделениях обеих дивизий было много коман-

диров – бывших «ЧОНовцев», и оба эти соединения в двадцатые годы немало повоевали, подавляя восстания крестьян Украины, казаков Дона, Кубани, Терека и жителей Кавказа против советской власти. Чапаевская дивизия в год поступления Петра на службу была переведена на территориально-милицейские штаты и стала комплектоваться добровольцами, поступающими на военную службу до пенсии, то есть фактически стала профессиональной. 25-я имела в тот момент сильно сокращенный состав – 6516 человек, и до 1925 года являлась дивизией ЧОН – эти войска были созданы в 21-м году по решению X съезда РКП (б).

9-я Донская стрелковая дивизия в конце 20-х преследовала и уничтожала «белобандитов» на Северном Кавказе, Кубани и Дону. Ведь мало для кого секрет, что на территории той же Чечено-Ингушской АССР повстанческое движение существовало не только в 20-е, но в 30-е и даже 40-е годы. Особенно кровопролитные бои на Дону, Кубани и Тереке шли в 1929–1933 годах, после начала коллективизации. Бойцов и командиров подразделений, участвовавших в боях с повстанцами, в 9-й СД по старой памяти называли «чоновцами».

Старший брат Петра – Фома – с 1925 по 1927 год тоже служил в Красной армии в должности «врача-одногодичника» и был прикомандирован к Военно-Химическому управлению РККА. Занимался он всю свою службу, что в 20-е, что в 40-е годы, разработкой новых боевых отравляющих веществ для армии молодого государства рабочих и крестьян. Получив в ходе своей научной деятельности тяжелое поражение внутренних органов, он умер в 1953 году.

Одновременно со службой в армии Петр Иосифович успел заочно окончить два курса медицинского факультета Донского Университета и даже перейти на третий... Но боевые походы и сабельные рубки с «белобандитами» не прошли бесследно, в результате чего Петр заболел туберкулезом. Несколько месяцев он лечился в Ростовском-на-Дону окружном военном госпитале, затем – в санатории «Ясная поляна» в Крыму, а позже был уволен в запас. В Университет Петр больше не вернулся, после поисков работы поступил на службу инструктором военного дела в Союз Воинствующих безбожников (СВБ) – организацию, занимавшуюся борьбой с религией и уничтожавшей церкви по всей России. Вскоре после его прихода в эту организацию ростовским отделением СВБ был снесен Собор Александра Невского, удивительное по своей красоте архитектурное сооружение, построенное по проекту академика А.А. Яценко в 1908 году и расписанное по эскизам братьев

¹² История 9-я Донской сд – см. http://artofwar.ru/editors/m/maa/text_0350.shtml

Васнецовых. Именно в этом величественном соборе отпевали отца Петра в год его смерти! Участие в подобных преступлениях против духовной жизни народов России сильно аукнулось впоследствии в судьбе красного командира.

Потом была служба в должностях военного руководителя и начальника ПВО различных организаций: системе ОСОАВИАХИМ, Московской, Забайкальской железной дороги, на КВЖД в городе Харбине, физкультурном техникуме в подмосковной Малаховке. Наконец Петр, окончательно вылечившись от туберкулеза, вновь пошел служить — на этот раз в Калининскую городскую пожарную охрану НКВД. Перед этим он женился на бывшей крестьянке Горкинского уезда Тверской губернии Анне, и в 1937 году у молодоженов появилась дочь...

Сидя в кузове «полторки», Петр Иосифович снова и снова с тоской вспоминал свою четырехлетнюю дочурку и красавицу-жену. Ему удалось эвакуировать семью вместе со всем персоналом госучреждений г. Калинина в Горьковскую область, к родственникам сестры жены — Тони. Муж последней — лейтенант Алексей Миронов, выпускник 1941 года Калининского военного училища — был тяжело ранен в Белоруссии и умер осенью от заражения крови в госпитале города Коврова Владимирской области. «Жаль, что Тоня не успела родить ребенка от Алексея, остались Мироновы без наследника... Какое счастье, что у нас с Анной есть дочь, хоть кто-то после моей гибели останется жить на этом свете!», — думал Петр, ведь он был профессионалом, и у него не было сомнений в своей будущей судьбе. Лишь в глубине души у него теплилась надежда остаться в живых в этой катастрофически начавшейся войне...

А тем временем машина въехала в ворота воинской части — конечную точку их маршрута. Выяснилось, что Петр прибыл для прохождения дальнейшей службы в 30-ю запасную стрелковую бригаду, располагающуюся в Гороховецких лагерях, в резерве Московского военного округа. Про эти лагеря писатель-фронтовик Борис Слуцкий¹³ впоследствии писал:

На Гороховец, что с дрожью по коже,
Вспоминают фронтовики...
...На Гороховец, Горьковской области.
(Такое место на карте есть)
Оттуда рвутся на фронт не из доблести,
А просто, чтобы каши вдоволь поесть.

Лейтенант А. Миронов, 1941 г.

Из запасной бригады он был направлен в город Горький и там, на эвакуированных в тыл ленинградских Курсах усовершенствования начсостава (КУСНАС) — филиале Высших командирских курсов «Выстрел», Петр превратился из кавалериста — рубаки и пехотинца-стрелка — в артиллериста. Ему даже удалось в последний раз повидать семью в Лысковском районе, а в конце декабря после успешного окончания сборов Петр оказался в городе Коломне, в уже сформированном отдельном противотанковом дивизионе, получившем вскоре 173-й номер. Военком штаба дивизии батальонный комиссар Озерный с начальником артиллерии по фамилии Чевгус предложили ему занять место начальника службы артиллерийского снабжения. Старший лейтенант согласился, и вскоре начальник 4-го отделения интендант 3-го ранга Гусев передал ему выданное в штабе черное коленкоровое удостоверение, где он был вписан в качестве лица, занимающего вышеуказанную должность. На новом месте в его подчинении было еще четверо лиц командсостава и походные артиллерийские мастерские, включавшие в себя шесть командиров

¹³ Упомянута работа, опубликованная в книге: «Стихотворения». М., 1989, с. 216. Город Гороховец находится западнее г. Горького, на этом полигоне было сформировано большое число частей и соединений Московского военного округа, особенно артиллерийских.

среднего звена, а также четыре десятка сержантов и рядовых. Однако в связи с тем, что в противотанковом дивизионе катастрофически не хватало подготовленных артиллеристов — командиров огневых батарей, то вскоре старшего лейтенанта, как и почти всех других прошедших КУСНАС, назначили командиром 3-й батареи 45-мм пушек дивизиона¹⁴.

Петр Иосифович с семьей, 1941 г.

Дивизион располагался в длинном одноэтажном кирпичном здании невдалеке от железнодорожной станции Старая Коломна. Командовал им Георгий Григорьевич Мисюра — черноволосый, с усами «а-ля Семен Михайлович Буденный» армейский капитан. После утверждения декабрьских штатов дивизион был введен в состав 401-й стрелковой дивизии, сформированной в Приволжском военном округе и в декабре переброшенной в Коломну. В ходе передислокации соединение было переименовано в 135-ю стрелковую

¹⁴ Батарея 45-мм противотанковых пушек дивизиона (штат 4/400-416 от 5.04.1941) состояла из управления — восьми человек, трех огневых взводов по два расчета 45-мм противотанковых пушек и двух транспортных отделений — автомобильного и тракторного в каждом. Всего в каждом огневом взводе по штату было 17 человек, две ПТП, две «полоторки» и два трактора Т-20 «Комсомолец», а всего в батарее — 59 человек личного состава, 6 ПТП, 6 «полоторок» и 6 тракторов, 9 пистолетов, 3 пистолета — пулемета (у командиров взводов), 47 карабинов обр. 1938 года. Правда, вместо автотракторной техники 173-й дивизион был сразу укомплектован гужевым транспортом, и снабжен орудийными передками. 45-мм ПТП образца 1937 года (53-К) производилась в подмосковных Подлипках, на заводе имени Калинина (№ 8). ТТХ: вес в боевом положении — 560 кг, походном — 1200 кг, дальность стрельбы — до 4,6 км, начальная скорость 1,43 кг бронебойного снаряда — 760 м/с, боевая скорострельность — 15-20 выстрелов в минуту. Выстрелы к орудию промышленностью выпускались: бронебойные калиберные, бронебойные подкалиберные (с весны 1942), осколочные, картечные, дымовые, бронебойно-химические. Бронепробиваемость на дальности 500 м (по немецким данным, где 53-К применялась под маркой 4,5 см Kw.K.184r) по броне с наклоном в 30° составляла 35 мм. (Шунков В. Н. Оружие Красной Армии. — Мн. Харвест, 1999. и др.)

дивизию «второго формирования». В те дни комплектование войск осуществлялось по утвержденным в июле 1941 штатам так называемой «легкой сд» РККА военного времени, или, как ее еще называли — «10-тысячной дивизии». По штату такое соединение состояло из трех стрелковых и одного артиллерийского полка, батальонов — саперного и связи, а также вновь введенного в штат с декабря противотанкового дивизиона, других подразделений обеспечения и обслуживания¹⁵.

Весь январь и до первой половины февраля в частях дивизии шла напряженная боевая учеба. С раннего утра и до позднего вечера с рядовым и командным составом проводились занятия в классах и поле. Накануне отправки на фронт дивизия провела невдалеке от Коломны большие учения, на которых, в частности, пехота наступала вслед за огневым валом, сотворый создавала перед боевыми порядками пехоты вся артиллерия соединения. Десятого января полки и подразделения приняли присягу и, таким образом, через два месяца после начала формирования 135-я стала полноценным войсковым соединением. Ее командиром был назначен полковник Иосиф Иванович Попов¹⁶, а начальником штаба — еще один участник гражда-

¹⁵ 401-я сд была сформирована на основе Директивы НКО № 3211 от 28.11.1941 в г. Слободском Кировской области. Ее командиром был назначен полковник Александр И? Романенко. Вскоре формирование было перенесено в Коломну, Московской области. Комплектование личным составом осуществлялось в основном из Московской, Ивановской, Ярославской областей. В дивизии «второго формирования» служили воины многих национальностей — русские (свыше 60%), мордовцы, украинцы, чуваша, татары и т.д. Распоряжением Заместителя Наркома обороны Е.А. Щаденко от 5.01.1942 дивизия была переименована в 135-ю сд. По сравнению с предвоенным штатом № 4/100 численность личного состава вновь формируемых стрелковых соединений уменьшилась в декабре 1941 на 30%, количество орудий и минометов — на 52%, автомашин — на 64%. артполк состоял из двух дивизионов (шесть четырех — орудийных батарей). На формирование такой стрелковой дивизии и подготовку ее к боевым действиям требовалось порядка восьми недель. (В.Н.Шунков, «Красная Армия»). В некоторых документах подобные части и соединения называются «облегченными» (см. например — воспоминания Александра Степановича Копина из Одессы — в начале 42-го — политрука пулеметной роты 1/396 сп. Архив музея 135-й сд в Коломне).

¹⁶ Полковник Иосиф Иванович Попов родился 15.09.1898 в городе Рыльске, Курской губернии. Учился в гимназии. С июня по сентябрь 1917 служил в армии, в ноябре вступил в красногвардейский отряд. Осенью 1918 был направлен сражаться против германских войск, затем — армии генерала Краснова, позже Деникина, при этом он командовал батальоном и полком 2-й Курской дивизии. Позже Попов сражался с белополяками и петлюровцами на Западном фронте. Осенью 1920 был назначен командиром 1-го полка Отдельной кавалерийской бригады («Незамощных селян Украины») Бессарабской дивизии Г.И. Котовского, участвовал в ликвидации банд Антонова и Тютюнникова. Кавалер высших наград страны за гражданскую войну — двух Орденов Красного знамени и Почетного революционного оружия. В 1925-1926 учился в Москве на курсах, затем — сражался с басмачами в Средней Азии. С 1932 года — преподаватель военной географии в военно-инженерной академии имени Куйбышева и других ВВУЗов. Автор ряда научных работ по военно-теоретическим вопросам, в частности — по Дальневосточному театру военных действий. Доцент с июля 1938. С октября 1941- «...заместитель коменданта Москвы по баррикадной обороне» в аппарате МВО, позже — начальник Южного сектора обороны столицы. С 23.01. по 07.10.1942

нской войны — Антон Прокофьевич Гаран, имевший воинское звание подполковник. Дивизия насчитывала чуть больше одиннадцати тысяч военнослужащих, и вакансий на начало января в ее составе почти не было.

Здание в городе Коломне, улица Полянская, д. 6, где в 1941–1942 гг. формировался 173-й (29-й) отпадн

173-й отдельный противотанковый дивизион принял присягу раньше других частей — 25 декабря 1941-го Петр вместе со своими подчиненными еще раз присягнул на верность Родине. Конечно, он считал, что Мужчина, Защитник принимает клятву только один раз и на всю жизнь, Петр Иосифович ее уже дал Отечеству однажды в 1924 году, но порыв, которым был охвачен личный состав в тот торжественный момент, должен был еще сильнее сплотить его батарею. Поэтому Петр вместе с безусыми юнцами и убеленными сединами ветеранами вновь произнес торжественные слова, не менявшиеся впоследствии десятилетиями: «...Я всегда готов по приказу Советского Правительства выступить на защиту моей Родины — Союза Советских Социалистических Республик и, как воин Вооруженных Сил, я клянусь защищать ее мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагами...».

— командир 135-й сд. В октябре И.И. Попову было присвоено звание генерал-майор, и он был назначен заместителем командующего 41-й армией. С июня 43-го командовал 33-м гв. СК, с августа 43-го — 94-м СК 1-й гв. армии, сражавшимся в составе 1-го УФ. В 1944-1945 корпус входил в 39-ю армию 3-го БФ, затем участвовал в войне против Японии. Награжден орденом Ленина, шестью орденами Красного Знамени, орденом Кутузова 1-й ст. Умер 6.12.1962 в санатории г. Светлогорска, похоронен в Санкт-Петербурге на Богословском кладбище (Д. Крупейников «Наш комдив», 1985 и др.).

Сидя в эшелоне, везущем подразделение Петра на фронт, он уже знал, что биться с врагом его дивизия будет под городом Ржевом. «Ну вот, мне предстоит сражаться в тех краях, где жили мои предки по матери», — Петру было хорошо известно, что ее девичья фамилия была «Ржевская». «Скорее всего, фамилия моей родительницы возникла именно в тех местах, а уже после ее возникновения прадеды ушли на Дон и стали казаками», — подумал тогда еще Петр Иосифович.

Командирское удостоверение личности. 1941 г.

Первая продолжительная стоянка эшелона было на станции Сонково Калининской области. В привокзальной комендатуре, куда Петр отправился для решения хозяйственных вопросов, он увидел своего сослуживца по пожарной части г. Калинина — Михаила Грязнова, дежурившего на вокзале в качестве руководителя местной ПВО. До войны «дядя Миша» параллельно своей основной специальности подрабатывал сапожником, чиня всем сослуживцам обувь, и его хорошо знали не только сами пожарные, но и все их домочадцы. Они обнялись — уже не чаяли увидеть друг друга живыми, всех служащих пожарной части в сентябре отправили в какой-то лагерь под Тверью, и их дальнейшая судьба была неизвестна Петру. При этом никто из начальства своевременно не распорядился эвакуировать их семьи, а старшему лейтенанту тогда «крупно» повезло — по очередному написанному им рапорту решался вопрос об отправке в действующую армию, и он, оставаясь по этой причине в городе, случайно узнал, когда в эвакуацию отправится последний пароход. На него Петру и удалось в самый последний момент посадить семьи некоторых пожарных, в том числе своих домочадцев, а также некоторых родственников жены.

«В Калинин я вернулся в декабре, — начал свое повествование дядя Миша, — город за два месяца боев и оккупации, конечно, пострадал очень сильно — на Миллионной, то есть Советской улице, осталось всего два целых дома — почта, да еще аптека. Ну, та самая, что недалеко от нашей пожарной части на улице Крылова. Твоя квартира тоже была разрушена, да что говорить — от всего нашего дома на улице Советской, 49/37 осталось одно только воспоминание — прямое попадание немецкой авиационной бомбы. В здании пожарной части, которая не пострадала, в период оккупации было расквартировано какое-то вражеское подразделение, фрицы загородили проезд по Серебряной улице, а входили в здание через переулок Специалистов. Моя семья при них оставалась на месте — да, конечно, я знаю, что ты предлагал жене уехать, спасибо тебе! Но она сама тогда решила, что останется в городе, и будет ждать меня! Толика моего помнишь, он ведь ровесник твоей дочурки? Так вот, и жена, и сын, и другие дети сотрудников — все говорят, что немцы относились к семьям пожарных хорошо, не обижали их и не выселяли, детишек угощали сахаром, конфетами, иногда даже шоколадом. Особенно хорошим человеком, по словам моего Тольки, был один пожилой германец, старавшийся всячески подкормить всех проживавших в «пожарке» ребятишек. Но не все они были такими! На площади Ленина находилось гестапо, во дворе которого они расстреляли и замучили много наших людей. А здесь, в Сонково, я оказался всего месяц назад — наш начальник пожарной охраны Павлов — ты ведь у него замом был, предложил мне повышение. А вообще все пожарные, кто не погиб при бомбежках, служат на прежних должностях — бронь нашу никто не отменял».

Они успели еще немного поговорить, но тем временем эшелон тронулся, и начал набирать ход. Петр бросился к своей теплушке... Через сутки они стали приближаться к станции Бологое, а старший лейтенант все еще думал о встрече с «дядей Мишей» — из всей пожарной части только он один, да еще Кузьма Евстафьевич Лобанов, ставший на фронте рядовым сапером, пошли добровольцами на фронт... На запасных путях «крайней» в Калининской области станции налет немецких бомбардировщиков прервал его размышления, и артиллеристы по команде комбата прямо из вагона открыли сосредоточенный огонь из карабинов по вражеским самолетам. А потом невдалеке от насыпи они хоронили своих первых убитых. Проведя на станции Бологое несколько дней, во время которых батарея доукомплектовывалась, получала недостающее вооружение и боепри-

пасы, ходила в кино и санитарную обработку, они вновь загрузились в эшелон, который вскоре проследовал Осташков и покрытое льдом озеро Селигер. За дверью теплушки проплыли станции Пено, Андреаполь и концу февраля транспорт прибыл на станцию Торопец. Почти по всему маршруту эшелон подвергался непрерывным бомбежкам, и многочисленные свеженасыпанные холмики над братскими могилами убитых были вежами, отмечавшими путь соединения. Впрочем, они видели на своем пути не только своих погибших — немецкие трупы в серо-зеленых шинелях на подступах к Торопцу лежали буквально ковром.

**Красноармеец Алексей Яковлевич Андреев, 1914 г.р. Загорск, 1941 г.
Служил в комендантской роте 135-й сд, позже - в 85-й роте
охраны штаба 41-й армии. Погиб 26.10.1942 г.
Похоронен в деревне Макарово**

Накануне прибытия на передовую двух свежих соединений — 134-й и 135-й сд — 3 марта 1942 года Калининский фронт начал Ржевскую наступательную операцию против 9-й полевой армии противника. Наступление имело целью: прорвать оборону врага на ряде участков и концентрическими ударами на Ржев — Оленино расчлнить его группировку, уничтожив по частям, и тем самым ликвидировать ржевско — сычевско — бельско — оленинский плацдарм, с которого немцы могли угрожать Москве. Обе вновь сформирован-

ные дивизии в это время уже совершали марш пешком по маршруту: Андреаполь—Торопец—Старая Торопа—Ильино, перемежающийся непрекращающимися боями местного значения. Позже операцию, в которой они участвовали, назовут Ржевско-Вяземской¹⁷. Вновь прибывшие соединения были введены в сражение на все более увеличивающемся разрыве между 4-й Ударной и 22-й армиями¹⁸, уничтожая недобитые остатки и контратакующие части противника в районе: Старая Торопа—Андреаполь—Ильино.

Основное отличие Ударной армии от «обычной» заключалось в том, что ее личный состав получал повышенное денежное содержание, увеличенное в 1,5 раза у командного состава и в два — у сержантов и рядовых. Запомнились слова командира дивизии: «Партия и Совет-

¹⁷ На 1.02.1942 135-я сд находилась в составе МВО, а 1-го марта уже была в подчинении КФ под командованием И.С. Конева. По май 1942 года она входила в состав 4-й УА, которой до 13.02.1942 командовал генерал А.И. Еременко, а после — генерал-лейтенант Ф. И. Голиков. На фронт 135-я сд была отправлена 10.02.1942 по директиве Ставки за номером 1700966, погрузка началась 13-го на станции Голутвин, находящейся в центре города Коломна. Первым со станции отправлялся эшелон с 1/396 сп майора Г.В. Исаева. Разгружались части дивизии на станции Андреаполь, частично — Торопец, и сразу после выгрузки разрозненно вступали в бой. КФ к тому времени уже несколько месяцев, воюя в полуокружении, удерживал выступ, который иногда называют Холм-Жирковским по названию поселка, расположенного в 50-ти километрах юго-восточнее г. Белый. Территория выступа на стыке КО и СО представляла собой огромные массивы заболоченных густых лесов, болот, торфяников. Здесь было множество рек, речек, ручьев. По более или менее возвышенным местам проходили одиночные проселочные дороги, к которым лепились небольшие села и деревни. Районные центры соединялись большаками. В южной части выступа была тупиковая ветка железной дороги.

Войска 4-й УА в это время уже завершили Торопецко-Холмскую (Торопецкую) операцию, захватив города Торопец, Старая Торопа, Западная Двина и, выйдя на железную дорогу Великие Луки — Ржев, перерезали коммуникации ржевской и оленинской группировок врага. В феврале левобланговые части 4-й УА вели бои юго-западнее озера Щучье, и к 6-му февраля обороняли рубеж Велиж — Демидов, одновременно наступая в направлении Витебска и Рудни. В полосе наступления 4-й УА с 22-й армией генерал-майора В.И. Вострухова (178-я, 186, 129-й и 357-я сд, 129-й отдельный тб), разгранлиния — Земцы — оз. Щучье — Демидов, к февралю образовался 129-км разрыв. Для его прикрытия вводились 21-я сбр, 332, 258 и 334-я сд, а следом за ними — две новые дивизии, пополненные обескровленные соединения армии — 134-я и 135-я. К 22-му марта передовые подразделения 396-го (в/ч п/п 62826) и 497-го (92580) стрелковых полков 135-й сд начали прибывать в район Торопца. Кроме этих частей, в состав дивизии входили 791-й сп (05201), 276-й ап (92828), 173-й оптдн (81153), 157-й исапб (05236), 251-й обс (92431), 120-я орр, 410-я полевая хлебопекарня, 119-я автора (рота подвоза — в/ч п/п 92431→Е), 492-я орхз (все эти подразделения, как и органы тыла дивизии имели номер в/ч п/п 92431), а также 176-я ппс, дивизионная школа, истребительный отряд. Имеются упоминания о приданных дивизии 480-м и 1921-м гап. (ЦАМО Ф. 58, оп. А-0071693 д.д. 593, 785 и др.). В основном части выгружались к концу марта в Андреаполе и Торопце. Первые потери от вражеской авиации дивизия понесла 28-го февраля еще на станции Бологое, а вести встречные бои с контратакующим противником она начала возле городов: Андреаполь, Торопец, Старая Торопа.

134-я сд, вместе со 135-й отправившаяся на фронт, 22-го и 28-го февраля имела большие потери «от бомбежек» на станции Пено КО, 27-го — в Осташкове, а в марте 515-й полк дивизии имел потери: 1-го — в г. Луга, КО, 2-го — в д. Полтнинно, Торопецкого района КО, 5-го — в д. Хлебаниха КО, а 16-го — в д. Дубровка, Костино, Усмынь Велижского района СО. (Донесение 134 СД №024 от 31.03.1942, ЦАМО, Ф. 58, оп. 818883 д. 265 л.л. 13-14.

ское правительство установило выплаты денежного содержания вам и вашим семьям почти вдвое более высокие, чем военнослужащим других армий — как составу только что созданных гвардейских соединений и частей. Это высокое доверие, оказанное нам! Поэтому, я надеюсь, вы и сражаться будете, как львы».

¹⁸ Первоначально во все увеличивающийся разрыв между 4-й Ударной и 22-й армиями, была введена, как она названа в документах «21-я курсантская стрелковая бригада». Это соединение формировалось осенью 41-го под г. Тамбовом. Его численность первоначально составляла почти 4000 бойцов и командиров. Костяк составляли курсанты Тамбовских военных училищ в возрасте от 19 до 22 лет. Они в «...совершенстве владели стрелковым оружием, метко бросали гранаты, знали тактику современного сухопутного боя. Каждый из курсантов мог немедленно стать полноценным командиром среднего звена, но суровые обстоятельства 41-го года вынуждали страну расходовать свой золотой фонд — ведь враг рвался к Москве».... Сначала 21-я сбр участвовала в боях в районе Кубинки и Наро-Фоминска, затем ее перебросили к северу от Москвы. Бригада вошла в состав 4-й Ударной армии Калининского фронта, перешедшей вместе с 3-й УА в контрнаступление, и в течение декабря 1941-го и января 1942-го войска обеих армий отбросили врага на 150-250 километров от столицы. Ударная 21-я бригада шла в те дни через леса более двадцати суток, делая по 12 километров в день. В боях ею были разбиты четыре пехотных полка противника и одна бригада СС. Она участвовала в освобождении городов Пено, Андреаполь, Торопец и десятков деревень. (Владислав Шурыгин. «Курсанты моего отца», Завтра, №25 (605) от 22.06.2005)

В ЦАМО об этом соединении удалось пока собрать не очень много сведений. Сохранились донесения о безвозвратных потерях «21-й ударной стрелковой бригады» № 092 от 10.03.1942 — о гибели 154 человек на 9-ти листах (ЦАМО, Ф. 58 оп. 818883 д. 1024), и другие, в том числе № ...448 от 31.05.1942 «по состоянию на 31 мая...» на 1-м листе за подписью начальница 4-й части лейтенанта Мищенко. В них упомянуты: красноармеец Могильный Николай Иванович, 1916 г/р, убитый вместе со многими военнослужащими бригады 21.01.1942 в д. Хользуново, а также красноармеец Скобеев Иван Никитович, 1914 г/р, который умер 21.01.1942 в составе группы (около 10 человек) «от пищевого отравления» — все эти военнослужащие были похоронены в районе все той же д. Хользуново КО. Еще сообщается о погибших в районе д. Бор КО и других н.п., в частности — красноармеец Скворцов Филипп Иванович, 1908, убитый 18.01.1942 вместе со многими сослуживцами в районе д. Мочалище, КО. 18-19-го февраля в бригаде было много убитых в дд. Пушки (современная д. Пушка находится северо-западнее Велижа), Будница (северо-западнее Чичаты?), СО, а также красноармеец Манько Михаил Яковлевич, 1920 г/р, 21.02.1942 «убитый в бою». Еще упоминаются погибшие 7-8 марта в боях за «д. Будница, Велижского района», «д. Пушки, Велижского района», д. Медведево СО и захороненные в дд. Подчертковое Усвяцкого района СО, д. Мышинный Бор СО. В мае в бригаде были погибшие в местечке Усвяты, СО, похороненные на «...еврейском кладбище», а также убитые в дд. Пруды, Коровницы, Шепели, Усвяцкого р-на СО и д. Плово Витебской области. Донесения подписал НШ бригады подполковник Соловьев и старший политрук Шурыгин.

Также сохранился доклад «...военного трибунала 21-й сбр...» №00710 от 17.09.1942 на 6-ти листах (ЦАМО, Ф. 58 оп. 818883 д. 769), где сообщается об осуждении и расстреле в июне-августе 82-х человек, в том числе военнослужащих 147-й (встречаются также записи — 47-й) сд — упомянуты 148-й, 334-й, 353-й, 403-й сп и 153-й ап дивизии, а также 121-я Ударная сбр, 153-й и 159-й запасные полки, строительные батальоны и другие части, в том числе большое количество бойцов 21-й Ударной сбр. Например — красноармеец Миронов Георгий Петрович, расстрелянный 12.07.1942.

В ЦАМО имеются также несколько Извещений, озаглавленных: «2-й стрелковый батальон 21-й стрелковой бригады», где сообщается о гибели военнослужащих этого подразделения. Например, о смерти красноармейца Семашкина Тихона Ивановича, убитого 19.02.1942 в бою за д. Пушка, Смоленской (ЦАМО, Ф. 58 оп. 818883 д. 470). Еще одно извещение — на Жолудева Николая Семеновича, красноармейца того же батальона, убитого и похороненного 22.02.1942 в д. Будница СО (Ф. 58 оп. 18001 д. 335). Оба донесения батальона подписаны — «командир части Конечков».

В конце марта обе дивизии при 30-градусном морозе и полном отсутствии дорог совершали очередной, почти стокилометровый марш. Личный состав был экипирован для боевых действий очень хорошо — все бойцы были одеты в шинели с одетыми под ними ватными телогрейками и такими же брюками, на головах под стальными шлемами образца 1940 года — армейские шапки — ушанки. Буденовок и прочих устаревших предметов обмундирования в дивизии не было. Поверх всего снаряжения, за исключением валенок или сапог, до поры-времени находившихся в вешевых мешках, на всех бойцов и командиров были надеты белые комбинезоны. На руках — как меховые, так и суконные трехпалые солдатские рукавицы, а командирам от взводного и выше еще в Коломне выдали кроликовые безрукавки. Пистолеты командирам взводов и рот в дивизии не выдавали — все они, как и рядовые бойцы были вооружены винтовками Мосина, автоматами или карабинами. Около недели подразделения по ночам двигались по тоннелям из снега, открытым только сверху, зато снабженным четырехметровыми горизонтальными стенами, которые постоянно росли от расчищаемых бойцами наносов. Снежный покров в том году был невероятно глубоким и доходил местами до двух метров. Под ним находились незамерзшие под толстым слоем болота, и на этой «дороге» постоянно застревала вся автомобильная техника. Выдвижение дивизий в первый же день было вскрыто разведывательной авиацией противника, и весь свой путь на передовую войска подвергались непрерывным бомбежкам.

Фрагмент карты боевых действий в районе Ржева, Вязьмы, Сычевки, Белого.

**Линия фронта обозначена по состоянию
на декабрь 1941-го, январь и конец апреля 1942-го**

Еще 5 марта 1942 года немецким командованием было получено указание Гитлера: «Все доступные силы группы армий «Центр» должны быть собраны для удара 9-й армии в направлении города Осташкова». Но немецкие войска в последующем не смогли опрокинуть соединения 3-й, 4-й Ударных армий, и лишь 7-я танковая дивизия, выполняя приказ, смогла с боями вновь войти до города Белого, где оборонялась переброшенная в январе из Франции 246-я пд. Оба немецких соединения образовали оперативную группу генерала Функа, которая удерживала на стыке 22-й и 39-й советских армий узкий коридор, остававшийся в последующем неизменным до июля. Именно с этими вражескими дивизиями, а еще 2-й тд и остатками других частей, военных комендатур, обороняющими вклинение в оборону советских войск к северо-востоку от Смоленска, пришлось в ближайшие месяцы сражаться сформированной для обеспечения быстро удалявшегося от соседей левого фланга армии генерала Голикова оперативной группе генерал-майора Колпакчи¹⁹.

Войска Калининского фронта в течение первого дня мартовского наступления вели ожесточенные бои в районе г. Велижа и северной части г. Белый. Третья Ударная армия приступила к штурму г. Холм. Отдельные части 135-й сд сражались в этот день на станции Торопец, а многие с 3 по 8 марта дрались под городом Андреаполем. Четвертого марта войска правого крыла и центра Калининского фронта продолжали тяжелые наступательные бои по уничтожению холмской и велижской группировок противника. Штурм войсками 3-й Ударной армии г. Холм противником был отражен. У города Белого 4-я Ударная армия продолжала бои по освобождению города. 135-я сд к 11 марта взяла деревню Тюрино Ильинского района, хотя

¹⁹ Генерал Колпакчи (7.09.1899, Киев -17.05.1961) начинал службу в старой армии, затем в составе отряда Красной гвардии штурмовал Зимний дворец, позже участвовал в Гражданской войне, подавлении мятежа в Кронштадте, в 1922-1923 гг. отличился в боях с басмачами в Средней Азии. В 1936-1938 гг. сражался в рядах войск республиканской Испании под Мадридом и Валенсией. Его внешность описывается очевидцами так: черные как смоль волосы и светло-серые глаза, плотно сжатые волевые губы и тихий, приятный голос. В войну комбриг Колпакчи всупил в составе Южного фронта, находясь на должности НШ 18-й армии. В начале 1942 года в состав вновь сформированной «Оперативной группы войск Калининского фронта генерал-майора Колпакчи» вошли: 134-я, 135-я, 179-я, 234-я и 17-я гв. сд, а также другие части и подразделения. 17-я гв. и 179-я сд сразу вошли в состав группы генерала Березина, действовавших в районе г. Белого, а остальным соединениям в конце марта была поставлена задача: перерезать дорогу Пречистое — Белый с целью окружения Бельской группировки противника, состоявшей из 4-х пехотных полков. Оперативная группа оставалась в составе войск 4-й УА, которая обеспечивала ее дивизии кадрами, вооружением, техникой, продовольствием, но в оперативном отношении она действовала самостоятельно, по приказам командующего оперативной группы. В мае группа Колпакчи была преобразована в 41-ю армию. (1. В.В. Яшин «135 сд в боях на КФ в Бельском районе КО в марте — июне 1942», рукопись, 1982; 2. Российская еврейская энциклопедия т. 2, стр. 60).

еще 13 марта некоторые части дивизии дрались на станции Старая Торопа. Восемнадцатого марта войска 3-й и 4-й Ударных армий Калининского фронта возобновили наступление на холмско — локнянском, велижском и демидовском направлениях. В тот же день 135-я сд атаковала деревни Савино, Голубы Ильинского района, наступая в направлении г. Демидова. Немцы оказывали упорное сопротивление, и соединение несло тяжелые потери. Наступление советских армий развивалось медленно; 19 марта 4-я Ударная продолжала наступление только на велижском направлении. На остальных участках и в полосе 3-й Ударной армии противник остановил продвижение советских войск. Войска 22-й армии продолжали тяжелые уличные бои за г. Белый, другие объединения Калининского фронта вели боевые действия по уничтожению велижской группировки противника. 12 марта 22-я армия продолжала уничтожение противника в районе Оленино и во взаимодействии с двумя дивизиями 4-й Ударной очищала северную часть г. Белый. А 23-го 135-я сд получила приказ: совершить марш по маршруту Винокурово—Малое Ильино—Прудок—Прусохова—Задорье—Подвезье—Устье—Макарово, и к 16.00 27.03.1942 г. сосредоточиться в районе: Подвезье—Малое Макарово—Зайково.

Уже вечером 27 марта в деревне Малое Макарово командир дивизиона дважды собирал командиров противотанковых батарей. В первый раз он довел им предварительные боевые задачи: 2-я и 3-я батареи придавались стрелковым полкам, а 1-я оставалась в резерве командира дивизии... Ближе к ночи он вновь собрал комбатов и, сидя за столом, на котором лежала карта — «пятидесятка», сообщил свежеполученную информацию: «Только что командир дивизии отдал боевой приказ командирам 497-го и 396-го стрелковых полков. Я при его отдаче также присутствовал. Комдив сообщил, что противник численностью до четырех пехотных полков обороняет город Белый, а еще до двух пехотных батальонов с артиллерией и минометами занимают населенные пункты: Красногородка, Дворище, Вышегоры, Могильцы и Лосьмино... Наша дивизия сейчас сосредоточена в районе: Ломоносово, Малое Макарово, Режица. Справа — 134-я сд ведет бои за дд. Околицы, Красногородка, Булатово, Демехи, слева — 179-я сд. Задачи:

— командиру 497-го сп майору Логинову передовым отрядом до рассвета 29 марта занять Бор. Боевое охранение выставить на высоту 216,8 — Вышегоры. Остальным силам полка сосредоточиться в районе: 3-я Лосьмянка, Смородовка, Азарово, Дуброво. Разведку

вести до рубежа: урочище Свитское—урочище Петрушино. После занятия района приступить к превращению населенных пунктов в опорные.

— командиру 396-го сп подполковнику Найдышеву установить связь со 179-й сд в районе Дмитровки. Разведку вести в направлении: Воробьево—Поляново—Глинцево—урочище Стунево. Особое внимание обратить на лес северо-западнее деревни Залексоновки.

2-й и 3-й батареям приказываю немедленно начать выдвижение в части, которым они приданы, и доложить о прибытии не позднее 6-00 28.04. 1-й батареи и роте противотанковых ружей оставаться на месте. А последнее, что я хочу сказать, — по показаниям пленного немецкого обер-ефрейтора О. Шрампеля вражеские командиры требовали от солдат «...обороняться изо всех сил». Так что, уважаемые комбаты, доведите до подчиненных, что «веселой» прогулки с гармоникой, танцами и выпивкой у нас не предвидится. Свои задачи вы знаете. Идите и удачи вам!»

В ходе совершения марша в районы, назначенные для перехода в наступление, части 134-й, 135-й и 179-й стрелковых дивизий начали вести боевые действия как севернее, так и южнее реки Лосьмянки, в полосе 22-й армии. Первым, после 20-минутной артподготовки всей артиллерии соединения, в бой на рассвете 30 марта вступил 1/497 сп капитана Г.М. Царева, усиленный одной ротой 2-го и одной 3-го стрелковых батальонов того же полка. Первый батальон захватил у д. Бор высоту 216,8 (217), но уже к концу дня в атаки вражеских позиций были втянуты другие подразделения 396-го и 497-го стрелковых полков. Противник от Бора и с высоты 216,8 отошел в Лосьмино и закрепился. Задача, поставленная командующим оперативной группой генералом Колпакчи, вскоре была изменена²⁰. Дивизия по новому плану должна была атаковать противника в первом эшелоне оперативной

²⁰ Боевой приказ №019, Штадив 135, Чичатье, 19-00, 31.03.1942:

1. Противник силами до пехотного батальона (в приказе, хранящемся среди документов 135-й сд, названным «Частным», за №02 от 5.04.1942 сообщается о принадлежности двух немецких батальонов, обороняющихся в Лосьминской группировке — 352-й пп 246-й пд — примечание автора), поддерживаемый минометами из Красногородка, Дворище обороняет опорные пункты Вышегорье, Лосьмино, Могильцы, Красногородка, имея основную массу ДЗОТов, направленную на запад и север. В ночь на 31.03.1942 до батальона пехоты из Кузьмино проследовало в направлении Демяхи...

2. Соседи: справа — 134-я сд ударом в направлении Околицы, Красногородка, Булатово, Демехи овладевает Красногородкой, Дворищем. Слева: 179-я сд прикрывает левый фланг наступления 396 сп.

3. 135-я СД уничтожает опорные пункты противника в Вышегорах, Могильцах, Дворище, Лосьмино и к исходу дня 1.04. выходит на рубеж высоты в 1 км северо-восточнее Демяхи, Пшеничное.

4. 497-й сп с 3/396-го сп, 2-й и 3-й батареями 173-го оптдн, взводом саперов... к 6-00 1.04. выйти на рубеж: Гудилово, высота 216,8 — южная опушка восточнее Залексоновки.... К 12-00...

овладеть... Вышегоры, Дворище, Лосьмино. Одновременно не менее чем двумя батальонами нанести удар из леса севернее Глинцево по н.п. Глинцево – Поляново, и к исходу дня 1.04. выйти на рубеж Безьямнянского ручья – 600 метров восточнее Воробьево. Штаб полка в 3-й Лосьмянке.

5. 396-й сп (без 3-го сб)... к 6.00 1.04.1942 выйти на исходный рубеж северо-западнее Зелексоновка – урочище Струново и к исходу 1.04. выйти на рубеж отрезок 205,6 – 213,1 – 2 км западнее Емельяново, Выдра, где немедленно разведать район Цыгуны, Петрушино, Малое Клемятино, Дмитровка. Установить связь с правофланговым полком 179-й сд в районе Дмитровки, Сверкуны. Штаб полка с 6-00 – Залеконовка.

6. 791-й сп одним усиленным батальоном с полковой артиллерийской батареей к 6-00 1.04. выйти в район Гудилово – урочище Топкий Мох – Дворищи – северная окраина Красногородки. Содействовать атаке 497-го сп. Главным силам полка к 6-00 выйти на рубеж Михалево....

9. Артиллерия: за 20 минут до атаки нанести артиллерийско-минометный огневой удар по Околице, Красногородке, Дворище, Демехи... Штадив – 2-я Лосьмянка, в дальнейшем – Бор.... (ЦАМО, фонд 135-й сд, оп. 1, д. 7, л. 102 и оп. 4446 д. 3)

В том же деле (ЦАМО, фонд 135-й сд, оп. 1, д. 7, л. 164) – распоряжение НШ-135, отданное в 19-30, 31.03.1942: «Командирам 497, 396, 791 сп. Командир дивизии приказал:

1. Атака в 7-00 1.04.1942.

2. С 6-30 до 6-40 удар нашей авиации по Околице, Красногородке, Дворище, Демехи. После захвата Поляново – Воробьево – Глинцево дивизии было приказано наступать в направлении – Бабенки – Емельяново, т.е. перерезать дорогу Пречистое – Белый.

²¹ В апреле-мае 1942 года в Донесениях №0184 от 12.04.1942, №0205 от 25.04.1942 и №0252 от 21.05.1942 «О безвозвратных потерях 135-й стрелковой дивизии» (ЦАМО Ф. 58 оп. 818883 д. 267) приводятся сведения о кровопролитных боях за деревни: 1-я Лосьмянка, Бор (об этом н.п. есть записи – «в направлении от [реки] Лосьмянки»), Вышегоры, Глинцево (деревня, состоящая из примерно 12-ти домов, жители которой немцами были выселены), Гудилово, Котово, Лосьмино, Пески, Пречистое, урочище Залеконовка Бельского района. Кроме того, между дд. Демяхи и Петрушина дивизия с 3 по 10 апреля билась с врагом в районе деревни Цыгуны и других сел, возле которых, согласно Донесения №0285 от 13.06.1942 135-я потеряла убитыми и пропавшими без вести 456 человек. А с 10 по 23 апреля, согласно того же донесения, попали в плен 45 бойцов и командиров дивизии. Обстоятельства их пленения указаны следующие: «был тяжело ранен [и] оставлен на поле боя», «попал в плен во время окружения», «окружен танками противника», а о лейтенанте, заместителе КР Мержаевском Владимире Константиновиче, 1912 г/р., сообщается предельно кратко – «в плену» (ЦАМО Ф. 58 оп. 818883 д. 267 лл. 128-128 об). В Приложении №25886С к Донесению №0427 от 23.09.1942 о потерях со 2-го апреля по 13-е мая есть упоминания еще о 18-ти бойцах, попавших в плен в апреле. В донесениях подполковника Гаран №0252 от 21.05.1942 «...за период с 10.04. по 5.05.1942» (на 135 человек) и более поздних упоминаются все те же злополучные урочище и деревня Залеконовка, где бои непрерывно шли весь апрель – 1-го, 2, 4, 7, 9, 10-14, 16, 18, 20-24, 26-28, 30-го числа, и с 1 по 7 мая. А также дд. Глинцево (Глинцова), Лосьмино, Бор, Цыгуны, возле которых были ранены, пропали без вести, погибли и захоронены тысячи военнослужащих.

Соседняя дивизия, вместе со 135-й включенная в состав 4-й УА – 134-я (2ф, ее командиром с 16.01.1942 по 8.05.1942 был генерал-майор Василий Никитич Далматов, а НШ – майор Груздев – примечание автора), в апреле наступала правее 135-й. Она штурмовала деревни Гарь-Шалыта, Заозерье, Малиновка, Устье, Щеглово, Черный Ручей, Околица Бельского (в документах встречаются также записи «...д. Околица Пречистенского...») района, «...Остров Пречистенского района», просто «Пречистенский район СО...», а также «д. Селище, СО». Вокруг этих деревень только за апрель она потеряла убитыми и пропавшими без вести 1177 человек. 235-й оптдн дивизии в апреле-мае сражался у деревень Ломоносово, Бор, Фролово. В мае-июне 738-й полк майора А.П. Плеханова (НШ лейтенант Каверин) и другие части дивизии вели боевые действия у дд. Бор, Гудилово, 2-я, 3-я Лосьмянки, возле которых месяцем раньше сражалась 135-я, и вместе с 629-м полком – у д. Кузьмино, где обе эти части понесли большие потери. (Донесения 134-й сд №0075 от 16.05.1942 и №0126 от 14.06.1942, ЦАМО Ф. 58 оп. 818883 д. 265). В состав соединения, кроме перечисленных выше, входили: 410-й ап, 235-й омсб, 229-й обс, 249-й осапб, 255-й истребительный отряд, дивизионная школа. Военнослужащих 134-й, умерших в медсанбате дивизии согласно «Списка...» представленного его начальником – военврачом 3 ранга С. П... (фамилия написана неразборчиво) хоронили на следующих кладбищах: Усмынском (н.п. Усмынь находится севернее г.

группы в двух направлениях: с севера от Залеконовского болота на Глинцево, Поляново, Демяхи и с юго-запада от Бора в направлении Демяхи. «Болотная» дивизия была самой укомплектованной и подготовленной из соединений оперативной группы, и потому должна была наступать на главном направлении, имея задачу: перерезать шоссе Пречистое – Белый, в дальнейшем, удерживая ее, частью сил наступать в направлении: Бабенки–Емельяново–Белый.

Впрочем, как почти всегда происходило в те дни, в свое первое широкомасштабное наступление молодое соединение шло не только практически вслепую, но и без поддержки авиации – по свидетельствам подавляющего числа очевидцев, советских самолетов они не видели не только в этой операции, но и в течение почти всего 42-го года. По воспоминаниям ветеранов соединения очень плохо в те дни работала разведка – за первый месяц боев разведывательные подразделения 135-й не взяли ни одного «языка»!

Батареи 45-мм пушек, которые сами артиллеристы называли «Прощай, Родина», в соответствии с получаемыми от командиров стрелковых полков и батальонов приказами почти всегда следовали за атакующими подразделениями и, уничтожая вражескую бронетанковую технику, несли при этом тяжелые потери. Вернее, «потерями» было трудно назвать огромную убыль от непрерывных налетов авиации, артиллерийского огня противника и массовых заболеваний бойцов и командиров, которую маршевые роты и запасные полки изредка пополняли, компенсируя почти ежедневно выбывающий из списков живых и здоровых личный состав²¹.

Велижа), Торбиловском (к югу от Устья, СО), Остролукском, деревни Михалево Пречистенского района (оба н.п. находятся южнее д. Чичата), а в мае – «...на Чичатском кладбище» (ЦАМО Ф. 58 оп. 818883 д. 265 лл. 172-180об). Последнее упоминание о расположении медсанбата дивизии – западнее г. Белого – так, в соответствии с документами ЦАМО (вх. 21635с-1942г) «рядовой Борисов Петр Дмитриевич... из 249-го осапб, умер от ран 24.06.1942 в 235-м омсб... и похоронен в д. Сопоть, Бельского района».

Левее 135-й и 179-й – на восточных окраинах Белого вместе с 234-й, непрерывно атаковала врага 17-я гв. сд (бывшая 119-я) под командованием генерал-майора Александра Дмитриевича Березина, с января 1942 наступавшая на г. Белый и штурмовавшая деревни: Батурино, Заньково, Струево, Турово, Сельхозшкола, «...совхоз Александр».... Все эти населенные пункты находились, или находятся вокруг города, а также дд. Бояршина, Морозово, Кирово, Васнево СО. Еще в донесениях 17-й гв. сд встречаются записи за апрель: «...1000 м южнее г. Белый», «...500 м юго – восточнее г. Белый». (Из Донесений № 086 от 21.04.1942 и № 0101 от 21.05.1942, ЦАМО Ф. 58 оп. 818883 дд. 243, 244).

Все пять вышеперечисленных соединений группы генерала Колпачки 15 мая были включены в состав созданной по директиве Ставки ВГК новой армии – 41-й. В ее состав вошли, кроме названных стрелковых дивизий еще 21-я тбр и два гвардейских минометных дивизиона, другие части. Командующим был назначен бывший комдив отличившейся в боях 249-й сд генерал Г.Ф. Тарасов. Соединения армии занимали рубеж от с. Пречистое до участка севернее г. Белого, фронтом на юго-восток. Они продолжали вести тяжелые, кровопролитные бои...

Дмитрий Андреевич Крупейников вспоминал впоследствии про совместные действия артиллеристов 173-го оптдн и стрелковых полков, батальонов: «Дивизион для нас, пехотинцев, всегда был первой опорой, постоянно [находясь] в боевых порядках [стрелковых подразделений] — где помочь, где вытащить, куда дать огонь — [у нас с ним] было постоянное взаимодействие. Всегда помогали друг другу и совместно прогрызали оборону противника... Мы — пехотинцы поддерживали своим огнем действия артиллеристов... Командиру артиллеристу надо [было] видеть все: соседей, противника, действия подчиненных, и все держать в своих руках — любая ошибка недопустима».

Перед комбатом — три промелькнула картина одного из первых боев его батареи — пехотинцы, при поддержке огня противотанковых пушек, механически двигались вперед под ураганным огнем, многие из них, сраженные на ходу, падали в снег. Они перестали принадлежать себе уже в ту секунду, когда команда «Вперед!», щедро одобренная отборным матом и криками командиров взводов выгнали красноармейцев из укрытий — с первыми же разрывами снарядов всех захватила дикая и беспощадная стихия боя. Артиллеристы по глубокому снежному покрову толкали вперед свои «сорокапятки», понукая измученных, голодных лошадей, помогая им при помощи лямок тянуть вперед орудия. Они старались не отставать от стрелковых рот, немедленно открывая огонь из пушек по вражеским

Атака переднего края обороны противника (высота 201,1).

Рисунок Л.И. Жданова, красноармейца 115-го СП 38-й гв. СД

огневым точкам, мелькающим среди домов и сараев немецким бронемашинам.

Разрывы снарядов и мин, осколки и пули косили движущиеся впереди пехотные цепи, время от времени сталь со свинцом обрушивалась на артиллеристов, разрывая на части живых и мертвых. Грохот боя глушил отчаянные крики лежащих повсюду раненых и умирающих, санитары металась между стеной шквального огня и распластанными телами, оттаскивая искалеченных, окровавленных бойцов и командиров в ближайшие воронки. Вскоре они перестали узнавать друг друга, лишь чутье да окраска обмундирования, техники позволяли отличать «своих» от врагов, по которым немедленно открывался сокрушительный огонь. Как в калейдоскопе мелькали покрытые гарью и кровью лица подчиненных, их сжатые зубы, резко выделяющиеся на фоне закопченных лиц, валяющиеся на земле куски разорванных снарядами людей и животных... Выскочившие в тот день из переулка немецкий танк и бронетранспортер артиллеристы расстреляли огнем всех четырех имевшихся в строю орудий. Два осколочных снаряда попали в открытую заднюю дверь вражеской бронемашины, взорвавшись внутри и разметав через открытый верх убитых и раненых немецких пехотинцев, а танк лениво пылал на обочине и, когда батарея входила на окраину населенного пункта, бойцы слышали душераздирающий вой горящих в нем заживо людей.

Деревню в тот день дивизия взяла, при этом стрелковая рота, которую артиллеристы поддерживали огнем, потеряла ТРИДЦАТЬ человек убитыми и ранеными — около трети своего личного состава. Но уже вскоре наступление советских войск окончательно захлебнулось.

В марте-апреле в селе Бор располагалась санчасть одного из стрелковых полков дивизии. Деревни: Чичата, 2-я Лосьмянка, Лосьмино Бельского района также упоминались в связи с расположением в них полевых медицинских учреждений. В Читатах с марта по середину мая находились: штаб 135-й сд и ее медико-санитарный батальон, располагавшийся в здании средней школы и сарае через дорогу — на берегу реки Аржать. Об этом, в частности, сообщили ветераны дивизии и подполковник Гаран в одном из своих донесений Начальнику Центрального бюро по персональному учету потерь Главупраформа с указанием местонахождения управления соединения — «дер. Чичаты», мест боев и безвозвратных потерях — «...473 человека с 4.04. по 21.04». А также «...список 62 умерших в гос-

питале дивизии с 28.03. по 30.04.1942» с указанием мест захоронения умерших — все в той же д. Чичата²².

Морозы за дни «снежно — туннельного» марша дивизии резко ослабели, к началу апреля начало припекать солнце и внезапно пришла ранняя весна. Фронтовик Л.Б. Кругляшов из Свердловска (ныне Екатеринбург) написал писателю В. Чивилихину: «Авторитетно подтверждаю, что 25 марта 1942 года лично участвовал на лыжах в разведке, причем ходили мы под Рудню, что между Смоленском и Витебском.... А числа 5—7 апреля началось бурное таяние снега и лыжи стали уже непригодны. Распутица... была такая, что ни прямыми, ни окольными путями невозможно было проехать даже на лошадях». Снег, необычайно обильный зимой 42-го, быстро таял, и окрестности буквально заливало водой. Начальник артиллерии, или, как его должность правильно называлась — «командующий артиллерией дивизии» написал через много лет в своих мемуарах про те дни: «...наступление наших войск 4 апреля проходило в тяжелейших условиях весенней распутицы. Кто наступал тогда в Залексоновских болотах.... вряд ли забудет этот день. Вода льет потоками сверху, вода пробивается снизу, моментально заполняя свежеврытые окопы. Во влажных испарениях, в тумане идет в атаку пехота. Ноги вязнут в черном жидком месиве так прочно, что кирзовые сапоги прихватывает, как клещами. Орудийные расчеты с большим трудом, под огнем противника вытаскивают с помощью лямок 45-мм пушки на открытые огневые позиции. Минометчики несут на спинах и плечах минометные трубы, опорные плиты и металлические коробки с минами, вязнут в грязи, падают, и сами подняться на ноги не могут. Грязь в эти дни была нашим главным врагом. Она заставляла солдат терять много времени на преодоление каждого метра пути...».

²² В данном случае речь идет о донесении №0231 от 8.05.1942. В ходе работы с документами в Коломне, в школьном архиве, было выявлено, что очень часто в документах дивизии деревню Бор называли Лосьмино и наоборот. О нахождении в апреле в д. Бор санчасти, наиболее вероятно — 497-го стрелкового полка, автору сообщил в ходе телефонного разговора в марте 2008 года ветеран дивизии Д.А. Крупейников. Житель этого несуществующего с 2003 года населенного пункта — Петр Иванович Бабаев сообщил автору, что в «...доме Александра Имошинина, находящемся в западной части Бора располагался госпиталь, и умерших в нем в апреле 42-го бойцов — от 40 до 60 человек похоронили прямо в огороде. Саша их после войны сам перезахоранивал — ему же огород нужен был, а не кладбище». Сарай, в котором находилась часть госпиталя в Чичатах, к 2008 году не сохранился. Существуют свидетельства многих ветеранов и местных жителей о том, что к западу от Чичаты, в деревне Фролово летом 42-го располагался госпиталь 41-й армии. В администрации хранится дело: «Список погибших и захороненных воинов в братской могиле деревни Чичаты» — на 717 человек, автору его любезно показала специалист администрации Демяховского поселения — Любовь Ивановна Чачкова. Аналогичное дело хранится в с. Демяхи у главы администрации поселения Валентины Николаевны Карненковой — на 5010 человек плюс 100 человек дополнительных списков. Главупраформ — Главное управление по формированию и комплектации. Адрес, указанный в 1942 для отправки донесений объединениями и соединениями, имевшими гриф «совершенно секретно»: Москва, ул. Фрунзе, 19. В последнем случае упоминается Донесение 135-й сд №0231 на 41 листе — указанные в нем потери были вовсе не полными, в последующем они дополнялись до конца 42-го.

Несмотря на тяжелые погодные условия — дождь, снег, распутицу, к исходу первого дня наступления 1/396 сп майора Георгия Васильевича Исаева с боем захватил деревню Цыгуны и перерезал большак Демяхи — Белый. Осажденная в городе Белом вражеская группировка оказалась полностью блокированной.

Но командующий 9-й немецкой армией генерал Вальтер Модель вовсе не собирался мириться со сложившейся обстановкой — он хотел сохранить плацдарм для соединения своих оленинской и бельской группировок с одновременным окружением частей советской 39-й армии, осуществленных по его приказу в июле. За одни лишь сутки — 8 апреля — немецкие самолеты бомбили передовые подразделения 135-й дивизии ПЯТНАДЦАТЬ раз! После нескольких безуспешных попыток сбросить с большака советские роты и батареи, противник в середине того же дня ввел в бой 7-ю танковую дивизию, переброшенную из района Смоленска²³.

²³ 7-я тд была сформирована в 1938 году, некоторое время ее командиром был генерал Роммель. В 1941 она под командованием генерал-майора Ханса Фрайхерра фон Функа (с февраля) была одной из самых укомплектованных техникой танковых соединений в составе германских Вооруженных сил. В дивизии в начале войны значилось 256 танков (53 Pz-II, 165 Pz-38(t), 30 — Pz-IV и 15 командирских, всего 7-я имела 167 танковых пушек «Шкода» — А-7 по немецкому обозначению). Состав: 25-й тп, 6-й и 7-й мпп, 78-й ап, другие подразделения. Дивизия в составе 3-й ТГр начиная с 22-го июня разгромила у Алитуса советскую 5-ю тд 3-го МК, 24-го захватила г. Вильнюс, 5-го июля у Бешенковичей разгромила 7-й МК, вместе с 20-й тд форсировала Западную Двину, к 10-му июля овладела г. Витебском и вышла к Ярцево. К 6-му октября дивизия замкнула «Вяземский котел» за советскими войсками. Затем она прошла еще 245 км в сторону Москвы до Яхромы (под Клином) и там, согласно знаменитого сообщения Совинформбюро от 13.12.1941 «...была разгромлена войсками 1-й Ударной армии». Правда, 7-я тд почему-то еще полгода после этого воевала на Восточном фронте, хотя даже до начала 1942 ни один из ее чехословацких легких танков Pz-38(t) так и не «дотянул».

Дальнейший путь дивизии был таков: с января 1942 7-я тд стояла в обороне на реке Ламе, затем вместе с 1-й тд сражалась в районе г. Ржева. В марте для сохранения дороги Пречистый — Белый была создана и активно вела боевые действия «оперативная группа Функа» в составе: 7-й танковой и 246-й пд 9-й немецкой армии. В том же марте дивизия получила подкрепление — около 40 танков. В начале апреля 7-я, находясь в резерве 9-й А, как гласят немецкие сводки, начала переброску под Вязьму (удаление — около 120 км), чтобы «...освободить 246-ю пд вокруг г. Белый». Это по немецким данным. По советским: «7-й тд... с 8 апреля... удалось сбить подразделения 135-й стрелковой дивизии с большака Белый — Смоленск и захватить населенные пункты Демехи, Клепики, Кузьмино... При этом она понесла настолько тяжелые потери, что через десять дней боев...оказалась обескровленной и... потеряла свою пробивную способность... а уже 29-го была заменена 2-й тд Вермахта, переброшенной из района Гжатска (Гагарина)». Как скромно описывают дальнейшие события немецкие источники: «...передислокация была успешно завершена к 2-му мая...», но официально 7-я тд была выведена из состава 9-й А лишь 15.05.1942. Последние ее подразделения покинули станцию Ярцево 1.06.1942, отправившись во Францию для, как сообщают историки «...крайне необходимого дивизии отдыха и перевооружения». За год боев в Советском Союзе, по официальным данным, она потеряла 9200 военнослужащих, в том числе 2100 — убитыми.

1. В.К. Чеврус «135-я сд в боях за Родину, 1985; 2. Die 7. Panzer-Division im Zweiten Weltkrieg. Einsatz der «Gespenster-Division» 1939 — 1945 — Hasso von Manteuffel, Trad. Verb. ehem. 7. Pz.Div., K?n 1965; 3. Гот, Танковые операции. Смоленск. «Русич», 1999; 4. Марк Солонин, «22 июня, или когда началась Великая Отечественная война», М., «Яуза», 2007, с.131-137 5. Д.А. Крупейников, автобиография, рукопись л.1, Музей 135-й сд).

Передвижения и транспортировку к тому времени артиллеристы осуществляли исключительно вручную — гужевого состава после десяти суток непрерывных боев в подразделении не было — большая его часть была убита, а остальные животные передохли от голода, болезни и перенапряжения в ходе бесконечных многонедельных маршей. Ведь конский состав — это не русский солдат, его надо своевременно и по норме кормить, чистить, давать время на отдых! Казенное «добро» редко пропадало, и многих из умирающих лошадей, зарезав, вечно голодные бойцы просто-напросто съедали, причем чаще всего в сыром виде. Иногда они варили на кострах и ели даже лошадиную кожу. Подразделения в непрерывных атаках порядочно износились, их белые маскировочные халаты уже после двух первых боев пришли в полную негодность. Бойцы еле держались на ногах от голода, недосыпания и усталости.

С утра 9-го бои возобновились с новой силой, а в 17-00 немцы с трех сторон атаковали Цыгуны. При этом враг вновь наступал свежими частями: одним батальоном пехоты из д. Клепики, усиленным батальоном из района д. Демяхи, и пятью танками с пехотой из Кузьмино — все эти немецкие подразделения ударили по героическому батальону майора Исаева. Противотанковая батарея уже к середине дня полностью израсходовала все боеприпасы к орудиям, в том числе неприкосновенный запас. Результатом их стрельбы были несколько поврежденных огнем вражеских бронемашин, нелепо заставших между Воробьево и Цыгунами.

К исходу тех трагических суток Георгий Васильевич вызвал Петра на свой командный пункт, и артиллерист, уже докладывая о прибытии, услышал конец фразы, которую майор прокричал в микрофон переносной радиостанции: «...умру, но врагу деревню не отдам!..». Потом он повернулся к старшему лейтенанту и ровным, лишенным всяких эмоций голосом поставил ему боевую задачу: «Противник к северу от деревни Цыгуны разрозненными группами пехоты занимает высоту 205,6. Танков в его боевых порядках не обнаружено. Батарею противотанковых пушек приказываю: в 1-00 10 апреля начать выход из окружения в северо-западном направлении — вдоль «Черного ручья», через восточный склон высоты «Пунктирная» в лес «Ближний». В дальнейшем скрытно, через болота продвигаться в направлении восточной опушки Залексоновского леса — в район, откуда мы начинали наступление. В случае обнаружения противником подразделения, батальон огнем и контратаками свяжет врага на высоте 205,6. С собой приказываю забрать: полковую 45-мм

пушку и минометы с расчетами, всех раненых, а также персонал для их переноски с медицинского пункта батальона. Боеприпасы к карабинам батареи снарядить в пустые пулеметные ленты, и вместе со всеми имеющимися в подразделении противотанковыми, ручными гранатами, бутылками «КС» и стеклянной посудой передать на мой КП. На каждого бойца, выходящего из окружения оставить по десять патронов образца 1908 года. Ваша основная задача — спасти материальную часть артиллерии и раненых».

Район боевых действий 135-й стрелковой дивизии.
Фрагмент карты 1:200000 1942 г.

Потом он добавил: «Комбат, послушай меня еще! Ручей разлился, и немцы туда вряд ли сунутся. Не любит наш враг воевать ночью, да и не предполагает он, что вы будете выходить по воде, да еще в самое ненавистное для него время! А ручей проходим, под талой водой довольно крепкий лед — разведка проверила. Завтра — наш «праздник», поэтому считаю, что гибель отлично подготовленного личного состава артиллерийских подразделений при полном отсутствии снарядов будет совершенно бессмысленной — короче, спасай материальную часть и бей этих гадов дальше. Пулеметчиков с пустыми лентами я к вам отправлю. Проверь, чтобы у твоих орлов не осталось ни одного трассирующего патрона, и во избежание случайного выстрела не было досланных в ствол боеприпасов. Да, еще... — отомстите за нас!»

Затем он совершенно спокойно повернулся в сторону противника, и начал ставить боевую задачу своему заместителю — един-

ственному остававшемуся на тот момент в живых старшему лейтенанту. Это был начальник полковой школы 396 сп Николай Русаков из Хабаровска — артиллерист познакомился с ним еще в Харбине, когда они вместе трудились на КВЖД, и не раз видел его в последнее время, отбирая младший командный состав для своей батареи. Остатки «школьной» команды были приданы 1-му батальону всего несколько дней тому назад вместе с истребительным отрядом лейтенанта Владимира Сверчкова, и оба эти подразделения понесли 7 апреля тяжелые потери. Командир «истребителей» в тот же день погиб в рукопашной схватке, а все оставшиеся в живых бойцы и командиры были влиты в состав 1/396 полка.

Николай Николаевич уже вторые сутки исполнял обязанности заместителя майора Исаева, несколько раз побывав на позициях противотанковой артиллерии. Теперь он получал боевую задачу вместе с последним из оставшихся батальонных адъютантов. Петр узнал покрытое гарью, кровью и пылью лицо двадцатилетнего Георгия Говардовского из Кунцево, не имевшего воинского звания и, соответственно — знаков различия на петлицах своей гимнастерки, воротник которой выбивался из-под простреленного и изорванного солдатского бушлата. Тот бысто записывал в блокнот распоряжения майора, лишь мельком глянув на Петра. Они встретились глазами, и артиллериста пронзило мертвенным холодом пустого, безжизненно-го взгляда этого всегда в прошлом веселого, жизнерадостного человека. Артиллерист похолодел — он, словно живьем попал в могильный склеп. «Вот как, оказывается, выглядит человек, увидевший вблизи свою смерть! Хотя у меня, наверное, сейчас точно такие же глаза. Ведь ни одна живая душа пока не знает, удастся ли нам к утру выйти из окружения?», — подумал Петр, приложив руку к головному убору... Передумав отдавать воинскую честь, он просто поправил фуражку на голове, резко повернулся на левом каблуке и отправился в свою батарею. Он так и не решился попрощаться со своими боевыми товарищами, делившими с ним в последние дни и радость побед, и горечь поражений. Не хотелось верить в то, что они были обречены; единственное, что можно было сделать для них — мысленно пожелать хоть немного удачи, отвернувшейся в последние дни от подразделений, сражавшихся на большаке.

Для организации выхода из окружения в распоряжении командира батареи было всего несколько часов темного времени. Вскоре на позицию артиллеристов начали приносить и приводить раненых. Их было очень много. Заполночь все были готовы к прорыву, и ров-

но в час ночи в абсолютной темноте подразделение начало выдвигаться в направлении Черного ручья. Петр прокручивал впоследствии в своей памяти картины, как на подходе к разлившейся водной преграде его бойцы вручную толкали по жидкому месиву четыре 45-мм противотанковые пушки. По ручью они двигались по пояс в воде, при этом на поверхности были видны лишь верхние части щитков орудий. Когда они преодолели «Ближний» лес, выйдя к болотам, лежащим к югу от урочища Залексоновское, они вновь начали месить ногами чавкающую жижу, неся на себе носилки и поддерживая ходячих раненых. Свои шинели бойцы еще ночью отдали медицинскому персоналу для утепления «лежачих», тем не менее, над каждым из артиллеристов струился пар — словно от скаковых жеребцов после забега. Петр впоследствии всегда удивлялся, что после того нечеловеческого марша простудными заболеваниями в его подразделении не заболел ни один человек!

...Ожесточенные кровопролитные бои продолжались вокруг Красногородского озера весь апрель и май. Достаточно сказать, что через медсанбат дивизии к 9 апреля только ранеными прошло 1245 человек — свыше одиннадцати процентов от численности соединения, не считая убитых, пропавших без вести, а также доставленных в санчасти полков²⁴. Противник почти непрерывно бросал в контратаки танки и автоматчиков, вел обстрелы и осуществлял налеты авиации на позиции советских войск, сражающихся в Залексоновских болотах, и все эти недели превращались в одну сплошную, не затишающую ни на минуту кровавую карусель. Населенные пункты, вы-

²⁴ Приведенные строки — из рукописи В. Чевгуса, стр. 9–10 и ЦАМО ф.135 сд, оп. 4447 д. 1, и то же самое пишет в своих письмах, хранящихся в музее 29-й коломенской школы Д.А. Крупейников. 179-я сд наступала левее 135-й сд в направлении г. Белого. Приказом командира дивизии подразделениям 396-го сп в конце марта было приказано установить взаимодействие с ее частями в районе Дмитровка, Шверкуны(?). 8-й омсб 179-й сд в «Книге учета умерших с 1.07.1942 по 30.07.1943» в августе 1942 весьма «конкретно» указал место своей дислокации: «Бельский р-н Смоленской области» (ЦАМО, Ф. 58 оп. А-0071693 д. 27). В марте 179-я сражалась на улицах Белого. В Донесениях дивизии за апрель приводятся следующие сведения о гибели военнослужащих 179-й: «...убит в бою за д. Черепы, похоронен в д. Новая», «убит в д. Петрушина», многие бойцы и командиры погибли и были похоронены на улицах города (26.04), а также в дд. Филюкино, Поповка, Скворцово, Авдеево Бельского района, в последнем н.п. в апреле дислоцировался 8-й омсб дивизии. Все названные деревни находятся северо- и юго — западнее Белого. (ЦАМО, Ф. 58 оп. 818883 д. 314) С марта дивизия входила в состав группы генерала Березина в составе 179-й и 17-й гв. сд, сражавшихся вокруг города и напрямую выполнявших приказы командующего оперативной группы генерала Колпакчи (ЦАМО Ф.135 сд, оп.1. д.6, л.1).

Архив Министерства обороны сообщает следующие весьма круглые, а потому, вероятно, приблизительные сведения — «с 28.03 по 15.05.1942 на Бельской земле погибло: в районе деревни Бор — 260 человек, Глинцево — 300, Гудилово — 80, Залексоновка — 400». (ЦАМО, ф.135-8, 02, д.5 лл.1-59) В эти цифры, конечно, не вошли пропавшие без вести, в массе своей — также убитые и умершие от ран.

соты, урочища, здания, блиндажи и позиции по несколько раз переходили из рук в руки, подступы к ним все гуще и гуще заполняли тела убитых с обеих сторон и черно-рыжие остовы сгоревших немецких танков и бронемашин. Дни сменяли ночи, а все вокруг продолжало стонать, грохотать и взрываться, превращая жизнь бойцов в нескончаемое тускло-серое существование, не имеющее ни прошлого, ни будущего, ни начала, ни конца. Существовало только настоящее, и оно до краев было наполнено грохотом разрывов, воем осколков, смертью и сладковатым трупным запахом! Даже время и почва под ногами уже не были реальностью, зато зыбкая, качающаяся под ногами земля было щедро полита кровью их товарищей, удобрена лежащими повсюду частями тел живых и мертвых – врагов, пришедших поработить эту землю, и своих, защищающих ее. Многие красноармейцы сходили с ума, некоторые даже забывали при бомбежках свои имена!

Петра в те дни тоже накрыло взрывом авиабомбы и с нечеловеческой силой швырнуло на бруствер окопа. Он лежал и смотрел на затянутое дымом серое небо, по которому с ревом пронеслись бомбардировщики с черными крестами на крыльях, и не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Слезы сами собой текли по его лицу от ощущения бессилия и безысходности. Время тоже остановилось, и он даже мог разглядеть лица немецких летчиков за колпаками кабин, скалящих зубы и обменивающихся какими-то сигналами. В мире не оставалось больше ничего, только ужас, смерть и эти самолеты, прилетевшие, чтобы жечь, разрушать, калечить и убивать защитников позиции! Мыслей тоже не было, лишь детская считалочка звучала в мозгу:

Szedł Żyd z Warszawy,
Niósł Żyd cymbały.
Spotkał Żyd pana:
«Graj, Żydzie!»
«Szabas, panie!»
«Kij na Żyda!»
«Zaraz, panie!»
Ljachczin – czachczin,
Tyр – dyr – dam.
Jak pan każe,
Tak gram?»

Петр считал слоги у детского стишка, которым они с друзьями пользовались в Варшаве, и загадывал, что вот сейчас, с последней ее фразой очередная бомба, вывалившаяся из-под фюзеляжа «Юнкерса», попадет прямо в него. Но огромная черная точка прошлестела над головой и шлепнулась в болото, почему-то не содргнув взрывом земли. Комбат даже пожалел при этом, что она не оборвала его мучений! Вскоре старшего лейтенанта нашли уцелевшие бойцы третьей батареи, откопали из земли нижнюю часть туловища, перевязали голову и, когда к нему вернулся слух, доложили, что в подразделении погибло еще четверо бойцов, десять ранено, выведены из строя две «сорокапятки».

...Какие-либо сведения о 173-м дивизионе в донесениях о безвозвратных потерях дивизии до конца 1942 года отсутствуют совершенно, как будто и не существовало такой воинской части в составе соединения и вообще на Калининском фронте²⁵ Сохранились лишь отдельные упоминания, что «...28 мая сорок второго дивизион вместе с батареями 276-го артполка вел бой против немцев, занимавших город Белый», ведь весь июнь «болотная дивизия» сражалась на улицах города в составе группы генерала Березина, и в ходе боев потеряла убитыми, ранеными, пропавшими без вести большое число бойцов и командиров. Имеются документы, датированные апрелем,

²⁵ За время первых боев 135-й сд встречаются упоминания только о следующих военнослужащих 173-го дивизиона: Иване Андреевиче Крахмаль – командире орудия, награжденному приказом по 41-й А № 05/1 от 18.05.1942 медалью «За боевые заслуги», Марие Васильевне Ивановой – военфельдшере дивизиона, С.П. Рыжкове – командире дивизиона 276-го ап, назначенного на место капитана Мисюры, а также погибших красноармейцах: Иване Ильиче Зубакине, убитом 5.04.1942 у д. Бор (Донесение 1-го Украинского фронта от 31.07.1945 № 01149, Ф. 58 оп. 977525 д. 331), Кузьме Семеновиче Махонникове, убитом 20.04.1942 у д. Бор, (Ф. 58 оп. 977525 д. 332) и Иване Егоровиче Шибаеве, умершем от болезни 9.09.1942 в д. Козлово в 138 омсб, (Ф. 58 оп. 977525 д. 335). В последующем лишь 27.11.1942 года в «Журнале (Книге) учета умерших 138-го отдельного медико-санитарного батальона» встречается упоминание о военнослужащем дивизиона – «...старший сержант Тарасов Алексей Иванович, [из] 173-го оптд... умер от ран 26.11.1942... [и] похоронен в 150 м юго-западнее деревни Цепелево, Молодотудского района [Овчинниковского сельсовета] Калининской области». Всего в этом деле, начатом 10.11.1942, а законченном 12.05.1945 (Ф. 58 оп. А-0071693 д. 593) значатся лишь несколько человек с названного дивизиона. Кроме Тарасова, в нем упоминается младший лейтенант Лисняк Александр Петрович – ЗК 173-го оптд по строевой части, который умер от ран 25.07.1943. А еще Ламаев Николай Филиппович... красноармеец... умер[ший] от ран 19.08.1943...

Журнал 138-го омсб (ЦАМО Ф. 58 оп. А-0071693 д. 593) сохранился в ЦАМО в единственном числе. Предыдущий аналогичный документ за январь-ноябрь 42-го, вероятно, не уцелел, и лишь в «Книге Памяти Архангельской области» (Том 07/Г.1), встречается запись (составлена по Ф. 58 оп. 818883 д. 267 л. 52об), что 28.03.1942 «...рядовой... Голубев Павел Васильевич... из 396 сп 135 сд... стрелок... умер от ран в д. Чичаты... в 138-м омсб...» Эта запись, по меньшей мере, свидетельствует о местонахождении названных частей дивизии с конца марта до середины мая 1942 – в 15 км юго-западнее г. Белый. Кроме вышеперечисленных, упоминание о 173-м оптдн имеется в «Списке осужденных военным трибуналом 135 сд» № 00249 от 5.12.1942: «Агумов Алексей Иванович, [из] 173 оптд... 1908 г/р, [уроженец] д. Татарка, Увельского района Челябинской области, 13.08.1942 осужден на 10 лет с поражением в правах на 3 года» (ЦАМО, Ф. 58 оп. 818883 д. 785).

в них назван адрес противотанковой части в те трагические дни: «Действующая армия, ппс (полевая почтовая станция) №1714, 173-й оптд». Впоследствии дивизион получил другой номер полевой почты — 81153.

А 3-я батарея тем временем вместе с пехотинцами непрерывно ходила в атаки, контратаки, чередующиеся оборонительными боями. Они не отражались в сводках Информбюро, так как были всего лишь «боями местного значения». К середине месяца артиллеристы «сидели» на дороге возле безымянного водоема, находящегося среди нескончаемых Залексоновских болот. 1-я и 2-я батареи дивизиона к тому времени заняли позиции в районе деревень Михалево и Васнево, южнее н.п. Чичаты. Эти два подразделения — единственный резерв, оставшийся в распоряжении командира дивизии, отвели назад — для прикрытия тылов соединения от удара с запада и защиты полевого госпиталя. Несомненно, что все находившиеся в районе мест боев 3-й батареи болота носили у местного населения какие-то названия, но они остались неизвестными не только военным геодезистам, составлявшим в сорок первом топографические карты близлежащих мест, но и личному составу подразделений, оседлавших позицию. В памяти бойцов и командиров оставались лишь кровотокащие названия: «Цыгуны», «Черный ручей», «...речка Красногородка,... ну та, что после поворота становится Лосьмянкой», и еще страшная «...Высота Номер Двести-Шестнадцать-И-Восемь». За эту точку на карте они непрерывно сражались последние дни, и она стала их богиней, мучительницей и палачом — подступы к окопам, непрерывно переходившим из рук в руки, были буквально завалены трупами: с севера и запада — наших бойцов, а с юга и востока — немецкими! Здесь же среди воронок, развалин двух ДЗОТов, искореженного оружия и обломков проволочных заграждений лениво чадили немецкие танки, отлитые совсем недавно в Германии из знаменитой крупновской стали. Они были железными, а все равно горели, как сырые поленья, заволакивая окрестности густым черным дымом от догорающих нефтепродуктов, взрывчатки, резины, перемешанного с запахом поджаренного человеческого мяса...

Петр уже давно привык к тому, что во время сливающихся в один непрерывный гул врывов, оружейной канонады, треска пулеметных очередей и отвратительного чавканья немецких пристрелочных пуль типа «Б» его бойцы фанатично выкрикивали, вместо обычных в бою: «На, гад, получи!..», «За Родину!..» и «Что, тварь, не нравится?», густо приправленных площадным матом еще и «Верую...».

«Матка Боска...», «О-о-о, Бисмалла Рахмат Рахим...», другие знакомые им с детства молитвы. Впрочем, обращаемые к мертвому, безжизненно — серому небу горячие слова мало помогали, и уже через несколько дней «внезапно уверовавших» в искаленном виде доставляли в медико-санитарные роты, а чаще всего после одного — двух боев их уже было в живых. Церквей поблизости от них тоже не было — все они были разрушены много лет назад, в период массовой борьбы с культом, в которой в свое время принял участие и Петр. Стены тех храмов, что не были разрушены до самого основания, сиротливо стояли среди пепелищ — местность за эти месяцы превратилась в лунный пейзаж. Словно гигантский косильщик прошел по окрестностям с огромной «литовкой», уложив на землю все, что хоть чуть-чуть выступало над поверхностью — тысячи зданий, миллионы деревьев, десятки тысяч людей. От множества находившихся в округе деревень остались только ряды когда-то выбеленных известкой русских печей, виселицы у околиц да свежие бугры братских могил уничтоженных врагом местных жителей. Тригонометрические пункты, отдельно стоящие деревья, целые леса и рощи были срезаны миллиардами осколков снарядов и бомб, пейзаж изменился до неузнаваемости, а потому только высоты, да полуразрушенная кирпичная колокольня красногородской церкви служили командирам в качестве ориентиров при топографической привязке. Второй, невидимый теперь большой храм в Чичатах еще совсем недавно использовался оккупантами в качестве эшафота — на торчащей среди развалин арматуре они вешали подпольщиков, партизан и местных жителей. Православная вера была не в почете у всех властей, владевших краем в последние два десятка лет!

В памяти комбата всплыла деревня Цыгуны — такой, какую она была видна с КП противотанковой батареи — ее низкие, приземистые домики словно качались на зыбких волнах черного дыма пожара, дымчатого марева и испарений, идущих от болот. В то утро, 10 апреля, среди сотен лежащих повсюду трупов, дымящихся бронемашин, развалин домов, укреплений, перепаханых тысячами снарядов, 1-й батальон 396-го полка готовился принять свой последний бой. Исход его был неизбежен — боеприпасов, которые оставила в Цыгунах 3-я батарея, должно было хватить самое большее на несколько минут стрельбы. Впоследствии Петр вспоминал выход своих бойцов из окружения — они шли по Черному ручью вдоль высоты «Пунктирная», молясь каждый своему богу, чтобы на ее восточных склонах не оказалось немцев. Красноармейцы боялись даже кашля-

нуть — вражеские позиции на высоте 205,6 были всего в пятистах шагах, и у них не было ни одной свободной руки, чтобы выстрелить по врагу. К моменту появления далеко к востоку от них солнечного диска они встретили подразделения 791-го полка, выдвигающиеся навстречу...

А за их спиной с первыми лучами рассвета 10 апреля загрохотал ружейно-пулеметный огонь, к которому вскоре присоединилась немецкая артиллерия. Истекающий кровью батальон отвлекал на себя внимание врага и глушил звуки передвижения батареи и медиков, отягощенных скорбным грузом. К исходу девярых суток непрерывных боев 1/396 сп, медленно отходя на север, был почти в полном составе уничтожен. Майор Исаев погиб ближе к вечеру, последним из всех командиров. По донесениям, хранящимся в архиве Министерства обороны, это произошло около 15-00, и для истории сохранилась последняя радиограмма командира батальона, записанная на КП дивизии связистами: «...Боеприпасов нет, людей нет, взрываю себя гранатой...», — после этих слов связь оборвалась. Как сообщил впоследствии очевидец из местных жителей о произошедших возле деревни событиях, «...немцы подогнали к Цыгунам танки и загнали наших бойцов в мох...»²⁶. В тот день, когда закончил свой жизненный путь Георгий Васильевич, его подчиненных при поддержке пехоты атаковали сразу двенадцать железных чудовищ, а еще около пятнадцати вражеских машин ожесточенно штурмовали позиции других частей дивизии, пытаясь прорваться к Чичатам.

Штаб 135-й встречными боями пытался поддержать подразделения, обороняющие большак, и к Цыгунам прорывался батальон капитана Кузнецова из состава 791-го полка. Но он опоздал — к исходу того трагического дня 1-й батальон был истреблен почти в пол-

ном составе — лишь около сорока человек, в основном раненых, попали в плен. Пробившиеся к трассе советские подразделения вышли на рубеж Воробьево — Цыгуны и в ярости от увиденной картины расправы сошлись с противником в штыки, нанеся ему удар такой силы, что немцы, как обычно, в панике бежали сразу в двух направлениях — в Клепики и Кузьмино. Тем не менее, к 12 апреля непрерывными контратаками врагу вновь удалось остановить наши части, налетами авиации, чередовавшимися интенсивным артиллерийским огнем обескровить их и добить последние очаги сопротивления на большаке. Вскоре немецкие танкисты сбросили остатки советских батальонов с дороги, деблокировав свою окруженную Бельскую группировку.

...14 апреля было затишье, и остатки 3-й батареи стояли в обороне. Они заняли окопы, почти доверху залитые водой от оттаявших болот и речушек. Тела солдат и офицеров обеих противоборствующих сторон, убитых как совсем недавно, так и в прошлом году, до сих пор лежали не захороненными в окрестных лесах, оттаивая из-под снега на солнце. Вода и тающий на реках и болотах лед был, как и заходящее по вечерам солнце розово-красным. Артиллеристов поставили прикрывать эту позицию, так как дорога, тянущаяся среди мертвых, почти безжизненных водоемов, оставалась единственной трассой, проходимой для вражеской техники, а потому являлась танкоопасным направлением. Почти каждый день немцы бомбили и обстреливали позиции, иногда проводя пехотные атаки и налеты авиации, пытаясь любой ценой уничтожить обороняющиеся невдалеке от Лосьмино части дивизии. А саму деревню советские подразделения почти непрерывно атаковали в севера, пытаясь уничтожить оборонявшийся в ней батальон немецкого 352-го пехотного полка...

Потери в живой силе у батареи 45-мм противотанковых пушек и находящихся невдалеке пехотинцев были просто колоссальными — люди выбывали из строя один за другим. Убитых и раненых, за редким исключением, уже никто не эвакуировал — катастрофически не хватало санитаров, транспорта, и потому раненые вскоре умирали в страшных мучениях из-за отсутствия медицинской помощи. Преподать земле павших было невозможно из-за непрерывного огня противника, а рыть могилы было тем же самым, что бросить трупы плавать в водоемы. Земля на позиции практически не встречалась и, кроме самой дороги, вокруг была одна только промерзшая зловонная жижа. Поэтому тела командиров и красноармейцев просто складывали штабелями позади окопов вместе с немецкими трупами.

²⁶ Приведенные слова принадлежат жителю д. Демяхи — Петру Ивановичу Бабаеву, 1932 года рождения, жившему до 2003 в д. Бор. Кроме того, он сообщил автору про боевые действия 396-го и 497-го сп: «...Весной 1942 немцы занимали Лосьмино, Дворище, Красногородку, Вышеторы, Моглище. Они стояли в деревнях, а наши — в окрестных вокруг Демяхи и Воробьева лесах. Из Лосьмино фашисты выгнали только в 1943 году. Нашим ни разу не удалось взять это село... Немцы большинство населения, и нас в том числе, накануне апрельского наступления выселили из деревень, а сами заняли в них глухую оборону. В ходе апрельских боев наши войска атаковали Демяхи, Лосьмино и Воробьево с севера, из лесов. Немцы в домах и вокруг них устроили свои опорные пункты, оборудовали ДЗОТы, пулеметы они разместили на крышах домов и косили наших бойцов практически в упор. А наши... шли при этом, волна за волной... их расстреливали, а они все равно шли вперед. В полный рост! Моему будущему зятю — в то время подростку, остававшемуся в Лосьмино, после одного такого боя немцы кричали: «Рус, смотри!» и на его глазах из пулеметов добивали наших раненых бойцов и командиров». Оперативная сводка 135-й сд от 9.04.1942 сообщает об этих событиях практически то же самое: «Противник не имеет достаточного количества боеприпасов, ведет огонь с близкого расстояния — 30-100 метров, подпуская нашу пехоту... в упор...» (ЦАМО, ф.135 сд, оп. 444 СС(1) д.11 л. 245). Что тут скажешь, враг у 135-й сд был действительно достойным, а нервы у немецких пехотинцев — поистине железными. Профессионалы!

Развалины села Лосьмино и лес к северу от него, из которого весь апрель 42-го врага непрерывно атаковали 396-й и 791-й сп. Местность такова, что зачастую огонь немцам приходилось открывать в упор, с расстояния в «...30-100 метров»

Доходило и до рукопашной, поэтому вскоре после прибытия «на болото», прикончив из трофейного пистолета добежавшего до нашего окопа фашиста, Петр «добыл» складную алюминиевую вилку-ложку 1939 года выпуска. Он извлек ее из сапога убитого — и это был единственный трофей, который Петр привез с войны²⁷. Еще он обнаружил несколько банок консервов и поджаренный хлеб в котелке, притороченном на спине застреленного солдата германского Вермахта. Если бы он знал, с какой тоской его подчиненные будут вскоре поминать те «вражьи» продукты!

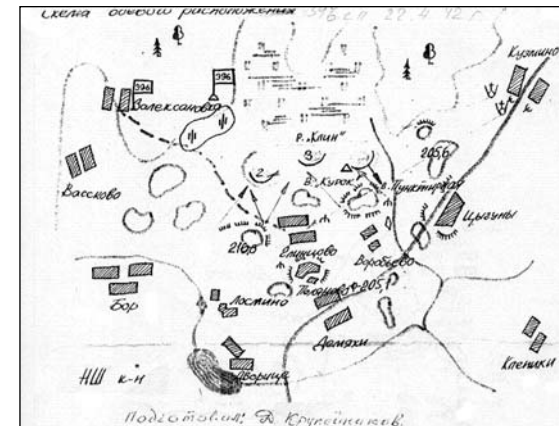
Позиции германской пехоты находились за болотом — они занимали дома в окрестных селах, превращенных в неприступные опорные пункты, состоящие из окопов, блиндажей, ДЗОТов, основательно укрепленных деревянных и каменных домов местных жителей, вокруг которых все было нашпиговано проволочными заграждениями и минными полями. Из деревень: Лосьмино, Демяхи, Клепики они уже несколько дней непрерывно контратаковали наши войска. Пейзаж открывал взору резко пересеченную

²⁷ Что это был за солдат — лишь один из многих погибших в Залексоновских болотах немецких военнослужащих, теперь установить, скорее всего, будет невозможно. Удалось узнать имя лишь одного из подобных ему — стрелок Игнац Зайф (sch?tze Ignaz Seif), который родился 10.02.1910 года в местечке Вальзлингс (Walzlings). Солдат до войны жил в м. Кимратсхофен (Kimratshofen), округа Оберальгау (Kreis Oberallgäu), в Баварии — все эти населенные пункты и сейчас располагаются недалеко от точки соприкосновения границ трех государств — Австрии, Швейцарии и Германии. Военнослужащий погиб 3.04.1942 в районе «...Лосьмино, недалеко от Околица, Россия» (Losmino b. Okoliza, Ru?land). (Источник: Volksbund Deutsche Kriegsgr?berf?rsorge e.V.).

местность, состоящую из бесчисленных сопок, лежащих среди озер, болот и ручьев, а также речки Красногородки, текущей среди холмов, и вся расстилающаяся вокруг местность была густо покрыта телами погибших.

Время от времени немцы заводили граммофон с записями своих маршей, иногда — с песнями Леонида Утесова. Петр, услышав одну из них, вспомнил, что был знаком с исполнителем лично еще в 1914 году, когда тот руководил ватагой мальчишек, помогавших взрослым разгружать баржи в одесском порту... По окончании «представлений» фрицы обычно орали в сторону наших позиций: «Рус, сдавайся! Война капут!..» и подпускали к вещанию «агитаторов» из перебежчиков. Те, конечно, «толкали» речи с обещаниями сытой жизни, цивилизованностью захватчиков и «раем» на земле в немецком тылу, особо напирая на то, чтобы бойцы «случайно» не забыли взять с собой в плен ложки и котелки.

Схема района боевых действий 396-го сп на 22.04.1942 г.

После этого почти всегда начиналась перестрелка, ведь многие уже знали о сотнях расстрелянных под Рудней советских военнослужащих, обезображенные тела которых были найдены не захороненными во рву за поселком! Кроме того, на пути наших войск попадалось множество местных жителей, чудом спасшихся от бесчеловечности оккупантов. Одна из женщин, случайно выжившая в Пречистенском районе, молча и без слез рассказывала о пережитом: «...Мы жили рядом с Воронцово — в деревне Новая. Однажды немцы приш-

ли в село, согнали всех баб, стариков и детишек в сарай и сожгли их заживо. Я шла из соседней деревни и лишь издали слышала стрельбу, крики горящих людей и довольный гогот этих извергов. Все мои родные тогда погибли — дети, а также мать, сестра с семьей и свекровь. Отомстите за них, ребята!»²⁸. Губы подчиненных Петра белели от ненависти, когда они слышали подобные свидетельства, впрочем, со зверствами врага они сталкивались постоянно, находя в деревнях и окрестных лесах следы целенаправленного истребления местного населения, особенно мужчин разных возрастов и мальчиков от 7 до 12 лет. Иногда палачи расстреливали даже пятилетних ребятшек. Чаще всего они развлекались тем, что убивали детей выстрелом из пистолета в голову, смотря им в лицо — на лесных полянках бойцы противотанкового дивизиона часто находили целые группы подростков с черными точками между глаз, будто бы прилегших отдохнуть... Генерал-майор Максимилиан Зиры — «...старый и заслуженный солдат...», видать, очень сильно тосковал по виселице²⁹.

²⁸ Эту историю рассказала в марте 2008 года Екатерина Григорьевна Звонарева — жительница с. Чичата, которое находится в 18-ти км к северу от упомянутых дд. Воронцово и Новая. Свидетельство того, как палачи Модель и Зиры «доблестно» воевали у Белого с женщинами и детьми можно привести великое множество — смотрите, например все выпуски «Бельской правды» за сентябрь 2007 — март 2008, в особенности — за 19.01.2008, и книгу Анатолия Николаевича Мишурова «Литературно-историческое обозрение Бельского края», Белый, 2007. Макс Зиры, в июне 1942 получивший Рыцарский крест за бои у города, кроме того, был известен своей поистине патологической жестокостью. Цитата: «По мнению генерал-лейтенанта...»вермахт вел себя недостаточно варварски». Генерал хвалился тем, что в период войны против Советского Союза он предлагал отрубать военнопленным одну ногу, чтобы они не могли сбежать» (Справка: данный перевод принадлежит однокласснику автора по школе №1 ГСВГАлексею Маруфову, профессиональному лингвисту-германисту, проживающему в г. Санкт-Петербурге). Еще один документ, подтверждающий, что Макс Зиры — обыкновенный военный преступник, хранится в Воронежском музее «Арсенал» (г. Воронеж, ул. Степана Разина, 43): «Справка... выдана... военфельдшеру Попову Владимиру Ивановичу в том, что он при побеге с виселицы в д. Толстые (вероятно — д. Толстяки, в 10 км к востоку от города), Бельского района... 14-го августа 1942 года был ранен в правую руку... Начальник штаба партизанской бригады имени Чапаева капитан Савинов».

²⁹ У автора, читавшего и слышавшего подобные свидетельства, постоянно возникало недоумение — а не были «бесчеловечный сталинский режим» слишком уж либеральным, не повесив за шею всех этих паулюсов, манштейнов, гудерианов и прочих зирь. Если кому непонятно, о чем идет речь: Манштейна можно было смело казнить за Крым и целенаправленное уничтожение как пленных бойцов СОР, так и местных жителей. Моделя, «своевременно» застрелившегося 21.04.1945, и Макса Зиры, побывавшему в английском плену и умершему своей смертью в Фульде — за ежедневно расстреливаемых их подчиненными детей от 5 лет и массово сжигаемые вместе со всем населением деревни. Паулюса можно было вполне заслуженно прикончить за разработку и проведение «Барбароссы», а Хайнца Гудериана — за тот же Бабий Яр. В упоминаемой (*28) книге и других источниках приводятся свидетельства, как подчиненные моделья давили танками грудных детей и сообщается, что после освобождения района в «Долине смерти» были «обнаружены» живые местные жители — в дд. Демяхи (колхоз «Призыв») — ни одного, Плюская — нашли лишь одну женщину, по фамилии Багрова, «которая пряталась в землянке», а в Будинском сельсовете — гражданина Моисеева. После освобождения Калинина очевидцы рассказывали: весной 42-го, когда тронулся лед на Волге, на нем лежало просто невероятное число расстрелянных фашистами людей. Их долго собирали с лодок прямо во время ледохода и хоронили на берегу. Хотя несомненно, что на реке было много погибших в боях солдат — Волга несла свои воды с северо-запада, из мест ожесточенных боев.

...Но в тот день, пришедшийся на середину апреля, было затишь — немцы укрепляли занятые ими в последние дни позиции. Над болотами разносились звуки репродуктора — прибывшая на фронт советская агитационная машина вела пропаганду на немецком языке. Знакомый по совместным боям пехотный лейтенант из соседней дивизии, вышедший со своей разведывательной группой и пленным немецким фельдфебелем к противотанкистам, первым на позиции увидел Петра. Они обнялись, как братья, и тот попросил покормить разведчиков, не державших во рту и маковой росинки уже несколько суток. Артиллеристы достали все свои скудные запасы, остатки «наркомовской» водки, и стали потчевать гостей прямо в окопе с водой. Плехнувшись ногами в траншею и увидев за позициями штабеля с мертвецами, лейтенант несколько не удивился, а посетовавшему на отсутствие снабжения Петру сказал: «...Говоришь, батарея уже вторую неделю не получает продуктов?.. Чему ты удивляешься, комбат? Я воюю, практически, с самого начала войны и скажу так: даже жизнь командира роты для начальников не значит ничего. Противогаз с гофрированной коробкой — и тот для них гораздо дороже! Химик полка в 41-м имел строгий приказ — собирать противогазы после боя. Что и делал! А раненых солдат и лейтенантов некому было подбирать! Они и тогда, и сейчас сами ползут, истекая кровью в санроты. Убитых и замерзших в снегу вообще не учитывают. Против их фамилий в списке ставят крестики и считают, что они «списаны» на войне. Спроси в полку штабистов, где похоронены солдаты и лейтенанты? В «похоронках» названия деревень и населенных пунктов указаны, а где на самом деле остался лежать убитый — этого не знает никто».

Последнее из сказанного было сущей правдой — Петр однажды случайно увидел в штабе черновик донесения о боевых потерях своей дивизии — в нем не только не были указаны координаты могил военнослужащих, погибших за Родину, но даже не сообщалось, в каких подразделениях и частях они служили. Самыми ходовыми формулировками были такие: красноармеец, сержант или лейтенант такой-то, призванный там-то, убит в бою тогда-то, похоронен «...на опушке леса у деревни Пупкино, ...-ского района ...-ской области», или «...у разъезда Головастище Калининской железной дороги, в 300 метрах от железнодорожной насыпи, в сосновой роще». И в конце — адрес родных, куда необходимо послать «похоронку» со столь «точно» указанным местом последнего упокоения отца, брата или сына. Именно после столь шокирующего «открытия» Петр стал при помо-

щи компаса и местных ориентиров определять места захоронения своих подчиненных, хотя его артиллеристы нечасто предавали земле своих убитых командиров и красноармейцев — этим обычно занимались специально назначенные команды.

Напоследок лейтенант озвучил как раз те мысли, которые вертелись в голове Петра: «Но главное — прогнать врага с нашей земли, ведь никто из нас не сможет прямо смотреть в глаза своим близким, если мы допустим в наши дома фашистов, ссылаясь на то, что нам не присылали еду. Или патроны со снарядами. Нам надо просто выполнять свой долг — бить врага!..». Петр припомнил один из рассказов, прочитанный еще в юности... Это случилось в 480 году до новой эры. Ведя своих воинов на врага, афинянин Фемистокл заметил схватившихся друг с другом петухов. Он заставил свое войско остановиться и сказал: «Смотрите, они сражаются не за родину, не за отчих богов, не за гроба своих предков, принимают муки не ради славы, свободы или блага детей, но единственно ради того, чтобы победить и превзойти мужеством противника». После этих слов воодушевленные греки разбили персов под Саламином. Он рассказал историю лейтенанту, и тот ответил: «Да, сильно! Ну, что ж, прощай, старлей, может, и не увидимся больше никогда!.. Вскоре разведгруппа ушла в тыл, таща за собою захваченного немца, а противотанковая батарея продолжила свое скорбное «сидение» в обороне.

Прибывающее в пехоту пополнение честно распределялось их начальниками на месте между всеми подразделениями, как пехотными, так и артиллерийскими, зато подготовленных по специальности командиров среднего звена противотанкистам не прислали не разу. Вскоре Петр Иосифович остался единственным офицером в батарее, хотя до 1943 года комначсостав почти никогда не называли этим «контрреволюционным» словом. Он не покинул своих подчиненных после первого, «легкого», как он написал впоследствии в автобиографии, ранения. Продукты питания и воду в его подразделение за месяц не доставляли ни разу. Ведь Калининский фронт в то время среди солдат уже назывался «голодным». Поставки фронту в те дни шли через город Бологое — это был приличный крюк по бездорожью.

Весна наступила ранняя... Непонятно, правда, куда к апрелю исчезло продовольствие из сорока (!) складов, захваченных 4-й Ударной 21 января в Торопце? Ведь согласно официальным данным именно эти продукты стали основным источником снабжения объединения в последующие месяцы. Когда пошли первые дожди, в войска фронта стали подвозить только патроны и сухари, да и то из-

редка. Всё остальное доставлять стало невозможно из-за непролазной грязи на ставших практически непроходимыми дорогах, в которой застревало все — танки, трактора, автомобили, даже военные двуколки и крестьянские повозки. Перевозка снарядов и других боеприпасов к тому времени вообще потеряла смысл — танки и артиллерия прочно увязли в болотах, и не могли самостоятельно выдвигаться в районы боевых действий. Многочисленные танки: БТ, Т-60, «Матильды», «Валлентайны», а также грузовики стояли застрявшими среди болот. Пехота на руках толкала вперед автомобили, орудия, легкие танки, понимая, что с одними винтовками им будет трудно выполнять поставленные командованием задачи.

Впрочем, в батарее Петра Иосифовича противотанковые снаряды пока еще имелись в наличии. Связь с артиллеристами никто из командования дивизиона поддерживать не пытался, и вообще было непонятно, где находится его штаб и командир — Сергей Петрович Рыжков, сменивший в середине апреля на этой должности капитана Мисюру³⁰. Командиры стрелковых подразделений вполголоса сообщали Петру, что командование 173-го противотанкового дивизиона к тому времени, чуть ли не в полном составе было уничтожено! Поэтому его солдаты, рискуя жизнью, собирали на болотных кочках все, что можно было употребить в пищу, выкапывали из болотной жижи корни растений, ловили и ели сонных лягушек, мелких грызунов. Пили только гнилую красноватую воду из болот, и было непонятно — красная она из-за торфа, или крови тысяч погибших. В ней же размачивали сухари, присланные тыловиками в начале апреля — этот «продукт» своей твердостью напоминал танковую броню, для борьбы с которой были предназначены их орудия.

Все это напоминало Петру рассказы А.А. Жандра о войне 1877—1878 годов, ведь по его словам вся ставка в войне у бездарного российского командования была лишь на героизм русского солдата. Он вспоминал разговор Александра Андреевича с отцом, прочно врезавшийся в память подростка: «Представьте, Иосиф Фомич, армия была разута и раздета, солдаты питались очень скверно, и лишь 16-я дивизия Скобелева была одета в теплые полушубки и фуфайки, часто даже купленные генералом за свой счет. Впрочем, так же, как

³⁰ В удостоверении личности Петра Иосифовича в декабре 1941 указана фамилия совсем другого начальника — командиром «...29-го оптд» в нем значится лейтенант Тычев?, а «военкомом» — Корниенко (или Корнев?) — его же подпись стоит в денежном аттестате и расчетной книжке П.И. Но почти все упомянутые (*1) рукописные источники в качестве командира 173-го оптд называют капитана Г. Г. Мисюру, назначенного в апреле командиром 791-го сп. Уже к 16-му апреля в должности командира дивизиона упоминается старший лейтенант (позже капитан) С.П. Рыжков.

и продукты питания для солдат! Император, начиная смотр «скобелевцев», выгодно отличающихся от других частей и соединений русской армии своим боевым духом и молодецкатым внешним видом даже спросил свиту: «А ЭТО ЧТО ЗА КРАСНОРОЖИЕ?».

Сейчас все обстояло точно так же, как в те далекие годы, только не было в рядах советских войск «белого генерала» — он уже давным-давно лежал в могиле. Даже стоявший в Москве до революции памятник этому убежденному противнику Германии, новые власти в 1918 году уничтожили. А командование многих уровней в подчиненных Жукову армиях составляли новоиспеченные «бойре», полных пренебрежения к своему сражающемуся с противником личному составу.

Петр никак не мог понять, как командирам можно ТАК относиться к своим подчиненным — заставлять их биться с врагом, не снабжая, практически, ничем?³¹ Несмотря на раннюю весну, некоторые вновь прибывшие в подразделение бойцы до сих пор ползали по воде в валенках и зимнем обмундировании. Они были истощены до предела еще до того, как попали на передовую и теряли сознание от голода, многие из них умирали в госпиталях³².

³¹ После войны эту прискорбную традицию российского генералитета, взятую в 41–42 годах «на вооружение» советским военным командованием, маршал Баграмян сформулировал следующими словами: «Приходилось полагаться на ГЛАВНОЕ (выделено автором) — нестигаемую силу духа наших людей, на то, что для них не существует невыполнимых задач». (Баграмян И. Х., «Так началась война», М, Воениздат, 1971). Хотя эта фраза и вырвана из контекста описания Киевской катастрофы, но она отражает неистребимую тенденцию наших военачальников начального периода войны и сегодняшнего дня вместо целенаправленной подготовки войск к боевым действиям, вдумчивой, кропотливой и планомерной работы по-прежнему делать ставку лишь на героизм....

Чем отплатили бойцам и командирам, в массе своей оставшимся лежать не захороненными на бескрайних полях сражений от Баренцева до Черного морей эти же самые военачальники? Цитата из мемуаров: «У нас стесняются писать о неустойчивости наших войск в начальном периоде войны. А войска бывали неустойчивыми и не только отступали, но и бежали, и впадали в панику. В нежелании признать это сказывается тенденция: дескать, народ не виноват, виновато только начальство.... Но, говоря конкретно, в начале войны мы плохо воевали не только наверху, но и внизу.... Обо всем этом следует говорить и писать, я бы сказал, что в этом есть даже педагогическая сторона: современный читатель, в том числе молодежь, не должен думать, что все зависит только от начальства. Нет, победа зависит от всех, от каждого человека, от его личной стойкости в бою. Потому что мы знаем, как в одинаковых условиях одни люди вели себя стойко, а другие нет. И этого нельзя замалчивать».

Несомненно, что «...победа зависит от всех...», но как соотносить слова Великого Полководца с приведенным приказом (*32) о поиске войсками снарядов на «местах», причем находясь в окружении? Боеприпасы что, в феврале под Вязьмой на деревьях росли, или «окруженцам» надо было просто пошарить в заснеженных лесах, болотах и оврагах? И, поскольку подчиненные не смогли до этого сами додуматься, необходимо было слать им подобные весьма «грамотные» шифрограммы.

³² В том числе и в дивизии, в состав которой входил 173-й дивизион. Политработники, тыловики, выжившие в боях и написавшие после войны мемуары, например, скромно сообщают, что пресловутыми сухарями подразделения 135-й сд в апреле «...снабжались на 25–30 процентов», не вспоминая, впрочем, как они распределялись по подразделениям. Про остальные продукты они дружно умалчивают, обтекаемо написав, что «...были определенные проблемы в снабжении

питанием». В упомянутом «Журнале... 138-го омсб...» на л. 2 значится рядовой Рогополов Таган, 1906 г/р. Правда, в донесении о безвозвратных потерях 135-й сд (ЦАМО Ф.58 оп. 818883 д. 268), он назван Речеполовым (а также Резеполовым) Тазалом, стрелком 791-го сп, уроженцем ст. Безгиней, аула Репкала (Туркмения). Боец умер «от истощения» в медицинском пункте 791-го сп 11.11.1942 и был похоронен в д. Цепелево, Овчинниковского сельсовета, Молодотудского района, КО, (по другим данным — д. Головенцево, Смоленской области). Были и обратные случаи — смерти из-за того, что бойцы 135-й, наконец-то, наелись досыта после долгого голодания — например, уже 4.04.1942 рядовой Прилепский Сергей Федорович, автоматчик, умер во 2-й Лосьмянке «...от заворота кишков» (ЦАМО Ф. 58, оп. 818883 д. 267 л. 9). Многие военнослужащие 134-й сд, в частности: Фотин Алексей Ефимович, Коротков Михаил Данилович, Глотов Леонид Кузьмич, Крутлов Петр Иванович и еще до десятка человек, находившихся на излечении в 235-м омсб дивизии, скончались от «истощения» в апреле, и были захоронены на остролюкском и михалевском кладбищах. (Донесение №0120 от 10.06.1942, ЦАМО Ф. 58 оп. 818883 д. 265 лл. 172–180об). А ведь они, как и бойцы 135-й находились на фронте всего лишь месяц! После прочтения подобных свидетельств, возникла непоколебимая уверенность, что прав был Петр Иосифович, утверждавший, что за время лосьмянских боев начальники не обеспечили его непрерывно сражавшееся подразделение ни единым граммом продуктов!

Впрочем, подобные явления на КФ, в том числе случаи каннибализма весной 42-го возникли и позже — 6.05.1943 года на Калининский фронт даже приезжала комиссия ГКО во главе с «товарищем Щербаковым» из ГлавПУра. Целью приезда была «...проверка и наведение порядка в снабжении и обеспечении войск, так как случались большие перебои в питании, люди недоедали из-за плохой организации снабжения». За это 25.04.1943 сняли с должности командующего генерал-лейтенанта М.А. Пуркаева. В первом квартале 1943 года на КФ было 76 случаев смерти от истощения, а во 2-й Ударной армии примерно в это же время дело дошло до людоедства. В докладной записке, подготовленной 6.08.1942 года для Абакумова, указывалось, что начальник политотдела 46-й сд Зубов задержал бойца, когда тот пытался вырезать «из трупа красноармейца кусок мяса для питания. Будучи задержан, боец по дороге умер от истощения». (М.Н. Коняев, «Два лица генерала Власова»). В июне 43-го начальник тыла КФ генерал-майор П.Е. Смокачев был предан суду военного трибунала за то, что «...буквально морил солдат голодом, а это в условиях весеннего авитаминоза привело к массовым заболеваниям». (П.М. Корявцев «Преступления против порядка и интересов службы в Российской армии». СПб, 2006). Об этом же рассказал в своих воспоминаниях и бывший редактор газеты «Красная звезда» Д. Ортенберг: «Весной 1943 на Калининском фронте солдаты были истощены... вместо мяса... выдают яичный порошок, вместо картофеля и овощей — пшено. Действует правило эквивалентной замены одних продуктов другими. Солдат должен получать 650 [граммов] картофеля и овощей в сутки, а их заменяют 130 [граммами] пшена. Вместо 200 [граммов] мяса выдают 35 [граммов] яичного порошка. Вот и возят в роты пшено и яичный порошок. Солдаты недоедают, слабеют. На фронтной конференции врачей-терапевтов из 20 прочитанных докладов — 11 посвящены лечению истощенных солдат. Многие болеют скорбутом — разновидностью цинги» (Д. Ортенберг. «Такая выпала мне судьба». Иерусалим, 1997, с. 53–55).

Массовый голод на Калининском фронте в начале 42-го — результат отнюдь не одной лишь «деятельности» его командующего. Нельзя забывать, что все решения принимались в штабе ЗФ, который по Директиве Ставки ВГК от 1.02.1942 одновременно был штабом Западного направления и руководил действиями Калининского и Западного фронтов до конца марта — начала апреля. Лишь с этого момента, по словам автора «Воспоминаний и размышлений»: «Калининский фронт... переключается в прямое подчинение Ставки, а главное командование западного направления... ликвидируется». Накануне прибытия 135-й сд на передовую в войска поступило указание Главнокомандующего Западным направлением Г.К. Жукова: «...продовольствие искать на месте, подавать его не будем — нет самолетов, искать снаряды также на месте...» (В. Краснов «Неизвестный Жуков», М., Олма-пресс, 2001). Хотя оно касалось в основном лишь войск, окруженных к февралю под Вязьмой, но несомненно, что было воспринято другими руководителями в виде индугульгенции за плохое снабжение войск, попавших с этого момента поистине в катастрофическое положение. А чем, кроме катастрофы еще можно назвать массовую гибель в 42-м военнослужащих от голода, болезней и насмерть замерзавших в лесах, несмотря на фантастическую способность русского солдата выживать в нечеловеческих условиях? Ведь местным начальникам для того, чтобы снять с себя груз ответственности за массовый голод в подчиненных соединениях, достаточно было лишь продублировать указание будущего маршала.

Все окрестности вокруг реки Лосьмянки были завалены разлагающимися телами расстрелянных местных жителей, наших и немецких солдат, погибших за многие месяцы непрерывных наступлений, контр наступлений, обстрелов, а также при «борьбе» оккупантов с партизанами. В брошенных и сожженных деревнях груды лежали мертвецы, зачастую вперемежку — в одной полуразрушенной усадьбе смердели тела пяти десятков фашистов, захваченных недавно бойцами дивизии врасплох и не успевших даже выскочить из своих спальных мешков. У покойников красноармейцы заимствовали летнюю кожаную обувь, чтобы заменить свои полуразвалившиеся от воды войлочные «бахилы», разрезая ее по швам, чтобы высвободить окоченевшие ноги трупов.

Погибшие лежали среди болот в самых причудливых позах — на подмерзших кочках и островках со скудной растительностью — там, где застала их смерть, временами даже громоздясь друг на друга. Один из оттаявших из-под снега бойцов был сражен поздней осенью пулей, попавшей ему прямо в лоб. Его когда-то голубые глаза удивленно смотрели ввысь, на низкие серые облака и казалось, что он плачет — столько боли и удивления было запечатлено на его лице. Но эти слезы были просто таявшим в глазницах снегом.... Петр сразу вспомнил такого же молоденького немецкого пехотинца, смертельно раненого огнем его батареи меньше месяца назад — как и лежавшему недалеко красноармейцу, ему было никак не больше восемнадцати лет. В тот день 3-й расчет на окраине деревни двумя осколочными снарядами расстрелял вражескую бронемашину. Сидевших внутри полугусеничного транспортера немцев разнесло на части, а находившегося возле пулемета солдата выбросило взрывной волной через открытый верх и отшвырнуло на десяток шагов. При этом крупный осколок разворотил ему живот, а другой, совсем крошечный, перебил сонную артерию. Когда батарея входила в деревню, двигаясь мимо подбитой машины, солдат все еще лежал на свежем снегу, держа выпавшие из брюшины буро-сизые внутренности, и дергал ногами, словно пытаясь бежать, а из его горла с шипением была тонкая струйка крови. Голубые глаза солдата были так же, как и у нашего бойца залиты слезами, текущими по покрытым юношеским пухом щекам. Он по шенячьи скулил, умирая, и с тоской смотрел перед собой — на покрытый как из краскопульта толстой красной коркой снег...

В ходе почти непрерывных атак многие из убитых и раненых двух противоборствующих сторон засасывались в болотную трясины,

и душераздирающие крики погибавших холодили душу всем, кто их слышал! А пузыри, прорывающиеся на поверхность после ухода тел в могильный холод, напоминали обороняющимся и наступавшим, что там, в глубине болотной бездны лежат их мертвые товарищи. Даже выбросы метана они принимали за проклятия и крики о помощи тех, кто утонул в болоте.

Днем на солнце покойники, если они не были разорваны на части, раздувались и начинали шевелиться — это было жуткое зрелище для всех наблюдавших происходящее. К вечеру газы прорывались наружу, трупы оседали, сдуваясь как воздушные шарики, махая своими пухлыми ладошками пока еще живым, будто говоря: «Погодите, мы с вами очень скоро встретимся!». Довершало страшную картину местное воронье — оно слеталось изо всех окрестных лесов и выклевывало глаза у погибших — это было их лакомством, ведь бои, идущие в радиусе тысяч километров сделали их добычу обильной, а жизнь сытой. Первоначально и наши, и немцы начинали с двух сторон дружно поливать кормящихся птиц огнем, но ненависть друг к другу вскоре пересиливала, сталь со свинцом обе стороны вновь обрушивали на врага, и пернатым хищникам уже никто не мешал делать свое черное дело. Это был ИХ ГОД — изобильный и щедрый на мертвечину! Петр автоматически посмотрел на замеченного им недалеко от окопа голубоглазого красноармейца, убитого пулей в лоб. В его глазницах были черные провалы — вороны уже похозяйничали...

Часто эвакуировать убитых и раненых из болота не было никакой возможности — противники немедленно открывали огонь на все перемещения санитаров и добровольцев. Немцам, правда, удавалось выносить время от времени, в основном ночью, своих погибших, так как на позициях их 18-го апреля в очередной раз сменили — враги тоже были сильно потрепаны за время непрерывных боев, и германское командование, вероятно, распорядилось попутно эвакуировать с поля боя тела своих солдат и офицеров. Впрочем, полностью им это сделать не удалось ни разу. А наши красноармейцы давно прекратили подобные попытки, стараясь экономить силы из-за голода.... Противники могли отличить «своих» от «чужих» только днем по стальным шлемам, да еще оружию, настолько все они были одинаковы из-за грязи, сырости, вшей и покрывавшей их с ног до головы болотной растительности. Впрочем, сходство внешнего вида несколько не снижало взаимного ожесточения при перестрелках и рукопашных — дрались почти всегда упорно и жестоко. Хотя были среди наших войск явления позорные и неприглядные!..

Кроме почти непрерывной пропаганды по репродуктору, враг время от времени разбрасывал листовки — пропуска для беспрепятственного прохода красноармейцев в тыл своих войск. Местные жители часто использовали подобные цветные фантики вместо обоев в своих домах. На некоторых из них был изображен Сталин в виде кормчего за штурвалом тонущего корабля под названием «Россия». Другой подобный агитационный листок, из сотен, валявшихся в округе, как-то попался Петру на глаза — на ней был изображен человек, кирпичным обелиском в виде серпа и молота придавленный к земле, а находившийся на переднем плане немецкий солдат веревкой стаскивал с него тяжкую ношу. Подпись в нижнем левом углу на русском языке гласила: «...действителен для неограниченного количества переходящих на сторону германских войск командиров и бойцов РККА. Пропуск. Предъявитель сего, не желая бессмысленного кровопролития за интересы жидов и комиссаров оставляет побежденную Красную Армию и переходит на сторону Германских Вооруженных сил. Немецкие офицеры и солдаты окажут перешедшему хороший прием, покормят его и устроят на работу». На обратной стороне листовки было напечатано обращение «...к гражданам Советского Союза, бойцам и командирам РККА», в котором геббельсовское министерство пропаганды сулило предателям мирную жизнь, землю и свободу. Как ни прискорбно, но отношение своего командования к подчиненным ему военнослужащим делало вражескую агитацию достаточно эффективной, а потому дезертирство из советских подразделений в те трагические дни было довольно распространенным явлением, особенно в пехоте — зачастую уходили «сдаваться» врагу целыми отделениями и взводами³³.

В противотанковой батарее трое рядовых из недавнего пополнения тоже ушли «к немцам в плен». Накануне они осторожно прощупали отношение Петра Иосифовича, сказав: «Командир, мы слышали, что вы по национальности — поляк, и происходите из дворян... Вы сами прекрасно видите, что командование поставило нас здесь только для того, чтобы истребить — подразделения месяцами морят голодом, не снабжают практически ничем, присылая только пополнение. И то же самое творится на всех остальных позициях. Неудивительно, что наши красноармейцы так часто сдаются немцам. А вот Вы — уважаемый в батарее человек, не собираетесь ли сдать то же самое?»

Петр Иосифович, еще не оправившийся после ранения в голову, плохо соображал и медленно ответил своим подчиненным, что

врагу не сдастся ни за что, сказав при этом: «Мы ведь все дали присягу!» Еще он спросил: «Кто, если не мы будет защищать страну от фашистов»? Попутно Петр пообещал, что если кто-либо попытается уйти, то он будет стрелять, впрочем, наутро комбат подумал, что разговор привиделся ему в горячечном бреде — какой настоящий солдат придет склонять своего командира к предательству? Долго потом в ночных кошмарах старшего лейтенанта преследовало видение — он кричит удаляющимся за линию фронта темным теням: «Стоять, пшца крев! Стойте, или я открываю огонь!» И стреляет из трофейного пистолета в догонку дезертирам.

Помощник командира первого взвода — командир первого орудия сержант Пурхальский, стоявший рядом с ним, почему-то спокойно сказал тогда Петру: «Пусть идут. В конце — концов, каждый из нас выбирает свой путь САМ!» Петр зло спросил его при этом, не хочет ли он тоже перебежать к немцам, наставив на него пистолет. На это сержант спокойно ответил: «Нет, можете быть уверены, что я врагу не сдамся ни за что! Я же жид, как вы говорили совсем недавно! Да, кстати, почему вы вспоминали про евреев, когда мы вас выкапывали из земли?» Петр удивился, так как сержант был высоким голубоглазым блондином, а, кроме того, отличным младшим командиром и объяснил, что на польском языке слово «жид» означает «еврей» и рассказал, как загадывал тогда на бруствере окопа, будет ли разорван авиационной бомбой.

³³ Но в донесениях 135-й сд первые доклады о перебежавших к врагу встречаются только с 10.07., всего в ЦАМО (Ф. 58 оп. 818883 д. 789) за 1942 год имеются сведения лишь на четырех человек. Один из них — младший сержант, проходил службу в 276-м ап, еще один (рядовой Андреев И.А., 1911 г/р.) — из 396-го сп, а двое — сержант и рядовой, служили в управлении дивизии телефонистами. Кроме того, в соединении с мая по ноябрь было осуждено 45 человек, о чем свидетельствует «Список осужденных военным трибуналом 135 сд» № 00249 от 5.12.1942 — из них первые двенадцать, в том числе высокопоставленный административный работник из управления дивизии — в мае-июне, но без указания причин вынесения приговора. (ЦАМО, Ф. 58 оп. 818883 д. 785). Уже в августе в составе дивизии значится штрафная рота, а заградительный отряд — с апреля, при этом он входил в состав сводного отряда майора Макеева, имевшего в своем составе, кроме того: 3/173-го оптд, 92-й оминдн (без боеприпасов) и химроту.

В ноябрьском Донесении 134-й сд приводятся сведения о шести дезертирах из 738-го сп, «перешедших на сторону врага» 30.10. и 2.11.1942. (ЦАМО, Ф. 58 оп. 818883 д. 266 л. 126), а в майском — о множестве расстрелянных в феврале-мае «за трусость», как «...изменников родины» и «...за дезертирство» (ЦАМО, Ф. 58 оп. 818883 д. 265). К 1-му июля военным трибуналом дивизии было осуждено восемь военнослужащих. (ЦАМО, Ф. 58 оп. 818883 д. 757, по другим осужденным в 134-й сд — см. список ВТ №0417 от 11.1942 — 11 человек — Ф. 58 оп. 18001 д. 510 и Ф. 58 оп. 818883 д. 757, а также: Список б/п №201 от 9. 07.1942)

В 135-й сд первые сведения о казненных «...за членовредительство» и «...по приговору военного трибунала» появляются лишь в октябре-ноябре. Тогда возле деревень Овчинники, Мешенино и Алферово КО были расстреляны трое красноармейцев. (Донесения 135-й за июль-декабрь 1942, ЦАМО Ф. 58 оп. 818883 д. 268 л.л. 4, 47). Упоминаний о перебежчиках из 173-го оптдн в документах ЦАМО пока не обнаружено.

Еще он сказал подчиненному: «Мне кажется, сержант, что у жителей нашего государства нет другой национальности, кроме одной — русский. И неважно, кто ты по происхождению — мордвин, еврей, татарин, поляк или осетин. Именно так считали, считают, и будут считать жители всех других стран, особенно исторически враждебных нам. К примеру, у вас — евреев, национальность определяют по матери, у русских и всех остальных народов — по отцу! Представь, тем не менее, до Первой Мировой моего отца — поляка по происхождению, к тому же блестяще говорящего по-польски и по-немецки, «местные» в Варшаве все равно считали русским! Деление по национальностям было и есть всего лишь наше «внутреннее» дело, да и появилось оно только при советской власти. До революции только вероисповедание могло дать примерный ответ на этот вопрос, но весьма приблизительный. Я, например, рожден в православии, а по происхождению — поляк, зато моя мать — донская казачка, то есть русская. Кто я по национальности, ведь по еврейским законам я — казак, а по остальным — сам знаешь? Никто этого не скажет, и ни один человек, владеющий информацией о своих предках, не даст тебе точного ответа на этот вопрос! Поэтому и я, и ты в любом случае для всех представителей других наций будем считаться русскими. Потому что там, где мы родились, выросли, где живут наши семьи, которые мы должны защищать с оружием в руках — и есть наша Родина, а не в Польше, Монголии, Персии или Палестине!».

Через некоторое время, последовавшее за долгим молчанием, Петр добавил: «И вообще, где ты в нашей стране видел чистокровных представителей какой-либо национальности? Покопайся в любой, не только своей родословной — в них обнаружится целый пламенный котел разных наций, народов, религий и даже рас! Тут как в медицине — нет абсолютно здоровых людей, есть только «необследованные». Это я тебе как недоучившийся врач говорю! В российской генеалогии все можно выразить следующим образом: основная масса нашего населения просто не знает своих предков старше четвертого поколения от себя. Расспроси о них дедушек, бабушек, просто людей постарше, кто их еще помнит — и услышишь такое!»

В ходе последних апрельских боев, во время недолгого затишья, политработники довели до подразделений свежеполученную информацию — разведчиками дивизии был найден дневник убитого немецкого солдата. В нем против записи за 16-е апреля повествовалось о тяжелых потерях среди вражеской пехоты и ужасе, царящем в немецких окопах из-за огня советской артиллерии. Именно в тот

день по противнику вела огонь осколочными снарядами 3-я батарея 173-го противотанкового дивизиона. Похоже, Петр не зря все эти месяцы учил своих бойцов — они продолжали бить врага даже тогда, когда на это, казалось, уже не было сил!

Уже с 5-7 апреля снабжение боеприпасами в полосе 3, 4-й Ударных и 22-й армий осуществлялось невиданным дотоле способом — по свидетельству упомянутого выше фронтовика Л.Б. Кругляшова, на протяжении 20-30 километров выстраивались бойцы, и по цепочке передавали друг другу ящики с патронами и снарядами. А венцом непрерывных лишений военнослужащих 135-й сд были походы в тыл — им приходилось пешим порядком обеспечивать самих себя боеприпасами. Обычно каждый вечер все артиллерийские подразделения дивизии отправляли от двух десятков до сотни бойцов на станцию Ломоносово или Жарковский, лежащих от Бора, соответственно, в 25 и 50 километрах к западу. А примерно через сутки — двое измученные и поредевшие в перестрелках и при бомбежках группы возвращались со снарядами — каждый из красноармейцев нес либо по одному выстрелу для 122-мм гаубиц, либо по несколько — для 45 и 76-мм орудий. В дни таких «возвращений» артиллерийские и минометные батареи 276-го ап, 173-го оптдн, стрелковых полков, производили «массированные» — по 5-10 выстрелов, огневые налеты на вражеские позиции. В остальные дни существовала «норма» — один снаряд на орудие в день.

К 19-му апреля весна уже полностью вступила в свои права. Все в окрестностях окончательно «поплыло», и личный состав «захлюпал» по воде своими извлеченными из вещмешков и снятыми с убитых солдатскими сапогами. В тот же день 3-я батарея ПТП вместе со 2/396 полка, ночным маршем преодолев уже знакомый ей ручей, называвшийся в дивизии «Безыманным», а в 396-м полку — «Черным», скрыто вышла к немецкому опорному пункту у деревни Воробьево. После первых безрезультатных атак, которые 135-я обычно начинала с утра, и в ходе которых ее подразделения несли большие потери, части дивизии перешли на ночные наступательные действия. Поэтому, устроив внезапный налет на вражеские окопы, бойцы забросали в блиндажах и траншеях гранатами не успевших даже оказать сопротивления фашистов, а оставшиеся в живых немецкие солдаты в панике бежали со своих позиций. Батарея к утру заняла небольшую высотку у деревни и закрепилась на ней. С рассветом немцы бросили против прорвавшихся подразделений все имевшиеся у них в резерве танки и пехоту. Противник уже приближался к де-

ревне, когда отличился первый расчет, первым выстрелом подбивший головной немецкий танк. Одержанная над бронетехникой врага победа вызвала ликующий, победный вопль из сотен глоток бойцов и командиров, оборонявших высоту. С этого мгновения все, находившиеся на позициях вокруг Воробьево, поняли, что у немцев нет ни единого шанса сбросить подразделения с высоты, и вообще — народ приободрился и обрел уверенность в своих силах. Всего за день боя артиллеристам вместе с пехотой удалось уничтожить три вражеских танка и до взвода автоматчиков. Безвозвратных потерь наши подразделения не имели.

...После очередной из отраженных вражеских атак Петр попластунски подполз к 4-му расчету и увидел, что наводчик орудия — красноармеец Лапин внимательно что-то рассматривает в прицел орудия. Рядом с ним по колено в воде стоял с перевязанной головой командир расчета — младший сержант Васильев, и через трофейный «цейсовский» бинокль смотрел в том же направлении. Невдалеке от них в окопе сидели заряжающий Кудерин и ездовой Яндыков — после гибели последней из батарейных лошадей он исполнял обязанности «пешего» подносчика снарядов. Выполнять свои новые обязанности ему приходилось буквально — совсем недавно боец вернулся со станции Жарковский, приведя в батарею восемь человек маршевого пополнения. Каждый из них, включая бывшего ездового, принес на спине по десятку выстрелов, обеспечил снарядами оба находящиеся в строю орудия на пару суток боев. Продуктов им на станции, как обычно, не дали ни единой крошки...

Яндыков сидел и бормотал нечто невразумительное — вроде того, что через пару дней из восьмерых прибывших новобранцев останется в живых один или два, а может быть, и все погибнут. Ведь необученное пополнение уходило в землю со скоростью, опережающей во много раз скорость гибели ветеранов, участвовавших хотя бы в нескольких боях. Вновь прибывшие бойцы угрюмо внимали его словам, на лицах у многих был запечатлен страх, перемешанный с любопытством, когда они по-очереди заглядывали в прицел пушки. Петр одернул не в меру словоохотливого красноармейца, одновременно прокричав на ухо командиру орудия: «Что вы там выглядываете?».

«Да вот, товарищ старший лейтенант, вчера всадили пяток осколочных снарядов вон в тот немецкий ДЗОТ, а теперь смотрим на его развалинах, как здоровенная русская ворона вытягивает кишки из тевтонского трупа. А заодно показываем вновь прибывшим бойцам, что германец — существо смертное, и его можно смело бить. Это

своего рода политико-воспитательная работа», — заорал в ответ, контуженный накануне Васильев.... Петр посмотрел в оптический прибор — огромная серо-черная птица сидела на развалинах укрытия рядом с разрубленным почти надвое телом убитого немца и с удовольствием кормилась содержимым брюшины, внимательно оглядывая время от времени круглым черным глазом пространство вокруг себя. «Гляньте, птица — то, какая жирная, отъелась за полгода непрерывных боев. Что и говорить, корма у нее теперь навалом, в отличие от нас, бедолаг, — прокомментировал происходящее сержант и, поправив повязку на голове, начал размышлять, — а ведь мы, пожалуй, в легенды местных пернатых войдем, как добрые боги изобилия!..» «Так же, как и в эпос могильных червей — говорил мне еще до войны один ученый муж, что таких биологических видов существует целых шесть единиц», — с горечью добавил при этом командир батареи.

Но ни черный, ни белый юмор уже не помогали. Все давно находились на грани, как теперь говорится, «...физических и психических возможностей». Подчиненных в батарее Петра оставалось совсем немного, а потому каждый опытный боец был поистине на вес золота. К оставшимся в живых подчиненным комбат относился по-братски. Поддерживал дрогнувших, растерявшихся, потерявших волю к сопротивлению красноармейцев, воодушевляя их, в том числе и бессмертными словами легендарного афинского стратега. Никогда не ел в одиночку своего командирского «допайка» — в него изредка, в отличие от солдатского рациона, тыловики включали печенье и сливочное масло. Конечно, в те давно позабытые времена, когда продукты еще присылали на передний край! Если существовала хотя бы малейшая возможность помочь бойцам и командирам — делал для этого все возможное. Артиллеристы были, пожалуй, единственным подразделением, которое хотя бы пыталось эвакуировать своих и пехотных раненых, которых волоком доставляли в ближайшие медико-санитарные роты полков, медсанбаты и госпиталя. Впрочем, это было связано с тем, что потери у артиллеристов были гораздо меньшими, чем в пехоте. Тем не менее красноармейцы видя заботу о себе со стороны непосредственного и единственного живого начальника, относились к нему со всей теплотой и любовью. А ко дню его рождения — 14-го апреля они, рискуя жизнью, собрали на болоте прошлогоднюю клюкву, и при полном отсутствии в батарее каких-либо других продуктов питания сварили ведро морса, которым и отметили день рождения своего командира. К концу месяца их при двух орудиях оставалось в живых всего двенадцать человек.

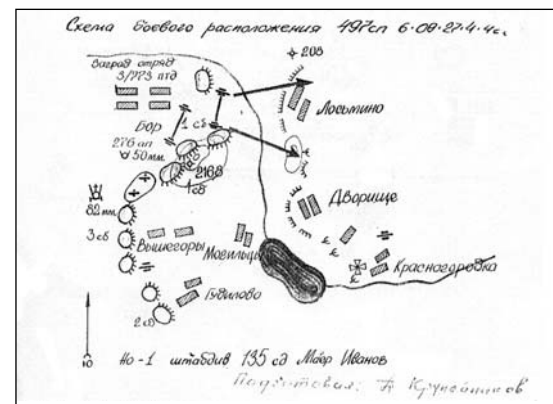
А потом настал страшный день – 27 апреля!..

Вражеская контратака началась внезапно, под вечер – немцы, видя безрезультатность своих утренних наступлений тоже приспособились к изменениям обстановки и начали воевать ночью. Следом за очередным налетом «Юнкерсов» по позициям советских войск открыла огонь вражеская артиллерия и минометы. Пехота противника из-за болота тоже вела интенсивный пулеметно-минометный огонь, впрочем, с нею успешно дрались бойцы наших стрелковых рот. В 17-00 из-за изгиба дороги, тянущейся среди холмов, вынырнул десяток танков с десантом на броне. Советские подразделения открыли огонь по вражеским машинам из короткоствольных трофейных 7,92-мм ПТР, а также полученными накануне винтовочными противотанковыми гранатами Сердюка (ВПГС-41) – очень малоэффективному, как оказалось, средству борьбы с бронированной техникой противника. Кроме винтовочных гранат, снабженных холостыми патронами и деревянными шомполами, вставляемыми в ствол, боевую часть которых с ввернутым запалом Ковешникова бойцы применяли также в качестве ручных, на бруствере перед каждым из пехотинцев лежало по две-три заряженных винтовки Мосина, подобранных среди убитых товарищей. С помощью подобных хитростей «малина» стремилась максимально увеличить плотность огня своих сильно поредевших подразделений. Станковые пулеметы «Максим», непрерывно рассыпавшие свинцовый дождь по автоматчикам противника быстро перегревались, и из их иссеченных пулями и осколками кожухов били струи водяного пара. Броневые щитки станковых пулеметов и противотанковых орудий тоже были сплошь во вмятинах, дырах от пуль и мелких снарядов. Мрачное, кроваво-красное солнце медленно клонилось к закату, с осуждением оглядывая происходящее внизу.

Вот как описал бои, шедшие у деревни Бор младший лейтенант Крупейников, прибывший 26-го апреля на высоту 216,8 (217): «...В госпиталь 138-го омсб пришло распоряжение комдива выписать тех, кто мог держать в руках оружие. Меня направили в 497-й полк, и вскоре я уже доложил о прибытии командиру 1-го батальона Кольке Коптяеву – именно так представился мой новый непосредственный начальник, а в руках у него при этом был немецкий пистолет-пулемет МП-40... Младший лейтенант... приказал принять 1-ю стрелковую роту, [и я]... сразу лег за станковый пулемет «Максим» – отражать очередную атаку, так как... пулеметчики были все выбиты. В ро-

те личного состава насчитывалось человек пятнадцать, остальных... [к тому времени уже всех] покосило.... Два дня дрался [наш] батальон на высоте с отметкой 216,8 у деревни Бор. Немцы потеряли в этих боях немало живой силы и техники и были вынуждены отойти на исходные позиции. С потерей выгодного рубежа... [они] не смирились, и систематически продолжали наносить удары авиацией, [проводили] налеты артиллерийским и минометным огнем.... Коптяев? Не знаю его дальнейшую судьбу – ведь меня через неделю ранило. Век категории взводного – ротного на фронте был очень недолог – день, два, максимум – неделя. Иногда мы даже познакомятся с «соседом» не успевали – а его уже не было в живых»³⁴....

**Схема района боевых действий 497-го СП на 6-00 27.04.1942 г.
В верхней части схемы описки - вместо «3/773 птд» необходимо читать:
«3-я батарея 173-го опдн»**

...А на позициях батареи 45-мм противотанковых пушек в тот вечер происходило следующее – номера 1-го и 4-го расчетов через прицелы орудий и бинокли внимательно наблюдали, как с первыми же разрывами винтовочных противотанковых гранат автоматчики противника спешили и при поддержке своих боевых машин нача-

³⁴ Вот как описывает сражение журнал боевых действий 135-й дивизии: «...Части ведут упорные бои. Противник упорно сопротивляется, переходит в контратаки с танками... 396-й сп ведет бой за высоту 216,8 и к 14-00 вынужден залечь и окопаться. К 18-00 полк был атакован 10 танками, [но] атака была отбита артиллерией и ПТР, подбит один танк... 497-й сп штурмовал Вышегоры, занял часть окопов, [но] к 17-00 выбит автоматчиками противника...» (ЦАМО, ф.135 СД, оп. 1, д. 21 лл.2-4). Всего в районе боевых действий дивизии было две высоты 216,8 – одна, обозначавшаяся также, как 217 – к юго-востоку от Бора, другая – к северу от Лосьмино. Что касается принадлежности немецких танков – наиболее вероятно, что позиции 3-й батареи были атакованы смешанной танковой ротой 7-й тд Вермахта.

ли очередную атаку опорного пункта советских войск. Вскоре железные чудовища преодолели полуразрушенные заграждения, выйдя при этом на рубеж открытия огня. Местность была хорошо пристреляна, и комбат просто подал команду: «По головному танку — ОГОНЬ!» Два выстрела 45-мм пушек прогремели дуплетом, красными пунктирами трассеров прочертив воздушное пространство. Выбив из переднего Pz-III снопы искр, они заставили его уткнуться в землю ствол и жирно зачадить. Но остальные вражеские машины сразу же остановились и сосредоточенным огнем нескольких орудийных стволов уничтожили одну из оставшихся в батарее «сорокапятку». Часть из них перенесла огонь на второе орудие, а другая, раздавив рогатки и опрокинув деревянные противотанковые надолбы начала утюжить окопы советской пехоты.

Позади Петра рвались танковые снаряды, обдавая его едкими облаками с тошнотворно-ядовитым луковым запахом, фонтанами теплой грязи и воды, но он, не отрываясь, смотрел в бинокль, вычисляя в уме расстояние до ближней машины, чтобы дать наводчику орудия четкую команду на открытие огня. В глубине души он понимал, что это будет последний выстрел его батареи, и не мог допустить, чтобы тот промахнулся! В бинокль Петр видел, как хохочущие немецкие танкисты гоняют по дороге обезумевших от страха людей, бросивших позиции, расстреливая их из пулеметов и давя своими бронированными машинами. Комбат четко видел, как на гусеницы танков наматывалась человеческая плоть.... Наконец, среди грохота разрывов, не отрывая от глаз своего «бэ — шестого», он прокричал команду: «Первое орудие! Прямо — головной танк Т-4. Прицел... Угломер.... Наводить в правую гусеницу. Бронебойным... ОГОНЬ!» — скомандовал он, но орудие молчало.

Старший лейтенант обернулся — его удивило то, что никто из расчета не дублировал команды своего командира, он тогда еще подумал, что просто плохо слышит из-за контузии. Но.... прислуга лежала в окопе без признаков жизни, включая наводчика орудия, бесформенное тело которого взрывом бросило почти под ноги комбата. Исполняющий обязанности командира огневого взвода сержант Пурхальский, единственный держащийся на ногах из расчета, шатаясь, шел по колена в воде к снарядному ящику, держась руками за голову — вероятно, раненый или контуженый. На предостерегающие крики командира батареи он не реагировал, и в ту же секунду крупнокалиберная пуля попала ему в спину, разнеся тело сержанта на части. Старший лейтенант увидел кровавый всплеск, разметавший

по брустверу окопа останки его младшего командира... Все происходящее напоминало Петру ночной кошмар, ведь ему довелось, как в замедленном кино, увидеть гибель последнего подчиненного и то, как его голова с верхней частью туловища шлепнулась в воду окопа, подняв фонтан воды. Петр помимо своего желания даже идентифицировал торчащий из пульсирующего кровавого месива обломок ослепительно белой плечевой кости: «Clavicula», и в то же мгновение понял, что все происходящее не является страшным сном, а происходит в реальности — останки бойцов и материальной части его батареи лежали вокруг в радиусе двадцати метров! Рядом с уничтоженным первым расчетом среди воронок, частей искореженного орудия и горящего гусматака лежали агонизирующие тела, валялись окровавленные ключья обмундирования от разорванного снарядами четвертого расчета, погибшего несколько минут назад....

Ненависть к врагу все сильнее закипала в душе командира, он почему-то посмотрел на свою правую руку с надетым на нее компасом Андрианова в черном бакелитовом корпусе, забрызганным грязью, как ему показалось вначале. Теперь он понял, что это была не болотная жижа, а мозговое вещество наводчика первого расчета, лежащего подле с разнесенной осколками черепной коробкой. Петр механически стер серые брызги с поверхности прибора, зачем-то быстро определил азимут на противника, и рывком бросился к единственной уцелевшей пушке, перепрыгнув дымящиеся воронки и трупы бойцов. К его огромному облегчению орудие было исправно и заряжено! Прильнув к прицелу, он навел перекрестие на отполированную до блеска вращающуюся ленту головного танка, зелено — розовую от болотной растительности, мяса и крови раздавленных людей. Тщательно прицелившись, он нажал на рычаг орудийного спуска. Выстрел перебил гусеницу Pz-IV, вырвал ему направляющее колесо, танк крутануло на месте, а экипаж горохом посыпался из машины, и сразу же противотанковое орудие, как живое, начало задирать ствол куда-то высоко вверх, будто стараясь взлететь. В прицеле появился яркий свет, мелькнуло солнце, на миг ослепившее Петра. А потом наступила темнота...

...Сержант Пурхальский подошел к Петру и четко доложил: «Товарищ старший лейтенант, докладываю: в третьей батарее вечерняя поверка произведена. Лиц, незаконно отсутствующих нет. По списку — пятьдесят, в строю — сорок восемь, отсутствуют двое: красноармеец Валиев в медсанбате, а младший сержант Марков вместе

со старшиной батареи на пункте хозяйственного довольствия. Докладывает помощник командира 1-го взвода сержант Пурхальский». Петр никак не мог понять, как помкомвзвода мог остаться в живых после попадания малокалиберного снаряда, разорвавшего младшего командира на куски? Но голова очень сильно болела, и он решил оставить разгадывание этого ребуса на потом. Поэтому он скомандовал батарее: «Вольно! Командиры отделений — развести личный состав по землянкам».

Потом он собрал у себя комначсостав — политрука батареи Думбадзе, командиров взводов — младших лейтенантов Кудрявцева, Мусалимова и Воробьева, и очень удивился, когда они вытянулись перед ним, готовые выполнить все распоряжения своего непосредственного начальника. Ведь он смутно помнил, что политрук был разорван 150-мм немецким снарядом во время мартовского выдвижения, а взводные, кроме тяжелораненого месяц назад Мусалимова были убиты в боях на «безымянных» болотах. Кудрявцеву пристрелочная немецкая пуля попала в голову, пробив стальной шлем, а Воробьев погиб вместе со своим третьим взводом, когда его до последнего человека уничтожили ворвавшиеся на позицию немецкие пехотинцы. Сдаться из подчиненных лейтенанта никто не пытался, пощады тоже не просили, поэтому даже раненых немцы добились, изуродовав до неузнаваемости штыками. У расстрелянного в упор и искромсанного ножами взводного, когда его нашли на бруствере окопа, все магазины ППД-40 были совершенно пусты...

«Джугаев!» — раздался невдалеке окрик кого-то из взводных. Этого красноармейца Петр помнил очень хорошо. Он происходил из Осетии, учился в Московском университете, откуда был призван в армию и попал служить в самый первый состав противотанковой батареи, в отделение разведки. Из рядовых он до последнего своего часа оставался чуть ли не самым «старым» рядовым в подразделении, провоевавшим почти два месяца, а погиб боец в начале апреля, когда его, стоявшего на посту, попыталась взять в плен в качестве «языка» немецкая разведгруппа. В самый последний момент он с жутким хохотом готового к смерти, а потому свободного человека подорвал себя и еще двух немецких солдат ручной гранатой Дьяконова РГД-33 — остальных оглушенных взрывом пятерых фашистов расстреляли из карабинов и закололи штыками выскочившие на крик рядового артиллеристы 1-го взвода. Граната бойца была в оборонительной рубашке и упала на ящик с трофейными минами, поэтому останки красноармейца и немцев было трудно опознать.... Лишь по обрыв-

кам обмундирования удалось из кровавого месива извлечь части тела того, что раньше называлось рядовым Джугаевым. «Что испытал боец, когда он САМ выпускал из рук гранату, бросив ее себе под ноги, а ребристые осколки рвали его живое тело?», — подумал тогда старший лейтенант, содрогнувшись от испытанной им почти физической боли. Ведь уже несколько недель практически каждый день он писал донесения в штаб о боевых потерях батареи с описанием подвигов своих подчиненных, надеясь, что никто из погибших и оставшихся без погребения командиров и красноармейцев не будет значиться в списках пропавших без вести. О троих дезертирах он тоже сообщал в своем донесении.... «Вот только куда девать эти списки, штаб дивизиона так и не выходит на связь?», — обреченно подумал в ту минуту комбат, убирая очередной в свой коричневый кожаный планшет и аккуратно застегивая его на две подпружиненные кнопки.

Слуховые галлюцинации продолжались почти все время, пока Петр был без сознания. А потом он очнулся. Хирург полевого госпиталя, делавший старшему лейтенанту операцию рассказал, кто его «крестники», и сообщил страшную информацию — из батареи, кроме него, не выжил никто... Свою позицию они в тот день не удержали. Когда ее по прошествии нескольких суток снова отбили у врага, в госпиталь привезли троих выкопанных из земли батарейцев, но двое из них — младший сержант Васильев и красноармеец Лапин, умерли в тот же день. Тот же врач, с ног до головы перепачканный кровью, нервно курил возле Петра в перерыве между операциями, держа хирургическим зажимом папиросу. Он скороговоркой поведал старшему лейтенанту про последние мгновения жизни его подчиненных: «У Васильева было смертельное ранение в живот — он потерял почти половину внутренних органов, начался сепсис, а Лапин умер от большой потери крови. Да и ты, артиллерист, вероятно уже никогда не вернешься в строй — у тебя кисть левой руки разворочена осколками так, что мы лишь случайно ее не ампутировали — дали тебе возможность, до того, как начнется гангрена, за нее «побороться». Гангрена, к счастью, не началась, хотя все предпосылки были налицо. Молись, что у нас в тот момент еще был стрептоцид!»

Раненый капитан из управления 497-го полка описал события, произошедшие после гибели 3-й батареи: «...к исходу 28-го немец окончательно оттеснил нас с высоты 216,8. 29-го было затишье — все укреплялись. Дивизия тем временем осуществила передислокацию — позиции в районе Залексоновского леса вместо сильно потрепан-

ного 396-го полка занял 791-й полк. Фронт обороны дивизии на рубеже: Горюны — юго-восточная опушка урочища Залексоновка, составлял всего лишь 6 километров — в первом эшелоне справа — 497-й, слева 791-й сп, а 396-й — во втором эшелоне, позади 497-го. В 19-00 30-го апреля три пехотные роты противника атаковали наш полк из Вышегоры и Лосьмино, пытаясь окружить 2-й батальон, а еще до роты — из Лосьмино и со «второй» высоты 216,8 атаковали 791-й полк. Но мы в тот день удержали свои позиции. 1-го мая враг двумя пехотными батальонами при поддержке танков ударил от Околицы, и наши подразделения дрались под Горюнами. А 2-го, с «первой» высоты 216,8 они атаковали в двух направлениях: одной ротой на южную опушку рощи восточнее Залексоновки, одной ротой — на Бор, а еще двумя — из Вышегор и Гудилово ударили по нашему полку в Бору. Но и на этот раз мы немцев отбили с большими для них потерями — только убитых солдат они оставили лежать перед нашими позициями около двух сотен». Он же сообщил, что с началом ледохода все окрестные реки — Обша, Чичатка, Межа, Кокось несколько суток несли вниз по течению поистине потоки человеческой крови, а еще — множество трупов, ушедших в Волгу, Днепр и Двину с Даугавой...
...Но выход из забвения был недолгим, и был лишь началом новой трагической эпопеи раненого командира! Госпиталь почти все время находился в пути.... В середине июля, во время очередной из непрерывных эвакуаций Петру Иосифовичу вернули его командирское удостоверение личности со свежей печатью. Последним местом его «прописки» в Смоленской области, на территории нынешнего Холм — Жирковского района, был Трофимовский сельский совет. На последней странице документа стоял штамп с неразборчивой подписью, сделанный его секретарем — в тот день госпиталь располагался среди непроходимых лесов и болот — в районе деревни Мольня, Андреевского района, находящейся в 50-ти километрах к юго-востоку от Белого. Отметка была сделана 20 июля 1942 года, а само село находилось в самом центре боевых действий немецких войск, которые они вели в ходе операции «Зейдлиц»! Их главной задачей было уничтожение «русских» соединений в Холм-Жирковском выступе и ликвидация плацдарма для удара в тыл Ржевско-Вяземской группировки германских войск....

Бои вокруг села шли непрерывно, не затихая ни на минуту. Еще 5-го июля части германской 86-й пехотной дивизии под командованием генерала фон Штудница с подчиненным ей конным разведывательным отрядом 328-й пд начали наступление на запад двумя

колоннами. Одна из них двигалась из Андреевского³⁵ на Ленино, находящегося севернее Холм-Жирковского, другая — в направлении г. Белый, рассекая войска 39-й армии на северную и южную части. Германские войска имели задачу: не допустить советские подразделения в лес юго-западнее дороги Вязьма — Белый и «отжать» на северо-запад советский 11-й кавалерийский корпус. Севернее 86-й пд наступали немецкие 20-я танковая и 328-я пехотная дивизии. Одно из подразделений, приданных 86-й пд — кавалерийский разведывательный отряд, пройдя от Мольно всего в нескольких километрах к северу, 8-го июля захватил деревню Василево, находящуюся в 7 км на северо-запад от Мольня, а 9-го — деревню Варварино, располагающуюся западнее Василево. Германский 185-й пехотный полк к тому времени занял деревню Тупик (*36).

Немецкие пехотные и разведывательные подразделения прочесывали окрестные леса вокруг деревни, захватывая в плен и уничтожая попавших в окружение бойцов и командиров армии генерала Масленникова. Ее армейские штабные части всего две недели назад были сильно потрепаны у деревень Жиздрево — Голенищево,... Бобовище³⁷, и Холм — Жирковского, последний населенный пункт находился от места расположения госпиталя всего в 20-ти километрах к югу. То удаляясь, то снова приближаясь к спрятавшемуся среди лесов и болот селу гремела непрерывная орудийная канонада и ружейно-пулеметная трескотня, а потому раненые и персонал с тревогой смотрели на север, юго-восток, юго-запад и запад, ожидая появления противника с четырех возможных направлений.... Все, даже тяжелораненые были готовы при появлении немецких мотоциклистов немедленно спрятаться в ближайших лесах. А вражеские кавалеристы — разведчики могли появиться в любое время и в любом месте....

В ходе выхода из окружения главных сил 39-й армии и кавалерийского корпуса их соединения выдвигались из района, ограниченного населенными пунктами Разбойня, Оленинского района Кали-

³⁵ Нынешнее Днепропольское.

³⁶ Бывший немецкий генерал Гроссманн сообщил, что «...южнее Варварино около 600 конников русского Х1-го кавалерийского корпуса атаковали командный пункт 185-го пехотного полка, расположенный в школе села Тупик. Положение было чрезвычайно серьезным! Быстро введенные танки 20-й танковой дивизии в ожесточенном ближнем бою освободили командный пункт. Двести убитых русских свидетельствуют о тяжести боя. Против мотоциклистов 20-й танковой дивизии вспыхнула вдруг конная атака. Русские кавалеристы хотели прорваться на юг, но были расстреляны. (Х. Гроссманн, «Ржев — краеугольный камень Восточного фронта», Ржев, 1996).

³⁷ В указанном документе значится — «...район Серезино» — Донесение... Управления 39-й армии №ОУ/0333 от 21.08.1942 — Ф. 58 Оп. 818883 д. 1352. Безвозвратные потери 11-го КК — см. Ф. 58 оп. 818883 д. 1643.

нинской области, Холма — Жирковского и сосредотачивались в районах деревень: Буково, Варварино, Владимирское, Данькино, Медведки, Тупик, Тупик Владимирский, Рожки, Шапки, а также «урочища Костино», расположенного севернее с. Тупик. Прорываться они пытались первоначально на участке Егорье — Обухово, в северном направлении. Но этого им сделать не удалось. Другие соединения 39-й армии — 381-я и 252-я³⁸ стрелковые дивизии, отдельные полки и эскадроны 11-го КК, расположенные в урочище Костино, осуществили выход из окружения в западном направлении к реке Лосьмянке — в район расположения частей 134-й сд.

Основная же группа с рассветом 15-го июля из лесов северо-восточнее Варварино приступила к выходу в северном направлении на участке Остроухи — Молявня, находившихся восточнее Верховья. По дороге этим частям пришлось сбивать вражеские заслоны на участках Буково — Варварино и Варварино — Руево, находящихся северо-западнее Мольни, где под прикрытием семи танков и пяти бронемашин возводили заграждения солдаты двух немецких полков.... Уже 17-го июля эта группа находится в нескольких километрах севернее деревни Шиздереве, находящейся тогда в Оленинском районе Калининской области. В «Справке о положении 39 армии и 11 КК за 20 июля» говорится, что 19-го июля окруженные войска под командованием генерала Богданова были сосредоточены в районе колхоза «Красный лес» — отметка 264.1. В течение дня все разрозненные части армии были сведены в полк, который вошел в состав 256-й сд. Всего насчитывалось до 5000 человек. Части 11-го КК имели в своем составе до 4000 человек и до 2000 лошадей. В этот же день части группы достигли отметки 278.3, то есть перешли через дорогу: Кострицы — Бельй³⁹. И, наконец, в докладе командования 22-й армии в штаб фронта на 22-30 22.07.1942 доносится, что «...в глубине обороны противника в 1,5-2-х км идет сильный бой.... Предположи-

тельно выходящие части ведут бои с противником». Главные усилия артиллерии 185-й сд переносятся в этот район. «Дивизия усиливает действия навстречу прорывающимся. Уже на 23-00 на участке 185-й сд⁴⁰ из окружения вышло до 3500 человек. Противник ведет сильный огонь из д.д. Клевцово, Перелесье, Пустошка, хутора Мята⁴¹, Замошье⁴². Артиллерия дивизии [открыла] огонь по огневым точкам противника в этих местах. В 2-00 22.07.1942 указанные пункты горели». На 4-00 22 июля сообщалось, что на участке дивизии из окружения вышло свыше 10000 человек⁴³.

Вошел ли в статистику подразделений, вырвавшихся из огненного кольца военный госпиталь⁴⁴, в котором находился Петр, или он передвигался в другом направлении — неизвестно. Имеются свидетельства, что некоторые соединения и части прорывались в север-

³⁸ 185-я сд дивизия к началу войны входила в состав 21-го МК МВО как 185-я моторизованная дивизия. Соединение дислоцировалось в населенном пункте Идрица. Впервые в бой 185-я вступила 28.06.1941 в 15 км северо-восточнее г. Даугавпилс. В начале июля 1941 дивизия вела оборонительные бои юго-западнее г. Дагда. В июле вела оборонительные бои в районе г. Опочка. В дальнейшем дивизия оборонялась на рубеже рек Великая и Ловать. В октябре 1941 в составе Новгородской оперативной группы войск СЗФ оборонялась на реке Волхов. В конце октября 1941 дивизия была переброшена на КФ. С ноября 1941 в составе 30-й армии КФ участвовала в битве под Москвой. С 6.12.1941 участвовала в контрнаступлении в направлении населенного пункта Тургиново, КО. Зимой 41-42 дивизия в составе 30-й и 29-й армиями КФ вела тяжелые бои в районе Ржева, в том числе находясь в окружении. К 19.02.1942 ее части вырвались из котла западнее Ржева. К июлю 1942 дивизия вошла в состав 22-й А. В ходе операции «Зейдлиц» своими частями вместе с соединениями правого фланга 22-й А (355-й, частью 380-й СД) вновь попала в окружение.

⁴¹ Деревни Кострово и Пустошка по сей день находятся в 10-15 км к западу от Оленино. В донесении 256-й СД № ?/032 от 24.08.1942 сообщается, что у «...деревни Мята» 21.07.1942 был убит командир дивизии подполковник Иван Кузьмич Елисеев. И это единственное упомянутое в документе название населенного пункта, возле которого погиб военнослужащий данной дивизии. В ходе выхода из окружения погибло и пропало без вести 1259 командиров и рядовых, включая почти все управление дивизии — свыше ста человек, включая дивизионного прокурора, комендантскую роту и «взвод особого отдела». Из документа следует, что «...Данные о потерях установлены путем опроса оставшихся военнослужащих в частях, по письмам родственников и т.д.», так как «...вся документация штабов частей и управления дивизии была сожжена». Поэтому у многих бойцов и командиров в списках не указаны не только имена-отчества, но почти ни на кого нет сведений о местожительстве родственников. По захоронениям и местам гибели (исчезновения) данных нет вообще. Несколько военнослужащих были расстреляны 17 июля и умерли от болезней, но также без указания ближайших населенных пунктов и мест захоронения. Из указанного донесения (на 128 листах), следует, что кроме боевых подразделений (930-й сп и др. части), в состав дивизии, как и в 250-й сд, входил взвод особого отдела НКВД. Донесение подписали: «начштадив» подполковник Коревский, и комиссар штаба батальонный комиссар Меморский (ЦАМО, Ф. 58 оп. 818883 д. 462)

⁴² Село Замошье, также, как и д. Мята находились около 10 км северо-западнее Нестерово.

⁴³ В ходе боев во время операции «Зейдлиц» в 22-й, 39-й, 41-й А и 11-м КК по официальным советским данным погибло 953 человека, 36820 пропало без вести, а вышло из окружения в разных направлениях около восемнадцати тысяч бойцов и командиров. По данным немецких источников, к 12.07.1942 ими было захвачено в плен от 40 до 50 тысяч человек, куда, вероятно, вошли партизаны и, как всегда, часть гражданского населения призывного возраста. (С.А. Герасимова, «Оборонительная операция войск Калининского фронта в июле 1942 г.», Военно-исторический архив, № 23, стр. 18-56).

³⁸ В донесении 252-й сд № 4/001 от 29.08.1942 на 202 листах, подписанного командиром дивизии гвардии(!) полковником З.С. Шехтманом (с 27.08.1942 по 4.12.1942), НШ подполковником Рождественским и старшим батальонным комиссаром Бириным(?) сообщается, что в ходе боев и выхода из окружения с 1 по 25 июля безвозвратные потери 252-й составили 2185 человек. В подавляющем числе это были пропавшие без вести, так как убитых в боях 7-8 июля в Донесении упомянуто лишь несколько человек, а местами боестолкновений названы деревни «Елезарово Смоленской области» и Остроухи (оба н.п. находятся восточнее Белого и Шиздереве). Среди воинских частей, входящих в состав дивизии значатся 924, 928, 932-е сп, 277-й лап, ?осапб, ?обс, рр, заградительный батальон, ?медсанбат, дивизионный лазарет. Все эти части в июле понесли тяжелые безвозвратные потери. Соединение, согласно Донесения, в августе — сентябре находилось в районе н.п. Верещагино — Ф. 58 оп. 818883 д. 468. Документов 381-й сд и 11-го КК за этот период в ЦАМО не обнаружено.

³⁹ Деревня Кострица находится в 30 км северо-восточнее г. Бельй.

ном и северо-восточном направлениях. Но вскоре после выхода этого многострадального медучреждения в районы, занимаемые советскими войсками, комбата эвакуировали в город Иваново, в эвакуогоспиталь №1889. К тому времени ему уже сообщили, что его родная дивизия к середине июля вышла из того же самого вражеского «котла» с ужасающе огромными потерями. Сотни погибших в непрерывных боях навсегда остались лежать у деревни Сосновка и «...совхоза Шамилово»⁴⁵, а в коридоре между н.п. Бондарево и Ольшаники⁴⁶ Шайтровщинского сельсовета дивизия потеряла около двух тысяч человек только пропавшими без вести. В ходе прорыва упоминались многие убитые в районе деревни Петрушино. По отношению к этому населенному пункту встречается также название «Петрушки», и в

⁴⁴ Что это было за медучреждение, почему оно в ходе операции «Зейдлиц» оказалось в районе, занимаемом советской 39-й А, 11-м КК, партизанами, а, кроме того, находилось на острие наступления немецкой 87-й пд из состава германского XXXVI корпуса, как ему удалось уехать и вывезти раненых к «своим», не совсем понятно. Лишь после получения в музее 135-й сд информации, что в июле 791-й полк был переброшен на левый фланг 17-й гв. сд стала проявляться картина происходившего в те трагические дни. К 5-му июля полк находился в районе совхоза Шамилово, а от него всего в 30 км к востоку и расположена д. Мольня. Потому факт остается фактом — немецкая операция началась 2 июля против войск 39-й армии КФ, занимавшей выступ в районе городка Холм-Жирковский КО. На 1.07.1942 года в состав 39-й А (командующий генерал-лейтенант И.И. Масленников) входило две гвардейские — 21-я и 41-я и шесть стрелковых — 252, 256, 262, 357, 373 и 381-я дивизии, а также 76-я и 94-я кд, ап, три дивизиона гвардейских минометов, тб. В состав 11-го КК (командир — полковник С. В. Соколов) в соответствии с директивой Ставки ВГК от 14.05.1942 года входило четыре кд: 18, 24, 46 и 82-я, минометный полк, отдельные: два исапб, конно-артиллерийский дивизион, дивизион связи. Все эти соединения и части удерживали фронт протяженностью более 300 км. Наступление в ходе операции вели десять немецких пехотных и четыре (1, 2, 5-я и 20-я) тд, а также специально сформированная для «Зейдлица» кавалерийская бригада особого назначения 9-й А под командованием полковника Карла Фридриха фон дер Медена. Кроме того, в боях участвовали около 80-ти самолетов Люфтваффе. В итоге врагу удалось, бросив в бой в районе Шиздереве танки и автоматчиков, прорвать оборону 373-й сд, 22-й и 41-й А, перерезать коммуникации и окружить соединения 39-й А и 11-го КК. При этом он соединил свои окруженные Бельскую и Ленинскую группировки. Более трех недель продолжались бои между городами Белый и Сычевка. Части 39-й А и 11-го КК, а также 135-я, 17 гв. сд, 21-я тбр, находившиеся на левом фланге 41-й А и весь правый фланг 22-й А (355-я, часть 380-й, отдельные части 185-й сд) были окружены и с тяжелыми боями прорывались из вражеского кольца. Через «коридор» между городами Нелидово и Белый, а также по воздуху эти части имели связь с фронтом, получали пополнение, боеприпасы, хотя и в крайне малом количестве. Отдельным частям удалось выйти из окружения на участках вокруг города Белого, в полосе 22-й и 30-й А.

Для немецких войск операция «Зейдлиц» закончилась официально 12-го (по некоторым данным — 13-го) июля после сообщения по радио из главной квартиры фюрера: «Победа в летней битве у Ржева». По утверждениям некоторых немецких источников, «последние [из] отбывших [русских] держались до октября». Ф. Гальдер отмечает в своем дневнике за 19 июля, что «...операция «Зейдлиц» превратилась в прочесывание лесного массива севернее шоссе Смоленск — Вязьма и развивается успешно». А в материалах немецкой 161-й пд, стоявшей на зубцовском направлении (жюкне Ржева — примечание автора), есть сведения, что в период с 15 по 29 июля на их участке фронта из «ржевского котла» пытались вырваться бойцы «...русской 252 сд». Советские источники назвали те бои «оборонительной операцией в районе Белый 2-27 июля 1942 года КФ (22, 39 и 41-я армии, 3-я воздушная армия)». (1. История ВОВ Советского Союза 1941-1945, т. 2, М., 1963, с. 399; 2. Герасимова С.А., «Оборонительная операция войск Калининского фронта в июле 1942», Военно-исторический архив, № 23, стр. 18-56).

одном из донесений сообщалось, что погибших «похоронили 3.07.42... на берегу реки...» Льба. Все названные населенные пункты когда-то находились к северу, северо-востоку и востоку от города Белого.

Петр помнил, как долгими часами он всматривался через бинокль вдаль, на северо-восток, пытаясь рассмотреть город, за взятие которого его бойцами и командирами было пролито так много крови. Горизонт в те дни почти непрерывно озаряли вспышки — там, на подступах к Белому, как и у Воробьевых высот, шли ожесточенные бои.... Он пытался представить себе этот населенный пункт. Те, кто побывал в городе до войны и сражался возле него, рассказывали, что он весь выстроен из белого камня. Но в воображении артиллериста населенный пункт почему-то был не белым, а розово-красным! Много раз комбат впоследствии видел его во сне, но никогда не ездил в те места после войны — это был город его трагедии, город, отнявший столько человеческих жизней!

Еще раненые сообщили, что пропали без вести почти все его друзья и сослуживцы по 173-му дивизиону, кто в июне еще оставался в живых. И что «...не вышел из боя» с почти всем управлением дивизии даже его старый знакомый — батальонный комиссар Озерный, пропавший без вести 8 июля в составе 396-го полка⁴⁷.

⁴⁵ Деревня Сосновка когда-то находилась в 12 км северо-восточнее г. Белого, у д. Нестерово. Некоторые ветераны упоминают Верхнюю и Нижнюю Сосновку. Совхоз Шамилово находился в 5 км северо-западнее п. Владимирский, на дороге в г. Белый. В настоящее время названные населенные пункты, кроме Нестерово, не существуют.

⁴⁶ В донесениях 135-й сд полковник Гаран называл последнюю деревню «Ольшанским». Сейчас эта деревня, находящаяся восточнее г. Белого называется Альшаники.

⁴⁷ Информация об этих потерях получила подтверждение в архиве Министерства обороны (ЦАМО, Ф. 58 оп. 818883 и д. 267 — донесение 135-й сд №0427/22 от 23.09.1942). В ходе выхода из окружения было много пропавших без вести даже в 138-м омсб дивизии. В одном из документов сообщалось, что 7.07.1942 исчез его командир — военврач 3-го ранга Федоров Иван Георгиевич, 1918 г/р., и НШ омсб ст. л-т Мавринский Степан Леонтьевич, 1894 г/р, а с ними еще семеро врачей, шесть военфельдшеров, а также семь медсестер и около двадцати командиров и рядовых постоянного состава. (Донесение 135 сд №4/с544 от 09.11.1942 на 262 человека, ЦАМО Ф. 58 оп. 818883 д. 268 л. 13-14). То есть, в июле «...не вышел с поля боя», практически, весь дивизионный госпиталь, который по штату (№ 4/400-416 от 5.04.1941) состоял из т.н. «госпитальной» роты, и в ней было 36 человек персонала, а из вооружения по штату числилось лишь четыре пистолета и двенадцать винтовок. Несомненно, что с постоянным составом 138-го омсб погибла, попала в плен и большая часть раненых, находившихся на излечении при данном военно-медицинском учреждении. В донесении 1-го отдела Главного военно-санитарного управления РККА №473332 от 13.11.1942 о безвозвратных потерях КФ (ЦАМО, Ф. 58 оп. 818883 д. 713 лл. 82- 98) сообщается, в частности, о потерях среди медицинского состава КФ (3-я Ударная, 22, 29, 30, 41-е армии). В 41-й армии упоминаются: 135-я сд и ее 138-й омсб, 17-я гв. сд с 13-м омсб, 24-я кд (18-й и 70-й кп), 134-я и 179-я сд — в составе последней одному медработнику, вышедшему из окружения, после пережитого им в ходе боя, был даже поставлен диагноз — «шизофрения». О потерях в составе медико-санитарного взвода 21-й тбр в этом донесении не сообщается, из чего следует, что он в полном составе вышел из окружения.

О гибели 17-й гв. стрелковой дивизии впоследствии вспоминал Александр Шумилин. В своей рукописи он пишет: «45-й гвардейский полк за короткое время, за каких-то пару часов, перестал существовать». Еще автор сообщил, что бывший командир 17-й гвардейской, как он пишет, «...предатель Березин... летом сорок второго года сумел всю дивизию загнать немцам в плен». Там же о событиях июля: «... Три полка солдат. Топают сейчас по пыльной дороге из Белого на Смоленск. Пленные! А чем они виноваты? Дело рук

⁴⁷ (продолжение) Вместе со 135-й сд из окружения прорывалась 17-я гв. сд. Остатки обоих соединений отступали в начале июля из Белого по дороге: Пушкари — Егорье, о чем сообщает в своей рукописи А.И. Шумилин. В соответствии с Донесением 17-й гв. сд № 1156 от 14.09.1942 (ЦАМО Ф. 58 оп. 818883 д. 244) с 1 по 10 июля 1942 бои шли в самом городе Белом. А также в районах деревень Ананино, Беганщина, Б. Точиливо, Боярщина, Веревкино, Конново, Лынозавод, Макарово, Ольшаники, Панино, Симаны, Солодилово, Сосновка Бельского района. В ходе этих боев по официальным данным погибли и пропали без вести СОТНИ гвардейцев. Скорбный список безвозвратных потерь возглавили: командир дивизии (с 07.06.1942) — Степан Петрович Горбунов, 1899 г/р и комиссар дивизии Сергей Дементьевич Ширяев, 1909 г/р, убитые 5.07.1942 и похороненные в деревне Панино. (ЦАМО Ф.58 оп. 818883 д. 244 л. 23). В документах о потерях дивизии встречается еще одно название — деревня Кадры (Кодры) Оленинского района, но установить его местонахождение пока не удалось. О попавшем, практически, в полном составе в плен 45-м гв. стрелковом полке в донесении не говорится ни слова.

Что касается 21-й тбр, то она после начала «Зейдлица» контратаковала подразделение 2-й тд Вермахта. Впрочем, это контрнаступление немцам удалось отразить, призвав на помощь пикирующие бомбардировщики Ju-87, и уже 6-го июля бригада попала в окружение вместе с 17 гв. и 135-й сд, но к 10-му июля вышла из него без единого имевшегося в строю танка. В донесении бригады №0304 от 21.07.1942 на 20 листах сообщается, что в период «с 1 по 20 июля... потери составили ...начсостава — 33, младшего начсостава — 116, рядового состава — 148 человек». НШ бригады майор Васин при этом сообщает, что «на 70 человек... данных нет, так как... при нахождении в окружении документы зенитной батареи, ...2-го танкового батальона...» были уничтожены, в том числе 6.07 в районе деревень Беганщина — Солодилово были порваны и сожжены документы медико-санитарного взвода. В сравнении с другими соединениями 41-й А потери бригады были небольшими, в частности, в донесении сообщается, что «Жуков Николай Петрович, старший лейтенант, командир роты средних танков, пропал без вести 5.07.1942». В донесениях (ЦАМО, Ф. 58 оп. 818883 д. 1591) сообщается, что с 1-го по 10-е июля боевые действия бригада вела возле населенных пунктов Кулаки (Кулаково?) (4-5.07.), Егорье (4-5.07.), Панино (6.07.), «окраина леса у д. Заболотье» (6.07.), Бондарево (6.07.), Нестерово (6.07.), Веревкино (8-9.07.), Солодилово, Вышегоры (9.07.), «...ложной окраине д. Лейкино Бельского района Смоленской области» (4-8.07.1942) — западнее, севернее и восточнее Белого.

⁴⁸ Деревня Демидки по сей день находится на высотах юго-восточнее Белого, и расположена она в Шайтровщинском сельсовете. Правда, от села осталось буквально пара домов — этот н.п. расположен западнее д. Струево, только на скатах высоты, обращенной к г. Белому. До того, как автор побывал в данном населенном пункте в марте 2008 года, ему было искренне неясно, почему А.И. Шумилин так часто его упоминает. Но оказалось, что деревня имеет ключевое значение на всей близлежащей местности восточнее г. Белого и она поистине — центр всей тамошней позиции, или, как ее «умно» называют стратеги — «центр связанности». Пожалуй, вблизи нет ни единого населенного пункта, откуда бы открывался столь великолепный обзор города и окружающей его местности. И с высоты, где она расположена, отлично виден Лынозавод, бывшая мельница, располагавшаяся на своеобразном полуострове, возникшем из-за почти кольцевого движения реки Обши, а также подорванная нашими саперами в городе весной 42-го больница. О гибели генерала Березина П.И. Бабаяв сообщил следующее: «В лесу «Красная гряда» в окружении располагался штаб 17-й сд. Немцы как узнали об этом, вскопчили на танки и бронемашин, окружили лес и убили генерала в блиндаже».

Березина, Карамушко, Ковалёва и подобным им в том, что дивизия попала в такое положение. Командиры полков, батальонов сразу разбежались, кто куда, побросали роты, а солдаты попали в плен.... Под удар была поставлена не только наша дивизия, в котел попала целая армия и кав[алерийский] корпус.... Последнее время дивизией командовал полковник Горбунов. Но только вы учтите. Горбунов принял дивизию неделю назад. А Березин обрёл её [на гибель] гораздо раньше, когда первый раз сдал Демидки⁴⁸... Я видел собственными глазами, как роты и батальоны... поднимали руки и сдавались немцам...»⁴⁹.

⁴⁹ Сохранилось описание гибели медсанбата 17-й гв. сд северо-восточнее Белого: «Колонна автомашин, не доехав до Нестерово, через которое предполагалось вывезти раненых... подверглась обстрелу авиацией противника с воздуха, а из Нестерово — обстрелу автоматчиков, только что занявших село. Автомашин загорались, или, сойдя с дороги, застревали в топях. Кричали тяжело раненные. Медицинские работники отстреливались... одновременно подбирали и выносили на себе раненых... Многие врачи и медсестры погибли, но большинству удалось укрыться в лесу. Погиб ведущий хирург медсанбата А.В. Изосимов». (1. Бураков А.С. «Отдельные записки комиссара». Машинописная рукопись. Красноярск. Архив отдела истории советского общества Тверского государственного объединенного музея; 2. Сенкевич И. «Красноярская гвардейская». Красноярск, 1973; 3. Мыльников. «Это было на Ржевско-Вяземском плацдарме». Кн.1 Л. Ржев, 1998). Также из документов ЦАМО (Ф. 58 оп. 818883 д. 713 л. 90) стало известно, что 7.07.1942 пропал без вести командир 13-го омсб дивизии военврач 2-го ранга Григорий Сергеевич Царев, 4.07.1942 был ранен дивизионный врач — военврач 3 ранга Василий Васильевич Завьялов, а упомянутый выше военврач 2-го ранга Альвиан Владимирович Изосим(!)ов в документах значится пропавшим без вести 7-го июля. Кроме того, он назван «...командиром медроты 17 гв. сд», и сообщается также об исчезновении вместе с ним еще группы военврачей — командира госпитального взвода Б.Ф. Купресо-ва, врачей 26-го гап дивизии А.И. Шулятьева и А.И. Голубева. О потерях среди личного состава медико — санитарного взвода 21-й тбр в этом документе сведений нет.

Последняя из дивизий, сражавшихся вместе со 135-й и 17-й гв. в составе 41-й А — 134-я, с 1 по 10 июля обороняла участок западнее г. Белого от деревень: Бор, Лосьмянка, Дмитровка, Островка(?), Примушки Бельского района, где оборонялся 515-й СП майора И.В. Егорова (НШ капитан Голубчиков), и перебрасывалась к участку в «...1 км северо-восточнее д. Пушкари». Возле этого населенного пункта, находящегося (после поездки в Белый можно внести скорбное уточнение — «находившегося»). Деревня больше не существует — примечание автора) в 7 км севернее Белого, бился с врагом 629-й полк М.Г. Хапичева, понесший 7-10 июля тяжелые потери (ЦАМО, Ф. 58 оп. 818883 д. 265, 268). В основном же 134-я осталась вне района окружения советских частей и соединений. Командовал дивизией с 09.05.1942 по 24.12.1942 полковник Квашин Александр Петрович.

«Всего 7-9 июля из окружения вышли части 41-й А — 135-я (1000 человек, по данным Паршинского — около 2500), 17-я гв. сд (1759 человек с двумя 82-мм минометами, двумя станковыми и восемью ДП, двумя ПТР) и 21-я тбр (без материальной части — 43-х танков), а также «отдельные люди и подразделения 24-й, 46-й кд, 357, 355 и 262-й сд». (Герасимова, Военно-исторический архив № 23 стр.18-56).

В дальнейшем Ставка Верховного Главнокомандования 31.07.1942 приказала командующему войсками СЗФ вывести 135-ю сд в район Торжка вместе со 130, 131-й сбр, в резерв КФ для восстановления и доукрепления. В документах 135-й за август-ноябрь в качестве местонахождения подразделений упоминаются деревни: Алферово, Бобыри (Бодры), Бредки, Борисово, Голенищево (находится южнее Торжка?), Крутой Овраг, Мешенино, Оковцы, Пустышкино (Пустошка?), Старая Орга Кировского района КО, Цепелево Молодотудского района КО, Ольхово Козлово, Коровкино, Селижаровского района КО. В последнем населенном пункте, расположенном южнее г. Селижарово, 13.10.1942 пополненные подразделения дивизии проводили учебные

После эвакуации в тыл Петр узнал, что с целью повышения престижа службы в противотанковой артиллерии РККА с июня 1942 года все такие части и подразделения стали называться отдельными истребительно-противотанковыми артиллерийскими бригадами, дивизионами, батареями и взводами. Связано это было с тем, что, зная не понаслышке о тех огромных потерях, которые несли эти части, опытные и подготовленные военнослужащие не стремились возвращаться в свои подразделения. Поэтому для их личного состава Приказом Наркома обороны №0528 от 1.07.1942 г. за подписью И.В. Сталина вводилась особая нашивка, размером 85 x 65 мм, носимая на рукаве над левым локтем — черный ромб с красной окантовкой и скрещенными посередине желтыми пушками. Тем же приказом повышались штатные воинские звания для расчетов орудий противотанковой артиллерии, устанавливался полторный оклад содержания начальствующему составу таких частей и подразделений, а младшим командирам и рядовому составу — двойной. Также для всех чинов истребительной противотанковой артиллерии РККА вводились премии за каждый подбитый танк: командиру орудия и наводчику — по 500 рублей, остальному составу расчета — по 200. По тем временам это были огромные суммы⁵⁰, но... подобные изменения Петра уже мало интересовали!

В госпитале, где ему довелось «проваляться» еще целый год, до лета 43-го, комбату сделали множество операций, но исковерканная до неузнаваемости рука продолжала ссыхаться, кисть изогнуло к ней под углом девяносто градусов. Кости поврежденной конечности гнили и вылезали наружу еще много лет после окончания войны, их

⁴⁹ (продолжение) занятия по тактической подготовке, в результате которых погиб красноармеец Салай Юсупов. (ЦАМО Ф. 58 оп. 818883 д. 268 л. 47) В конце лета в составе дивизии появляется 318-й отдельный пулеметный батальон, состоящий из четырех пулеметных рот, а к зиме — отдельный лыжный батальон капитана Чувахина, сражавшийся в конце ноября на левом фланге дивизии у «...дд. Урдом, Бортники» Молодотудского района КО. (ЦАМО, Ф. 58 оп. 18001 д. 141 л. 259, 259об).

⁵⁰ Для сравнения уровня цен в 1941 году — промышленная стоимость 45-мм ПТП обр. 1937 года составляла 10000 рублей, а снаряда к ней (по Лихтерману) — как пары хромовых сапог. Оклад командира батареи в апреле 42-го, в соответствии с выпиской из денежного аттестата офицера 173-го опдн составлял 1200 рублей. По свидетельствам многих ветеранов материальное стимулирование участников боев в годы ВОВ было весьма значительным, и данная тема еще ждет своего исследователя, так же, как послевоенные выплаты для кавалеров боевых наград. Как ни парадоксально, но только «новоявленные» Гайдары, Чубайсы и прочие господа из их К», со своим приходом к власти устроили всему населению страны действительно нищенские выплаты во всех сферах жизни. Помните, это было сделано вместо обещанных «...достойных зарплат работающим и... пенсий старикам». Хотелось бы знать, почему отработавшим по 40 лет в школе или на оборонном заводе ветеранам в 2007 году установили пенсии в размере около 2500 рублей, а судьям и прокурорам с 25-и летним стажем — 20 тысяч? Про депутатов — бывших «бизнесменов» и прочих воров не хочется и вспоминать — они провели «под себя» закон и теперь имеют астрономические выплаты после нескольких лет «протиранья штанов» в Госдуме...

вначале удаляли врачи, а потом и сам Петр при помощи пинцета и плоскогубцев. После тяжелой контузии у него были проблемы с памятью, координацией движений, даже речью. Туда же, в Иваново приехала из Горьковской области жена, чтобы навестить раненого мужа и оставаться рядом с ним. До конца! Ведь она помнила печальный опыт своей сестры, опоздавшей в 1941 году к смертельно раненому супругу в госпиталь — ей довелось лишь похоронить его на местном кладбище. Нюра плакала от счастья, что Петр был жив, хоть и весь искалечен, так как не только ее сестра, но и почти все женщины деревни Лысковского района, где они жили в эвакуации, уже получили «похоронки» на своих родных.

Антонина и ее свекровь на могиле умершего в Коврове мужа и сына — Алексея Миронова, октябрь 1941 г.

Вместе с комбатом в госпиталь попало несколько бойцов из дивизий 41-й армии, раненых под Пушкарями. Они показали Петру на пожилого солдата с перевязанной ногой. Тот беззвучно плакал, по его щекам катились крупные слезы, и боец непрерывно повторял: «...У меня там сына убило! Мальчонку маво! Теперь я остался один, совсем один!» Высокий усатый красноармеец, раненый в том же бою в живот рассказал, что старик плачет уже много недель: «Помешался, должно быть, сердешный! А на высоте у Пушкарей был такой ужас! Земля летела из-под ног во время непрерывных налетов, стоять в окопе было невозможно — всех бомбами на дно валило. Ты, командир, знай — кого здесь видишь, ранило первыми, и потому санитары нас сразу вынесли. А больше с высоты никто не вернулся.... Просто страх какой-то — сколько там народу полегло!»

Постепенно, благодаря неустанным заботам жены, врачей и персонала лечебного учреждения организм Петра, кроме израненной руки начал идти на поправку. Там же, в Иваново он встретился с подполковником — танкистом, лежавшим с тяжелыми ранениями в грудь, руку и ноги в одной с ним палате. Его лицо Петру показалось знакомым, подполковнику, видно, тоже.... Оба некоторое время присматривались друг к другу и, наконец, разговорились. Выяснилось, что когда-то они вместе служили, подполковник — взводным в роте, где командиром был Николай Михайлович Хлебников⁵¹, а Петр — рядовым красноармейцем.

Звали танкиста Виктором Николаевичем, все последние годы он с перерывами на учебу продолжал службу в 25-й Чапаевской дивизии, воевал в ее составе с первого дня войны и прошел весь путь Отдельной Приморской армии от границы СССР с Румынией до города Севастополя. После выяснения столь неожиданной для обоих командиров информации, комбат стал частенько вывозить на коляске своего бывшего начальника подышать свежим воздухом. При этом они почти непрерывно вспоминали свою совместную службу, друзей, сослуживцев, очень многих из которых уже не было в живых.

⁵¹ Николай Михайлович Хлебников (1895 — 1981) Родился в Костромской губернии в семье крестьянина. Работал в Иваново-Вознесенске, где одновременно окончил реальное училище. Затем поступил в Московское инженерное училище. Оттуда пошел в артиллерийскую школу прапорщиков. В годы первой мировой войны участвовал в боях с кайзеровскими войсками. После Октябрьской революции учился в Ивановском политехническом институте, а в августе 1918 добровольно вступил в Красную Армию. Член КПСС с 1919. Участник гражданской войны, приказом РВСР № 153 за 1920 год награжден орденом Красного знамени и Почетным революционным оружием. Служил командиром артиллерийской батареи, 2-го легкого ардивизиона 220-го Иваново-Вознесенского полка, затем — начальником артиллерии в 25-й Чапаевской дивизии. В 1924 в связи с сокращением РККА был назначен командиром роты(?) и вскоре ушел в запас. С 1931 года снова в армии. Окончил артиллерийские курсы при военной академии в Ленинграде в 1932 году. Командовал 14-м артиллерийским полком. С 1934 года одновременно был начальником артиллерии 14-й СД. В 1936-1937 годах — начальник артиллерийского снабжения, начальник отдела боевой подготовки управления артиллерии МВО. В 1938-1939 годах командовал 108-м Коломенским пушечным полком резерва Главного Командования. В 1939-1940 годах был начальником артиллерии стрелковой дивизии, начальником 1-го отдела управления начальника артиллерии Северо-Кавказского ВО. С декабря 1940 года — начальник артиллерии 27-й А. На фронтах Великой Отечественной войны с июня 1941 года. Командовал артиллерией 27-й А (с декабря 1941 — 4-я Ударная). В 1942 году стал начальником артиллерии КФ, с декабря 1944 — 1-го Прибалтийского, с февраля 1945 — Земландской группы войск. С 1943 — генерал-полковник артиллерии. Участвовал в Ржевско-Сычевской, Великолукской, Ржевско-Вяземской, Духовщино-Демидовской, Смоленско-Рославльской, Невельской, Городокской, Витебско-Оршанской, Полоцкой, Шяуляйской, Рижской, Мемельской, Инстербургско-Кёнигсбергской, Кёнигсбергской, Земландской операциях. Указом Президиума Верховного Совета 19.04.1945 Н.М. Хлебникову было присвоено звание Героя Советского Союза. После войны командовал артиллерией Прибалтийского ВО. В 1952 окончил Военную Академию Генерального штаба и был оставлен в ней начальником кафедры. Кандидат военных наук, доцент. В 1956-1960 был старшим военным советником в Китае. С 1960 — в отставке в Москве. Награжден 3-мя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, 4-мя орденами Красного Знамени, 2-мя орденами Суворова 1 ст., орденом Кутузова 1 ст., Суворова 2 ст., 2-мя орденами Красной Звезды, и многими медалями. Почетный гражданин г. Иванова (1971) и г. Велижа (1978).

Некоторые знаменитые «чапаевцы», знакомые подполковнику лично, а Петру — только по именам еще здравствовали, например бывший командир кавалерийского эскадрона Г.К. Жуков и уже знаменитый партизанский командир С.А. Ковпак.

Виктор Николаевич рассказал про последние годы существования соединения, куда он вновь попал служить в 1941 году, после окончания учебы в Военной академии механизации и моторизации РККА⁵² — уже после освобождения Западных областей⁵³, в котором дивизия принимала активное участие. Перед началом войны 25-я входила в состав 14-го стрелкового корпуса 9-й армии⁵⁴, после 22 июня прошла путь от Измаила до рубежа Днестра⁵⁵, с июля под

⁵² С 1943 стала называться Военной академией бронетанковых войск имени И.В. Сталина.

⁵³ В 1939 году 25-я принимала участие в освобождении Западной Украины в составе 27-го стрелкового корпуса УФ. Перед этим она «поменялась» полковыми номерами с 62-й сд — бывшей 2-й «Туркестанской» — тогда, например, «Разинскому» полку вместо 104-го дали 54-й номер. В мае — июне 1940 соединение было передислоцировано в Запорожье и вошло в состав 9-й армии Одесского военного округа. К 1 мая 41-го оно было переброшено в г. Болград, где заняло 70-ти километровый участок обороны по рекам Прут, Дунай, и размещалась в населенных пунктах: Кагул, Волканешты, Молдавской ССР, Табаки, Болград, Рени, Курчи, Куза-Воды, Измаильской области. В войну 25-я вступила в составе: 54-го полка — ВРИО КП капитан Сысоев А.Н., 31-го «Пугачевского» им. Фурманова, 263-го «Домашкинского» им. Фрунзе стрелковых полков, 69-го ап, 99-го гап (до 10.05.1942), 756-й миндн, 52-го обс, 105-го сапб, 80-го орб (до 05.03.1942), 80-й омсрр (с 05.03.1942), 164-го оптдн, 193-й зенбатр 323-го озеналдн, 47-го омсб, танкового батальона на Т-26, 46-й орхз, других частей и подразделений (9-й двл, 89-й атб, 89-я пхп, 80-я ппс, 351-я пкт). Дивизия вначале была подчинена 14-му СК (комкор генерал Д.Г. Егоров) 9-й отдельной армии. Дивизией с 14.03.1941 по 01.09.1941, командовал полковник, затем генерал-майор Афанасий Степанович Захарченко. По прибытию в Болград 25-я вместе с 51-й сд, занимавшей рубеж на левом фланге 25-й, вдоль Килийского гирла от Измаила до Черного моря, начали проводить занятия с личным составом по посадке — высадке и десантированию с судов Дунайской военно-морской флотилии. В субботу 21-го июня комдив вывел из казарм в г. Рени 31-й Пугачевский полк на батальонные учения по направлению к границе. 22 июня на рассвете казармы в Рени были разрушены огнем дальнобойных батарей противника из-за реки. Перед румынскими и немецкими частями ставилась задача: форсировать Прут и Дунай с задачей — оттеснить советские войска из треугольника Болград-Рени-Измаил, а при возможности отсечь их выходом на Татарбурнары и взять в окружение. Противостояла 14-му СК все эти месяцы 4-я румынская армия в составе девяти дивизий, пограничные части и румынские ВМС, но их попытки переправиться через Прут и Дунай, корпусом были сорваны. В рас포ложении Дунайского УРА вражеским войскам также был нанесен серьезный урон. На рассвете 22-го лишь отдельные румынским частям удалось переправиться через Дунай. Но они сразу попали под прицельный артиллерийский огонь, а к концу дня подошедшими частями 25-й стрелковой дивизии румынские подразделения были разгромлены, при этом сдалось в плен до пятисот вражеских солдат и офицеров. Уже с 23-го июня обе дивизии вместе с пограничными подразделениями начали проводить десантные операции, а 26-го июня 23-й сп 51-й сд на четырех бронекатерах и десяти пограничных катерах переправился через Килийское Гирло и занял Килию-Веке (Старая Килия). Уничтожив при этом до 200 солдат противника, захватив 8 орудий, 30 пулеметов, до 1000 винтовок и 720 пленных. Подразделениями 287-го сп была взята Пардина. Кроме того, своими действиями десант сорвал артиллерийский обстрел Измаила с румынской стороны. Артиллерия 99-го гап Чапаевской дивизии поддерживала высадку десантов, и в руках советских войск тогда оказался плацдарм протяженностью свыше 70 км от г. Рени до Черного моря. Во время его захвата некоторые части противника целиком добровольно сдавались в плен. (Пограничные войска СССР в годы Второй мировой войны 1939-1945. М., Граница и др.)

командованием генерал-майора Ивана Ефимовича Петрова⁵⁶ обороняла Одессу⁵⁷ — родной город Петра Иосифовича, затем кораблями Черноморского флота была эвакуирована в Евпаторию и Севастополь.

⁵⁴ В состав 9-й армии входили корпуса и УРы, которые на 22.06.1941 дислоцировались: 14-й СК — Болград, в июле 1941 был переформирован в Отдельную Приморскую армию; 35-й СК — Кишинев, 48-й СК — Кировоград, 2-й КК — Романовка (до 1940 — Романешт, с 1957 — Бессарабка, Молдавской ССР), 2-й МК — Тирасполь, 18-й МК — Аккерман (до 1940 — Четата-Алба, ныне — г. Белгород-Днестровский), 80-й (Рыбницкий) УР — Каменка, Кольмо, Екатериновка, Журы, Одесской области, впоследствии УР был переформирован в отдельную пулеметно-стрелковую бригаду; 81-й (Дунайский) УР — Болград, 82-й (Тираспольский) УР — Тирасполь, Дубоссары, Григориополь, Гроссулово, Фрунзевка, Одесской, 84-й (Верхне-Прутский) УР — Бельцы, 86-й (Нижне-Прутский) УР — Комрат, Молдавской ССР.

Дивизии: 150-ая стрелковая (48-й СК) — Одесса, 25-ая Чапаевская стрелковая (14-й СК) Болград, Измаильская, затем в Приморской армии в Одессе и Севастополе; 51-я Перекопская стрелковая (14-й СК) — Измаил, Арциз, Килия, Красный, Татарбунары, Плахтеевка, Байрамча; 74-я стрелковая (48-й СК) Балта, Одесская; 30-я горная стрелковая. (48-й СК) ст. Колбасная, Молдавской ССР; 95-я Молдавская стрелковая (35-й СК) Кишинев, Унгены, затем в Приморской армии в Одессе и Севастополе; 176-я стрелковая; (35-й СК) Бельцы, Молдавской ССР; 11-я танковая (2-й МК) Кишинев; 15-я мотострелковая. (2-й МК). Бендеры, Молдавской ССР; 16-я танковая. (2-й МК) Котовск, Одесская; 44-я танковая (18-й МК). Березино, Измаильская; 47-я танковая (18-й МК). Аккерман (ныне — Белгород-Днестровский); 218-я мотострелковая (18-й МК) — Сарата, Измаильская; 5-я кавалерийская (2-й КК) — Леово, Молдавская ССР; 9-я кавалерийская (2-й КК) — Лейпциг (ныне — Сергеево), Одесская; 20-я смешанная авиационная (сад) — Кишинев; 21-я сад — Одесса; 45-я сад — Кировоград; 65-я истребительная авиационная (иад) — Сарата, Измаильская; 66-я иад — Никополь, Днепропетровская;

И дополнительно: 147-я сд — Кривой Рог, Кировоград; 212-я влбр 3-го ВДК — Вознесенск, Одесской; 196-я сд (7-й СК) — Днепропетровск; 116-я сд (7-й СК) — Николаев;

⁵⁵ 3 июля румынские войска, усиленные немецкими соединениями, форсировали Прут в его среднем течении. Вскоре врагу удалось отсечь левофланговые дивизии 9-й А от главных сил ЮФ. До 18-го июля, когда 25-й дивизией был получен приказ на отход к реке Днестр, она обороняла 120-км участок границы по левому берегу Прута, далее через Измаил до черноморского побережья, и успешно отбивала атаки румын, прикрывая отступление 14-го СК. Чтобы избежать окружения, части 9-й А начали отход на промежуточный рубеж. Дунайская Военно-морская флотилия еще раньше была перебазирована в г. Николаев, на Южный Буг. А 15-го июля 14-й СК, состоявший ранее из трех соединений, был реорганизован в Отдельную Приморскую армию в составе: 25-й, 30-й, 95-й сд части 82-го УРА, 1-й, 40-й кд и 7-го кп, которая отошла на фронт Армашовка — Тирасполь и далее по левому, восточному берегу Днестра. Дивизии располагались между гг. Тирасполем и Григориополем, командармом был назначен генерал-лейтенант Георгий Павлович Сафронов. На Днестре в состав 25-й вместо 263-го полка, переданного 12.07.1941 в 51-ю сд и ушедшему с 9-й А, был включен 287-й стрелковый полк из состава той же дивизии (с 16.07.1942).

На Днестре Приморская армия стояла недолго. Падение Кишинева диктовало необходимость отвода ее дивизий от берега Днестра. Промежуточный рубеж был намечен от станции Кучурган к северу до станции Ананьев, а с 9-й А, которой командовал генерал-лейтенант Н. Е. Чибисов, «приморские» войска в тот момент уже потеряли «чувство локтя». Вражеский удар последовал в стык 9-й и Приморской армий 30-го июля, при этом 11-я немецкая и 3-я румынская армии переправились через Днестр под Дубоссарами и, захватив плацдарм, переправили танки. Они прорвали оборону 95-й Молдавской стрелковой дивизии и устремились на Жовтнево и Ново-Павловку, сворачивая оборону левого фланга 9-й А, с каждым часом увеличивая ее разрыв с Приморской армией. Приморская группа отступила к Одессе.

⁵⁶ После эвакуации из Крыма руководством Приморской армии 1-го формирования генерал-майор Иван Ефимович Петров в середине июля на подводной лодке прибыл в Краснодар. Он сразу же вылетел в Москву и со 2.08.1942 командовал 44-й А на Закавказском фронте. Ему была поставлена задача: создать глубоко эшелонированную оборону на подступах к Грозному и Баку с севера и северо-запада и во взаимодействии с Каспийской военной флотилией не допустить форсирования Терека от устья до с. Червленой. Осенью он был назначен командующим Черноморской группой войск (в 1942-1943 годах в нее входили 18-я, 56-я и 46-я и 47-я армии).

⁵⁷ 4-го августа прервалась проводная связь со штабом ЮФ. 5-го августа Директивой Ставки ВГК ЮФ было приказано Одессу не сдавать и оборонять до последней возможности, привлекая к делу Черноморский флот. Приморская армия получила приказ отходить на первый рубеж обороны Одессы, к станциям: Кучурган, Раздельная, Катаржино, Березовка. Правый фланг армии развернулся фронтом на север, левый оставался у Днестровского лимана. Бои в это время шли под Беляевкой, по обе стороны железной дороги на Тирасполь и у Аджалыкского лимана.

На город наступала сначала лишь 4-я румынская армия, но уже через несколько дней Приморскую армию непрерывно атаковали двенадцать румынских дивизий и еще семь бригад, а также части немецкой 72-й пд. Трехсоттысячная группировка врага при поддержке танков и более ста самолетов рвалась к Одессе. Город защищали лишь потрепанные шестидесятидневными непрерывными боями: 25-я сд у деревни Дальник, правым флангом упираясь в Хаджибейский лиман и 95-я стрелковая. А еще недавно сформированный полк морской пехоты, полк НКВД и несколько наспех созданных небольших отдельных частей, в том числе «так называемая» 1-я кд, части 40-й кд (в составе 154-го и 149-го полков?). «Так называемая 1-я кд» состояла из бывших ветеранов — котовцев и буденовцев, она была лишь недавно сформирована генерал-майором Петровым И.Е., и им же возглавлена, комплектование дивизии так и не было завершено. 31 июля в Одессу прибыл новый командующий Приморской армией — генерал Георгий Павлович Софронов. Ликвидация Дубоссарской группировки в тот момент приобрела исключительно важное значение, так как противник занял Первомайск, а воссоединение Первомайской и Дубоссарской группировок могло создать тяжелое положение для 9-й и Приморской армий. Взвесив все возможности, новый командарм приказал выдвинуть на правый фланг 1-ю кд — единственный имевшийся у него резерв. Для ее усиления необходимо было перебросить туда же один полк 25-й сд и начать выдвижение пограничников, одесских истребительных батальонов и всего того, чем могла помочь одесская ВМБ.

19-го августа Ставка Верховного Главнокомандования создала Одесский оборонительный район, подчинённый военному совету Черноморского флота. Командующим ООР был назначен контр-адмирал Г. В. Жуков, его заместителем по сухопутной обороне — генерал-лейтенант Г. П. Сафронов. С 20.08.1941 в командование 25-й сд вступил генерал-майор Иван Ефимович Петров — бывший командир 1-й кд. Одновременно он был назначен начальником Южного сектора обороны города. 31-м полком дивизии в те дни командовал подполковник Мухомельяров, а 287-м, дравшимся у хуторов Вакаржаны и Красный Переселенец — майор, затем подполковник Султан-Галиев, после его ранения на северной окраине Петерстали — капитан Андрей Игнатьевич Ковтун-Станкевич. Оба полка успешно отбивали в августе-сентябре многочисленные, в том числе «психические» атаки румын, вклинившихся между этих частей, и наступающих из района н.п. Ленинталя. «Разинский» полк с сентября по октябрь временно находился в составе 421-й сд, а поддерживал войска Приморской армии 265-й кап, который называли «Богдановским» по имени командира — майора Николая Васильевича Богданова. Он подвизионно передавался сражающимся стрелковым полкам, так же, как несколько подвижных и три стационарные батареи береговой обороны, а также бронепоезд, выпущенный заводом «имени Январского восстания».

Наконец, в ночь на 22.09.1941 в восточном секторе советскими войсками был нанесён комбинированный удар: в 2 часа ночи — морской десант в Григорьевке в составе 3-го полка морской пехоты, доставленного на боевых кораблях из Севастополя, а за тридцать минут до него в районе деревень Булдинка и Шиши был выброшен воздушный десант. Это был взвод диверсантов — 23 человека — т.е. состоял из всех парашютистов, которых удалось собрать. Десантники уничтожили коммуникации и провели диверсии, уничтожив один командный пункт и наведя при этом среди противника панику, дезорганизовав его действия. Одновременно было начато наступление на участке Фонтанка — Гильдендорф двух переброшенных в Одессу дивизий — 157-й и 421-й. В результате 13-я и 15-я румынские пд были разгромлены и противник отброшен к северо-востоку на 5-8 км. При этом он потерял дальнбойную артиллерию и возможность вести обстрел города и порта.

5-го октября, после эвакуации из города больного генерала Софронова, командир 25-й стрелковой дивизии был назначен на должность командующего Приморской армией. В то время 95-я сд удерживала 25-километровую полосу обороны в районе станции Выгода. В районе Беляевки, откуда Одесса снабжалась водой, сражалась 25-я дивизия. В районе Свердлово держала оборону 40-я кд. До 16-го октября войска Приморской армии обороняли Одессу, а после четко организованной эвакуации ее соединений в Севастополь и Евпаторию армия не успела выдвинуться и поддержать у Перекопа обороняющиеся части 51-й армии, имевших задачу: не допустить немцев на полуостров и, преследуемая противником, с боями вновь отошла на юго-запад Крымского полуострова. К Севастополю.

поль. Из города Русской славы она была переброшена на Перекоп, где вместе с 95-й сд сражалась под Ишунью, атаковав противника в лоб. Затем с боями прорывалась обратно к Севастополю⁵⁸, и с 9-го ноября в течение двухсот пятидесяти дней стойко обороняла главный военно-морской порт на Черном море⁵⁹.

Про последние свои бои в Крыму подполковник сообщил, что в последний день декабря в горах Мекензи он получил тяжелое ранение, из-за которого был доставлен вначале в дивизионный медсанбат, а в январе был эвакуирован на «Большую Землю». Дальнейшую судьбу соединения он знал лишь по рассказам командиров, уцелевших в боях лета того года:

⁵⁸ Севастопольский гарнизон до прибытия Приморской армии состоял из двух бригад (7-ой полковника Е.И. Жидилова и 8-ой полковника В.Л. Вильшанского), двух полков морской пехоты (2-го Перекопского и 3-го), Местного стрелкового полка, Запасного арtpолка БО, отдельных батальонов морской пехоты (16-го, 17-го, 18-го, 19-го), батальонов: ВВС, курсантского СУБО, Школы резерва БО, Школы запаса БО, Дунайской флотилии, нескольких батальонов Электромеханической школы Учебного отряда ЧФ. Также в его состав входил 80-й орб 25-й сд (450 человек с несколькими БА-64, БА-10 и Т-37), запасной артиллерийский полк БО, одиннадцать стационарных и две подвижных батареи — 724-я и 725-я из состава Дунайской флотилии, другие отдельные части, батареи ПВО. А также корабли: 1 линкор, 5 крейсеров, 11 эсминцев, 16 подводных лодок и др., которые в основном были выведены с территории Севастопольской ВМБ. Общая численность гарнизона составляла по различным данным от 20 660 до 23 тысяч человек. На его вооружении, кроме винтовок и пулеметов, было 82 самолета и около 200 орудий. В частности — 72 миномета различных калибров, а в береговых батареях СОР было восемь орудий калибра 305-мм, четыре 203-мм орудия, двадцать 152-мм орудий, четыре 100-мм орудия калибра и четыре 45-мм пушки. Гарнизоны ДОТов и ДЗОТов, кроме того, имели на вооружении восемь 100-мм, четырнадцать 76-мм, пятнадцать 75-мм орудий, двадцать пять 45-мм ПТП. 9-го ноября в Балаклаве был сформирован Сводный полк морской пехоты (спмп) общей численностью около 2000 человек. Он состоял из батальонов 1-й морской пограничной школы младшего начсостава НКВД СССР и володазного техникума.

В оперативной сводке за 6.11. сообщалось, что «...25-я, 95-я и 172-я стрелковые дивизии ведут бои на подступах к Севастополю...», в районе нынешнего села Соколиное Бахчисарайского района. «...Связь с 25-ой и 95-ой по радио, со 172-ой — отсутствует». К ночи того же дня 172-я сд, сражавшаяся в составе 51-й армии на Перекопе, первой прорвалась в город в количестве 940 человек. А 9.11. завершился прорыв главных сил Приморской армии в составе: 25-й, 95-й, 421-й сд, 1-й, 40-й, 42-й кд, 265-го кап, осапб армии — ее численность составляла со 172-й сд около 8 тысяч человек с 10-ю единицами бронетехники и большим количеством орудий и минометов. Как пишет Большая Советская энциклопедия, в составе Приморской армии было «...пехоты 4-5 тысяч человек, 107 орудий...», но [армия] имела опытный командный состав» (БСЭ т. 23 стр. 107). Хотя многие из ее артиллерийских частей из-за отсутствия тяги с момента эвакуации из Одессы оставались в Севастополе, в частности: 57-й ап, адны 161-го и 241-го сп 95-й сд, 164-й оптдн, 333-й зенадн, 99-й гап 25-й сд. Уже 10.11. армия с частями обеспечения и тыла насчитывала 31 500 человек со 107-ю орудиями полевой артиллерии калибра 155, 152, 122, 107, 76 -мм и сотней 45-мм ПТП, восемью 37-мм зенитными орудиями, 114-ю минометами 120 и 82-мм, 118-ю 50-мм минометами и десятью единицами бронетехники. Все имевшиеся в армии танки были Чапаевскими «русскими Виккерсами» Т-26. Вскоре соединения были доукомплектованы моряками и добровольцами из числа местных жителей. Пополненные части и подразделения заняли назначенные им позиции в четырех секторах СОР. При этом 421-я сд, 1-я, 42-я кд 13-го ноября были расформированы. Кавалеристы, которые со времени обороны Одессы уже практически не имели конского состава, и действовали в пешем порядке, сняв пулеметы с тачанок, пошли на пополнение 40-й кд и 2-й (109-й с 1942) сд генерал-майора П.Г. Новикова, численность первой 18-го ноября составляла 1473 человека. Личный состав 421-й сд в количестве до 1200 человек, пополненный моряками, был сведен в 1330-й сп.

«После излечения в Крым я не вернулся — возникла очередная тяжелая ситуация под Ржевом. А 25-я к концу июня фактически уже перестала существовать, 29-го числа в районе Английского кладбища ожесточенно сражались лишь ее отдельные подразделения. В полках, самое большее, было по две сотни способных держать в руках оружие

⁵⁹ В ноябре-декабре 25-я сражалась во II и III секторах СОР — возле железнодорожных станций «горы Мекензи» и «Инкерман», в районе кордона №1 Мекензевых гор, а также Братского кладбища, села Андреевка и «северо-западных скатов высоты 119,9». Штаб III сектора находился в Инкермане, там же в штольнях Чертовой балки располагался 47-й медсанбат (в ЦАМО хранится «Журнал учета умерших в 47-м омсб 25-й сд» — Ф. 58 оп. А-0071693 д. 190). Рубежом обороны дивизии был: «...хутор Мекензия — 200 м юго-западнее и северо-западнее высоты 192,0». В составе дивизии воевал сражавшийся вместе с нею еще в Одессе 3-й морской полк, о чем свидетельствует донесение 25-й о безвозвратных потерях №4/028 от 31.12.1941, в которое включены потери этой части морской пехоты (ЦАМО, Ф. 58 оп. 818883 д. 166). В ноябре в состав соединения влились остатки сводного курсантского батальона СУБО имени ЛКСМ (У).

Напротив сектора, который обороняла дивизия, в Черкез-Кермене располагался штаб немецкой 11-й армии во главе с генералом Маштейном. Двенадцатикилометровую полосу III сектора по донесению начальника штаба дивизии подполковника П. Г. Неустроева защищали полки дивизии: 54-й «Разинский» майора Н. М. Матусевича, 287-й подполковника Н. В. Захарова, 3-й полк морской пехоты подполковника С. Р. Гусарова а также 2-й Перекопский полк (согласно Донесения 25-й № 042 от 10.01.1942 — Ф. 58 оп. 818883 д. 166). Рядом с «чапаевцами» сражалась 7-я отдельная бригада морской пехоты (два батальона), командовал ею полковник Евгений Иванович Жидилов, которого на этом посту после тяжелого ранения сменил комиссар бригады Николай Евдокимович Ехлаков. Комендантом третьего сектора стал генерал-майор Т. К. Коломиец, 13.11.1941 вступивший в командование 25-й сд.

С 17.11. и до конца декабря дивизия почти непрерывно сражалась в Мекензевых горах, но уже 18.11. неудачная контратака, проведенная командиром 25-й в III секторе, стоила жизни 1583-м бойцам 287-го, 2-го Перекопского полков и 3-го батальона 7-й бригады морской пехоты. А на следующий день, 19.11. части сектора занимали рубеж: высота 256,2 (г. Четаритир) — 1 км западнее хутора Мекензия — юго-восточный отрог Камышловского оврага. Одновременно дивизия атаковала врага правее — в Инкермане, где в районе «...высоты у Итальянского кладбища и селения Верхний Чоргунь» бился с врагом 31-й «Пугачевский» полк полковника Мухамедьярова, переданный командованием II-го сектора. Рядом с ним сражался 2-й полк морской пехоты майора Н.Н. Тарана, 1-й Севастопольский полк полковника П. Ф. Горпищенко и немногочисленный, но стойкий 383-й стрелковый полк подполковника В.В. Шашло из 172-й сд, переброшенный накануне из II сектора. В боевом донесении, подготовленном штабом Приморской армии утром 21.11., сообщалось следующее: «За четверо суток армия потеряла убитыми и ранеными свыше 5 тысяч человек. В стрелковых батальонах в среднем осталось по 200-300 бойцов... Резервов нет, все введены в бой». Непрерывные бои продолжались до нового, 1942 года, 31-й полк в последний числах декабря был переброшен на северный участок, в III сектор, чтобы вместе со 172-й сд 5.01.1942 начать наступление в направлении: Мекензиевы Горы — Бельбек.

Пополнения. К 17.11. в состав СОР прибыли части 388-й сд, с 23.11. по 16.12. командованием Кавказского фронта туда же было направлено три батальона из состава 9-й бригады морской пехоты, 21 стрелковая рота маршевого пополнения и около 7 специальных рот (пулеметных, минометных и др.). А 22.12. на боевых и транспортных кораблях в Севастополь из Новороссийска прибыла 79-я морская стрелковая бригада полковника А. С. Потапова (около 4000 человек) которая немедленно вступила в бой. Чуть позже, 23-24.12. из Туапсе прибыла 345-я стрелковая дивизия подполковника Н. О. Гузя, в количестве 9955 человек с 81-м тб, имевшей в составе тб два десятка легких танков Т-26. С нею из Поти прибыли еще десять маршевых рот, а 28.12. — два батальона 709-го стрелкового полка и разведроты 386-й стрелковой дивизии. Последняя из названных дивизий накануне была сформирована в Тбилиси, и для ее подготовки не хватало времени (Неменко А.В. «О тех, кто не дрогнул»). Севастополь продолжал сражаться. В декабре в воинские части были переданы последние людские резервы города — 1500 человек.

Численность 25-й сд на 25.12.1941 составляла: 7117 человек, 145 пулеметов, 90 минометов, десять 152-мм орудий, одиннадцать 122-мм орудий, восемнадцать 76-мм орудий, четырнадцать 45-мм орудий. Кроме того, в ДОТах находились два 130-мм орудия, снятых в ноябре с боевых кораблей, их прислуга также была укомплектована моряками Черноморского флота.

бойцов — ведь ранены были почти все, находящиеся в строю. А еще через сутки — 30-го июня 25-я, поредевшая чуть ли не до численности роты, дралась южнее Малахова Кургана, и с боями отходила к бухте Стрелецкой. Бойцы дрались на улицах города. Врукопашную. Причем дивизия отступала вовсе не под ударами рвущегося вперед противника, поддерживаемого огнем и гусеницами четырех трофейных КВ-1, легко уничтожавших наши последние «русские Виккерсы» с противопульным бронированием, а лишь потому, что командованием СОР был отдан приказ об отходе «...к исходу дня 1 июля в район морской 35-й береговой батареи...». На мыс Херсонес. Там дивизия и окончила свое существование, а 18.07.1942 г. она была расформирована из-за огромных потерь и в «...связи с утратой боевых знамен».

Фактически, это одно из самых лучших в Красной армии соединений погибло из-за того, что, в отличие от Одессы, было брошено командованием Кавказского фронта на гибель вместе с другими соединениями и частями, оборонявшими Севастополь, и погинуло в нем до самого последнего человека! Все двести пятьдесят с лишним дней обороны наши подразделения стойко дрались с врагом. Правда, некоторых представителей начсостава, в основном от командира полка и выше по приказу командования фронтом удалось эвакуировать — и это стало очень скользкими моментами в их биографиях. Не знаю, как они должны были поступить — остаться погибать со своими подчиненными или спастись бегством под прикрытием этих же самых бойцов? Это, конечно, не касается командования Приморской армией и Черноморского флота — их захват противником в плен был бы не военным, а политическим событием! Но командиры полков и дивизий?... Не знаю. Я бы, скорее всего, остался в Севастополе, нарушив приказ...

Еще точно знаю, что ни одно из знамен нашей 25-й и полков, входивших в ее состав, а также исторический формуляр, печать и прочие штабные документы к немцам в руки не попали — наверняка был бы приказ в случае их захвата врагом. Разговаривал с эвакуированными и оставшимися в ЖИВЫХ представителями командного состава. Одни из них рассказывали, что знамена почти всех воинских частей, обороняющих Севастополь, кроме 172-й⁶⁰ стрелковой, вывезенных ее раненым командиром — полковником Ласкиным, были уничтожены в конце июня 1942 года в районе 35-й береговой батареи. По приказу командующего армией генерала Петрова — чтобы они не попали в лапы немцев. А последний комдив 25-й, назначенный на место Ивана Ефимовича — Трофим Калинович Коломи-

ец, во время нашей встречи в Москве сообщил, что 24-го июня знамена дивизии были затоплены у Камышовой бухты. Еще чуть позже бывший начальник штаба дивизии рассказал совсем другое — знамена были сожжены в землянке возле бухты.... Но что знамена, если наш золотой фонд — бойцы, младшие командиры, опытный средний начсостав в июле полностью погиб? Или попал в плен. В общем — это очень темная история».

Через несколько дней, во время одной из бесед один на один подполковник спросил: «Петр Иосифович, вы ведь, кажется, служили в подразделениях противотанкистов «Прощай, Родина»? То есть, в боях были тесно связаны с пехотой. Как думаете, почему недавно отменили эмблемы у «царицы полей» — две перекрещенные винтовки на фоне мишени? Не знаете? Я дам ответ — те невероятно огромные потери, которые по вине вышестоящего командования наша пехота несла с 41-го года, сделала службу в ней совершенно не престижной! Все сразу вспомнили дореволюционный стишок — издевку:

Умный — в артиллерии,
Щеголь — в кавалерии.
Лодырь — во флоте,
А дурак — в пехоте!

⁶⁰ 172-я сд была сформирована в Симферополе в августе-сентябре 1941, как 3-я Крымская. Ее командный состав был кадровым. Комдивом был назначен полковник И.Г. Торопов, командиром 383-го сп — майор В.В. Шашло, 514-го подполковник И.Ф. Устинов, 747-го полковник П.М. Ерофеев. Еще в составе дивизии входили: 2-й мсп, 134-й гап подполковника И.Ф. Шмелькова, тп майора С.П. Баранова, 27-й ознэдн ст. лейтенанта Я.Д. Лемешко. Политсостав дивизии — политруки и комиссары, а также рядовой и младший начальствующий состав были коренными симферопольцами. Во второй половине сентября дивизия получила свой «боевой» номер, а уже 26-го вела тяжелые бои на Перекопе, где с 1.09 стойко оборонялась 156-я сд. До середины октября 172-я сражалась, первоначально атакуя врага под Армянском и Ишунью, затем одиннадцать дней удерживала позиции, пытаясь не допустить войска генерала Манштейна на полуостров. Заместитель командующего 51-ой армией (будущий генерал армии П.И. Батов) вспоминал, что к 20-му октября 172-я дивизия «...оставалась последним боеспособным соединением, удерживающим ворота Крыма. Остальные дивизии либо дрались в окружении, либо были рассеяны». Тем не менее, полковника Торопова сняли с должности, а новым командиром был назначен полковник И. А. Ласкин.

В единственном сохранившемся Донесении 172-й №089 «от ...октября 1941 на 11-ти листах» о безвозвратных потерях, понесенных ею за три дня боев, с 26 по 28 сентября, только число убитых и пропавших без вести представителей среднего начсостава составило 103 человека. Из Управления дивизии список возглавили: НШ дивизии майор Жуковин Иван Андреевич, 1906 г/р, 27.09.1941 «сгоревший в бронемашине в районе н.п. Будановка, Перекопского района», батальонный комиссар В.М. Гнездилов, 1898 г/р убитый в тот же день «под Армянским» и замкомдива майор Зайцев Василий Васильевич, 1892 г/р., пропавший без вести 28-го. В этом донесении, подписанном старшим лейтенантом Маркевичем, и старшим политруком Кувшинниковым сообщается, что большинство командиров погибли в районе н.п. Будановка и Армянка. (ЦАМО Ф. 58 оп. 818884 д. 49 л.л. 163-174) О потерях среди других, сформированных в Крыму дивизий — 184, 320, 321-й сд, рядовому и младшему начальствующему составу 172-й сведений в архиве нет, так же, как и по дезертирам и осужденным военным трибуналом.

Вот и считается с тех пор чуть ли не позором служить в рядах «царицы полей», прежде всего, потому, что здешние начальники ее воспринимают не иначе, как «пушечное мясо». И относятся соответственно.

Раньше я никак не мог понять, почему стрелковые части и подразделения доводят до такого состояния, когда в ходе одной-единственной атаки из строя убитыми и ранеными выбывает до половины личного состава. Теперь понял. Все просто — по опыту разгромного 1941 года «они» теперь просто тупо считают, что стрелковые подразделения ОБЯЗАНЫ сражаться до последнего бойца. А раньше наука называла другие цифры — среднестатистический солдат не теряет присутствия духа, пока в подразделении потери составляют до двадцати процентов от первоначальной численности. При этом русский солдат выделяется среди военнослужащих любой другой армии мира, ведь он психологически способен выдерживать гибель и ранения у половины своих товарищей! Опыт начавшейся войны показал, что даже при 80-ти процентных потерях бойцы «Чапаевской» дивизии не теряли высокого боевого духа. А до войны наша военная наука считала 20-ти процентные потери «свехбольшими».

Вы слышали когда-нибудь такое: «...Командующий, который не наступает только для того, чтобы снискать славу и не воздерживается от сражения..., чтобы избежать смертного приговора за просчеты и отступление, но желает только сохранить людей и принести правителю выгоду — сокровище для государства. Когда полководец смотрит на войска, как на своих детей, они пойдут за ним в самые глубокие долины. Когда он относится к войскам, как к своим любимым детям, они будут жаждать умереть вместе с ним»? Не слышали никогда? А ведь это трактат Сунь Цзы, шестой век до нашей эры!

В нынешней войне у наших войск практически нет отцов, а есть только злые отчимы, из-за чего во вновь сформированных соединениях за одну атаку — и сразу «выбивается» половина личного состава стрелковых рот и батальонов! В результате возникла парадоксальная ситуация — передовые части не верят вышестоящему командованию, а командование, в свою очередь — подчиненным подразделениям. Отсюда и бессмысленные потери. А с каким настроением вчерашний крестьянин идет потом в бой? Ведь моральное состояние отдельного военнослужащего зависит от трех основных факторов:

- понимания смысла введущейся войны, уверенности в ее справедливости и законности;
- доверия к способности непосредственных начальников орга-

низовать бой так, чтобы с минимальными потерями выполнить боевую задачу;

— уверенности в своей профессиональной подготовке к ведению боевых действий.

Из трех подобных заданных самому себе вопросов лишь на первый из них боец может ответить утвердительно. А дальше у него неизбежно начинается недоумение — где наша артиллерия, авиация, их совместная поддержка атакующей пехоты, а еще огневое сопровождение наступления, которым его начальников вроде как «учили в академиях»? И учили ли вообще? А где санитарные подразделения, части обеспечения? Почему его никто не обучает, да и не снабжает ничем — ни боеприпасами, ни продуктами питания, а только постоянно что-нибудь требует? Крестьянин или рабочий производит определенные умозаключения и совершенно правильно спрашивает командира о подобных методах ведения боевых действий: «Почему начальники бросают наши роты без всякой подготовки в лобовые атаки, называя их «разведкой боем» и другими «мудреными» названиями, а с потерями при этом никто из них не считается?» И сразу же идет под трибунал за «...распространение панических настроений».

Знаешь, что орал мне генерал N, когда я под Ржевом заявил, что не буду посылать людей на бессмысленную погибель? В лучших традициях дореволюционной России: «Русские бабы солдат еще нарожают, а подбитый на нейтральной полосе танк приказываю эвакуировать любой ценой!» Пригрозил, что меня расстреляет, а бойцов под командованием вновь назначенного командира все равно отправит в бой.... Пришлось мне «безлошадных» танкистов — единственный резерв, под его непосредственным руководством лично вести в классическую пехотную атаку. При этом, как и у «царицы полей», убитых и раненых с поля боя никто не выносил — они лежали в снегу до подхода тыловых частей. Половина из них — высококлассных специалистов, тогда замерзла до смерти. Меня, правда, бойцы вытащили. А отбитый и отремонтированный танк генерал сразу же поставил возле командного пункта — охранять свою персону. И ведь мы с ним в академии вместе учились...

Кстати, 25-я с первого дня войны и до своего конца сражалась очень грамотно — этого у нее было не отнять, уж я могу сравнить действия Приморской армии с боями под Москвой. Вот что значит, когда вся дивизия — подготовленное, обученное и сплоченное кадровое соединение, а во главе него стоит толковый командир!

Мы отлично подготовили своих бойцов и командиров к началу войны, ведь наши части в предвоенные годы, практически, не «вылезали» с полей и полигонов...

Но вернусь к нашему генералу. Иван Ефимович после назначения его командармом и на новой должности зарекомендовал себя очень грамотным руководителем, его даже сейчас называют «Мастером обороны». В Одессе и Крыму он был действительно образцом для всех подчиненных — четок, немногословен, корректен, умен. Это — действительно образец мудрого командующего и прекрасного человека! Редкий красноармеец и краснофлотец в Севастополе не знал его в лицо — на главной военно-морской базе Крыма он почти постоянно находился на передовой, при этом был всегда одет в обычный солдатский бушлат образца 1941 года. Именно в нашем генерале концентрировались воля, твердость духа всех бойцов и командиров СОР, их общая решимость одолеть врага. А мы, его подчиненные, видели в нем большой полководческий талант, кипучую энергию и искренне любили Ивана Ефимовича, доверялись ему во всем. Фронт для него был вовсе не линией на карте а, прежде всего — сплоченной массой живых людей, уверенных в себе, своих товарищах и вышестоящем командовании. Среди «местных» руководителей трудно найти подобные примеры...

Обе кадровые дивизии, входившие с момента формирования Приморской армии в ее состав — 25-я и 95-я⁶¹, так хорошо держались в боях под Одессой и Севастополем отчасти еще и потому, что они ни разу за время войны не отступили под натиском врага. Представляете — НИ РАЗУ! Отходили всегда только по приказу, чтобы не оказаться обойденными, если враг прорывал фронт соседей. Лишь однажды немцам удалось преодолеть позиции 95-й, и то лишь потому, что на том участке в полном составе полегли подразделения, державшие оборону. А отступали мы всегда, резко отрываясь от противника, каждый раз выводя всю свою материальную часть. О подобных соединениях можно с горечью констатировать — прискорбно, что они больше не существуют, ведь их части всегда упорно дрались, НИКОГДА не пытались бежать или сдать врагу, в отличие, например, от подразделений «свежеиспеченной» 388-й стрелковой⁶². Я вам скажу больше: чтобы вновь создать такие дивизии, нужен не один год, да что год — не одно десятилетие! Ведь соединения и части — это не фигуры на шахматной доске, их надо непрерывно спланировать, не жалея сил обучать и готовить к боевым действиям.

Возвращусь к пехоте — за первый же год войны служба в ней стала своего рода дисциплинарным взысканием, фактически — уголовным преступлением, ведь «царица полей» у неумных руководителей зачастую выполняла и выполняет боевые задачи аналогичные тем, которые ставятся созданным в прошлом году дисциплинарным батальонам и ротам. Только невероятное мужество и презрение к смерти нашего народа заставляет его идти служить в «малину», фактически — на верную смерть. Да еще желание быстрее разбить ненавистного врага! А все трусы и «шкурники» стремятся куда угодно, но только не в ряды стрелковых подразделений.

Раньше я постоянно задавал себе еще один вопрос — как можно было ТАК руководить Вооруженными силами, что они погибли в приграничных сражениях? Кто в этом виноват? Политики, определявшие военную доктрину государства, военные, которые плохо сражались или, может, нарком обороны? Думаю, все в какой-то степени виновны, но политики не командуют войсками и не двигают их

⁶¹ 95-я стрелковая была сформирована 6.11.1923. С 29.04.1927 по 16.01.1934 она называлась 95-й Первомайской сд. В 1931 РВС СССР принял решение о переводе ее на кадровый принцип комплектования, но фактически дивизия оставалась «смешанной». Ко времени разделения УВО, согласно приказу НКО СССР от 17.05.1935 на Киевский и Харьковский военные округа 95-я дислоцировалась в г. Первомайск. Входила в состав 35-го СК, затем была переведена в г. Котовск. В 1939 году находилась в составе КВО в районе: Первомайск — Ананьево — Балта. На Карельский перешеек дивизия отправилась уже из Одесского военного округа, который образовался 11.10.1939 из части территории КВО. В 1940 году дивизия участвовала в «зимней» войне, затем входила в Бессарабию. Как и 25-я, к 1.05.1941 находилась в Молдавии, в составе 35-го СК 9-й армии ЮФ, занимая территорию в районе н.п. Бужоры, Варзарешты, Воя, Калараш, Кишинев, Ниспоряны, Онешты, Унгены. В состав соединения входили: 90-й (КП — майор Т. Д. Белога), 161, 241-е сп, 134-й гап, 57-й ап, 13-й орб, 97-й оптдн, 48-й сапб, 175-й озенадн, 9-й обс, 103-й омсб. Командовал дивизией с 17.01.1941 по 15.07.1941 генерал-майор Александр Иванович Пастревич, также в 1941 году ВРИО был полковник М. С. Соколов. Дивизия обороняла Одессу и Севастополь. Весь свой боевой путь от границы с Румынией до Крыма соединение прошло плечом к плечу с 25-й сд, и с нею в июле 1942 погибло. Город Русской славы первоначально 95-я обороняла в IV секторе вместе с 8-й бригадой морской пехоты, (левый фланг дивизии упирался в море) под командованием генерал-майора Василия Фроловича Воробьева (комдив с 10.08.1941 по 29.12.1941). На 25.12.1941 дивизия имела в своем составе: 9425 человек с приданной 40-й кд (еще 1200 человек), 270 пулеметов, 112 минометов, двенадцать 107-мм орудий, сорок два 76-мм горных орудия, пятнадцать 76-мм дивизионных орудий, два 76-мм полковых орудия и семь 45-мм ПТП. В ДОТах, кроме того, имелось: одно 100-мм, одно 76-мм, одно 75-мм и четырнадцать 45-мм орудий. Войска сектора занимали рубеж: 200 м северо-западнее высоты 192,0 — сплетение дорог в 800 м юго-восточнее высоты 104,5 — западные скаты высоты 104,5 — дер. Любимовка. Штаб сектора — Братское кладбище. С 1.01 по 17.07.1942 дивизий командовал полковник Александр Григорьевич Капитохин.

⁶² С 10-го декабря из г. Поти (севернее г. Батуми) началась отправка частей 388-й сд, и к 17-му декабря они стали прибывать в Севастополь. 388-я была сформирована в августе 41-го, командовал ею с 19.08.1941 по 6.03.1942 полковник А. Д. Овсенко. На 10088 человек ее личного состава было всего 30 орудий и 48 пулеметов, она была очень слабо обучена, тем не менее, дивизия немедленно после прибытия приняла участие в отражении второго штурма города, понесла при этом чудовищные потери. В ее составе на 25.12.1941 оставалось в строю: командного состава — 359 человек, рядового — 2760 человек, минометов — 28, пулеметов — 6.

по лесам, степям и железным дорогам, войска наши бились достаточно храбро, пока не теряли возможности сопротивляться из-за отсутствия снабжения и катастрофических размеров потерь, а Нарком обороны — это просто генерал или маршал. Он больше политик, чем военный, Ворошилов, например. Хотя Климент Ефремович — весьма толковый руководитель и хорошо знает войска! Но главная проблема заключается в том, что наша СИСТЕМА подразумевает руководство выдвинутым практически любым ведомством — начиная от Наркомата обороны и кончая легкой промышленностью или газетой «Правда». А начальники, назначаемые на подобный пост, как правило, не хотят учиться ничему! Тот же «первый красный маршал» ПОЛОЖИЛ вначале 1-ю танковую дивизию в Ленинградской области, а следом, вернувшись в «город Революции», издал громовой приказ об изготовлении на заводах десятков тысяч наконечников для пик для последующего «нанизывания» на них немцев, которые вот-вот должны были ворваться в северную столицу! Ведь кавалерийские «замашки» у него, как и многих других наших военных руководителей, остались доминирующими!

А главный в Вооруженных силах — это все же начальник Генерального штаба — самый умный, самый грамотный и подготовленный генерал в стране! Поэтому считаю, что он и является главным виновником разгрома — сам планировал, разработывал и добивался утверждения необходимых штатов, сам руководил разведкой, сам оценивал обстановку и готовил приказы на передислокацию, сосредоточение войск и доставку грузов. Хотя, как мне рассказывали в частных беседах весьма компетентные люди, еще в августе 41-го Начальник ГШ направил в Ставку доклад следующего содержания: «... считаю, что противник очень хорошо знает всю систему нашей обороны, всю оперативно — стратегическую группировку наших сил и... ближайшие наши возможности. Видимо, у нас среди очень крупных работников, близко соприкасающихся с общей обстановкой, противник имеет своих людей»⁶³.

Впрочем, даже это донесение несколько его не реабилитирует — как при нашей системе комплектования в его вотчине мог оказаться предатель?! Я говорю про всю СТРУКТУРУ советских Вооруженных сил, которая с момента ее создания построена на некоей семейственности — аналоге прусской системы строительства этого немецкого государства до объединения Германии — то есть лидер «тащит»

за собою наверх всю свою команду ЛИЧНО преданных ему людей независимо от их деловых, моральных и профессиональных качеств. Преданность «хозяину» в таких группах, особенно в последние годы, ценится гораздо выше любви к Родине!

А потому все, что мы делаем сейчас — чистая импровизация, и попытка при помощи «запасников» — необученных, призванных совсем недавно в армию крестьян и рабочих сломать хребет Гитлеру. Причем те, кого мобилизуют, за малым исключением в войсках никогда не служили! Мы ведь в результате «грамотного» руководства потеряли на границе все танки, артиллерию, авиацию, немцы лупят теперь по нам из наших минометов и гаубиц, нашими же минами и снарядами. А 120-мм миномет им так понравился, что они даже начали производить его на своих заводах, добавив к нему лишь предохранитель от двойного заряжания. И вооружены они зачастую советскими автоматическими винтовками АВС и СВТ, захваченных на границе чуть ли не миллионами.

И еще один аспект — очень многие из тех, кто сейчас стоит на самой вершине наших Вооруженных сил, зачастую имеют точно такое же образование, как и Вы, Петр Иосифович — 1-2 года обучения в военной школе, хотя и дававшей в 20-е годы достаточно качественное первоначальное военное образование. Разница между Вами заключается лишь в том, что Вы пришли в армию со средним образованием, а многие из них — с 2-3 классами церковно-приходской школы. Вы были уволены из армии по болезни, вновь пошли служить только с началом войны, и опять стали командиром роты. А «высокие» руководители тем временем, зачастую не обучаясь в академиях — да и что могли дать высшие учебные заведения людям, едва умеющим читать и писать, доросли до полковников — генералов, почему и стали командовать на фронте полками, дивизиями и корпусами. Да что корпусами — именно таков в начале войны у нас был «цельный» начальник Генерального штаба! Да, он весьма талантлив. Да, жесток! Этого у него не отнять — хоть и немало важно все это для военнотружущего. Но не было у него никогда фундаментального военного образования — одни только сплошные Курсы различных усовершенствований, да и склонности к штабной работе тоже не было. А ведь подобная деятельность — это целое призвание!»

Петр возразил: «Виктор Николаевич, ну не может один начальник Генштаба быть виноват во всем!» На это подполковник, подумав, ответил: «Испокон веков за победы и поражения отвечал сам

⁶³ Данный доклад был направлен И.В. Сталину 19.08.1941 года — «Русский архив. Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы, 1941 год». Т.16, М., «Тера», 1996 с. 361.

полководец, и всем, кто стоял выше или рядом с ним, было глубоко наплевать, по чьей вине его войска были разгромлены. ОН должен был все предусмотреть! Но дело в том, что Сунь Чжанцины, Александры Македонские, Цезари, Бонапарты и Суворовы рождаются довольно редко, даже не в каждом столетии. А сейчас и они бы не смогли принять правильного решения без надежной связи и эффективного механизма доведения приказов до подчиненных войск, разбросанных на тысячах квадратных километров. Ведь воевать надо было всегда, поэтому с усложнением армии, появлением новых родов войск и государственной бюрократии неизбежно возникла необходимость создания совершенно новой структуры, осуществляющей оперативное руководство, координирующей действия Вооруженных сил, в том числе с государственными учреждениями и занимающейся военным планированием. Этой организацией в свое время стал еще у Мольтке — старшего прусский Генеральный штаб, и его руководитель сразу показал эффективность такого новообразования. Именно Мольтке стал фактическим главнокомандующим всеми национальными Вооруженными силами, и добился при этом выдающихся результатов в разработке операций по разгрому многочисленных противников — датчан, австрийцев, французов и других их союзников, типа 200-тысячной ганноверской армии. И раз мы взяли за образец руководства своей армией прусский Генштаб, то и отвечать за все происходящее должен его начальник. Эта мысль, кстати, и у Шапошникова в «Мозге армии» прослеживается. Поэтому кто, кроме НГШ может быть виноват в уничтожении в начале войны нашей с вами родной армии?

Вспоминаю трактат Сунь Цзы: «Полководец заключает в себе мудрость, доверие, гуманность, мужество и строгость». Многие ли из этих качеств вы встречали у наших военачальников за войну, причем все одновременно? Ведь еще две с половиной тысячи лет тому назад великий китаец поучал своих преемников: «Нет таких полководцев, которые не слышали бы об ЭТИХ пяти.... Те, кто понимает их, будут побеждать. Те, кто не понимает..., побеждать не будут. Поэтому, измеряя с помощью расчетов, ища подлинную природу, спроси: Кто из правителей обладает Знанием? Кто из полководцев обладает наибольшими способностями? Кто обрел преимущества Неба и Земли? Чьи законы и приказы выполняются более тщательно? Чьи войска сильнее? Чьи командиры и воины лучше обучены? Чьи награды и наказания понятнее? Из этого я узнаю победу и поражение!». Ах, да, вы не читали этого трактата!

Что я могу вам сказать, командиру батареи это простительно, ведь ваша задача — исполнять приказы вышестоящего командования, но дело в том, что основная масса советских военных руководителей тоже не читала, не учила, и никогда не использовала в повседневной деятельности этот труд. А ведь он — очень небольшой по объему, в Академии эта книга была в наличии и рекомендовалась к изучению потому, что в ней сконцентрирована вся мудрость тысячелетий ведения войн. Но, к сожалению, ее мало кто прочел. Подготовку наших войск, способности военачальников, основной их принцип раздачи наград — «наказание невиновных и награждение непричастных», да и все остальное, о чем в трактате говорится, вы испытали на своей шкуре! Кто из высоких руководителей выполнял и выполняет главный военный принцип: «Война — это путь обмана. Поэтому, даже если ты способен, показывай противнику свою неспособность. Когда должен ввести в бой свои силы, притворись бездейственным. Когда цель близко, показывай, будто она далеко. Когда же она действительно далека, создавай впечатление, что она близка»?⁶⁴ Мало пока таких людей! Этим наши военачальники разительно отличаются от командиров германского Вермахта, о которых командарм 1-го ранга Иван Панфилович Белов писал Ворошилову в октябре 1930 года: «... когда смотришь, как зверски работают над собой немецкие офицеры от подпоручика до генерала, как работают над подготовкой частей, каких добиваются результатов, болит нутро от нашей слабости...».

Но особо мне хотелось бы остановиться на связи. Телеграфные линии и другие проводные средства, как известно, перед началом и в самом начале войны весьма эффективно уничтожали вражеские диверсанты и их пособники, и они сразу перестали действовать. А радиосвязи в Красной Армии, как вы знаете, в тот момент фактически не существовало. Формально в некоторых подразделениях радиостанции имелись, но их было так мало, что можно считать, что мы начали войну без беспроводных средств — в нашей дивизии, правда, на момент начала войны числилось два десятка 5-АК — тех самых, что устанавливаются на грузовиках, тачанках и двуколках. А также 75

⁶⁴ Наиболее полный текст из многих вариантов перевода данного трактата звучит так: «Война — это путь обмана. Поэтому, если ты и можешь что нибудь, показывай противнику, будто не можешь. Если ты чем нибудь пользуешься, показывай ему, будто ты этим не пользуешься. Если ты находишься близко, показывай, будто ты далеко. Хотя ты далеко, показывай, будто ты близко. Заминай его выгодой. Приведи его в расстройство и бери его. Если у него все полно, будь наготове. Если он силен, уклоняйся от него. Вызвав в нем гнев, приведи его в состояние расстройства. Приняв смиренный вид, вызови в нем самомнение. Если его силы свежи, утоми его. Если они у него дружны, разъедини их. Нападай на него, когда он не готов. Выступай, когда противник этого не ожидает».

переносных радиостанций 6-ПК⁶⁵, для связи командира полка с командирами батальонов и в сетях артиллерии — именно там они впоследствии и использовались.

В танковой же роте образца 41-го года радиостанция была в наличии только у командира. На исходном для наступления рубеже ротный вылезал из башенного люка и махал флажками — ведь даже при наличии в других танках приемников его подчиненные не могли доложить об уяснении полученной команды! И потому, сидя на башнях, тоже поднимали флажки — «Вижу», «Понял!», «Выполняю». А что было у противника? Вот, скажем, атакует наш передний край немецкая танковая рота. Все ее 10—15 танков при этом связаны радиостанциями. Немецкий мотопехотный батальон, помимо ультракоротковолнового аппарата на каждом боевом бронетранспортере, имел дополнительно другие бронемшины с радиостанциями для связи с вышестоящим командованием. Подобной техники в штате немецкого мотопехотного батальона по расписанию полагалось более десяти единиц! У немцев даже командиры артиллерийских взводов частенько имели свой БТР с рацией. А у вас хоть одна в батарее была в наличии? Нет? То-то же!

Неудивительно, что наша пехота всегда ожесточенно штурмовала безвестные, а зачастую и не особо нужные холмы и сопки — ведь командирам надо было посадить на них командиров артиллерийских подразделений или корректировщиков с телефонами — с высоты местность хорошо видна, и можно ставить огневые задачи батареям. Именно из-за отсутствия радиосвязи ваши «сорокапятки» почти никогда не стреляли по врагу с закрытых огневых позиций, а только лишь прямой наводкой — ведь дальность стрельбы у них небольшая, расчеты во время наступления почти все время перемещаются — как тут организуешь телефонную линию? Потому начальникам было невозможно поставить батарее 45-мм ПТП огневую задачу — при полном-то отсутствии радиосвязи, а зачастую и топографических карт!

Мне кажется, что на тактическом уровне именно в отсутствии беспроводной связи и состоит причина наших катастрофических потерь. Особенно в начальном периоде войны и не только среди бронетанковой техники. До войны наша промышленность выпускала в месяц всего по 400 танковых радиостанций, и их устанавливали только на командирских машинах. А ведь командир роты-батальона

двигался в атаку в цепи подразделения, и когда ближние машины наткнулись на вражескую оборону, то перераспределить обнаруженные цели, да и просто остановить своих подчиненных без радиосвязи у него не было никакой возможности. Поэтому его командиры были вынуждены, выполняя приказ, вести подразделения на противотанковые и зенитные орудия, ставшие у немцев со времен войны в Испании основным средством для уничтожения нашей бронетехники. То есть на верную смерть! Чтобы остановить разгром ротный, если он еще не был убит или ранен, опять-таки вылезал из машины, чтобы вновь «помахать флажками» — и это на виду у противника — его стрелков, снайперов и пулеметчиков. Потом стало еще хуже... В результате эвакуации заводов выпуск танковых станций был прекращен почти до середины 1942. Машины около года уходили на фронт вообще без радиостанций. Даже командирские.

Хотя, что там подразделения и части! Руководящему составу Приморской армии доводили приказ, что к середине дня 22-го июня у командующего 3-й армией Западного фронта на все его дивизии — 27, 56, 85-ю и 68-й Гродненский УР из ТРЕХ имевшихся в наличии радиостанций, смонтированных в автобусах, две были разбиты, а третья повреждена. Разве подобную ситуацию можно назвать «...четким и непрерывным управлением подчиненными войсками» со стороны Генштаба? Кто должен был до войны предусмотреть подобное развитие событий?

А в завершение скажу — даже выдающийся полководец современности никогда не сможет своевременно отреагировать на нападение противника, если его начальник штаба развалит всю работу в своей вотчине — как он после этого будет доводить до войск хоть трижды гениальные приказы? А чем, кроме развала деятельности штабов, структур управления, связи и, как результат — гибели кадровых Вооруженных сил можно назвать 41-й год?» Помяните мое слово — лет через двадцать пять — тридцать, когда из армии уйдут последние участники этой войны, в наших Вооруженных силах начальники будут учить своих подчиненных не тому, как драться с врагом, а как грамотно выполнять команду «Чего изволите?»

...Однажды Петр, вспомнив своего друга — бывшего политрука роты 9-й Донской стрелковой дивизии, погибшего на Халхин-Голе в должности командира 127-го Краснознаменного стрелкового полка 57-й стрелковой дивизии, поинтересовался у бывшего начальника: «Виктор Николаевич, скажите, а почему вы до сих пор не генерал и не командуете дивизией, корпусом или армией, как большинство

⁶⁵ Мнение человека, многие десятилетия проработавшего с советскими средствами связи — И. С. Павленко, выпускника Ульяновского военного училища связи 1940 года — смотри: «Связист».

ваших сослуживцев? Ведь образование у вас очень хорошее — десять классов, позже вы окончили военную школу во Владивостоке, затем академию, да и служите в войсках с самой Гражданской войны». На это подполковник ответил: «Странно, что вы не поняли причины. Хорошо, объясню.... Я уже давно бы был весьма близок к самой верхушке военного Олимпа, но обладаю весьма неуживчивым и прямым характером. Когда меня неоднократно пытались «прибрать к рукам» весьма влиятельные теперь люди, я им всегда говорил, что интересы Отечества всегда будут для меня приоритетом перед интересами новых начальников. Кому это понравится? Так я и не попал ни в одну из команд, рвущихся ввысь — ведь, как я уже говорил, каждый руководитель в нашей стране «тянет» во власть свою группу, и эта традиция сложилась, видимо, с тех времен, когда основатели советского государства были подпольщиками и жили на нелегальном положении. Ведь они десятилетиями выдавали себя за других граждан, а потому доверяли только тем людям, кто неоднократно был проверен в личной преданности и все время находился рядом с ними. В одной команде».

...Два командира долго спорили в последующем по совершенно разным вопросам, но основной тематикой их разговоров, конечно, всегда было начало войны — ведь оба в далекой юности посвятили свои жизни делу защиты Отечества, и им были совсем не безразличны причины поражений. Однажды Виктор Николаевич высказал очень интересную мысль: «Знаете, Петр Иосифович, как высоких начальников можно заставить считаться с потерями своих войск?.. Надо просто обязать их хоронить своих погибших в боях подчиненных каждого в индивидуальной могиле и отдельном гробу, при этом заставить их лично писать каждому убитому письмо на Родину! Тогда каждый командир и начальник будет прогнозировать потери в предстоящем сражении, и заказывать при этом целые железнодорожные составы с пустыми гробами, назначать многотысячные транспортные, эвакуационные и похоронные команды. По принципу: если плохо воюешь — потребуется эшелон гробов, а если очень плохо — то два! Парочка бестолково проведенных операций, ведущихся по нынешним стандартам — и военачальники будут вынуждены стремиться к снижению числа погибших в своих войсках до минимума. А, прежде всего — думать. Ведь никто из них пока не понимает, что будет с демографией нашей страны после войны, ведь при нынешнем отношении к подчиненным нас ждет настоящая катастрофа».

Для подполковника эти беседы были своеобразной исповедью атеиста, подводившего итоги своей жизни, так как вскоре он скончался — сердце не выдержало очередной операции. Петр Иосифович стоял у свежeverытой могилы с помертвевшим лицом и горстью земли в здоровой руке — на его глазах закончил свой жизненный путь еще один человек с Большой Буквы и очередная жертва этой кровопролитной войны, тысячи которых он видел за последние месяцы. Но эта смерть была далеко не последней — кладбище невдалеке от госпиталя росло прямо на глазах. В Иваново заканчивали свой жизненный путь не только сорокалетние, умирали военнослужащие всех возрастов, даже совсем молодые ребята — раненые, контуженные, искалеченные, обмороженные, истощенные голодом и болезнями в Ржевской и других, непрерывно следующих одна за другой операциях. Столько боли и нечеловеческих страданий умирающих, горя близких людей Петр видел только в самых жестоких боях! Лишь самоотверженный труд персонала внушал надежду, что больные поднимутся, несмотря ни на что.

Рука у Петра по-прежнему не действовала, ее кости, ткани продолжали гнить, от искалеченной конечности постоянно шла нестерпимая вонь, защищаясь от которой собеседники старались держаться наветренной стороны. Вскоре комбата по письменному заявлению, подкрепленному ходатайством военного комиссара, приведенного женой, отправили долечиваться по месту жительства семьи в эвакуации. Медкомиссия Лысковского РВК Горьковской области признала его негодным к службе в армии⁶⁶. Но его уже ничего не радовало, даже встреча с родными! Перед глазами вставали погибшие и изуродованные в боях подчиненные — сотни командиров и красноармейцев, polegших по безвестным холмам, болотам и рошам — все, до последнего человека. Петр долгое время не мог даже вспомнить названия деревни, возле которой произошел их роковой бой, а место расположения госпиталя, куда он был доставлен, впоследствии в документах указал неправильно — это были последствия тяжелой контузии и ушиба головного мозга. Лишь спустя многие годы все пришло в норму, а лет через десять зажила и израненная кисть руки, которая, потеряв половину суставов, уже никогда не действовала. Бывший комбат несколько раз писал запросы в Подольск, дважды ездил на встречи ветеранов своей дивизии. Но никого из ра-

⁶⁶ Петр Иосифович был уволен «... по ст. 49 группы III Приказа № 336 — 1942 года, после ранения в Отечественную войну». С 26.06.1943 ему назначили 2-ю группу инвалидности. Диагноз на 1949 год: «Полное разрушение лучезапястного сустава... Фистулезный остеомиелит... Образование ложного сустава».

ненных в Смоленской области подчиненных он так и не увидел — если кто из них и выжил в том страшном году, то погиб в последующих боях! А из ЦАМО пришел ответ за № 451298 от декабря 1955 г., в котором сообщалось, что: «... документов 173-го оиптд за 1942 год... в архиве МО нет...». Детей у них с женой тоже больше НЕ ПОЯВИЛОСЬ...

Впрочем, впервые про отсутствие документов дивизиона в архивах он узнал гораздо раньше. Через год после окончания войны Петру довелось впервые увидеться сразу с двумя своими бывшими сослуживцами — водителем Г.Г. Мисюры и юным воспитанником противотанкового дивизиона, которому накануне их встречи исполнилось шестнадцать лет. Подростка — круглого сироту, подобранного бойцами на Смоленской земле, после множества ранений и контузий мучили сильные головные боли, а документов, подтверждавших свое участие в боях, он не имел. Лишь благодаря свидетельствам двух выживших однополчан мальчику удалось доказать свое пребывание в действующей армии и получить впоследствии статус инвалида Великой Отечественной войны.

При встрече он рассказал им следующие эпизоды из боевого пути части: «...К июлю сорок второго в дивизионе оставались: изрядно поредевшие 1-я, 2-я батареи 45-мм ПТП и рота ПТР, сформированная в марте-апреле. Все наши орудия, уцелевшие в Залексоновских боях, были потеряны летом, когда нам в спину ударила 1-я немецкая танковая дивизия. Из окружения тогда вообще мало кто вышел. В конце лета мы были пополнены личным составом, получили противотанковые пушки образца 1942 года с подкалиберными снарядами и в ноябре сражались в Калининской области, под Урдомом. А в марте 43-го с боями вновь прошли по бельской земле, правда, уже к востоку от города — из Оленинского района через Верховье, совхоз Шамилово до Ярцево. 10-го марта Белый был освобожден, мы встретились на подступах к нему с бойцами нашей старой знакомой — 134-й стрелковой. Все предшествовавшие этому двенадцать месяцев она продолжала непрерывно сражаться за город вместе с 93-й сд. Из Ярцево дивизион маршем проследовал по местам лосьмянских боев на станцию Ломоносово для погрузки в эшелоны — нашу дивизию перебрасывали под Курск. Передвигались быстро — лошадей уже не было, а в качестве тягачей мы с апреля того же года использовали американские «Виллисы». Примерно в то же время появились тяжелые немецкие танки, которым наши «сорокапятки» уже не могли противостоять. Поэтому в апреле 44-го дивизион вместо

них получил на вооружение трофейные длинноствольные 50-мм противотанковые пушки ПАК-38, захваченные в Тернополе. Это были очень хорошие орудия, к ним немцы разработали отличные противотанковые термитные снаряды, с помощью которых мы подбивали «Тигры» с «Пантерами», в основном, конечно, в борт⁶⁷. Я под конец войны почти все время находился во взводе лейтенанта Ф. Б. Яблонского, а командовал дивизионом с осени 42-го и до расформирования в мае 45-го майор Михаил Сергеевич Мазуров. Капитан Мисюра? Слышал, что он остался в живых, стал подполковником, но где сейчас находится, я не знаю».

Это был единственный за все послевоенные годы экскурс в историю части — у Петра ни разу не возникло желания повидать своих бывших начальников, а больше всего на свете ему хотелось вообще позабыть обо всем! Тем не менее, в его голове все чаще и чаще пулеметными очередями стучали стихи Александра Трифоновича Твардовского:

Я убит подо Ржевом,
В безыменном болоте,
В пятой роте, на левом,
При жестоком налете.
Я не слышал разрыва,
Я не видел той вспышки, —
Точно в пропасть с обрыва —
И ни дна, ни покрывки.

Фронт горел, не стихая,
Как на теле рубец.
Я убит и не знаю,

⁶⁷ Что имеется в виду под термином «термитный снаряд» неясно, но именно его употребляет Командующий артиллерией дивизии, написавший сам о себе в мемуарах: «...хорошо знающий военное дело, общевоинскую и артиллерийскую тактику, умеющий организовать и проводить в жизнь взаимодействие артиллерии с пехотой и танками». Несомненно, что знакомство со своей воинской специальностью обычно начинается с изучения ТТХ стоящей на вооружении техники. Справка: к немецкому 50-мм орудью ПАК-38 (Panzerabwehrkanone или 5 cm Pak 38 L/60), созданному в 1940 году были разработаны следующие типы боеприпасов: противотанковые калиберные снаряды PzGr38 и PzGr39 весом 2.06 кг; подкалиберные боеприпасы с сердечниками из карбида вольфрама PzGr40 — 0,926 кг, PzGr40/1 — 1,07 кг; осколочно-фугасный снаряд SprGr38. ТТХ 50-мм ПТП: расчет — 5 человек; длина ствола — 3000 мм; длина с передком — 4750 мм; длина — 2970 мм; ширина — 1830 мм; высота — 1105 мм. Вес — около 1000 кг; скорострельность — 12-14 выстрелов в минуту; начальная скорость снаряда — 1130 м/с с PzGr40/1 и 1198 м/с с PzGr40; 835 м/с (PzGr38, PzGr39), 549 м/с (SprGr38); максимальная дальность стрельбы — 2742 (9400) м; бронепробиваемость на дальности 500 м (при угле встречи с броневым листом 90°) — 78 мм (PzGr38), 120 мм (PzGr40). При угле встречи в 30°: PzGr40 — 72 мм, PzGr40/1 — 76 мм.

Наш ли Ржев наконец?
Удержались ли наши
Там, на Среднем Дону?..
Этот месяц был страшен,
Было все на кону.

Завещаю в той жизни
Вам счастливыми быть
И родимой Отчизне
С честью дальше служить.
Горевать — горделиво,
Не клонясь головой,
Ликовать — не хвастливо
В час победы самой.
И беречь ее свято,
Братя, счастье свое —
В память воина-брата,
Что погиб за нее.

Петр уже знал, что это произведение было создано на реальной основе. Его герой — Владимир Петрович Бросалов лежал в госпитале имени Бурденко после тяжелого пулевого ранения в голову. Навестить раненых пришел Александр Твардовский. В тот же день к раненому сыну пришла мать. Она показала Александру Трифоновичу «похоронку». В ней говорилось, что Владимир был убит в боях за город Ржев: «Ваш сын, красноармеец Бросалов Владимир Петрович в бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, был убит 25 сентября 1942 года. [Он был] похоронен на восточной окраине деревни Бершево Зубцовского района Калининской области».

«Но стихотворение-то написано, словно про моих бойцов и командиров!.. А какой счастливый человек, — рассуждал о герое произведения Петр, — ведь сотням тысяч других наших товарищей повезло гораздо меньше!» О себе он почему-то тогда не подумал, узнав, что в ходе Ржевско-Вяземской операции с 8 января по 20 апреля 1942 года потери наших войск составили: безвозвратные — 272320 человек, санитарные — 504569 человек, всего — 776889 человек.

Петр никогда не мог спокойно смотреть кадры военной кинохроники, переключал телевизор, даже когда показывали художественные фильмы про войну. Незадолго до смерти бывший комбат по дол-

гу службы прочитал свежие мемуары появившегося как черт из табакерки очередного «Великого Полководца Советской Армии». Он долго плевался, удивляясь, как бывшему политработнику удалось описать войну, не сообщив о ней ничего, кроме «...выдающейся роли в Победе Коммунистической партии». Это произошло через много лет после обычных для нашего государства, непонятных для большинства населения и совершенно бессмысленных реформ советских Вооруженных сил. Сотни тысяч военнослужащих, в массе фронтовиков тогда выгнали из армии без пенсии, при этом, как обычно бывает, они были оставлены без средств существования. Ведь профессии у них не было, а хорошо делать они умели только одно — защищать свое Отечество! Одновременно по приказу партийной верхушки уничтожалось огромное количество военной техники, в том числе новейшей. Солдаты и сержанты с тех пор под командованием младших, а зачастую и старших офицеров непрерывно трудились в народном хозяйстве и на личных подсобных участках многочисленного, моментально разросшегося, как фекалии на дрожжах генералитета. Офицерский корпус стали использовать на всех видах работ, при этом высокие руководители старались отстранить от любой, даже мало-мальски ответственной деятельности рядовой и сержантский состав. Сержантский корпус — костяк любой армии, всеми возможными способами уничтожался, как явление, и усиленно опускался до статуса своего близнеца-брата — рядового состава. Кроме того, в Советской армии упорно насаждались те принципы, на которых строили свое существование уголовные преступники в местах лишения свободы.

Рассказывая об этом, офицеры, обучающиеся в соседней с его домом военной Академии, поведали свежий анекдот: «Маршал в Генштабе звонит своему заму — генералу и спрашивает: «Петрович, у тебя есть два толковых подполковника?» «Так точно!» «Тогда пришли их ко мне, надо диван переставить».

Петр, пообщавшись со слушателями, с горечью подумал: «Что же, в конце — концов, происходит? Почему армия страны, вместо того, чтобы заниматься своим прямым делом — плановой и непрерывной боевой учебной, основной задачей которой является подготовка к отражению агрессии против нашей Родины, вместо этого почти круглый год занимается покраской заборов, бордюров, травы и снега. А еще зарабатывает деньги, стройматериалы на свое убогое существование, подметает улицы в городах, чистит местные «авгиевы конюшни», трудится на стройках народного хозяйства, целине, колхозах, совхозах и дачах своих начальников, других партийных и непар-

тийных руководителей?» Тогда же всем ветеранам, в том числе и Петру Иосифовичу, отменили выплаты, установленные после Отечественной войны — десять рублей ежемесячно награжденным медалью «За отвагу», и пять — имеющим «За боевые заслуги». Тремя такими серебряными наградами — двумя на серо-голубой муаровой ленте его наградили во время войны, а одной — на серо-желтой — в 1946 году. Никаких других боевых отличий, кроме двух нашивок за ранения ни бывший комбат, ни родственники его убитых подчиненных так и не увидели — и он, и его бойцы не значились в списках воювавших в составе соединения⁶⁸.

Еще он случайно узнал весьма позорную информацию — новое руководство страны и армии секретным постановлением распорядилось записки из «смертных» медальонов солдат и офицеров, обнаруживаемых в местах боев немедленно уничтожать, не ставя в известность родных и близких. Государство не хотело брать на себя бремя дополнительных расходов за вновь выявленных погибших в сражениях — бюджету было выгоднее платить семьям пенсии с формулировкой: «пропал без вести»! Впрочем, военные захоронения в послевоенные годы никто особо и не искал, так же, как военное ведомство никогда не пыталось целенаправленно разыскивать и вручать оставшимся в живых ветеранам, а также семьям драгоценные награды, миллионами хранящиеся в Министерстве обороны СССР⁶⁹.

⁶⁸ Выплаты указаны в размере, установленной после деноминации 1947 года, когда с банкнот убрали один ноль, соответственно, они составляли 100 и 50 рублей. Как это ни удивительно, но даже бывший начальник артиллерийского снабжения и командир батареи 45-мм ПТП после войны с помощью ЦЕЛЫХ двух ведомств — Министерства Вооруженных сил и Министерства Внутренних дел, не смог разыскать документов, подтверждающих свое участие в боях в Залесконовских болотах и присвоение ему офицерского звания. Свидетельством тому — личное дело ветерана АВ — 67952/с, по сей день хранящееся в Воронежском областном военкомате. В папке сохранились записи о попытке лишения его пенсии, и лишь подписи должностных лиц, печати в полученных им в 1942 на руки документах, свидетельствовали об обратном. Это были отправленные к месту пребывания в эвакуации семьи: расчетный лист к денежному аттестату №1, расчетной книжки БГ № 009305 за апрель 1942, выданных финансовой частью 173-го оппдн. Поэтому автору представляется, что и здесь трижды прав А.И. Шумилин — если такой «бардак» творился в учете младших офицеров, ЧТО можно говорить о рядовых бойцах? Хотя не исключено, что в архивах просто никто ничего не искал, ограничившись отписками — «...не был... не значится... не сохранилось». А ведь в случае с Петром Иосифовичем, кроме лишения его офицерской пенсии, решался вопрос о возмещении инвалидом «...нанесенного государству ущерба» за несколько лет и назначения пенсии солдатской! Но, в отличие от наступивших впоследствии временах «дермокрации», ТОГДА хоть никто не оспаривал, что он потерял здоровье в ходе боевых действий!

⁶⁹ Аналогичным образом складывалась ситуация и гораздо позднее — Юрий Александрович Голубев, механик-водитель БМП, служивший с автором в 371 мсп в Афганистане, получил награду — медаль «За отвагу» только в 2007 году. Хотя был награжден ею еще в апреле 1989 за боевые действия на плотине Каджаки вместе со всем представленным к наградам личным составом 2-го батальона. При этом с момента призыва в армию он никогда не менял своего места жительства — и, как ни странно, «...награда нашла своего героя!» Так что налицо определенная тенденция, продолжающаяся годами и десятилетиями!..

Все это было продолжением того пути, что был пройден за многие столетия народом его Страны. Петр припомнил слова китайского поэта, сказанные совсем в другое время и про других людей:

В канавах люди пожирают трупы,
Ребенка мать бросает на дорогу —
Прохожие глаза отводят тупо:
Они помочь уже ничем уже не могут.
В сплошной войне идут десятилетия...

Но, к сожалению, Петр Иосифович все то, что описал Чжан Чжу, успел повидать за свою совсем недолгую жизнь., Поэтому, взвесив все узанное в последние дни, он продолжил свои размышления — ведь ему была далеко не безразлична судьба Отечества, и известна цена пролитой за нее крови: «Помнится, в начале последней войны все военнослужащие РККА четко разделяли — «...эта дивизия «кадровая», а значит — спаянная, слаженная, ей можно доверять, а вот эта — вновь скомплектована из «запасников», а потому — кто его знает, как она будет действовать, не разбежится ли в панике при ударе врага? Даже военнослужащих тогда делили на категории — «кадровых», что автоматически накладывало на них отпечаток уважения, и «запасников» — это слово имело пренебрежительный оттенок. Ведь всеобщей воинской повинности в стране до 1939 года практически не было, в результате чего выросло целое поколение, никогда не служившее в армии. Да и времени в начале войны на боевую подготовку и «слаживание» отделений, расчетов, взводов, рот, батарей не было, после формирования части и соединения немедленно шли в бой! Главным тогда было — отбросить врага от Москвы».

Он вспомнил слова из прочитанного им наконец-то трактата Сунь Цзы, «добытого» по его просьбе друзьями из академии: «...Корми солдата тысячу дней, чтобы использовать его только один час», и размышлял: «А если, не дай бог, снова начнется война — опять необученный личный состав будет, как в начале последней войны приносить многотысячные жертвы и с массовым, но совершенно не нужным героизмом овладевать тем, чему он должен был научиться в мирное время! Воистину, высоких руководителей в России история не учит ничему! А может быть, они все — ИСТИННЫЕ ВРАГИ НАШЕГО НАРОДА?!»

Когда настал его последний час, он увидел политрука Думбадзе, сержанта Пурхальского и рядового Джугаева. Они что-то говорили ему, но он не слышал, что именно. А позади его подчиненных единой массой стояла остальная батарея, но их лиц старший лейтенант почему-то тоже не видел. Он лишь чувствовал, что рядом находятся все те, кто когда-то любил его, прежде всего — мать и отец. Рядом с ними стоял Герой Советского Союза Николай Федорович Грухин, с которым Петр дружил, когда они вместе служили в 9-й Донской стрелковой дивизии. Николай погиб раньше всех его друзей — в 1939 году, на Халхин-Голе, в бою с самураями. Родители и сослуживцы, ставшие такими дорогими для него в первые месяцы сорок второго смотрели на Петра, и когда он, наконец, разглядел близких ему людей, дружно загомонили: «Ну вот, и наш командир с нами!» В их голосах была такая неподдельная радость, что у бывшего комбата моментально к горлу подступил ком. А Коля Грухин просто сказал, как всегда говорил раньше: «Здравствуй, Петрик! Ты удивлен, что мы все здесь? Дело в том, что всю свою жизнь и я, и ты, и твои подчиненные служили богоборческой, людоедской власти, поэтому теперь нам нет пути ни «туда», ни «обратно». Мы с тобою немало в свое время дров наломали, подавляя восстания казаков и крестьян против изъятия хлеба, продуктов, церковных ценностей, поэтому и меня, и тебя ТУДА уже никогда не пустят! А в аду мы не горим лишь потому, что погибли за Отчизну, сражаясь за родную Землю до конца. Не нарушили ПРИСЯГИ, не щадили «...своей крови и самой жизни...», не сдались врагу!

В это мгновение Петр понял — он прошел свое ЧИСТИЛИЩЕ еще тогда, когда был живым, и смерть пришла за ним не сегодня, а 27 апреля 1942 года. Она просто не забрала его из Залексоновских болот, так как он не выполнил своей самой главной задачи — осмыслить и рассказать всю правду об этой войне. В иной мир он ушел спокойно, с чистым сердцем и чувством исполненного долга. Он сделал то, ради чего ему дали возможность пройти еще один путь по этой Земле.

«...В сплошной войне идут десятилетия...»

Часть 2 «СВЯЗИСТ». Интервью

Иван Степанович Павленко родился 22 ноября 1918 года на Полтавщине, в Гоголевских местах, что недалеко от Сорочинцев и Миргорода. До 1936 года он жил в г. Оболонь, работал прицепщиком на тракторе, затем — радистом в МТС. С 1936 по 1938 учился в сельскохозяйственном техникуме в Полтаве на агронома, и занимался спортом — бегом, волейболом, гимнастикой. В 1938 году был призван в ряды РККА и оказался на призывном пункте 25-й Чапаевской стрелковой дивизии, в Лубенском военкомате. Штаб соединения тогда находился в Полтаве, в Корпусном парке, им руководил будущий маршал, а тогда полковник Бирюзов, лагеря дивизии находились в Ересках, под Ромоданом. Из Чапаевской дивизии призывник Павленко по его просьбе был направлен на учебу в Ульяновское военнотехническое училище связи.

Иван Степанович — курсант
Ульяновского училища связи. 1940 г.

Это учебное заведение готовило командиров для танковых войск, и Иван Степанович вспомнил, что форма одежды у курсантов, как впоследствии и у немцев была серого, мышиного цвета — его до войны называли «танковым». 20 мая 1940 года И.С. Павленко

за отличную учебу был досрочно выпущен из училища в звании лейтенанта. Он получил назначение в г. Тбилиси, где находился штаб Закавказского Военного округа, в 3-й отдельный полк связи. По прибытию к новому месту службы был назначен командиром радиовзвода. Полк обслуживал штаб округа, которым в те дни командовал генерал И.В. Тюленев, а начальником штаба — генерал И.Ф. Толбухин. Уже в процессе службы Иван Степанович познакомился с 18-летней девушкой из Минеральных вод — Евгенией Советовой. Они стали встречаться и в середине 1941 года собирались пожениться. Вот как описывает он сам события, происходившие после мая того тяжелого для всей страны года:

«7 июня 1941 я поехал к родителям, в Оболонь — в первый после года командирской службы отпуск. Но вскоре меня вызвали срочной телеграммой с красной полосой, за подписью начальника штаба нашего полка майора Пояркова. Добирался я до части целую неделю — весь Харьков был буквально забит войсками, и все остальные поезда отменили. А я то не в воинском эшелоне должен был ехать, а на гражданском поезде! Наконец, меня с какой-то казачьей дивизией отправили на Кавказ. Все железнодорожные составы тогда в Тбилиси ходили через Баку, так что ехали мы довольно долго. По приезду на место прохождения службы выяснилось, что наш полк разделится — на его базе был сформирован 50-й полк связи, и я был в нем назначен начальником радиостанции 11-АК. Что это была за станция? 11-АК — очень хороший мощный аппарат, установленный на базе двух автомобилей ГАЗ-АА, я с его помощью от Кубани до Москвы связь устанавливал. Какие еще были станции? У нас стояли на вооружении радиостанции 11-АК, 5-АК, 6-ПК, РБМ, 12-РП, чуть позже появились американские West-100, «Север» и советский аналог последней — «Белка», а также СЦР-284. Что про них можно сказать? 5-АК — переносная, как и 6-ПК, только гораздо мощнее. А 6-ПК — дрянь, а не станция — действовала лишь на 5-10 км.

Разве можно было с таким дерьмом воевать? Впрочем, после Халхин-Гола 6-ПК сняли с вооружения, но взамен ничего не дали, и в 41-м ее могла заменить только 5-АК. РБМ — отличная станция — переносная, кило на 12, а дальность — до 100 км. В 41-м немцы захватили на приграничных складах просто невероятное количество вышперечисленных средств. Самыми лучшими рациями мы считали РАФ, РСБ, а до войны — 11-АК. Были еще 71-ТК — танковые, а в артиллерии — 9-АК, я их тоже очень хорошо знал, особенно танко-

вую станцию — это ведь был мой основной профиль при обучении в училище. СЦР-284, как и другие американские радиосредства появились только после 1942 года. Это был отличный аппарат — с велосипедным приводом для работы в условиях отсутствия электроэнергии, мы ее называли немного с юмором — «солдат-мотор»...

Но вернемся к началу войны. Наш 50-й полк быстро погрузили в эшелоны и двинули сначала вроде бы на фронт — вначале мы пошли на Баку, но потом через Степанакерт отправили в Нагорный Карабах. По ходу следования 5-го июля нам объявили приказ ВГК И.В. Сталина о том, что с началом войны против СССР Германия активизировала свою агентуру в Иране, который был превращен ею в антисоветский плацдарм. Поэтому, чтобы Гитлер не нанес внезапный удар по нефтедобывающим предприятиям в районе Баку, нам приказывалось по согласованию с Англией войти в северную часть этой страны. Выгрузились мы, не доезжая Нахичевани — в районе Джульфы. Там я впервые и развернул свою полученную совсем недавно радиостанцию 11-АК. А примерно 20-го августа мы уже перешли реку Аракс — ведь нельзя сказать: «форсировали», речка эта была довольно мелкая. В общем, входили мы в Иран в составе трех армий — 44, 45 и 46-й.

Встречали нас местные жители по-разному. Моего друга иранцы отравили кишмишом, и он вскоре умер. Вообще эта страна в тот момент была нам довольно враждебна, немцы накануне даже ввели на ее территорию свои воинские части, и нам была поставлена задача: уничтожить их — два танковых полка и один пехотный. Но сначала в районе Джульфы нам оказали сопротивление только иранские пограничники — их было около 1000 человек, а их резервы не успели подойти и сосредоточиться. Одеты они были в странную желтую форму, а вооружены допотопными английскими винтовками. Половину из них мы быстро уничтожили, а остальные в панике бежали в направлении ближайших гор. Но немцы своими тремя полками оборонялись очень упорно — они оседлали перевалы между Тевризом и Нахичеванью, и удерживали в горах наши войска около двух недель. Наши артиллеристы расстреливали немецкую технику прямой наводкой, а потом в их тылу высадили воздушный десант. Короче, разбили немцев — и это несмотря на то, что танков у нас, практически, не было совсем. Зато было очень много артиллерийских систем. А у противника в каждом танковом полку было по 50-60 единиц техники — Pz — II и Pz — III. Немецкие бронированные машины уничтожались в основном из орудий ЗиС-3, и делали это наши артиллерис-

ты очень легко — хреновая у немцев была броня, что и говорить, даром, что хваленый рейнметалл. В немецком пехотном полку мы половину личного состава захватили в плен, убитые грудями лежали кругом, а остальные разбежались. Наши потери были небольшими, в основном — от тропической малярии. Половина из немецких пехотинцев была экипирована в обычную, серо-зеленую и мышиного цвета форму, а другая половина была одета по-граждански. Их ведь в Иран перебрасывали тайно, под видом туристов и специалистов различных гражданских ведомств. Всех пленных потом в Москву переправляли самолетами, причем у офицеров даже личного оружия не отбирали — я у одного капитана, когда взял его в плен, хотел изъять «парабеллум», но мне запретили это делать. А вскоре наши передовые части захватили северные пригороды Тегерана. При этом немедленно последовал окрик из Москвы, и они отошли от города. Юг, включая Тегеран — были районами, подлежащими оккупации английскими войсками, и были уже заняты ими. В ноябре меня тоже свалила малярия, поэтому я был отправлен для лечения сначала в госпиталь в Тевриз, а потом в Тбилиси.

В Иран после излечения больше не вернулся, поскольку был очень ослаблен болезнью, и через месяц лечения меня назначили командиром 5-й курсантской роты по подготовке радистов для заброски во вражеский тыл. В подчинении постоянно находилось по 150 курсантов, и за декабрь мы сделали два или три их выпуска. В январе здоровье окончательно поправилось, и меня отправили драться под Ростов-на-Дону, в состав 46-й армии, оборонявшей участок Главного Кавказского хребта от Эльбруса до Туапсе включительно.

А мою Женю, которая через неделю после начала войны по призыву комсомола пошла учиться на курсы радиосвязи для девушек, в январе направили в состав войск, десантированных под Керчью. Там она вскоре, находясь в должности радистки, погибла в бою. Перед отправкой ее воинской части на передовую я попытался добиться перевода невесты в свой полк. Но мне не только отказали, но и пригрозили, что отправят в штрафную роту, если я буду донимать командование подобными сугубо личными просьбами. Никогда не забуду наше прощание у тамбура военного вагона, ее последние слова и слезы. Долго потом тосковал по ней, и именно с тех пор начались все мои проблемы — ведь и через много лет после войны я так и не мог найти свою единственную и неповторимую Женю. Ее нежный образ до сих пор стоит у меня в глазах, хотя и не сохранилось ни единой ее фотографии...

Надпись на обороте фотографии:

«...Ст. л-т Павленко И.С., к-р радиороты. Перевал Эльбрус, 1942»

...Из всех командующих, у кого был в подчинении, по-настоящему я любил только двух генералов — Ивана Ефимовича Петрова и Федора Ивановича Толбухина. Оба данных руководителя были действительно профессионалами, очень грамотными и внимательными военачальниками — с такими людьми всегда очень легко работать. Толбухин, как мне помнится, был болен диабетом. Что касается генерала Петрова?.. О-о-о-о, это был ТАКОЙ человек!!! Судьба впервые свела меня с ним под Моздоком, в середине 1942 года — уже после нашего провала обороны Крыма. Он тогда командовал 44-й армией и в июле не допустил прорыва Клейста на Кавказ, в район города Баку. Генерал был кавалеристом, прапорщиком еще царских времен — наше высшее руководство не любило таких, как он. До войны он командовал механизированным корпусом в городе Мары, в Туркмении. Когда я познакомился с ним, первое впечатление сложилось следующее, и впоследствии оно не изменилось: интеллигент, профессионал военного дела высочайшего класса, да просто — в высшей степени внимательный, корректный человек и военачальник. Всегда был чисто выбрит, на носу — пенсне, никогда ни на кого и ни при какой обстановке не повышал голоса. Он был грамотным, всесторонне образованным руководителем и просто красивым во всех отношениях человеком! Когда Сталин попросил Жукова охарактеризовать его, тот выполнил поставленную задачу, в результате

чего генсек в личной беседе сообщил Ивану Ефимовичу следующее: «Вы — генерал обороны, а нам сейчас нужны люди для ведения наступления!» Это случилось как раз после того, как Петров не смог отразить наступление немцев на Моздок — у него тогда не хватило времени на организацию обороны.

Помню, как он вставал на подножку своего пикапа, и мчался вдоль немецких позиций, чтобы лично составить мнение о начертании переднего края противника. Он совершенно не дорожил своей жизнью, одет был всегда в обычную солдатскую гимнастерку и офицерскую кавалерийскую португепю с карманом для свистка — уже позже Жуков приказал Ивану Ефимовичу надеть пехотное снаряжение — с одной ляжкой наискось. До чего же грамотно он ставил задачи подчиненным — я, как кадровый офицер, мог это оценить — ведь почти всегда присутствовал при отдаче боевых приказов по средствам связи! А как он зачастую буквально грудью вставал за свои подчиненные войска! Запомнилось, как он беседовал по телефону с кем-то из НКВД, склонявшего его к бессмысленному наступлению — речь шла о штурме будущей «сопки Героев»: «Я не буду посылать войска на бессмысленную погибель — данное наступление не имеет перспективы!» А ведь такие люди, как он, никогда не нравились и не нравятся вышестоящему начальству! Петрова еще в период Крымской операции невзлюбил Мехлис, и по этой единственной причине он до конца жизни так и не стал маршалом Советского Союза.... Когда 17-я армия Клейста рвалась к Краснодару, Петрова назначили Командующим Приморской армии второго формирования. А после освобождения этого города он сменил Масленникова на посту командующего Кавказским фронтом....

...В составе 46-й армии нам довелось сражаться с частями немецкой дивизии «Эдельвейс», которая, опередив части нашей армии, захватила перевалы Санчаро, Клухор, Марух, Эльбрус, и начала спускаться к Черному морю. На Санчарском перевале немцы находились буквально в 20 километрах от города Гудауты, что в Абхазии. Положение складывалось катастрофическое — была угроза их прорыва в Закавказье и соединения с двухмиллионной турецкой армией. В это тревожное время к нам в 46-ю приехали высшие военные и партийные деятели — Л.П. Берия, С.М. Буденный и Л.М. Каганович.

Находясь рядом с домиком командующего армией, где налаживалась связь с Москвой, я видел, как Берия бил по лицу генерала Василия Фадеевича Сергацкова за то, что не удержали какой-то перевал. Зрелище, конечно, было отвратительное. На следующий день

он был снят с должности, а на его место был назначен генерал К.Н. Леселидзе⁷⁰...

Всякие были у меня руководители — попадались настоящие невежды и хамы, например генерал Киселев⁷¹, не знавший даже элементарных принципов организации связи и органов управления радиостанции 11-АК. А ведь по этой рации он отдавал приказы подчиненным войскам! Не сказал — в начале 1943 года меня перевели для прохождения дальнейшей службы в 41-ю Сухумскую дивизию войск НКВД. Так вот, у ее командира, генерал-майора Киселева, при выходе в эфир ничего не получалось — это был настоящий анекдот, а заключался он в том, что подчиненные его зачастую просто не слышали! При передаче надо было переключатель ставить в одно положение, а при приеме — в другое. А он командиру десанта на том берегу реки кричит в трубку: «Сергеев, я тебе Героя дам, если закрепиться!..», а потом сразу на меня — почему, мол, я его не слышу?» — и ведь сам накануне приказал рацию в 100 метрах от КП установить. Такие вот были «интересные» начальники! Этот генерал и в повседневной своей «деятельности» почти непрерывно орал на нижестоящих командиров, а иногда даже лупцевал их своей клюкой. При мне он как-то бил по лицу своего начальника штаба подполковника Милакова — очень грамотного и толкового офицера, погибшего впоследствии в бою⁷². Правда, вскоре после этого, к всеобщему нашему облегчению, Киселева сняли с должности.

⁷⁰ Генерал-майор В.Ф. Сергацков командовал 46-й армией до 28.08.1942. Вот как описываются эти события в книге «Тайна Марухского ледника», стр. 267: «Части дивизии «Эдельвейс» («Эдельвайс» — примечание автора)... захватили самые высокие и выгодные точки перевала, и прорвал[ись] к его южным склонам. [В помощь 1/815 сп, оборонявшему Клухорский перевал, был направлен]... с Марухского перевала 3/808 полка, который был в оперативном подчинении командира 810-го полка... Командующий 46-й армией... направил из Батуми 121-й гсп [майора Аршавы из состава] 9-й гсд вопреки приказу уполномоченного ставки Берия. [А также]... 956-й ап и подразделения 155-й сбр».

⁷¹ Об этом руководителе, уроженце д. Воздвиженка, Туймазинского района Башкирии, его племянница, Н.И. Бочкарева вспоминала: «...Киселев Василий Иванович служил в армии с 15-и лет и в период революции... был... красным командиром. [Он] не пропустил ни одной войны, начиная с революции, гражданской войны, войны с Финляндией, [участвовал] в Польском конфликте, на Халкин-Голе, был даже в Испании, т.к. к тому времени, зная три языка, окончил две академии и, конечно, прошел всю Отечественную войну. Всю свою военную деятельность был чекистом. [После] выхода в отставку преподавал в академии, жил в Москве... в звании генерал-майора, немного не дожидаясь присвоения ему звания «генерал-лейтенант». В апреле 44-го «для Вася» перевел меня из РККА [во внутренние] войска... Белорусского военного округа войск НКВД...». («Долгопрудненские странички», №21 от 14.05.2005). Кроме того, известно, что дивизией войск ОГПУ он руководил еще в 1925 году, а во время войны был назначен командиром 41-й Сухумской дивизии войск НКВД (в/ч 3211), Указом от 8.03.1944 «...генерал-майор Киселев В.И. — начальник внутренних войск НКВД Северо-Кавказского округа был награжден орденом Кутузова 2-й степени». Поэтому или Иван Степанович клеветает на уважаемого генерала, или данный полиглот — живое свидетельство качества обучения в военных академиях отдельных заслуженных полководцев. Но... слишком уж много прямых и косвенных свидетельств тому, что прав именно И.С. Павленко!

А были и настоящие трагедии из-за его некомпетентности! Ведь он «попутно» со своим «грамотным» руководством расстреливал подчиненных, якобы виновных в постоянно происходящих вокруг него «непотребствах». Несколько раз грозился и меня прикончить — по принципу: «Если связи не будет — пойдешь под расстрел». И не понимал ведь, чудак человек, что связь — явление случайное. Этому нас учили преподаватели еще в училище, в частности, тому что: «...на прохождение радиоволн оказывают влияние различные факторы, в том числе географические, рельеф местности, атмосфера, погодные условия...» и т.д. и т.п. А также укомплектованность подразделения техническими средствами, обеспечивающими беспрепятственное их прохождение. Нужны еще примеры маразмов? Пожалуйста, самый элементарный — советский довоенный телефонный кабель ПТФ-7 — вот это было полное дерьмо!!! А ведь с помощью него мы на передовой устанавливали проводную связь. Через сутки в сыром климате она уже не действовала — промокала матерчатая оплетка данного «изделия». Выручал трофейный немецкий — П-4, после войны у нас сделали его аналог — П-271. Скажите, за что в подобной ситуации было расстреливать командира телефонного отделения?

⁷² Из донесения о безвозвратных потерях 9-й армии №ОУ/1/с 892 от 10.05.1943 (ЦАМО Ф.58 оп.18001 д.53 л.122) можно узнать, что в эвакуационном пункте №50 «...от осложненной газовой флегмоны умер 8.05.1943... Милаков Михаил Павлович, подполковник, 1900 г/р., начальник штаба 41-й дивизии войск НКВД, член ВКП(б)... травматическая ампутация левой голени, осколочное ранение правой нижней конечности 5.05.1943, Домашний адрес: г. Орджоникидзе, Высшее пограничное училище, дом начсостава №2 кв.12, Жена — Милакова Наталья...». Тот же документ сообщает, что от сквозного пулевого ранения грудной клетки и живота 6-го мая скончался гвардии капитан Соболев Георгий Семенович, 1911 г/р., заместитель командира дивизиона 1055-го сп 417-й сд, член ВКП(б). Местом жительства его жены Антонины Николаевны указан г. Барнаул. Оба офицера были похоронены: Краснодарский край, Славянский район, ст. Славянская, совхоз «Сад — Гигант». Донесение подписал начальник ГПЭП-50 военврач 2-го ранга Турганов. По словам И.С. Павленко Михаила Павловича Милакова похоронили в г. Орджоникидзе (Владикавказ).

⁷³ (*73) Дивизия «Эдельвейс» (в Германии ее военнослужащих называли «Снежными барсами») входила в те дни в состав немецкого XXXXIX горного корпуса генерала горных войск Рудольфа Кнорра. Состояла из 98-го, 99-го и 100-го (до 3.11.1940) горно-егерских полков трехбатальонного состава, 79-го ап, 44-го оиптадн, других подразделений огневой поддержки и обеспечения (все они носили №№ 54). Его командовал кавалер Рыцарского креста генерал-лейтенант (генерал горных войск) Губерт Ланц — опытный альпинист, совершивший до войны множество восхождений, и он рассказал после войны в своих мемуарах, как его подразделения «...28 августа атаковал 810-й грузинский стрелковый полк с выделенными автоматными ротами, занял высоту 3012 и удерживал ее... нашему правому флангу в Марухской долине...». В мемуарах другого бывшего «эдельвейсовца» из 98-го полка Алекса Бухнера сообщается, что 98-й и 99-й полки дивизии 5.09.1942 начали наступление против подразделений 810-го и 3/808-го сп 394-й гсд. Бухнер пишет про бои на Марухском перевале: «Советы держали здесь оборону с настоящим презрением к смерти... Несмотря на то, что враг был полностью окружен и отрезан... он защищался и в этом безнадежном положении до последнего». (1. «Горные стрелки» 1-я Горная дивизия Губерта Ланца, Издание ФРГ, 1954, 2. Журнал «Немецкий солдат» №1, ФРГ, 1959). Уже 7.09.1942 на подкрепление Марухской группы войск прибыли три батальона 155-й и 107-й сбр и подразделения 2-го Тбилисского пехотного училища.

Потери наших войск во время боев в горах были довольно большими. Первоначально у бойцов не было даже красноармейских книжек — выдавали медальоны с вложенными внутри бумажками со сведениями о них. Бойцы их просто выбрасывали — примета плохая была их носить. Но уже примерно с июля 41-го года в подразделения стали привозить индивидуальные номерные жетоны, сначала их вручали только командирам, а затем стали выдавать и рядовым. Были они треугольными костяными, потом стали алюминиевыми и овальными. Вот по жетонам часто и опознавали мы тела своих бойцов — ведь трудно было узнать покрывшееся на леднике коркой тело погибшего!

Против нас, как я уже говорил, в основном действовали подразделения и части немецкой 1-й горнострелковой дивизии «Эдельвейс» — отлично экипированные специально для них разработанным горным снаряжением и исключительно хорошо подготовленные. Командир этого немецкого соединения один из своих полков направил к Гудауте — Туапсе — Сухуми, чтобы перерезать дорогу на Тбилиси⁷³. На Санчарском перевале упорно сражались пограничники из 23-го пограничного полка, которые вместе с бойцами 25-го Краснознаменного Кагульского пограничного полка группы полковника Пияшева⁷⁴, в которую тогда входили: стрелковый батальон Сухумской дивизии НКВД, подразделение 808-го сп, другие части, окружили этот немецкий горнострелковый полк.

В самый разгар боев, когда немцы буквально рвались к морю, где им были обещаны отдых, свежие фрукты и отличное грузинское вино, оборвалась связь штаба 46-й армии в Сухуми с пограничниками. Для ее восстановления мне была поставлена задача — с тридцатью бойцами, вооруженными автоматами и имеющими радиостанции 5-АК и «Север» преодолеть 85 километров от Сухуми, под-

⁷⁴ О генерале Иване Ивановиче Пияшеве, и его участии в боях в музеях частей Внутренних войск (в частности — в/ч 5402) можно узнать следующее: «...В августе 1942 года полковник Пияшев убывает на Кавказ, куда его назначают заместителем командующего 46-й армией Закавказского фронта. Части и соединения фронта в ожесточенных сражениях с оккупантами удерживали перевалы Главного Кавказского хребта. С прибытием Пияшева... под его командованием создается особая группа войск (В августе в ее состав вошли 25-й погранполк, 2-й сводный полк НКВД, 307-й сп и рота 1/808 сп майора Ш.В. Телия — примечание автора) для ликвидации прорыва противника через Санчарские перевалы. Наиболее ожесточенные бои развернулись в районе озера Рица (в долине реки Лаба — примечание автора), где противник силами 4-й гсд любой ценой стремился прорваться к Черному морю, чтобы отрезать Черноморскую группировку наших войск. Гитлеровцам удалось достичь северных склонов перевала Доу. Однако дальнейшее продвижение врага было остановлено сводным полком войск НКВД, входившим в состав особой группы. 20 октября все Санчарские перевалы были очищены от противника...». (Николай Сысов, полковник запаса, военный историк) В начале ноября группа Пияшева была расформирована, ее подразделения отведены в Сухуми, а оттуда направлены на другие участки Закавказского фронта. 10-го ноября 1942 полковнику Пияшеву было присвоено звание «генерал-майор».

няться по горным тропам на Большой Кавказский хребет на высоту свыше 2000 метров и вручить пакет с боевой задачей командованию группы, оборонявшей Санчарский перевал. А затем восстановить радиосвязь со штабом армии. Мы продвигались медленно, непрерывно ведя бои с вражескими разведчиками и егерями. Мои красноармейцы карабкались по узким горным тропам, боясь сорваться в ледниковую пропасть. Но мы прошли этот тяжелый путь, и я доложил заместителю командующего 46-й армией Пияшеву о цели прибытия, вручил ему боевой приказ, после чего срочно приступил к установлению радиосвязи. На средних волнах станции 5-АК мне этого сделать не удалось, и тогда я поднял самодельную антенну типа «Бегущая волна», подключив ее к коротковолновому «Северу». Связь мы тогда установили, но впечатления от сентябрьских боев были самыми тяжелыми. Ледяные скалы, покрытые сыпучим снегом, ветер, метели, лавины и сильный холод нас в те дни буквально измучили! Мой взвод вместе с пограничниками быстро двигался вперед, все выше и выше поднимаясь в горы. По пути мы с боем взяли селение Псху и освободили вершину перевалов Санчаро и Клухор. Где и закрепились. Нас все это время почти непрерывно бросали в бой, используя как обычное стрелковое подразделение — но мы не роптали, ведь надо было отражать яростные контратаки немцев.

Вот тогда и началась завершающая стадия операции — окруженный немецкий полк дивизии «Эдельвейс» наши 23-й Краснознаменный (бывший Липканский погранотряд) и 25-й пограничные полки уничтожили практически в полном составе, а остатки вражеской дивизии отошли на северные участки гор. В плен попало не больше 300–400 человек немецких солдат и офицеров — все остальные были убиты. Я осмотрел пленного — у него был автомат, боеприпасы, две гранаты, саперная лопата, нож, губная гармошка, фляга со спиртом, термос с горячим кофе, альпеншток, солнечные очки и добротные горные ботинки с шипами. Только в тот момент нашим войскам впервые досталось хоть какое-то горное снаряжение — а до этого были только обычные шинели, солдатские шапки на рыбьем меху и ботинки с обмотками — их длина, помнится, составляла около двенадцати метров. Позже я объясню, почему я вспомнил про эту деталь экипировки наших солдат.

Была, правда, в составе наших войск одна дивизия из Сибири — 20-я горная стрелковая, вот только она и имела хоть какое-то горное снаряжение. А остальные, так называемые, «горные» дивизии — из Грузии, Армении и Азербайджана — смех один. Если бы не

было так грустно вспоминать все происходившее тогда, то может, мне было бы смешно! Одна из них — 394-я гсд запомнилась особенно — она пришла из-под Ленкорани⁷⁵, и все ее бойцы были одеты в какое-то старье, на ногах у них были обыкновенные ботинки с черными обмотками⁷⁶. А сама дивизия в качестве основной тягловой силы была укомплектована ишаками, которые никогда не стояли на вооружении и довольствии нашей армии, и поэтому на военных складах для них не было ни специального снаряжения, ни подков, ни ухналей — подковных гвоздей, ни выюков. Все это приходилось изготавливать на местах, своими силами. Но после первых же боев 394-я стала хорошо, впрочем, как и все наши части, сражавшиеся на Кавказе — ведь они лишь изначально не были подготовлены к боям. Как обычно — на обучение действиям в горах у командования не хватило времени! Насчет того, что у наших бойцов были английские ботинки? Ерунда! Слышал, правда, что один полк или дивизия в Тбилиси имели английское обмундирование и обувь, пос-

⁷⁵ В данном случае память несколько подвела 89-летнего Ивана Степановича, так как 394-я гсд была сформирована полковником Валерианом Сергеевичем Дзабахидзе в августе 1941 в Грузии, в г. Телави (ппс № 1451). Со 2.09.1941 по 15.03.1942 ее командиром был полковник Семен Павлович Старожилов. В состав дивизии входили: 808-й гсп майора Кантария, 810-й майора Владимира Александровича Смирнова, 815-й майора Александра Анатольевича Коробова. В 1942 в 394-й упоминаются 956-й ап и 674-й осапб капитана С.Н. Тихонова. До января 1942 дивизия занималась обучением личного состава, затем — проводила противодесантную оборону побережья в Абхазии. С июля по октябрь 1942 сражалась под руководством подполковника Ивана Георгиевича Кантария — 14.08.1942, находясь в составе 46-й армии, она выступила для обороны Марухского и Наурского перевалов из района г. Сухуми и с. Дранда через Гульриппи, Манджари и Верхние Келасури. Горного снаряжения дивизия не имела, и для действий в горах была снабжена только летним обмундированием. Упоминаний про 20-ю гсд тоже нет — она после возвращения из Ирана до августа 1942 находилась в Адлере (174-й гсп с августа — на перевалах Аишха и Песахша). А про «ленкоранскую» дивизию сохранилось другое воспоминание — у жителя п. Степной Саратовской области Игоря Ступина дед воевал в составе этой дивизии, прибывшей с юга Азербайджана. Он рассказывал, что бойцы дивизии — все из бывших чабанов, мобилизованных с гор, совершенно необученные и не понимавшие языка своих кадровых командиров, первое время немедленно собирались возле каждого из своих убитых товарищей — оплакивать и читать молитвы, и в такие моменты их целыми группами немецкие горные егеря «накрывали» из своих ротных минометов.

⁷⁶ Вот как описано снаряжение 394-й гсд в книге «Тайна Марухского перевала»: «...когда наш комиссар 12-го горнострелкового отряда капитан Васильев говорил... о наших задачах в ближайшие дни, мы все же не думали, что тем, кого мы идем подменять в боях, было так тяжело. Но вот наша 1-я рота подошла к позициям, занимаемым 810-м полком, и мы услышали непрерывную стрельбу из винтовок, пулеметов и минометов, и увидели бойцов, одетых как нельзя хуже для зимы — в худых шинелишках, в поношенных ботинках с обмотками... В руках у них были только винтовки с прикинутыми штыками: наверно, на случай штыковой атаки... Мы сменили их ночью, при тусклом свете снега, начавшего сыпать все гуще. На следующий день он завалил все...» Это свидетельство принадлежит Андрею Васильевичу Кийко, и он описывает события, произошедшие в сентябре 1942, когда на перевалы из Батуми, с турецкой границы прибыли части 9-й гсд полковника М.В. Евстигнеева. В состав последней входил 121-й гсп, 256-й ап и отлично подготовленные подразделения из бывших альпинистов. В частности, упомянутый выше 12-й отдельный горнострелковый отряд (огсо) майора Диденко (позже его сменил на этой должности старший лейтенант Швец), а также 11-й огсо. Отряды были оснащены и вооружены ничуть не хуже, чем дивизия «Эдельвейс», и оба они сражались в районе Марухского, Санчарского, Нарзанского и Наурского перевалов около года, до сентября 1943, когда были выведены в Сухуми и расформированы.

тавяемое через Иран, но до нас оно не доходило ни разу. Зато хорошо помню, что когда на леднике возле Санчарского перевала мы разгромили полк «Эдельвейса» — да-да, тот самый — под Псху, и я стоял со слезящимися на солнце глазами вместе с бойцами, также страдающими от ослепляющих лучей, то пленные немцы были сплошь в темных очках — мы в таких сейчас на пляже загораем. А тогда это было для нас невиданное зрелище!

Тяжелые бои на перевалах продолжались почти до самого конца 1942 года. Ну что ж! Волею судьбы и военного лихолетья я впервые в своей жизни с июля по октябрь оказался на вершине Главного Кавказского хребта, а рядом с нами, еще выше высился на 1,5 километра величавый великан — двухглавый Эльбрус. Когда солдаты в знак малой победы установили красное знамя на вершине горы вместо сброшенного гитлеровского штандарта, то мы дружно кричали «Ура!» и салютовали оружием, отмечая свою первую солдатскую победу. Ведь разбили мы их, разбили! И это несмотря на трех наших главных врагов — жестокого, упорного врага, постоянный голод и холод, пронизывающий в горах до костей. Победа была достигнута, и именно она была в тот момент самой главной!

....Вспоминается, как в середине августа мой взвод с боями выходил с Санчарского или Марухского перевала — не помню уже, с какого именно. Мы тогда из взвода потеряли при спуске 5 человек погибшими. По дороге один из бойцов свалился в расщелину, весь переломался и лежал там, крича и зовя на помощь.... Почти сутки.... Потом затих, видно — замерз насмерть.... А мы ничего не могли сделать, так как были без тросов и горных ботинок. У меня тогда просто слезы текли от бессилия, так же, как и у моих подчиненных! Ведь никакого альпинистского снаряжения первоначально у наших войск не было и в помине, и потому наши красноармейцы постоянно падали в пропасти, погибали на ледниках от переохлаждений, а обувь у всего личного состава взвода развалилась почти сразу же после начала спуска с горного хребта. По моей команде они заворачивали свои окровавленные ноги в обмотки ботинок, а от моих хромовых сапог к моменту выхода в расположение остались одни лишь голенища. Медсестра санбата, стоявшая рядом с генералом Сергацковым зарыдала, когда увидела подразделение после выхода с перевала. А Василий Фадеевич, увидев нас, сказал очень расстроенный: «Все, что могу. Орденов нет в наличии, а то бы их вручил!» и лично закрепил каждому на грудь по медали «За Отвагу» — ведь мы выполнили поставленную задачу по установлению радиосвязи. Я не могу всего этого

ужаса спокойно вспоминать до сих пор — артериальное давление сразу подскакивает!... Простите».

А через несколько дней мы вновь встретились с Иваном Степановичем. При этом он сказал БУКВАЛЬНО следующее: «Я долго размышлял над тем, о чем вы меня спрашивали. Теперь могу высказать свое мнение — и Сталин, и Жуков без разбора гнали неподготовленный к войне народ в атаки, фактически — на убой. У нас говорили: «Если к наступлению придет Жуков — будут интенсивные бои и большие потери!». Хотя Жуков к 1943 году был уже опытным стратегом и частенько отменял бессмысленные наступления — так было, в частности, на «Голубой линии» в 1943 году. Думаю, что основной причиной всего происшедшего в первые годы войны была низкая компетентность нашего высшего руководства, и это касалось не только вопросов подготовки и ведения боевых действий... А самое главное, что я хочу сказать, — **МЫ БЫЛИ АБСОЛЮТНО НЕ ГОТОВЫ К ВОЙНЕ, И ДАЖЕ ТО, ЧТО У НАС БЫЛО ЗАПАСЕНО, ОСТАВИЛИ НА ГРАНИЦЕ** (выделено автором).

Теперь хочу высказать мнение, как связиста: в 1941 на тактическом уровне у нас радиостанций просто не существовало! Что говорить, если в каждой дивизии обычно была в наличии лишь одна РБМка! Укомплектованность нашей армии средствами радиосвязи составляла процентов сорок от штата, не хватало даже телефонных аппаратов с индукционным вызовом. Виноват в этом, конечно, был Генштаб во главе с Ворошиловым, кроме того, немцы в сорок первом захватили просто невероятное количество наших станций 5-АК, 6-ПК и других.

Хочу высказать еще одну свою точку зрения — по поводу радиосвязи в пехоте, как до войны, так и после ее начала. Примерно до 1943 года среди наших военачальников и, соответственно, среднего начсостава всех родов войск существовала определенная, явно мною замеченная «радиобоязнь» и «радионепонимание». В чем они выражались? Я, как командир радиовзвода и роты, часто находящийся при высших штабах, постоянно наблюдал подобные явления — когда меня посылали обеспечивать радиосвязь в пехотные, артиллерийские, танковые и другие общевойсковые соединения и армии, то их командиры и начальники обычно приказывали вырыть окоп для станции метров за сто-сто пятьдесят от командных пунктов. И уже только тогда соединять станцию с КП телефонным кабелем. Свои решения они мотивировали обычно тем, что «...ну его к лешему, работу вашего радио немцы засекут, и разбомбят наш командный

пункт!» В своей массе это были необразованные, а часто даже малограмотные люди, обладающие слабыми знаниями и навыками в обращении с революционной для того времени техникой. Стремления к изучению всего нового и неизвестного подобные лица не проявляли совершенно. Да и нравы в среде наших военачальников были... как бы это сказать... весьма и весьма ненормальными — с криками, площадным матом, а зачастую даже банальным мордобоем. Все подобные руководители безбоязненно пользовались лишь телефонной связью, а донесения и приказы передавали почти исключительно через посыльных — на мотоциклах, автомобилях, либо верховыми. Иногда по своей безграмотности отправляли почту даже на танках. Часто и меня — командира радиовзвода — роты гоняли с донесениями вместо передачи приказов по средствам беспроводной связи. Так мы и воевали до самого 1943 года!»⁷⁷.

⁷⁷ С того времени наши войска воевали уже на порядок лучше союзников, о чем теперь мало кто вспоминает. Подтверждения? Свидетельствует Митрополит Вениамин (Федченко) еще до того, как возвратиться на Родину, и пишет он в своем дневнике про события 1944 года: «...Англичане (военные) собрались в Лондоне обсуждать вопрос — почему союзные армии не могут сбить немцев в Италии, а русские гонят их везде?» Так что, похоже, в Королевских Вооруженных силах по данному вопросу проводилась целая конференция! Но в настоящее время про нее — молчок?

Часть 3 «239-й полк». Эссе

За эту статью я взялся не с целью превознести до небес или унижить тех людей, с которыми мне довелось служить в 1986-1988 годах в Группе советских войск в Германии, накануне воссоединения двух немецких государств. Описанные события произошли накануне поспешного вывода из ГДР советских войск, произошедшего с фактической сдачей всех наших немногочисленных союзников, плацдармов, принадлежащего нашему государству недвижимого имущества, а самое главное — личного состава выводимых в Союз частей, оставшихся фактически под открытым небом, а, кроме того, вынужденных фактически бросить за границей миллионы тонн военного имущества. При этом нельзя забывать, что все эти материальные и нематериальные средства были добыты трудом, потом и политы поистине реками крови наших прадедов, дедов, отцов.

В этой статье я хочу коснуться лишь истории нашего полка «прикрытия государственной границы», как его называли в документах, причем за очень короткий период, охарактеризовать людей, с которыми мне довелось служить, а также командование всех уровней и принципы, на которых строилось комплектование, воспитание и обучение личного состава нашей прославленной части. Надеюсь, что хоть кто-нибудь в нашей стране ознакомится с мнением по этому вопросу и в будущем не допустит совершенных как нами, так и нашими непосредственными начальниками ошибок.

После окончания Омского высшего общевоинского командного дважды Краснознаменного училища имени Фрунзе, вихрь перемещений в конце августа 1986 года забросил меня на пересыльный пункт в городе Франкфурт-на-Одере, где всех прибывающих в ГСВГ офицеров собирали, распределяя по сухопутным армиям Группы. Всего, как я помню, их в Германии было пять — 1, 2, 3, 8-я гвардейские танковые и 20-я общевойсковая.

Это не было какой-то высокой честью для выпускников нашего училища — попасть служить в Германию. Гораздо больше котировались другие Группы — Южная (ЮГВ) в Венгрии и Центральная (ЦГВ) — в Чехословакии. Хуже ГСВГ считалась только Северная группа войск (СГВ), находящаяся в Польше, про которую говорили:

«Курица не птица, Польша не заграница!» Поэтому почти все выпускники, обладающие правом выбора места службы, поехали именно в ЮГВ и ЦГВ, да еще в Московский, Киевский, Прибалтийский, Дальневосточный и Забайкальский военные округа. Из моего курсантского взвода в ГСВГ отправилось больше половины его численного состава — около пятнадцати новоиспеченных лейтенантов.

**Статуя рыцаря Роланда на центральной площади Перлеберга.
Разведрота 239 мсп на прогулке**

Во Франкфурте мне довелось получить назначение во 2-ю гвардейскую танковую армию и вскоре, вместе с другими офицерами — выпускниками танковых, артиллерийских, общевойсковых училищ мы уже ехали в город Нойштрелиц, где располагался штаб этого объединения. Там снова было распределение и вскоре все, назначенные для прохождения дальнейшей службы в 21-ю мотострелковую Таганрогскую Краснознаменную ордена Суворова дивизию, уже ехали на немецком поезде в город Перлеберг, находящийся западнее Берлина, возле самой границы с ФРГ. Прибыли мы туда ночью, поэтому всех молодых лейтенантов сразу разместили в казарме 7-й мотострелковой роты 239-го гвардейского мотострелкового полка, стоявшего в Перлеберге в двух километрах от штаба дивизии. Никто из нас не думал тогда, что после этой первой проведенной в солдатской казарме ночи мы все дружно потом будем чесаться из-за «приобретенных» нами в этом расположении невиданных зубастых «зверьков», и по той же причине проклинать день и час, когда мы за-

валились спать в этом помещении. Наутро в полку я встретил капитана Урбана, выпускника нашего училища 1981 года, который, поговорив со мной и еще с одним выпускником Орджоникидзевого ВОКУ лейтенантом Стояном, предложил служить у него, в 1-й мотострелковой роте полка.

Наутро мы вдвоем предстали перед ясными очами кадровиков дивизии, а перед этим нас «отловил» начальник разведки соединения, чтобы предложить служить в разведывательном батальоне дивизии. Мне в тот момент совершенно не улыбалась перспектива прыгать с парашютом в разведывательно-десантной роте этой части, тем более что капитан Урбан был довольно убедительным, отговаривая нас от службы в разведке. Поэтому мы оба отказались, нас распределили именно в 239-й гв. мсп, и вскоре мы уже служили в 1-й, «образцово-показательной» мотострелковой роте на БМП-2 под командой нашего визави — в роте его за глаза называли «Папа Римский».

Сначала мы ознакомились с местным, типичным для Германии городком. Десять тысяч населения, средневековая постройка, статуя рыцаря Роланда на центральной рыночной площади (Marktplatz) с характерным среди русских военных названием — «му...к», из развлечений в городе имелись лишь многочисленные «гаштеты», да небольшой городской зоопарк. Наиболее яркое впечатление в тот день на меня произвела немецкая девушка, к которой я обратился с каким-то вопросом на немецком языке — она резко ускорила шаг, и чуть ли не бегом скрылась за углом. Впоследствии я заметил, что аналогично ведут себя по отношению к советским военнослужащим почти все местные молодухи. Это разительно отличалось от юга Германии, где я прожил почти пять лет с родителями, Берлина, да и восточной части ГДР, включая Франкфурт и Нойштрелиц. Хотя все остальные — пожилые и средних лет женщины и мужчины были довольно вежливы, и подробно рассказывали о местных памятниках и достопримечательностях. Вежливость вообще очень характерна для немецкого народа, и часто добропорядочный бюргер не только объяснит дорогу, но даже бросит все свои дела и проводит вас, чтобы показать, куда необходимо идти. Улыбка у них при этом все время находится на положенном ей месте, и в детстве на меня произвело большое впечатление самообладание одной пожилой немки, отвечавшей на вопрос о местонахождении одного неизвестного в нашей стране концлагеря. Улыбаясь, она сообщила: «Я ничего не знаю!», хотя ее испуганные глаза выдавали, что женщина лжет. Все жители

этой и соседних деревень прекрасно все знали — женский концлагерь находился посреди Клаусдорфа, по дороге в деревню Рехаген, был обнесен высоким кирпичным забором, утыканным бутылочными стеклами! И, несмотря на это, то же самое говорило БОЛЬШИНСТВО коренных местных жителей!

Но вернемся в Перлеберг. Тем временем, после сборов молодых командиров мотострелковых взводов на Редлинском учебном центре у нас со Стояном начались повседневные будни — стрельбы, вождения боевых машин, занятия с личным составом принятых нами взводов. Постепенно полк продолжал доукомплектовываться молодыми лейтенантами, и вскоре этот процесс был завершен. В нашей «показательной» роте шел грандиозный ремонт. Однажды меня вызвал командир батальона и сообщил, что в мое подчинение назначаются два солдата, им выдается латекс и порошковая охра, а я при этом «назначаюсь «старшим по добавлению охры в латекс». При этом им было добавлено с угрозой: «...если солдаты добавят слишком много охры и цвет краски на стенах получится слишком насыщенным, то следующую партию латекса для перекраски стен Вы будете покупать за свой счет». Для меня порядки, процветающие в ГСВГ, были в тот момент непонятны, и я не знал, что стены казармы уже перекрашиваются в 5-й или 6-й раз за последний месяц, причем каждый раз солдаты не «попадали» в угодный полковому начальству цвет. Поэтому в довольно невежливой форме сообщил майору, что был бы чрезвычайно ему признателен, если бы он освободил меня от той сомнительной чести, которая была им оказана. Короче, ввиду моей неопытности в вопросах колеровки мы сошлись на том, что вместе с солдатами сделаем образец и предъявим ему для утверждения оттенка, а потом уже в нужном соотношении смешаем всю водоэмульсионную краску. Но, видимо, наличие непокладистого характера ему запомнилось, и когда возникла необходимость в направлении одного молодого лейтенанта в 5-ю роту полка, он утвердил мою кандидатуру, а на образовавшуюся вакантную должность в 1-ю роты через некоторое время был назначен другой офицер.

Опечаленный произведенным перемещением, я прибыл во второй батальон и представился своему новому командиру — капитану Рысгалиеву, выпускнику Ташкентского ВОКУ, кажется 1977 года. Он был старым, «матерым» офицером и, выслушав мой доклад, протянул руку, сказав: «Капитан Рысгалиев, во внеслужебной обстановке — Сагидулла, без отчества». Вскоре он представил меня своим

подчиненным из 3-го взвода 5-й роты. На этой должности я поменял старшего лейтенанта Владимира Мороза, назначенного командиром 4-й мотострелковой роты. До Володи «четверкой» командовал офицер Виктор Палей, выпускник Московского ВОКУ 1981 года — по воспоминаниям Константина Тер-Казаряна его папа был генерал. Впрочем, так же, как и у Мороза. Еще в ней служили: командиром 1-го мсв Александр Сергунев (ОрджВОКУ-1980), который в 1985 заменился в Новосибирскую дшбр, а до него — Игорь Волобуев, выпускник МосВОКУ 1985 (в 1987 он уехал в ОКСВА), КВ-2 — Женя Разин, выпускник Алма-Атинского ВОКУ-1983 (до 1987), а КВ-3 — Герман Михайлов, выпускник Лен ВОКУ-1985. Кроме вышеперечисленных офицеров сослуживцы вспомнили, что «...гранатометным взводом командовал Мамашев, и при нем сгорела одна БМП...».

Моим новым заместителем командира взвода — командиром 1-го отделения был старший сержант Данилюк из Душанбе, командиром 2-го отделения — сержант Шведов, а вскоре из учебного подразделения прибыл младший сержант Мысяк, которого назначили командиром 3-го отделения. По рядовому личному составу, после первой роты я уже не удивлялся, увидев около восьмидесяти процентов личного состава — представителей республик Средней Азии и Кавказа, зачастую вообще не говорящих по-русски. Бегло изъясняться на официальном языке государства они обычно начинали лишь к концу первого года службы. Славянам, прибалтам и близким к ним национальностям можно было очутиться в мотострелковой роте только в двух случаях — если они были выпускниками учебного подразделения — командирами отделений, наводчиками — операторами или механиками — водителями БМП, либо не приглянулись никому в том густом сите отбора толковых солдат до этапа их назначения в мотострелковые подразделения. Лучше всего про эту систему рассказал В.Суворов в своей книге «Освободители», и с его оценкой системы комплектования советских Вооруженных сил я в целом согласен, так как сталкивался с подобным отбором как в военкоматах при получении личного состава, так и при распределении солдат по частям Группы советских войск в Германии.

Вкратце в книге сообщается следующее — еще во время отбора призывников в военкоматах существуют воинские части, соединения и целые рода войск, в которые направляются лучшие из лучших, как по деловым, моральным, политическим, социальным, так и по физическим данным призывники. Это в первую очередь так называ-

емый «Кремлевский полк» и другие части Комитета государственной безопасности, включая Пограничные войска и Войска правительственной связи. Чуть ниже по приоритету стояли элитные части Внутренних Войск — дивизия имени Дзержинского и подобные ей соединения. Затем шел отбор, в основном по здоровью, в Воздушно-десантные войска, Военно-морской флот, особенно атомный. Военнослужащих, не имевших приводов в милицию, и судимых родственников после этого отбирали внутренние войска и конвойные части. В Ракетные войска стратегического назначения особого отбора, описываемого в названной книге, я лично не заметил, во всяком случае, в начале 90-х годов XX века, а вот в части ПВО и авиацию отбирали солдат, хотя бы владеющих русским языком. Дальше слово предоставляется автору:

«...Остальные попадают в сухопутные войска. Самых лучших, кто попал сюда, направляют, конечно, за рубеж. Пусть освобожденные народы любят на своих освободителей!!! Тут нужны самые наилучшие, чтоб лицом в грязь перед Европой не ударить. Это понятно. А много ли туда нужно — в эту самую освобожденную Европу? Ой много! Возьмем, к примеру, ФРГ, реваншистское государство, и ее свирепую армию — бундесвер, которым ежедневно пугают у нас в Союзе всех, от пионеров до пенсионеров. Так вот, этот самый реваншистский бундесвер имеет 12 дивизий. Всего. Всяких. Танковых, мотопехотных, егерских, горно-пехотных и воздушно-десантных. А всего их всех 12. Все эти 12 дивизий сведены в три корпуса, армий у них нет. Так вот, против этих 12 дивизий мы только в ГДР держим 5 (ПЯТЬ!!!) армий сухопутных войск и одну воздушную армию ВВС. Все эти Шесть армий именуется ГСВГ — Группа советских войск в Германии. А кроме ГСВГ есть еще Северная группа войск, это советские войска в Польше. Центральная группа — это в Чехословакии и Южная — в Венгрии. И все эти четыре группы войск нужно укомплектовать самыми лучшими-из наилучших. Те молодые солдаты, что по каким-то причинам не попали в число сотен тысяч лучших из лучших, которые служат в освобожденной Европе, попадают в сухопутные войска, но уже на территории Советского Союза. Прямо скажем, что после многочисленных отборов миллионов самых наилучших тут остаются солдаты отличные; но не столь отличные, как, к примеру, в ГБ, в ПВ КГБ, в ВВ МВД, в ВДВ, РВСН, ПВО страны, ВВС, ВМФ, ГСВГ, ЦГВ, СГВ и ЮГВ. Солдаты, которые, остались, конечно, отличные, первоклассные... но немного уже не то. Так вот, сухопутные войска на территории Советского Союза объе-

динены в 16 округов, для ясности 16 групп армий!!! И все эти армии и группы армий надо укомплектовать, но на этот раз не самыми наилучшими, а теми, что остались. Сухопутные войска Советской Армии — организм гигантский. И смело скажем, что ни китайцы, ни американцы, никто иной и ни все вместе взятые такого гигантского и мощного организма не имеют.

Но как теперь армию укомплектовать? Самую большую армию в мире? Если у нас на полях урожаи некому убирать. Все, что перечислено выше, конечно, комплектуется в первую очередь и лучшими. А вот теперь про остальных...

Сухопутные войска имеют свои ВДВ, которые носят... такую же форму, но подчинены командующим округами, можно сказать, не ВДВ вообще, а ВДВ сухопутных войск. Их официальное название — войска специального назначения, а короче — СПЕЦНАЗ.

Имеют сухопутные войска и свою авиацию, это бригады противотанковых вертолетов. Имеются также ракетные войска сухопутных войск, ПВО сухопутных войск и многое-многое другое. И при отборе сюда существуют такие же жесткие стандарты, как и при отборе в ВДВ, в ПВО страны, в ВВС, в РВСН. И вот только после этого то, что осталось, поступает на комплектование мотострелковых и танковых дивизий.

Итак, эшелон новобранцев привезли в дивизию. Лучших сразу забирают в отдельный ракетный дивизион дивизии. Это главная ударная сила дивизии. Шесть пусковых установок, каждая из которых может сделать по три Хиросимы. После этого лучших забирают в отдельный реактивный дивизион. После отбор лучших ведет отдельный разведывательный батальон. Это и понятно — лучших в разведку. Уж после этого лучших выбирают отдельный противотанковый дивизион и отдельный батальон связи, Все это входит в состав каждой дивизии. Без всех этих элементов дивизия жить и воевать не сможет. После всех отдельных батальонов и дивизионов наступает очередь зенитно-ракетного полка дивизии, такой полк в каждой дивизии есть, и без него в бою жить нельзя, а поэтому лучших туда.

А уж после этого полка идет очередь артиллерийского полка, и такой полк в каждой дивизии есть... Так вот, когда всех умных заберут в артиллерию, всех остальных и отправляют в мотострелковые и танковые полки. Беда только в том, что и в каждом полку есть своя разведывательная рота, своя зенитно-ракетная батарея, своя артиллерийская батарея, а сейчас даже дивизион, своя реактивная батарея, рота связи и пр. и пр. Туда, конечно, лучших отбирают...

Глянул я на свою гвардейскую роту, закусил губу и ничего не сказал. Не вызывал я офицеров для беседы, не разговаривал с сержантами. И к соседним командирам рот не пошел знакомиться. Посмотрел я на роту, и все... После знакомства с личным составом положено принимать боевую технику и вооружение роты, а после — имущество роты и боеприпасы. Но не пошел я в парк боевых машин. Нет...

Пошел я прямо в офицерский кабак с лирическим названием «Звездочка», то ли небесная, то ли очередная на погон, то ли Красная на грудь. Каждый может трактовать название в зависимости от своих потребностей. Сисястой буфетчице сунул я лишний рваный рубль, чтоб, значит, пузырек поднесла, не положено потому как офицеру официально выпить. Поставил я тот пузырек под стол, да так, потихоньку подливая в стакашку вместо лимонада, к вечеру я этот пузырек и засосал в гордом одиночестве. Но не развеселился я, нет. Только тоски прибавилось. На хрена ж, думаю, такую систему придумали. Кто придумал? Как ни крутись, а воевать на поле боя танкистам да пехоте, не ракетчикам же и не кагэбистам!»

Со времени написания автором книги произошли события, повлиявшие на комплектование ГСВГ. Дело в том, что после 1968 года, когда после известных волнений в Чехословакии в советских войсках, участвовавших в подавлении «Пражской весны» и вводившихся на территорию союзного государства из ГДР произошло так называемое «разложение войск». Оно было связано с тем, что у советских военнослужащих — тогда еще в массе славян, возникли сомнения в правильности действий Советского Союза в отношении населения ЧССР, ввиду чего их потом всех скопом отправили служить на китайскую границу. А с этого времени для службы в ГДР стали набирать в основном новобранцев из республик Средней Азии. Приоритет отдавался тем, за кем не водилось антисоветских настроений, и было не заметно намерения покинуть нашу страну.

Поэтому, за исключением отдельных замечаний к автору книги, ситуация с личным составом в подразделениях 239-го полка была аналогична описанной им — наши мотострелковые роты комплектовались по «остаточному» принципу. Хуже нас приходилось только батальонной минометной батарее — они отбирали «не специалистов» на общих основаниях с мотострелковыми ротами, а часто даже после них. Посмотрев на стоящий в строю моего взвода личный состав, а особенно познакомившись с ним поближе в процессе службы, я выявил интересную закономерность — сержанты и

другие специалисты в основном были нормальными людьми во всех отношениях, а вот с «пехтурой» ситуация была очень и очень печальной. Мало того, что она в массе своей первые месяцы службы не говорила по-русски, но среди нее был очень велик процент страдающих олигофренией — в роте было от 5 до 10 человек самых натуральных дебилов. Основную проблему в обучении солдат из Средней Азии и Кавказа составляло то, что кроме изучения языка своих командиров, их приходилось не просто учить тем многочисленным правилам, статьям и положениям, обязательным для каждого военнослужащего, а заставлять попросту их зазубривать, причем зачастую солдаты не понимали смысла того, что рассказывали проверяющему. Среди тех, кто был русскоговорящим — русских, украинцев, белорусов, прибалтов, татар, башкир и т.д. процент олигофренов был еще выше, чем в массе солдат, не владеющих русским языком. С такими «солдатами» возникали дополнительные, и очень серьезные проблемы.

Чтобы не быть голословным, расскажу историю нашей ротной «легенды» — рядового П. Он, кажется, прибыл откуда-то с Украины и как только пришел в роту с карантина, то командир 2-го взвода — старший лейтенант Герасименко назначил его наводчиком пулемета ПК. Подобное назначение было на первый взгляд оправданным — внешне боец выглядел довольно внушительно и был весьма рослым парнем. Но вскоре начались проблемы — П. все время чего-то терял, на марше падал, увлекая за собой, как правило, сразу нескольких своих товарищей и вообще оказался на поверку очень хилым и неприспособленным к службе человеком. Время от времени он объедался зубной пастой, гуталином или обнюхивался клеем, ссылаясь на то, что не может существовать без токсических веществ. Как он однажды простодушно сказал офицерам роты: «Я привык на гражданке пить водку, а теперь приходится нюхать клей!». Но самое страшное, что это был не просто дурак, но «дурак с инициативой». Он под конец своей службы в роте по чьему-то наущению (не удивлюсь, если кого-то из командиров — примечание автора) стал мочиться по ночам, и мы стали его готовить к «списанию» по этому обстоятельству в запас. Но начальство, как всегда, распорядилось иначе, и вскоре свершилось великое и радостное для всей нашей роты событие — П. перевели во взвод химической защиты полка. Приотивший его новый взводный обозвал нас всех дураками и сказал, что твердо уверен в том, что сделает из вновь прибывшего настоящего человека и солдата. Мы только молча посмеивались над его оптимизмом,

а вся рота с нетерпением ждала очередного «шоу». И вскоре этот знаменательный день наступил!

Это был какой-то строевой смотр, проводившийся инспекцией из Группы. При проверке взвода химзащиты личному составу была подана команда: «Плащ в рукава, чулки, перчатки одеть, ГАЗЫ!» Подразделение быстро выполнило команду, все солдаты при этом уложились в установленный норматив. Все... кроме рядового П.! У него общевойсковой защитный плащ ОП-1 оказался коротким, причем сразу на три размера, в нем не было ни кнопок, ни зажимов и, кроме того, он был грязный и дырявый. Следующий этап, который мы наблюдали, было «воспитание» целым сонмом проверяющих на плацу несчастного «химика». Когда он получил весь набор «благодарностей» от командования полка и начальника химической службы дивизии, офицер начал свое внутреннее расследование. Ведь как обычно, он вместе с сержантами готовил свой взвод к смотру до 4–5 часов утра, проверив все предметы снаряжения и экипировки у каждого солдата. У П. на тот момент был нормальный плащ четвертого размера со всеми «шпеньками» и «крокодильчиками».

На вопрос, как оказался у него плащ первого размера, боец в свойственной ему замедленной манере сообщил, что после того, как закончил подготовку к смотру, он лег спать. «...Но после отбоя мне что-то не спалось. Лежу я, и думаю: зачем мне новый плащ? Я и со старым похожу! Встал я, и заменил ОЗК на тот, что у меня был до подготовки к строевому смотру!» Командир химического взвода в тот момент в полной мере прочувствовал те глубокие и незабываемые ощущения, которые каждодневно испытывали командиры мотострелковых подразделений. Это была какая-то фантастическая смесь жалости, ненависти и безысходности, и в такие моменты каждый из нас проклинал тот день и час, когда такой солдат появился на свет, и роковое свое решение связать свою жизнь с Армией. Единственное, что было для нас искренне непонятным — почему подобного недоумка взяли в наши славные Вооруженные силы и почему никто не хочет уволить его в запас в связи с полной неспособностью к службе. Неудивительно, что глубокой и тайно лелеемой мечтой каждого офицера Группы советских войск в Германии было получить такую должность, где солдат было бы поменьше, а лучше всего — чтобы их не было совсем!

Как метко выразил эту мечту командир одного «кадрированного» (в Советской армии их называли «кастрированными» — примечание автора) батальона: «Я вечером закрыл пятьсот тридцать папок с

делами подчиненных в сейф, и пошел домой, уверенный в том, что ни одна из папок не напьется, не уйдет в самоволку и не сломает другой папке челюсть!» Ведь наличие или отсутствие в подчинении личного состава, как правило, нисколько не влияло на денежное довольствие командиров и начальников, напротив, имеющие под своим началом личный состав офицеры и прапорщики постоянно ходили под домокловым мечом возможных удержаний из денежного довольствия за имущество, утерянное или похищенное их подчиненными. Ведь вышестоящие боссы, зная морально-деловые качества срочнотружеников и размер их почти нищенского денежного содержания, всячески тормозили удержание с них денег за утерянное или проданное войсковое имущество, а вот на их командирах «отрывались» по полной программе.

Но и здесь существовали исключения! Как говорится — «перед законом все равны...». Вскоре выпускник Московского ВОКУ 1985 года старший лейтенант Г. получил повышение — был назначен командиром разведывательной роты в другой армии. При сдаче дел и должности выяснилось, что в его мотострелковом взводе отсутствует большая часть приборов ночного видения для вождения БМП. С «обыкновенного» взводного просто удержали бы стоимость этих двух ТНВЕ-1ПА, но по данному офицеру из Группы пришел особый приказ, в котором начальнику бронетанковой службы полка предписывалось выдать в роту со склада два прибора...

Впрочем, как оказалось, это были давние и вошедшие в плоть и кровь нашей армии, всего общества традиции. Как обстояли дела с законностью в годы Советской власти, читатель знает довольно хорошо — об этом написаны целые ворохи литературы. А каким было отношение к Закону в Российской империи до революции 1917 года? Ведь в тех же самых изданиях оно описывается в виде чуть ли не идиллии «с молочными реками и кисельными берегами». Бывший белоэмигрант И.М. Калинин, в прошлом — помощник в военном суде и товарищ (заместитель) полевого военного прокурора Кавказского фронта в своих сочинениях повествует об этом: «...Вспомнились слова... прокурора Кавказского военно-окружного суда, внедрившего в меня семена истинной законности, когда я рассердил высшее начальство, указав ему по неопытности на необходимость соблюдать закон:

— Закон, конечно, дело хорошее и исполнения его надо требовать, но только не от тех, кто выше закона... Разве вы можете заставить поступать по закону нашего августейшего главнокомандующе-

го? (Речь в данном случае идет о Великом Князе Николае Николаевиче, командовавшем Кавказским фронтом с осени 1915 — примечание автора). Да он вас одним взмахом в порошок сотрет... Мокренького места от вас не останется. Знаете, по закону сами прокуроры следствий не производят, но прикажи он мне, так я сейчас же, хоть в одной рубахе, полечу на следствие...». Так что традиция «стояния НАД законом» отдельных военнослужащих возникла задолго до революции, и лишь плавно перекечевала в среду новой, пришедшей к руководству страной силы — большевиков. И хотя этих самых большевиков в 80-е годы уже не наблюдалось нигде на горизонте — вокруг были одни только «Члены Коммунистической партии», зато «Великих Князей» было буквально засилье!

Что же касается П.? Он, однако, был все же исключением, хотя и очень характерным в плане «дурака с инициативой», а в-общем то офицеры линейных рот выработали достаточно эффективный метод работы с подобным контингентом — тупое натаскивание, с воспитанием индивидуумов через коллектив и отработкой необходимых каждому солдату приемов до автоматизма. Нюх на правильное выполнение приемов у них вырабатывался, как у подопытных собак — на уровне условных рефлексов. Если это была стрельба, то солдат был «плотно задействован» до четкого выполнения всех нормативов и, как венец всего — получения отличной или хорошей оценки за стрельбу, причем старался так, что было даже удивительно, чего он так «напрягается»? Боялся же он только одного — в случае получения им двойки «виновный» в этом взвод будет бежать в полк всю дорогу от войскового стрельбища. Если он будет плохо выполнять нормативы — то товарищам предстоит до дрожи в руках и ногах выполнять приемы или передвигаться по тактическому полю по-пластунски или бегом, пока, наконец-то, несчастный взвод или отделение не уложится во время. Ведь основной метод воспитания в нашей армии всегда был: «Не доходит через голову — дойдет через руки и ноги». Командирам никто не делал поблажек на имеющийся в ротах контингент, спрашивали за все и по полной программе! Свое первое взыскание от замполита полка я получил через месяц службы за то, что написал конспект по политической подготовке в 12-ти листовой тетради, а не в 96-листовой, как им предписывалось. Причем новый Заместитель командира полка по политчасти совершенно не вникал в смысл написанного и качество проведения занятия, а просто порвал конспект на глазах моих подчиненных и пообещал, что при подобном повтор-

ном нарушении я «положу на стол партбилет». Почему-то, при этом никто не вспоминал о существовании приказа о запрете объявления взысканий молодым командирам в течение первого полугодия службы и недопустимости подобных отвратительных сцен в присутствии подчиненных.

Посему излишне говорить, что солдаты, не говорящие по-русски, а по своим умственным способностям не бывшие в состоянии запомнить даже одной страницы машинописного текста, после подобных «нахлобучек» рассказывали проверяющим целые разделы Устава Гарнизонной и Караульной службы и хоть что-то лепетали на итоговых занятиях по политической подготовке. Мы с офицерами роты однажды долго хохотали над объяснительной одного нашего бойца, состоящей процентов на пятьдесят из нецензурных слов, так как солдат освоил русский язык только в армии, и был уверен, что все, что он говорит и пишет — абсолютно нормально с точки зрения русской литературы.

Весьма характерный случай произошел с сослуживцем моего отца — капитаном Ахмадуллиным еще в 1980 году, и тоже в ГСВГ, в полку Правительственной связи. Военнослужащий срочной службы, получивший краткосрочный отпуск с выездом на Родину, повздорил дома со своим отцом. Между ними, находящимися в нетрезвом состоянии, произошла драка, и отец нанес сыну ранение ножом. Когда о чрезвычайном происшествии стало известно начальству, капитану Ахмадуллину было объявлено неполное служебное соответствие. Вскоре в его служебной карточке появилось взыскание: «...за самоустранение от обучения и воспитания личного состава».

Мы, конечно, не напивались с горя, как автор процитированных выше строк — не тому нас учили в училище и, в-общем то, мы были морально готовы к подобному развитию событий. Поэтому вместе с другими вновь назначенными взводными — лейтенантами Владиславом Ковалем, выпускником Омского ВОКУ 1986 года, и Еремком Укибаевым — Алма-Атинское ВОКУ-1986, причем последний был назначен на место лейтенанта Герасименко, а также замполитом — лейтенантом Василием Захаровым приступили к обучению и воспитанию подчиненного личного состава.

На непрерывных строевых смотрах полк, состоящий процентов на шестьдесят-семьдесят из солдат, слабо знающих русский язык, бодро пел дивизионную строевую песню, в которой были такие слова, рассказывающие об истории и боевом пути нашего прославленного соединения:

В марте месяце сорок второго,
В дни суровой и грозной войны.
Волей партии, волей народа,
Были наши полки созданы.

В огне, боях рожденная,
Идет Краснознаменная.
Родная, «Таганрогская»,
Дивизия идет.

Дальше следовали слова, вроде тех, что наша дивизия с боями ворвалась «...в Кюстрин и... отстояла в боях Таганрог...», из чего я еще в 1986 году сделал вывод, что она под командованием Жукова принимала участие в штурме знаменитых Зееловских высот. Про те страшные бои я в период службы моего отца в ГСВГ слышал от непосредственных участников атак, что на Зееловские высоты наши войска наступали по трупам своих и немецких солдат, уничтожив в ходе сражения множество вражеских дивизий. И даже однажды побывал в местах боев! То есть и полк, и дивизия были весьма заслуженными, даже знаменитыми в годы войны. Поэтому для меня по сей день остается неясным, почему в наших Вооруженных силах, за исключением ознакомительных занятий, практически никто не занимался и не занимается изучением реальной истории частей и соединений, тем более что Кюстрин и Зееловские высоты тогда были практически под боком у людей, которых надо было воспитывать. Но в местах сражений дивизии ни мне за период службы в полку, ни моим солдатам побывать не пришлось ни разу!..

«Вкалывать» же пришлось, как проклятым, рабочий день у офицеров рот продолжался по 18-20 часов в сутки в течение всего первого года. Выходных не было — свой первый отгул я получил примерно через десять месяцев службы. Капитан Рысгалиев тогда объявил всем офицерам, что в воскресенье мы можем быть свободны. В тот день впервые удалось съездить к своему однокашнику Володе Зайцу в город Шверин. По прибытии из соседнего города выяснил, что нас вызывал комбат — майор Г., а наутро мы с Укибаевым и Ковалем получили от него свои порции самых площадных оскорблений, а заодно — дисциплинарные взыскания. Доходило до того, что я даже стал приучать себя спать по четыре часа в сутки, то есть, если приходил в общежитие раньше, чем в 23 часа, то до часу ночи не спал, а ложился только в установленное самому себе время. Но по-

добные эксперименты над своим организмом вскоре пришлось прекратить потому, что однажды посыльный просто не смог меня разбудить на подъем, то есть в пять утра — на утренней физической зарядке присутствие всех взводных было обязательным.

5 рота, Редлинский ДУЦ, весна 1987 г.

Постановка задачи на РТУ с боевой стрельбой.

На переднем плане — капитан Рысгалиев; в строю: 1-й — лейтенант Коваль, 6-й — лейтенант Захаров, 11-й — лейтенант Магерамов, 12-й — ефрейтор Шлепчан

Отдушины у офицеров были только тогда, когда командиров взводов отправляли на какие-нибудь конференции в штаб дивизии и армии, да еще охотников полка частенько освобождали от исполнения служебных обязанностей и отправляли стрелять в местных лесах коз и кабанов. Такие мероприятия под руководством начальника артиллерии полка — заядлого охотника, происходили довольно часто, так как тыловики проворовывались с завидной регулярностью, и мы поставляли, таким образом, мясо на солдатский стол. А на конференциях молодые лейтенанты даже надевали брюки навыпуск (на армейском жаргоне — параллельные брюки — примечание автора) и офицерские пальто, причем такая форма одежды для расположения полка была «диким» криминалом, офицеру — прапорщику по незнанию было достаточно лишь один раз появиться на службе в таком «непристойном» виде, и взыскание ему было обеспечено.

К следующему лету, благодаря стараниям всех офицеров и прапорщиков роты и, прежде всего, грамотному руководству со стороны капитана Рысгалиева, у нас была не рота, а конфетка! При этом мы никого из подразделений не убрали, кроме вышеупомянутого рядового П., да и невозможно это в пехоте. Хотя из химического взвода этого солдата вскоре тоже «списали», ведь у спецподразделений есть

хотя бы несколько «заступников» из соответствующих полковых и дивизионных служб.

А в нашей роты к тому времени рядовые к сержантам подходили строевым шагом, прикладывая руку к головному убору со словами: «Товарищ сержант, разрешите обратиться?», все ефрейторы с удовольствием носили положенные им лычки, молодые сержанты выводили из строя старослужащих и объявляли им дисциплинарные взыскания, причем все это было повседневной практикой, независимой от наличия или отсутствия в подразделении офицеров. Конечно, сильно нам помогло то, что с осенним пополнением в роту пришли два солдата — Медешев и Коркин, оба — земляки ротного из Чимкента, которые почти сразу были назначены командирами отделений, а через полгода стали исполнять обязанности заместителей командиров взводов. Они не боялись никого и ничего, твердо и уверенно подчиняя себе личный состав.

Принятие присяги в 239 мсп, весна 1987 г.

Полковой плац, на заднем плане — казармы 2-го и 3-го батальонов

Перед Новым годом в полку разразилась эпидемия дизентерии, поэтому часть вскоре вывели на войсковое стрельбище, и до мая месяца мы пункта постоянной дислокации больше не видели. Пребывание на стрельбище плавно перешло в передислокацию на Редлинский ДУЦ, затем в череду учений на Виттштокском учебном центре, а потом, после небольшого перерыва для подготовки, мы участвовали в учениях ГСВГ с участием иностранных военных наблюдателей. Вождения, стрельбы и тактические занятия продолжались все это время практически непрерывно — днем и ночью, в любую погоду наши роты выходили на занятия. Было ощущение, что

мы готовимся наступать, так как все это чередовалось с выездами на границу с ФРГ, где у каждого взвода был свой участок, на котором мы проводили рекогносцировку с оформлением карт и схем местности. Офицеры, переодетые в солдатскую форму на своих животах облазили все окрестности, изучая леса, роши, овраги и другие складки местности, наводя при этом панику как на местное население, так на «гэдээровских» и «бундесовских» пограничников.

А потом начались грандиозные дивизионные учения, когда рота прошла на своих БМП около тысячи километров, разбивая в бесчисленных лесах и рощах районы ночного отдыха, участвуя в бесконечных атаках, поисках, преследованиях противника, лишь изредка занимая глухую оборону. Дивизионные учения плавно переросли в полковые, перешедшие в свою очередь в батальонные тактические учения с боевой стрельбой. Тогда наш 2-й батальон вслед за танками двигался ночью свыше десяти километров по Виттштокскому учебному центру с накрытой мишенной обстановкой, обнаруживая и уничтожая цели, получил за это хорошую оценку и благодарность командования. Здесь мы и столкнулись впервые с мотострелковой ротой Национальной народной армии ГДР.

Основное отличие двух подобных подразделений, кроме численности, заключалось в том, что немцы выезжали на учения в сопровождении десятка «Уралов», которые везли палатки, деревянные настилы для них, столы, стулья, кровати, тумбочки, несколько видов обмундирования, включая парадно-выходное, шкафы для его хранения и все остальное ротное имущество. Солдаты прямо во время учений ходили на выходные и праздники в увольнение, вели в лагере весьма комфортный образ жизни. Носили они полевое обмундирование серого цвета в коричневую крапинку с сапогами, но без портянок, каски фашистских времен образца 1945 года, и советское, «гэдээровское» или чехословацкое вооружение. Питались они примерно так, как кормили в советских ресторанах. Кроме того, командир роты имел в своем распоряжении легковой двухцилиндровый «Трабант» с брезентовым верхом, а комбат — «Вартбург». Все их машины, включая грузовые, были снабжены знаком Национальной народной армии ГДР (NVA DDR), и имели особый, отличный от нашей армии защитный цвет.

Вскоре немецкие офицеры ознакомились, как наши механики из двух топливных бочек при помощи двух проводов внешнего запуска и самой БМП варят печки-буржуйки, устанавливаемые затем в землянках, покрытых четырьмя танковыми брезентами, после чего

бойцы оборудуют из лапника настил для отдыха личного состава. А увидев, как кормят наших солдат в полевых условиях — ведь только в самые «счастливые» для нас дни питание бойцов осуществлялось с выдачей на руки сухих пайков, пораженный до глубины души немецкий капитан смог вымолвить только: «Теперь я понимаю, почему вы выиграли у нас войну!» Никогда не забуду, какой экземпляр лошадиной туши однажды выдали батальону на Редлинском учебном центре — все было в точности, как в книге о бравом солдате Швейке — для приведения этой престарелой особи, несомненно, умершей из-за возраста, в съедобное состояние повару батальона пришлось непрерывно варить и тушить клячу на протяжении нескольких суток. И, несмотря на столь долгую кулинарную обработку, все равно она своей твердостью весьма и весьма напоминала резину! Поэтому зачастую нашим военнослужащим приходилось пользоваться подножным кормом — «дикие» куры, «дикие» утки, «дикие» овцы и такие же свинки обычно в окрестных лесах и деревнях водились в изобилии. Поэтому нашей роте, в отличие от немецкой, было достаточно после остановки техники провести несколько часов в лесу, и уже был готов не только ночлег и укрытия для личного состава и техники, но также питание и даже походная оружейная комната, сделанная из подручных материалов. Кстати, подобный способ хранения оружия — очередной маразм нашего командования — с какой целью оно требовало на учениях сосредотачивать все стволы в одном месте? А так наши солдаты, несмотря на все их недостатки в комплектовании, после примерно года службы ВСЕГДА становились лучшими в мире бойцами, и им были уже не нужны тыловые подразделения — они все всегда могли сделать и «добыть» сами! И я уверен — срочные служивые были бы вообще недостижимы по мастерству для любого противника, если бы начальство нам хотя бы не мешало при их обучении и воспитании. Давно и не нами было подмечено, что ничто так не разлагает личный состав, как хозяйственные работы и ничто так не сплачивает, как боевая подготовка! Но об этом ниже.

Никогда не забуду, как наш ротный техник по кличке Басос — бывший механик-водитель роты, помогал устранять немецким мотострелкам неисправность их боевой машины пехоты. Когда он установил, что чехословацкая машина не заводится из-за засорившегося бензинового центробежного насоса — наследия вертолетного предка БМП, он приказал старшему механику-водителю роты принести из машины обычный автомобильный насос. Надо было видеть, какими глазами смотрели немцы на идущего с данным агрега-

том солдата. Стереотипы мышления у них были очень сильны, и в их головах просто не укладывалась мысль о том, что при помощи находящегося прямо перед ними приспособления можно не только накачивать автомобильные шины, которые совершенно отсутствуют в гусеничной бронетехнике, но и прочищать засорившиеся детали. Когда машина завелась, они все дружно побежали брать у Басоса автографы, а потом долго и восхищенно трясли ему руку, благодаря за помощь.

5 рота 3 взвод, Виттшток, июль 1987 г.

Стоят: ряд. Лукьяненко, Радченко, Гулый, с-т Мысяк, ряд. Ибрагимов, ?, Дуланов, мл. с-т Григорьев, л-т Магерамов, ряд. ?, ?, Нуруллаев, ?, ?, Мамбетов, ?, Халиков, Приходько. Сидят: ефр. Шлепчан, Шевченко, Дякнис, ряд. Роцин, ефр. Халилов, ряд. Дугаев, ? (фото В. Захарова)

Летом была еще одна грандиозная подготовка — на этот раз к учениям с участием иностранных военных наблюдателей. Тогда весь наш батальон был полностью укомплектован практически совершенно новым имуществом и ручным стрелковым оружием. Из второй категории у личного состава остались только несколько плащ-палаток, некоторые автоматы и сапоги. Строевой смотр проводил сам Командующий ГСВГ, генерал армии Снетков(?), лично проверявший батальон. Подготовка БМП проводилась невиданным у нас методом — ремонтная рота пригнала к боксам батальона все свои «летучки» и они днями и ночами устраняли неисправности техники вместе с экипажами ремонтируемых машин. Вся техника была даже заново окрашена — снаружи, как обычно, в защитный, а изнутри — в белый цвет. Наш опытный ротный тогда сказал свою очередную бессмертную фразу: «Только дураки боятся таких грандиозных

мероприятий! Толковый командир в подобные моменты исправит все недостатки в своем подразделении, причем за счет вышестоящих начальников. Надо просто РАБОТАТЬ!»

Учения проводились в лучших традициях советской «показухи». Подразделения были доукомплектованы до полного штата за счет 3-го мсб — ко мне во взвод из него прислали двух или трех человек. Так как мы действовали «за супостата», на всех солдат одели «нулёвые» пятнистые маскировочные халаты, наши стальные шлемы, выкрашенные в серый цвет, имели опознавательный знак условного противника — белый квадрат. В каждую роту выдали восьмиместные палатки в количестве — по одной на каждое отделение, плюс по одной на управление роты, офицеров роты, походную баню, ленинскую и бытовую комнату, ротную кладовую и еще куда-то, всего их было получено около пятнадцать штук. Для перевозки вновь выданного имущества выделили дополнительный автомобиль «Урал».

Поскольку мы должны были действовать в обороне, окопы для нас рыла целая инженерно-саперная бригада армии по всем правилам фортификационного искусства. Хотя даже она не успела сделать из дерева одежды крутостей во всех взводных опорных пунктах батальона. Я так подробно все это описываю потому, что внимательный читатель может заметить, как даже усилиями всей нашей 2-й танковой армии удалось создать более или менее «уставные» условия только для одного нашего мотострелкового батальона, и лишь в связи с тем, что на него должны были посмотреть вблизи иностранцы. А так, в повседневной жизни и службе, все это волшебство должны были создавать и претворять в жизнь мы сами, ротные офицеры и их подчиненные, ведь от командиров всех степеней всегда требовали, чтобы организация лагерей и быта войск на учениях соответствовала Общевоинским Уставам и многочисленным приказам вышестоящих начальников. Что было невозможно сделать практически, ввиду отсутствия на складах большей части необходимого для этого имущества, а также достаточного количества подразделений обеспечения и обслуживания. Все, кто служил в Советской армии, знают, что даже полковые роты — материального обеспечения, ремонтные, автомобильные, саперные и т.д. из-за недостаточной укомплектованности обычно не успевают обслуживать себя самих и вышестоящее командование. Что тут говорить про все остальные подразделения полка! А практически полное отсутствие в боевых подразделениях легковой автомобильной техники приводило и приводит всегда к тому, что не только какой-нибудь смехотворный по весу

груз, но даже купленную по случаю праздника или юбилея бутылку водки обычно доставляют в подразделение на грузовике, БМП-БТР или танке.

Однажды наши особо дотошные офицеры просто подняли все положения Законодательства, приказов МО СССР, Главкома Сухопутными войсками и командующего ГСВГ. А также должностные инструкции и распоряжения командующего армией, дивизией и полком для командиров взводов, и выяснили, что для того, чтобы последние могли качественно выполнять свои служебные обязанности, в сутках должно быть 27 часов. Ротным было еще хуже нас, я не помню ни одного выходного дня у капитана Рысгалиева, объявленного ему официально.

1984 год, учения. Стоят: ?, ?, Полей, Тер-Казарян, Рандин и КВ 6-й мср. Крайний справа, в офицерском бушлате — ЗКПЧ 2 мсб майор Кулик

Зато казарменное положение офицерам объявлялось с пугающей регулярностью, а ведь наш командир, как и большая часть офицеров батальона, были людьми женатыми. Ладно, мы, лейтенанты — холостяки! Когда нашему капитану все надоедало, он, да и остальные командиры подразделений просто устраивали себе выходной, за что получали потом взыскания от командира батальона. Отношения офицеров внутри рот, да и всего батальона были самыми теплыми и дружескими, ведь нам всем вместе приходилось противостоять могущественной системе выжимания пота из нас и подчиненного личного состава. Все мы очень сдружились в ходе бесчисленных учений и полевых выходов, ведь за полтора года моей службы в ГДР, согласно несложного подсчета, я провел на полигонах, а также немецких лесах и рошицах один год и два месяца, один месяц был в отпуске и три

провел в полку и командировках. И после всего этого нас еще пытались пугать! Самой ходовой фразой вышестоящего начальства было: «Да я вас, товарищ капитан, в двадцать четыре часа в Союз СОШ-ЛЮ!!!» На что ротные, находящиеся обычно в полу — невменяемом из-за постоянного недосыпа состоянии отвечали: «А что это вы меня, товарищ полковник (генерал, подполковник, майор), Родиной пугаете?!»

Очередные учения. Слева направо: ? - ПНШ 2 мсб, Кулик, ?, Тер-Казарян, Мозжилов, Мороз

Замечательные отношения в батальоне сложились у командиров с замполитами рот и ЗКПЧ батальона — капитаном Кулик. Мы всегда, как говорится, «дули в одну дудку» и подменяли с замполитами друг друга во всем. Вася Захаров, выпускник СВВПТАУ 1985 года был одним из самых грамотных офицеров за все время моей службы, и, кроме того, очень выдержанным, воспитанным и спокойным человеком. Да и его предшественник — Андрей Мозжилов по воспоминаниям бывшего командира 1-го взвода старшего лейтенанта Константина Тер — Казаряна, был такой же — так же, как и замполит 6-й роты Пленкин и 4-й — Николай Рандин. Воистину, они были не только начальниками, но надежными друзьями и хорошими товарищами! Я после ГСВГ еще некоторое время пребывал в счастливом неведении в отношении основной массы этой категории офицеров, которым, по словам, сказанным в приватной беседе другим моим другом — выпускником Новосибирского ВВПОУ 1987 года Олегом Ковтуновым, еще с училищных времен прививали ненависть к командному составу. Все замполиты 2-го батальона 239-го полка были Людьями с Большой Буквы, в отличие от нового ЗКПЧ части, которого не устраивали сложившиеся у нас в подразделениях взаимоот-

ношения. Ему было жизненно необходимо, чтобы политработники с командирами жили как пауки в банке, хотелось действовать по принципу «разделяй и властвуй», поэтому майор каждодневно «гноил» Кулика, пытаясь снять его с должности и убрать из батальона. И, в конце концов, добился своего! Кроме комбата, неприязнь у всех вызывал начальник штаба 2-го мсб — капитан Г., очень высокомерный и влюбленный в себя человек. Наконец его, как единственного в полку неженатого начальника штаба батальона отправили «за речку». Позже, уже после Афганистана я очень удивился, узнав, что до места назначения он так и не доехал, осев в отбросе (отдельном батальоне резерва офицерского состава Туркестанского Военного округа), где еще долго «учил» жизни и премудростям военной службы лейтенантов, попавших впоследствии в 56-ю одшбр.

Под общежитие для офицеров был отведен один подъезд обыкновенной немецкой постройки 80-х годов «четырёхэтажки». В трехкомнатной квартире нас жило шестеро — офицеров, прапорщиков и «сверчков», как мы называли сверхрочнослужащих сержантов и старшин. Я жил в самой большой в квартире комнате вместе со стоматологом полка — лейтенантом Андреем Андреевичем Андреевым и «сверчком» из артдивизиона — усатым старшиной по имени Николай. Остальные холостяки жили по 1-2-3 человека в других комнатах и квартирах общежития. Впрочем, жили — для взводных слишком громко сказано, просто в комнатах хранились их вещи. Особенностью нашего досуга в «общаге» было то, что когда командиры взводов приходили к 23-00 из роты, то обнаруживали очередное празднество, которое устраивали соседи по комнате. Ведь у них из-за отсутствия личного состава свободного времени было не в пример больше, чем у нас! Кроме того, у стоматолога были свои счета с армией.

Дело в том, что Андрюху призвали в наши славные Вооруженные силы с «гражданки» почти в 27-летнем возрасте — после окончания Ставропольского медицинского института он успел несколько лет поработать врачом в стоматологической клинике. Приехав на два года в наш полк, он попал в Перлеберг в самый разгар эпидемии дизентерии. В это время вся медицинская служба полка «ходила на ухах» каждый день, получая от вышестоящего начальства «оплеухи с зуботычинами» и дисциплинарные взыскания. Под «раздачу» случайно попал и Андрей... Он был не приучен к такому отношению к своей персоне и как человек, имеющий чувство собственного достоинства, причем совершенно не ощутивший своей вины за эпиде-

мию в полку, практически сразу «ушел в отказ», то есть перестал ходить на службу, лечить больных, а на начальство перестал обращать какое-либо внимание. Характерным примером был случай, когда он проследовал между командиром полка и строем стоящих на разводе офицеров в расстегнутой шинели, сдвинутой на затылок фуражке и параллельных брюках. На пожелание начальника штаба, что, дескать, не мешало бы ему отдать честь командиру полка, Андрюха, внимательно посмотрев на последнего, с вызовом заявил, что «...не может отдать ему свою честь, так как лично с ним не знаком». И пошел своей дорогой, надеясь, что теперь-то его точно уволят!

Но не тут-то было, и вскоре в строевой части полка — а там служил мой друг из Караганды, старший сержант св. сл. Валерий Цариков, мне на глаза случайно попался рапорт начальника медицинской службы со следующей формулировкой: «...за самоустранение от исполнения служебных обязанностей, систематические невыходы на службу... перевести лейтенанта медицинской службы Андреева на должность КОМАНДИРА МОТОСТРЕЛКОВОГО ВЗВОДА».

Когда я увидел этот рапорт, у меня потемнело в глазах! Я шел в общежитие, а сделанное открытие не давало покоя, и меня переполняло чувство ненависти к созданной кем-то СИСТЕМЕ. Я понял, что все мы — командиры разведывательных, танковых, артиллерийских, а особенно мотострелковых подразделений рассматриваемся всеми остальными службами как некий добровольно нами избранный пожизненный дисциплинарный батальон, «черную кость» нашей армии. Где любой «двухгодичник» — медик или выпускник политехнического института, неспособный к исполнению служебных обязанностей в соответствующей его образованию службе будет неизбежно «сослан во взводные». Еще в военном училище у нас, курсантов, вызывали гомерический хохот команды, подаваемые командирами взводов батальона обеспечения учебного процесса, лейтенантами — «двухгодичниками». На них мы в то время смотрели, как на несколько дефективных личностей, лишь по иронии судьбы надевших офицерские погоны. Ведь они не могли ни правильно подать команды своим подчиненным, были не способны организовать элементарного взаимодействия на учениях из-за незнания военного дела, не умели даже правильно разместить офицерские звездочки на своих погонах. За исключением отдельных самородков, быстро адаптировавшихся к условиям службы, остальные не желали также ничему учиться, мечтая лишь о скорейшем увольнении в запас. А попутно они получали взыскания и подвергались насмешкам сослу-

живцев и подчиненных из-за незнания элементарных вещей. И тут — ТАКОЕ! Для меня, правда, так и осталось непостижимым, зачем мы выдерживали конкурс по семь-десять человек на место при поступлении в командные и инженерные военные училища? Ведь в том же политехе конкурс был два — три человека на место, и потому государству незачем было тратить на нас огромные деньги при обучении, раз конечным итогом было такое отношение к нам, кадровым командирам подразделений.

Ведь когда я еще учился в Омском ВОКУ, у нас на кафедре эксплуатации боевых машин был очень грамотный преподаватель — полковник — инженер В. И. Цвейлих, умница и эрудит, который любил доводить до курсантов разные интересные сведения. Не знаю, где он их «выкапывал», но однажды он сообщил аудитории, что обучение одного выпускника летного военного училища обходится государству в один миллион рублей, на нас — выпускников ВОКУ оно тратит 50 тысяч, а на обучение в: мединституте — 10, политехе — 5, пединституте — 2. И — все?! Ну, так набрали бы из «политеха» десять «двухгодичников» вместо меня одного, и назначили их командирами мотострелковых взводов — так, как назначили в 239-м командирами танковых! Государству хоть была бы экономия!..

С этого момента я твердо решил, что больше не желаю служить в прославленном 239-м гвардейском полку и ГСВГ в целом, и вообще с этого мгновения приложу максимум усилий, чтобы никогда не попасть служить в пехоту. Из Германии, как из обычного дисбата, офицерам-командирам было трудно вырваться, при мне двоих сослуживцев уволили «за дискредитацию воинского звания офицер», так как они, желая любым путем покинуть ряды родной армии, что только не творили, но в конечном итоге добились своего. Тем не менее, через восемь месяцев я все же уехал для продолжения дальнейшей службы в Республику Афганистан. И не было ни единого дня в жизни, когда бы я пожалел о принятом мною тогда решении!

...В сентябре 1987 нас — группу офицеров дивизии направили в город Новомосковск Днепропетровской области за молодым пополнением. Вначале мы разъехались по домам, а ближе к назначенному сроку отправились к месту назначения. По дороге я впервые в жизни побывал в Киеве, где, естественно, сразу пошел на Крещатик, а уже потом отправился в Днепропетровск. Получив в учебной мотострелковой дивизии сто восемьдесят новобранцев, вылетел с ними на Ту-154 в ГДР из Кривого Рога и вскоре, сдав личный состав на пересыльном пункте где-то на юге Германии, оказался в своем полку.

В нем, как обычно летом, в полный рост шел ремонт казарм. Зимой, после эпидемии дизентерии роте удалось «на-халяву», то есть за счет средств государства сделать капитальный ремонт туалетов в казарме, но теперь эпидемия закончилась, и все вновь стало по-старому. Ведь с командиров подразделений никто не снимал ответственности за проведение косметического ремонта своих казарм! Естественно, деньги на него по 9-й статье почти никогда не выделялись, командиры рот все должны были делать за свой счет, в армии это называется «хозспособом»

Поэтому командиры, зная, что в конечном итоге спрос будет с них, изворачивались, как могли. Солдаты к концу лета обычно массово трудились на немецких предприятиях, зарабатывая краску и ламинированную ДСП, гвозди и доски — я в это время несколько раз водил солдат в немецкий кооператив, то бишь колхоз — на сбор яблок и клубники. Каков был порядок расчетов с полком — можно лишь догадываться, но платили немцы за работу исправно, да и солдат они во время работы неплохо кормили и выдавали им сигареты в обмен на жетоны, с помощью которых велся учет собранной продукции. Порядок был таков — один голубой диск немцы выдавали работнику взамен одного собранного ведра, а серый — за десять голубых. Жетоны можно было немедленно обменять в кассе на деньги — серый за десять марок, голубой — за одну. Старший на работах, конечно, денег никогда не получал, а сдавал жетоны своему начальнику, правда, я неоднократно обменивал часть их на блоки с сигаретами для бойцов, которые немцы привозили прямо на поле.

Материалы для ремонта своих казарм ротные командиры должны были добывать самостоятельно, практически тайком от полкового начальства, но в то же время они всегда должны были быть готовыми по первому приказу руководства начать очередной ремонт. Средства на него при мне полк не выделял ни разу, за исключением ремонта канализации в период эпидемии. За лето в нашей роте его успели сделать раза четыре. Виноваты в этом обычно были «барские» замашки многочисленных проверяющих.

Больше всего нас еще в начале лета подвел очередной штабной клерк в генеральских погонах. Во время инспекции, недовольный оттенком свежескрашенными стенами в нашей казарме, он спросил командира полка: «Вы что, не в состоянии НОРМАЛЬНЫЕ обои на стены приклеить?!» Командир полка тут же распорядился немедленно начать выполнение поставленной генералом задачи, и вскоре рота ушла в очередное «рабство»... Когда приказ был выполнен и все

полковое начальство осталось довольно ремонтом, появились дивизионные тыловики, и заявили что, приклеив обои, мы нарушили какой-то там приказ

Министра Обороны СССР, и если ротный не хочет попасть под «раздачу» комдива, он должен срочно все переделать, но уже без «ДУРАЦКИХ» обоев. И рота ушла во внеочередное «рабство»... При этом, конечно, подготовку к учениям для нас никто не отменял! Но летом в полку все же было несравнимо легче, чем обычно, так как вся штабная сволочь, как правило, в это время «парилась» на Родине. Лето ведь, как-никак, это вам не подразделения, где «...наступил январь холодный — в отпуск едет Ванька — взводный!»! Поэтому, в связи с летним периодом отпусков на короткий период у взводных и ротных наконец-то появлялось свободное время, и в связи с этим выходить в город мы стали чаще. Наконец-то с друзьями сходили отдохнуть на весь день в местный зоопарк.

**К. Тер-Казарян ведет технику 5-й мср на погрузку.
Перлеберг, район железнодорожного вокзала**

Перлебергский зоопарк был на удивление богат фауной. Животных в нем хватало, а главной достопримечательностью для наших военнослужащих был осел, ненавидевший лютой ненавистью всех, одетых в советскую военную форму. Когда мы впервые в него забрели в первых числах сентября 1986 года, то были поражены тем, что, завидев цвет хаки, он тут же стал орать, как сирена воздушной тревоги, и оглашал окрестности своими воплями до тех пор, пока мы не покинули заведение. К концу первого года службы в полку мы уже были опытными, поэтому в парк старались ходить в гражданке, чтобы вблизи посмотреть на очередное шоу — самоокапывание осла, пребывающего в ужасе от очередной встречи с советскими защитниками Родины. Удивляло еще то, что нигде в зоопарке не было видно

персонала — даже на входе нужно было просто бросить в коробку монету — 10 пфеннингов, а зритель появлялся лишь дважды в день — на открытие и на закрытие «лавочки».

Впоследствии нам рассказали причины нелюбви осла к нашему брату — два советских прапорщика поспорили, вырубит ли один из них двумя ударами бедное животное. После очередной выпитой бутылки один из «знаменосцев» залез в вольер, подошел к ничего не подозревавшему ослу и нанес ему ногой удар в промежность. После второго удара в лоб этот представитель семейства лошадиных упал на бок без сознания и с тех пор прибытие в зоопарк лиц в советской военной форме начал сопровождать дикими воплями, повергавшими в ступор ничего не понимавших местных старушек. При этом он хорошо отличал униформу немецких полицейских и военнослужащих пограничных войск, унтер — офицерская школа которых располагалась в нашем городе.

Еще двумя достопримечательностями этого заведения был бурый медведь, прикормленный солдатскими «термоядерными» сигаретами и два волка — алкоголика, ставших таковыми «трусами» посетителей зоопарка. К стыду, мы тоже приложили к этому руку. Однажды группа моих друзей пила в зоопарке какой-то ликер недалеко от клетки с этими животными, истребленными на территории Германии, насколько помнится, в 1936 году. Бутылка шла по кругу, и тут я случайно посмотрел в глаза остановившихся в клетке волков. Они стояли у решетки и буквально человеческими взглядами смотрели на того, у кого в руках находилась бутылка. Ликер стал в горле комом, и я опустил бутылку. Волки, как замороженные, опустили взгляды, продолжая смотреть на нее своими голубыми глазами, в которых была мольба о помощи, и поэтому я решительно поднес бутылку к решетке вольера... Более крупный самец мертвой хваткой вцепился в горлышко бутылки. Подняв свою морду, он преодолел сопротивление руки и заставил содержимое бутылки вылиться в пасть. Удовлетворенный полученной дозой, он сразу же потерял к нам интерес, отпустил горлышко и продолжил пробежку по вольеру. За все время «кормления» я сосуда из рук не выпускал и, заглянув в бутылку, обнаружил, что она была совершенно пуста. И недоуменно посмотрел вдогонку этому удивительному клыкастому пьянице — к тому времени его движения стали менее четкими и на поворотах заднюю часть серого начало заносить... Волчица чуть задержалась у решетки, надеясь, что ей тоже перепадет доза спиртного но, убедив-

шись в обратном, с укором во взгляде из-за плеча присоединилась к своему господину.

Медведь обожал глотать «Гуцульские», «Шахтерские» и «Охотничьи», на которые посетители обычно переходили после того, как у них заканчивались конфеты для прикорма и фантики от них. Смакуя полученное угощение в виде «термоядерных» сигарет, он лишь блаженно закрывал глаза...

**Дочь Кости на прогулке в Перлебергском зоопарке.
«Тот самый» любитель «Гуцульских»...**

С немецкой унтер — офицерской школой погранвойск ГДР тоже было связано немало забавных случаев, так как она располагалась прямо за забором полка, и поэтому мы иногда участвовали с ними в различных мероприятиях — типа совместных спортивных праздников. На одном из них наша рота победила будущих унтеров в перетягивании каната. Когда здоровенные будущие защитники рубежей выходили на это состязание, они довольно презрительно смотрели на наших мелких и тщедушных азиатов. Когда они проиграли, то через некоторое время попросили матча-реванша! Через неделю против наших узбеков вышли самые мощные бугаи унтер — школы с уже намечавшимися пивными брюшками, которые бешено вращали глазами, и всем своим видом словно говорили нашим солдатам: «Ну, теперь-то вам конец!» И, тем не менее, они вновь потерпели позорное поражение! Лишь в волейбол будущие унтер-офицеры у нас иногда выигрывали.

А к тому времени в полк подросло очередное «радостное» событие — командующим Группой был издан приказ о том, что в ротах все офицеры должны были быть разных годов выпуска, и командирам предписывалось перетасовать подразделения, как колоды карт.

Идиотизм подобного нововведения нам был очевиден, но что мы могли поделать?.. Все взводные в нашей роте были одного, 1986 года выпуска. Тяжело вздохнув, капитан Рысгалиев сообщил офицерам, что я направляюсь для прохождения дальнейшей службы в 3-ю роту уже знакомого мне 1-го батальона, а Владислав Коваль — в 3-й батальон. Меня перевели, кроме того, из-за наличия в нашей роте четырех членов партии (т.е. ротный, замполит, техник роты и я) и одновременного отсутствия трех человек — столько требовалось для создания партийной «первички», в 3-й роте. Именно поэтому выбор при переводе в 1-й батальон вновь пал на меня с формулировкой — «для усиления партийной организации». Остальные взводные в нашей 5-й мср были комсомольцами и, уходя из подразделения, я проклинал тот день и час, когда вступил в партию.

Третья рота — это была наша бывшая 6-я под командованием капитана Седова, старого, заслуженного пехотного офицера, очень грамотного и добросовестного служаки. Ее буквально за два-три месяца до этого ввели в состав 1-го мсб, выполняя очередной приказ об объединении всех рот на БМП-2 в один батальон. Самая главная проблема произошедшей рокировки заключалась в том, что на момент отправки 6-й роты в состав 1-го мсб наш комбат приложил максимум усилий для того, чтобы «сплавить» вместе с этим подразделением всех разгильдяев и нарушителей, какие были в батальоне. И весьма преуспел в этом, ведь сложившаяся ситуация была его шансом избавиться от так называемых «мужчин» и прочих «отказников» — в тех условиях подобную возможность не упустил бы ни один комбат! Правда, бывшая третья рота, ставшая теперь 6-й, прибыла в состав 2-го батальона с аналогичным набором не совсем, мягко говоря, добросовестных солдат, проходивших до этого службу в различных подразделениях 1-го батальона... На ситуации с «мужчинами» считаю необходимым остановиться подробнее.

После того, как в наших Вооруженных силах была побеждена так называемая «дедовщина», в подразделениях и частях ГСВГ махровым цветом расцвело «землячество», и вторая напасть была почище первой! Дело в том, что с тех пор перестали иметь значение сроки службы, опыт военнослужащих, а на передний план выступало лишь место рождения или жительства солдат и сержантов. Стали создаваться неформальные объединения «земляков», в основном по национальному признаку, и они с момента образования начинали жестко поддерживать входящих в него сослуживцев, невзирая на то,

правы они были или нет в различных часто возникающих конфликтных ситуациях. Битвы между «Средней Азией» и «Кавказом», причем с использованием арматуры, цепей и пряжек солдатских ремней происходили во многих полках Группы с пугающей регулярностью. До нас доходили слухи, что в некоторых частях офицеры и прапорщики по вечерам боялись заходить на территории своих частей, чтобы не быть избитыми бандами хулиганствующих военнослужащих срочной службы.

Вскоре в подразделениях быстро завелись так называемые «мужчины». Конечно, это были не просто представители сильного пола, смысл в это определение вкладывался совсем другой, отличный оттого, что понимает под этим названием основная масса населения. К данной категории относились те солдаты, которые отказывались выполнять так называемую «женскую работу», то есть: мытьё полов и посуды, уборку со столов, вынос мусора и т.д. На предложение сделать что-либо из перечисленного, они гордо заявляли, что не будут выполнять подобных приказов, так как они — мужчины, и им не пристало «женской» работой унижать свое «мужское достоинство». Подобных экземпляров можно было повергнуть буквально в мистический ужас одним только видом половой щетки, ведра или обыкновенной тряпки с перспективой, что предмет сейчас окажется в их руках. Впоследствии я понял, ЧТО происходило в наших Вооруженных силах, но в момент начала службы я наблюдал лишь невиданные мною ранее картины вроде опускания солдата со связанными руками вниз головой в канализацию. Тот боец долго пускал пузыри в зловонной жиже, а еще частенько приходилось видеть избиения до потери сознания с периодическим приведением в чувство для того, чтобы задать солдату единственный вопрос: «Будешь работать?» И после получения отрицательного ответа увидеть продолжение экзекуции.

Ломка так называемых «мужчин» была необходима, потому что она подрывала единоначалие в Советской Армии и создавала прецедент, когда группы военнослужащих из национальных меньшинств, получив те права, которых она добивались, немедленно начинали претендовать на еще более широкую «автономию» и особое, привилегированное положение в коллективах. Остальные военнослужащие — представители Средней Азии, да и славяне сразу же начинали заявлять, что они тоже не намерены выполнять «женскую работу», в результате чего в подразделении начинались кровавые стычки за то, кто будет выполнять те или иные обязанности.

Позиция командования, от командира батальона и выше, в подобных конфликтах была одна — «...выкручивайтесь, как хотите, но в подразделении должна быть железная дисциплина». При этом в руках руководства появлялся весомый козырь, с помощью которого ему можно было воздействовать практически на любого командира подразделения — угрозы привлечения к партийной, дисциплинарной или уголовной ответственности за рукоприкладство. Для этого было достаточно вызвать того же «мужчину» к замполиту или следователю, и получить у него показания на командира, естественно, забывая при этом привлечь солдата к уголовной ответственности за невыполнение приказов. Старый замполит полка хотя бы сквозь пальцы смотрел на практику «искоренения мужчин» в подразделениях, но новый с присущей политработникам ненавистью к командному составу бросился уничтожать всю эту командирскую «заразу», то бишь «неуставные взаимоотношения», и с приходом в полк нас, молодых лейтенантов, истязания «мужчин» карались со всей строгостью советских законов. На вопрос, что делать в ротах с подобными экземплярами, замполит, как попугай твердил: «Беседуйте, воспитывайте!» То есть — «...ленинским словом, личным примером...» надо было заставить солдатика устыдиться своим позорным поведением и заставить его радостно хватать тряпку... При этом никто из нас ни разу не видел, чтобы таким образом новый ЗКПЧ лично перевоспитал хотя бы одного бойца. Хотя по рассказам очевидцев он уже не раз брал в руки тряпку и показывал очередному «мужчине», как мыть полы...

А в один день, вошедший в анналы истории полка, он добрых два часа беседовал с очередным воином, убеждал его в необходимости выполнения порученной работы, на личном примере показывал, что в ней нет ничего зазорного... Военнослужащий с ним соглашался, тупо кивал головой, а потом наотрез отказывался мыть полы! Плюнув в сердцах и уже уходя, замполит бросил командирам роты и взводов историческую фразу: «Е...сь, как хотите!» и больше подобных попыток личного перевоспитания «мужчин» не проводил. С тех пор он лишь орал на командиров подразделений, да учил, как работать с подобным контингентом нас — молодых офицеров. Мы его внимательно слушали лишь до того момента, пока старые местные «волки» не рассказали про замполитово фиаско. Некоторые бывшие командиры подразделений, назначенные начальниками штабов батальонов и выше, если и не помогали, то хотя бы не мешали своим подчиненным офицерам и прапорщикам, но многие горе-руководи-

тели, используя практику определения «мужчин» на склады и в различные тыловые подразделения, а также на другие «хлебные» должности, только усугубляли ситуацию.

Наше подразделение чаша сия миновала еще в самом начале, когда все офицеры решительно и жестко пресекли зачатки подобных бунтов в 5-й роте, и в последующем о подобных инцидентах мы слышали лишь от командиров других подразделений полка. Дело в том, что непостижимым для нас образом все «мужчины» моментально перекочевывали из подразделений, где были требовательные командиры туда, где творились «разброд и шатания». Ведь привлечь за подобное к уголовной ответственности военнослужащего срочной службы в ГСВГ было практически невозможно, не припоминается ни одного примера. «Сажали» и направляли в дисциплинарный батальон только за дезертирство или в случаях гибели, а также получении увечий людьми. Хулиганам же все всегда сходило с рук, а на требования командиров рот если не привлечь негодяев к уголовной ответственности, то хотя бы посадить на гауптвахту, они получали от начальства очередные «накачки». А еще дисциплинарные взыскания с формулировками: «...за низкую требовательность к подчиненным», «...самоустранение от воспитательной работы в подразделении» и т.д. и т.п.

Ведь преступления подобными лицами совершались с завидной регулярностью, то есть практически ежедневно — это и прямые отказы выполнять приказы начальников, избияния сослуживцев, в том числе своих собственных командиров — ротных сержантов. Все это у нас почему-то называли «неуставными взаимоотношениями» — очень обтекаемым и закамуфлированным выражением, командирам же всегда казалось, что для подобных явлений самым правильным было старое определение — «казарменное хулиганство». Впоследствии я понял, что все, происходящее в ГДР, соответствующим образом управлялось с территории СССР, и недаром потом именно с одной из республик, представители которой доставляли нам больше всего хлопот, начался в 1990 году развал всей страны! Вкратце всю эту систему можно было обрисовать следующим образом.

Застрельщиками и непосредственными руководителями криминальных сообществ на местах были прапорщики, находящиеся на тыловых должностях. Они создавали подпольные группы из солдат срочной службы с четко выраженной конспиративной направленностью. Взаимоотношения внутри этих групп строились на основе полного игнорирования сотрудничества с представителями власти в

лице командиров любого ранга. Все это было полным аналогом так называемого «отрицалова» в местах лишения свободы, и переключало в наши Вооруженные силы, видимо, как раз оттуда. Тайным, но среди своей группы «земляков» хоть избираемым руководителем⁷⁸, мог стать лишь человек, никогда не сотрудничавший с «администрацией», находившийся в полном «отрицалове» к нему и никогда не выполнявший «женской» работы. В случае если солдат в результате воздействия командиров или сослуживцев ломался, брал в руки тряпку, он исключался из списка кандидатов в ротные, батальонные и т.д. муллы, поэтому часто можно было видеть выражение ужаса в глазах молодого бойца, которому предлагали для уборки этот предмет. В полку был свой мулла, в дивизии свой, а самое интересное — до нас доходила информация, что существовал главный мулла в каждой армии и даже в Группе, и они неоднократно собирались на свои «конференции» для выработки единой системы эффективного противодействия командованию всех степеней. Все вместе они составляли некий «мозговой центр» в своем соединении, части или подразделении, имели «общак» и средства, выделяемые им в виде «траншей» для взяток представителям администрации, на текущие расходы и проведение единой и скоординированной в масштабах чуть ли не всех Вооруженных сил политики. Попутно они вымогали деньги с сослуживцев и торговали войсковым имуществом. Ведь они даже направляли необходимых людей (тоже, как правило «мужчин», находящихся в «отрицалове» — примечание автора), причем чаще всего за взятки в школы прапорщиков, выпускники которых занимали затем ключевые места на складах, строевых, штабных и других тыловых должностях. Неудивительно, что с рычагами воздействия на нужных людей, материальными средствами и необходимыми оформленными по всем правилам документами проблем у них впоследствии не возникало! Мы даже видели, что подобные экземпляры ездили в отпуск на Родину, что было большой редкостью для солдат в ГСВГ, на что наши нормальные бойцы резонно вопрошали: «Почему этот УРОД едет в отпуск, а всем остальным в батальоне их «зарубили?»».

Организация взаимодействия и связь между преступными группами была очень четкой. Через несколько лет один офицер, служивший на Дальнем Востоке, недалеко от Чукотки рассказывал, что накануне развала СССР, уже после трагических событий 1988–1990 годов, когда в полный рост шла гражданская война, военнослужащим определенной национальности по их каналам словно пришла

⁷⁸ В батальонах его называли — «батальонный мулла», в полках — «полковой...», и т.д.

какая-то «директива». И то упорство, с которым они до этого скрывались на складах и хлебобрезках, резко сменилось на огромную и неистребимую «любовь» к учениям, стрельбам и вождениям боевых машин.

Дурной пример был заразителен, а выгоды от криминальной деятельности — налицо, причем уголовная ответственность за нее практически никому не грозила, поэтому остальные диаспоры стали быстро создавать свои национальные сообщества в войсках Группы. Столкновения интересов при этом были неизбежны, поэтому драки и даже целые «сражения» по национальному признаку происходили достаточно регулярно, об этом нам неоднократно доводили приказы Командующего ГСВГ. Да и нам, вновь прибывшим, офицеры рассказывали, что еще до нашего прибытия в часть подобная «битва» однажды произошла на нашем полковом плацу. При этом командование всех степеней всячески скрывало подобную полуподпольную деятельность, ведь фактически это было заговором с целью подрыва существовавшего в стране строя, при этом ни один начальник не хотел брать на себя ответственность за вскрытие в его части-соединении-объединении подобной конспиративной сети. Но нельзя также исключать, что они имели за это конкретные материальные стимулы! Ведь то, что казалось нам немыслимым в 1986–1988 годах, превратилось в явь в 1991, и та легкость, с которой развалился СССР, наводит на мысль, что все это давно и скрупулезно подготавливалось. В том числе в ГСВГ!

Деятельность по разложению нашего общества и граждан в стране шла полным ходом, мы все в Группе видели ее результаты. Практически каждый месяц мой нештатный разведывательный взвод выезжал на границу, чтобы не допустить перехода очередным дезертиром границы ФРГ. Там же, возле «железной стены» произошла однажды очень интересная встреча... Мы стояли возле небольшой немецкой деревни, когда к нам подъехал на велосипеде пожилой немец и странно, по-русски, и без акцента сказал: «Здравствуйте, ребята!» Когда мы выполнили поставленную задачу и уже ждали машину, которая должна была увезти нас в полк, он вновь подъехал, пригласил нас к себе домой на чай. Там рассказал, что родился в «...городе Романешт, в Бессарабии, после прихода советских войск город стал называться Романовкой, ...уже в Молдавии...»⁷⁹. Когда пришла

⁷⁹ Долгие годы не удавалось найти на территории Молдавской ССР города или села с таким названием. Наконец, удалось установить, что колония немецких поселенцев «Романешт» (или Романовка), вместе с железнодорожной станцией Лейпшиг в 1957 году стал районом города и станции Бессараба, в Молдове этот населенный пункт с 1991 года стал носить название Басарабьяска.

Красная армия, ему было семнадцать лет и по договоренности Советского правительства с Гитлером они, как фольксдойче, подлежали вывозу в Германию... Он не хотел ехать на историческую родину, у него в Романеште была невеста — русская девушка. Но их всех заставили покинуть свои дома!.. С началом войны его призвали в немецкую армию, и он три года воевал на Западном фронте. Тогда же, в отпуске странный немец женился на своей нынешней супруге. Во Франции попал в плен к американцам, некоторое время сидел в лагере для военнопленных. После окончания войны он несколько раз пытался вернуться на Родину, уже в СССР, но ему отказали. И тут немец неожиданно заплакал... Мы все при этом даже растерялись! Потом он показывал нам свое свадебное фото в немецкой военной форме со свастиками на орлах. Я смотрел на этого несчастного пожилого человека, и не знал, что и думать. Кто он — русский или немец, а может быть — молдаванин, а самое главное — наш враг или друг? И как провести грань, разводящую людей по разные стороны баррикад? Вопросы, вопросы! И никто не знает на них ответа!

Кстати, те самые прапорщики, которые руководили деятельность мулл, в повседневной жизни были милейшими людьми, многих из них я знал лично. Но деятельность свою они вели неуклонно и жестко и по сути своей это были враги нашей страны. Мы этого тогда еще не понимали, так как еще не владели ВСЕЙ информацией, но это было именно так! Враги. Скрытые и маскирующиеся — а ведь последняя фраза приснопамятными тридцатыми отдает. А самое главное — они не боялись ничего — ни командования, ни Особых отделов — об этом они в открытую говорили. Но ТОГДА они хотя бы маскировались!

Явного врага я встретил чуть позже, в Ташкенте, и он даже не скрывал своих политических взглядов. Он подвозил меня на своей машине в район Чиланзара и, узнав, что я только что прибыл из Афганистана, спросил: «Ну что, прос..ли ВЫ эту войну?» Он говорил еще что-то оскорбительное, не отождествляя себя с народами СССР, не рассуждая, что мы — солдаты, выполняющие приказы и ушли из-за речки не по своей воле и не из-за противодействия врага. Нет, он однозначно был на стороне «духов», сражавшихся, в том числе с его одноплеменниками и даже, возможно, братьями из состава 40-й армии. Ведь подавляющее число узбеков, таджиков, киргизов, казахов и воинов других национальностей из Средней Азии, с которыми я вместе служил, честно исполнили свой воинский долг в Афганистане! Он сидел и ждал, когда я отдам заработанный им мятый рубль,

насмешливо глядя на меня, а я смотрел ему в глаза и думал о том, что видимо, что-то было НЕ ТАК у нас в стране, раз в ней вырос ТАКОЙ экземпляр. Ведь он был, пожалуй, постарше меня, и в тот момент я понял, что передо мною, на территории нашей Родины сидит враг, матерый, лютый, не знающий пощады и ждущий своего часа. Я вышел из машины, сожалея, что не встретился с ним на поле боя, где он однозначно сражался бы против «шурави», а я бы тогда с большим удовольствием «посмотрел» на него сквозь прорезь своего АКСа.

Еще один подобный вопрос, на который не было тогда ответа, попался мне в своем, 239-м полку. В караулах на гауптвахте мне довелось много ночей беседовать с обыкновенным советским дезертиром. Солдат нашей дивизии покинул свою часть и много месяцев скрывался в восточном Берлине, готовясь перейти границу ФРГ. Его аргументы были стандартными по нынешним временам — «...в СССР нет свободы слова и самовыражения» — правда, у него все облекалось в примитив — «...нет свободы для прослушивания рок-музыки, а милиция не позволяет подпрыгивать во время концертов популярных артистов и махать в такт музыки руками» ... Интересно, что бы он сказал сейчас — «намахался» он конечностями за 90-е годы? И это ли было главным в его жизни? Не знаю, осудили бойца или нет, мне так и не довелось узнать, сколько лет получил данный военнослужащий за дезертирство, и получил ли он срок вообще? Нисколько не удивлюсь, если солдата тогда просто «списали на дурака» и с почетом отправили домой. Очень может быть, что впоследствии он стал великим «перестройщиком», а сейчас находится во властных структурах, больно уж риторика его была примитивна и схожа с речами всех тех субъектов, что впоследствии разваливал нашу Страну и Армию, издеваясь над людьми, годами и десятилетиями служившими у «черта на куличках». И с теми, кто нами рулил до самых недавних пор! Еще дезертир много говорил о неуставных взаимоотношениях...

Термин «неуставные взаимоотношения», как мне кажется, тоже придумали враги нашего государства для того, чтобы исказить смысл определений нарушений закона, характеризующих как преступников, так и просто непорядочных людей. Чтобы нельзя была назвать своим настоящим именем хама в офицерско — генеральско — маршальском мундире, обругавших последними словами нижестоящих. А заодно и этих их подчиненных, в свою очередь выматеривших стоящих на более низких ступеньках власти. И так далее по це-

почке до командира отделения, уже в свою очередь, не ограничившегося оскорблениями, а избившего своего солдата просто так, из-за испорченного СВЫШЕ настроения — всех их можно обвинять в том, что они занимаются неуставными взаимоотношениями. Но главным «преступником» наверняка окажется человек, находящийся где-то в самом низу!.. Для него даже определение существует — «стрелочник». Этот несчастный человек, находящийся лишь на одну — две ступени выше по должности доведенного до «ручки» непрерывными издевательствами солдата, который, не имея подчиненных, на которых можно было бы безнаказанно сорвать зло, совершает нечто, с чего все потом долго и упорно удивляются! Например, стреляет в обидчика или сбегает, а может — кончает собою. После этого он автоматически становится убийцей, дезертиром или самоубийцей. Слабаком, которому не место в армии. Кто будет в таком случае виноват? В этом не может быть никаких сомнений — конечно же, это будет его непосредственный начальник, ведь вышестоящие руководители в основном работают по «личному» плану и их основная задача — переложить максимум трудов и ответственности на своих подчиненных за все, что только возможно. И никто не задает никаких неудобных вопросов вышестоящим боссам, а в лучшем случае облекается в благообразное — «неуставные взаимоотношения». Не хам, не хулиган, не мошенник, не бюрократ, не взяточник, ни клят-вопреступник — вы почти никогда не увидите таких формулировок по отношению к облеченным высокой властью военным чиновникам, в крайнем случае — «превышение должностных полномочий»... Начальники разных уровней словно соревнуются друг с другом — кто из них более хамовато обращается с подчиненными! А может быть, есть смысл возродить дуэли, чтобы заставить пузатых клерков в погонах заниматься спортом, фехтованием и стрельбой? Ведь испокон веков у профессиональных воинов существовали определенные правила, которым они неукоснительно следовали. Пример — семь рыцарских искусств. Это: верховая езда, плавание, стрельба из лука, игра в шахматы, сложение стихов, соколиная охота, кулачный бой. Часто достаточно посмотреть на лоснящиеся от жира части тела некоторых военных руководителей, и сразу становится понятным, что они собою представляют, как профессионалы, в области подготовки к защите своего Отечества.

Еще поразила однажды ненависть, запечатлившаяся на лице одного солдата в карауле, при его словах: «Ничего, «отскворчу» я свое, но когда придут новые молодые — уж я им покажу!» Он нена-

видел людей еще до того, как с ними познакомился! На мой вопрос: «Ты же их даже не видел, за что ты будешь их «мордовать?»», он глупокомысленно ответил: «Так положено! Что же, мы «летали», а они будут «тащиться?» Не знаю, как у кого, но у меня еще в Союзе сложилось стойкое убеждение, что наша армия смертельно больна, а место подобным субъектам — только в «психушке». Благо, что это был не мой подчиненный, причем, по словам его непосредственного начальника, солдат был одним из лучших бойцов!

Но вернемся в 1987 год. После произведенного по приказам и распоряжениям многих вышестоящих начальников самого натурального разгрома, третья рота на момент моего прибытия в данное подразделение представляла собою весьма печальное зрелище... Капитан Седов давно уже был в отпуске, замполит в госпитале, старшина только что прибыл на вакантную должность из школы прапорщиков и по командам различных штабов практически все время находился на каких-то хозяйственных работах вне подразделения. Единственный наличный командир взвода готовился к увольнению «по-дискредитации», поэтому в подразделении не появлялся, и, думаю, излишне говорить, что он уже давно ничего не делал в роте, поскольку добиться увольнения в запас можно было только путем систематического пьянства и невыходов на службу. Естественно, что в случае, если бы в роте случилось что-либо из ряда вон выходящее, ни один из начальников, уничтоживших плоды многолетних трудов офицеров, сержантов и солдат этой несчастной роты не признал бы своей вины, и всегда смог бы оправдаться за произведенный им разгром. «Крайними» все равно оказались бы непосредственные начальники во главе с капитаном Седовым. При наличии старых, заслуженных «стрелочников», если они были не «с лапою», к молодым лейтенантам вопросов в таких случаях было все-таки гораздо меньше!

А рота на верхнем, третьем этаже казармы в тот момент была, как после бомбежки... Облупленные стены, разломанные тумбочки, оборудование и инвентарь. Везде непролазная грязь, так как за исключением нескольких человек все остальные были уже «мужчинами». Среди личного состава — разброд и шатания. Поскольку в подразделении уже больше месяца не было командира, усилиями вышестоящих начальников в роту плавно перекочевали все лица криминальной направленности 1-го батальона в дополнение отправленным сюда из 2-го... И контингент стал, мягко говоря, очень непрос-тым. Хотя большая часть солдат и сержантов были старым, испытан-

ным коллективом, привнесенные извне криминальные взаимоотношения сделали свое дело... Поскольку в роте возникла целая каста «блатных», то остальные солдаты и сержанты заняли тревожно-выжидательную и не очень лояльную к «властям» позицию. Вкратце про тот первый месяц в 3-й роте можно сказать так — было тяжело, но мы с молодым прапорщиком — старшиной роты справились, и к моменту прибытия из отпуска штатного командира, роту можно было хотя бы построить и отправить на работы или занятия. И на них она занималась выполнением поставленной задачи, а не разбредалась по окрестностям.

Вскоре, чтобы скрыть с начальственных глаз все, что я практически в одиночку творил с ротой для приведения военнослужащих в чувство, ее по многолетней традиции отправили трудиться на войсковое стрельбище. А перед этим один солдат — А., назначенный местным муллой, полдня просидел в засаде с пулеметом, чтобы меня застрелить, но я в тот день по какой-то счастливой случайности не пришел в подразделение. Хотя может быть, каптер Мамедов, рассказавший мне эту историю, и врал! В частности, за тот период случайно сохранилась запись в ежедневнике, что в роте «...у рядовых Раимбекова, Кармырзаева, Турдыева, Валиева, Мацаберидзе, Мамедова и Пашаева — плохой подъем», что свидетельствует о том, что это уже не было массовым и систематическим явлением в казарме.

К неопишуемой моей радости через две недели пребывания роты на полковом стрельбище появился вышедший из отпуска капитан Седов! Ротного солдаты в массе своей очень уважали и, после того, как в подразделении появились старые и вновь назначенные офицеры, прапорщики и возродились уставные требования, ситуация начала выправляться. Из роты, как по мановению волшебной палочки, постепенно испарились «мужчины», последних двоих из их числа — новобранцев(!) весеннего призыва — рядовых А. и К. мы вскоре «добили», хотя рецидивы болезни возникали еще долго, и бороться с ее последствиями было очень тяжело.

Хорошие результаты при воспитании нарушителей воинской дисциплины всегда давала переписка командира с родителями своих подчиненных. Поэтому вскоре после прибытия бойцов в подразделение я немедленно начинал писать всем им письма на Родину, что делал всегда и до, и после 3-й роты. И вскоре начинал получать ответы от их родных! А контакт командира с семьей всегда имеет большое значение в глазах солдата и он тысячу раз подумает — стоит ли нарушать после этого дисциплину во взводе? Завершающим этапом

борьбы с нарушителями стал приезд в полк с концертом узбекского ансамбля «Ялла». Рота пошла на него в полном составе, а злостных нарушителей мы оставили в расположении учить уставы, и надо было видеть лица ничего раньше не боявшихся казарменных хулиганов, рыдающих из-за такого ущемления их прав.

Однажды на плацу я столкнулся, как впоследствии выяснилось — с дивизионным муллой, который прошел мимо, не отдав мне воинской чести — ведь это было «нормой» во всех мотострелковых полках, где мне довелось впоследствии побывать. Лишь недобрый взгляд, направленный офицером, не обещающий встречному солдату ничего «хорошего», да многомесячные тренировки военнослужащих своего полка могли привести к тому, что бойцы решали: «...с этим придурком — лейтенантом лучше не связываться, и отдавать ему при встрече воинскую честь». Но этот, видно, был «сильно борзый», и был со мною не знаком! В тот день все закончилось тем, что я оторвал ему рукав, пытаюсь связать и сдать на гауптвахту, но данный индивидум, вырвавшись и оставив в моих руках эту часть своего обмундирования, банальным образом сбежал. Думаю, излишне будет говорить, что ни в полку, ни в дивизии никто не стал искать военнослужащего, не выполнившего приказа младшего офицера. Да и не докладывал я никому из командования полка об инциденте, зная их реакцию, типа: «А нечего было требовать, чтобы солдат вернулся в исходное положение и отдал ТЕБЕ воинскую честь! Сам виноват! И вообще, почему у ТЕБЯ, лейтенант, значок классности погнут, а-а-а?» Ведь командир полка с замполитом нижестоящих вообще-то за людей не считали, моментально переходя на крик, называя прапорщиков — «прапорюгами», «кусками», и «тыкая» всем подряд. Исключение в руководстве частью составлял только начальник штаба полка — майор Сергей Макаров, очень выдержанный, грамотный офицер, закончивший с отличием буквально накануне своего назначения в полк немецкую военную академию имени Фридриха Энгельса. Где он, конечно, обучался на немецком языке, и потому знал его в совершенстве. Справка: несмотря на свой ум, образованность и великолепные профессиональные качества никаких особых высот этот офицер не достиг и через несколько лет был отправлен в запас.

Вскоре в нашей части, как всегда в Германии ближе к осени-зиме, вновь начались учения, тактические занятия и стрельбы. К тому времени изменилась ситуация и в нашем общежитии. К моему соседу по комнате, стоматологу полка приехала жена, привезя с

собой несколько огромных коробок с медикаментами, и, пожив с месяц, вновь уехала на Родину. В Ставрополе у нее была работа, поэтому Андреевы решили, что ради одного года безработицы в Германии не стоит ее терять. Андрей еще с лета стал добросовестно ходить на службу, а на своем рабочем месте развил настолько «кипучую» деятельность, что вскоре вылечил зубы у всех офицеров, прапорщиков, сержантов и солдат полка. После прибытия медикаментов, привезенных его женой и купленных им за свой счет, он даже начал проводить в полку протезирование зубов, причем все это делал совершенно бесплатно и уходил из своего кабинета, как и мы — в 21.00–23.00 вечера. Вскоре он получил очередное воинское звание старшего лейтенанта. На наш недоуменный вопрос, что с ним случилось за это время, он ответил:

«Александр, я съездил с вами летом на учения, причем попал на них совершенно случайно — начальству тогда каким-то непостижимым образом удалось меня отправить на Виттшток. Там я посмотрел, как вы все вкалываете! И мне просто стало стыдно за свое предыдущее поведение, я понял, что идиоты — начальники — это еще не вся наша Армия, в основном она состоит из таких людей, как наши взводные из общаги, ротных, таких как Седов и Рысгалиев, которые пашут, как проклятые, без выходных и «проходных». И понял, что должен что-то сделать для вас, ведь мне осталось здесь служить всего один год! Мне все равно, что будут говорить про стоматолога полка полковые начальники и другие тыловые крысы, но я хочу, чтобы ВЫ вспоминали меня потом добрым словом!» Мы с другими взводными только молча пожали Андрею руку.

Вскоре, в ходе итоговой проверки полка начались очередные учения на Виттштокском учебном центре, а потом я поехал на учебные сборы для офицеров, уезжающих служить в Афганистан. После их окончания стал готовиться к отъезду, при этом свободного времени у меня стало гораздо больше, так как я был уже, практически, «отрезанный ломоть». Хотя не обошлось без практики, присущей основной массе заменяющихся из полка в Союз — «если ты хочешь, чтобы у тебя был выходной — объяви его себе сам!» Съездил несколько раз к друзьям в Магдебург и Шверин⁸⁰ а также в запрещенный для посещения всем советским военнослужащим Берлин. Еще в этот период мы некоторое время провели в «туристической поездке» в 207-ю мотострелковую «Померанскую» Краснознаменную ордена Суворо-

⁸⁰ В г. Шверине, в 74-м гвардейском танковом «Валгинском» ордена Ленина, Краснознаменном, орденов Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого полку служил друг и однокашник Вова Заяц.

ва дивизию, дислоцированную в городе Стендале, куда наш полк почти в полном составе перебросили, чтобы помочь соединению сдать итоговую проверку. Дивизия эта, была назначена к переводу на новый штат, получивший название «Дивизия-86». Она отличалась от «обычной» мсд наличием еще одной роты — танковой на Т-80 в составе каждого мотострелкового батальона и некоторыми другими изменениями. «Стендальцы», в отличие от нас — «троечников», получили накануне за проверку «двойку», поэтому ее военнослужащие с утра до вечера занимались боевой подготовкой, готовясь к «пересдаче», а нас отправили наводить порядок на территориях и в расположениях частей этого славного соединения. Ведь, как известно, на обслуживающих подразделениях в Советской армии экономили всегда, и поэтому частенько ситуацию с их практически полным отсутствием исправляли именно такими «пожарными» методами. Жили мы в Стендале, насколько я помню, возле 33-го мотострелкового «Берлинского» полка на каком-то пустыре, заставленном к нашему приезду армейскими «восьмиместными» палатками, до самой последней оборудованными дефицитными заводского изготовления чугунными «буржуйками». На эти печки мы все — начиная с ротного и кончая последним солдатом, интенсивно облизывались, намереваясь их «прихватизировать» перед отъездом в свой полк. Ведь в роте аналогичный агрегат был в наличии в единственном экземпляре — он был похищен еще во времена «царя Гороха» в какой-то схожей ситуации, и всегда стоял в офицерской палатке, а солдатам приходилось довольствоваться печками, сваренными из топливных бочек. Все время пребывания в «гостях» мы каждый день, с утра до вечера развлекались тем, что разгребали в окрестностях тамошней дивизии все имеющиеся в ней «авгиевы конюшни».

А вскоре пришел приказ о моей замене в дшб 70-й омсбр, дислоцировавшийся под Кандагаром. Я воспринял это событие, как подарок судьбы и вскоре уже сидел в поезде, несущем меня на Восток Германии. Но предварительно решил заехать в Вюнсдорф, где с 1977 по 1982 год учился в Средней школе №1 ГСВГ и деревню Рехаген, где до сих пор стоял полк, в котором когда-то служил мой отец, перестроенный за это время в бригаду Правительственной связи. Сердце подсказывало, что мне никогда больше не доведется побывать в этих знакомых с детства местах. Чутье не обмануло!

Прочитав эту статью, читатель может сказать: «Не любите вы, однако, представителей власти! Не все ведь виноваты в разгроме,

а некоторые вообще сделали все, чтобы не допустить развала нашей Страны и Армии». На это могу возразить следующее — с того самого мгновения, как мы с моими товарищами надели погоны, основная задача командиров, занимающихся нашим обучением и воспитанием, заключалась в том, чтобы научить своих подчиненных нехитрой формуле: «Командир в своем подразделении — царь и бог, он отвечает за все, что совершают или не совершают его подчиненные. Приказ вышестоящего командования он должен облекать в форму СВОЕГО приказа — Я РЕШИЛ, и Я ПРИКАЗЫВАЮ!» Потому что в противном случае, это не командир, а почтальон — ведь он просто доводит до своих подчиненных распоряжения вышестоящих начальников: «Командир роты приказал... и я, ребята, понимаю, что задача — неправильная (невыполнимая), но что я могу поделать, если так решил мой непосредственный начальник?!» Этому же мы учили своих подчиненных и то, что в конечном итоге наши подразделения всегда выполняли поставленные им как учебные, так и боевые задачи, говорит о том, что учили мы их неплохо! Но в последние годы существования Советской армии таких «почтальонов» в ней становилось все больше и больше! На вершине пирамиды их было вообще засилье, а безответственность в высших эшелонах власти дошла до абсурда!

К действиям высшего руководства вернусь позже, но очень характерным примером был случай, про который рассказали офицеры-танкисты. На одном из армейских учебных центров (Виттштоке?) командир танковой роты проводил стрельбы на танковой директрисе. Рота выполняла контрольное упражнение со стрельбой штатными 125-мм выстрелами из танковых пушек. К моменту начала стрельбы на вышку директрисы съехалось просто невероятное количество высоких «руководителей», и у капитана рябило в глазах от многочисленных генеральских и полковничьих звезд. Как обычно, подобный приезд «звездастых» клерков сопровождался многочисленными указаниями, как правильно проводить стрельбу из танков и вопросами типа: «Вы что, товарищ капитан, не слышите меня?!» и «Капитан, я к ТЕБЕ обращаюсь!» Ввиду отсутствия в обычной роте штатного представителя пресс-службы на многочисленные вопросы отвечать приходилось самому ротному, которому одновременно надо было еще и руководить стрельбой! В ходе выполнения упражнения в одном из танков не произошло выстрела из танковой пушки. В данном случае, по инструкции экипаж должен был выждать на рубеже прекращения огня некоторое время, чтобы в момент

открытия затвора не случилось гибели или травмирования людей из-за явления так называемого «затяжного выстрела». Но обстановка на танковой вышке и самих машинах была, как обычно в подобных случаях, нервной, поэтому когда танки остановились на рубеже прекращения огня, наводчик сразу же открыл клин затвора... В этот момент произошел взрыв стартового заряда. Когда командир экипажа отошел от контузии, он доложил командиру о чрезвычайном происшествии и добавил, что наводчику оторвало руку. Пока ротный выслушал доклад, пока осознал происшедшее, пока вызвал медика и дал команду машинам возвращаться в исходное положение... Обернувшись назад, он увидел, что вышка директрисы совершенно пуста, а последние генералы и полковники уже прыгают в свои многочисленные «УАЗики», «Волги», «Тойоты» и «Лендроверы», колонной покидая директрису... Танкист только в этот момент, видимо, и осознал, что означает поговорка: «У победы много авторов, поражение — всегда сирота!»

Все равно не согласны? Тогда подскажите, какое наказание понес первый и последний Президент СССР, единственной задачей которого было сохранение целостности страны, укрепление ее мощи, преумножение благосостояния и забота о гражданах? Ответ — читает лекции на тему: «Как я развалил Советский Союз» за астрономические гонорары! По данным прессы — что-то около 125 тысяч долларов за лекцию. Другой бывший президент недавно получил награду от явно враждебного нашей стране государства. А как ответили увешанные множеством звезд и наград военные руководители за то, что развалилась находящаяся в их подчинении армия, ведь она стала разлагаться отнюдь не в 1991 году? И подскажите фамилии привлеченных к уголовной ответственности лиц, виновных в передаче техники, вооружения и боеприпасов целых армейских корпусов «незаконным вооруженным формированиям» провозгласивших независимость республик. Эта фактическая СДАЧА привела в конечном итоге к огромным потерям среди наших войск, через три года опять-таки по приказу вышестоящего командования брошенных прямо на технике в центр одного большого города. А кто привлечен к ответственности небезызвестного в то время в нашей стране борца за права человека, визжавшего в шлемофоны расстреливаемых в упор из окон домов солдат и офицеров призывы к сдаче в плен повстанцам? В данном случае единственной свободой для последовавших его советам военнослужащих было «горбатиться» на плантациях самопровозглашенной республики в качестве рабов, слдохнуть, или в

лучшем случае принести свои причинные органы в целлофановом пакете, чтобы военные медики пришли их обратно. А скольких таких «воинов» их матерям пришлось потом ЛИЧНО выкупать и выклянчивать у полевых командиров? «Ответ знает только ветер», ведь государство и его высокие руководители в очередной раз сделали вид, что в плен попали частные лица, к государству отношения не имеющие!

А еще хотелось бы знать виновных в передаче неисчислимых материальных средств представителям «вооруженных формирований» других республик СССР и России, а также суммы полученной компенсации от немецкого правительства за переданное ему недвижимое имущество, которым наша страна владела на ЗАКОННЫХ ОСНОВАНИЯХ? Даже по законам ФРГ! И еще хотелось бы получить информацию, кто из этих «высоких» начальников, несогласных с политикой руководства страны добровольно ушел из власти в оппозицию и возглавил борьбу против начавшегося «произвола»? Или они тоже боялись расстрела за отставку, как их отцы в 30-е годы?

А кто создал систему, по которой «сынки» многочисленных московских начальников пользовались на порядок большими привилегиями, чем остальные военнослужащие наших Вооруженных Сил. В Германии офицеру было очень трудно получить вышестоящую должность и тот же капитан Урбан, прибывший в ГСВГ из г. Джелалабада после службы в дшб 66-й омсбр на должность командира роты, примерно раза четыре назначался на должность начальника штаба батальона! Но всегда находился очередной «волосатый» и, как правило, ничего собою не представлявший офицер, назначавшийся вместо него на эту должность. Полком у нас командовал майор из таких же бесцветных, но руководили всем полковым хозяйством совсем другие люди. Есть и другие вопросы!

Почему мы удерживали деньги с солдата за потерянную им тельняшку или котелок, платили сами за простыни и полотенца, а в то же время в 1990 году в частях и соединениях Семипалатинска по приказам вышестоящего руководства, не создавшего условия для сохранности, уничтожалась и разворовывалась бронетанковая техника, выводимая из Чехословакии? И кто за все это в конечном итоге ответил? Во всяком случае, тогда Начальник базы хранения на мой вопрос, как они собираются отчитываться за все недостающие танки, БМП и другие материальные средства, уверенно ответил: «Ничего, спишем!» И где списки, фамилии, уголовные дела, ведь как в последнем, так и многих других случаях, это — не просто халат-

ность, дело весьма и весьма отдаёт изменой Родине и торговлей государственными секретами, причем на самом высоком уровне. А если кто еще сомневается в этом, то пусть он ответит на один вопрос — почему в начале девяностых многие наши города были буквально заставлены бронетанковой и другой техникой, брошенной прямо в жилых зонах? Не для того ли это было сделано, чтобы ее потом можно было безнаказанно продать? И очень хотелось бы узнать, наконец, где она сейчас и кто отдавал подобные преступные приказы!

Почему во время самой страшной в истории нашей страны войны практически ВСЕ дети руководителей государства вместе с остальными гражданами стояли в армейском строю и погибали на полях сражений. А в годы не менее ужасной войны, сократившей население страны почти вдвое, разделившей целые семьи искусственно созданными границами, и стоившей около 30-ти миллионов только нерожденных граждан — в 80-е и 90-е годы XX века дети новых руководителей государства сражались лишь со своими желаниями — они не знали, чего бы им еще ЗАХОТЕТЬ! И терялись в догадках — кого бы их папам назначить очередным олигархом! А если и «служили» Родине, то где-нибудь за «бугром», за иностранную валюту. Есть еще вопрос — чем назвать сравнение нынешних пенсий у ветеранов армии и МВД, других силовых ведомств — около 6000–7000 рублей и аналогичные пенсии судей и прокуроров — свыше 20000? Кто судьи и что они такого сотворили для блага Родины за последние двадцать лет ведущейся против нашего народа войны, все время которой они просидели в своих уютных кабинетах? Может быть — за покладистость? Воистину, все происходившее в те годы, да и сейчас сильно напоминает пир во время чумы! Для отдельных экземпляров, потому что остальным пока не до смеха. Ведь при этом возникает множество вопросов — что же это за государство такое, при первой возможности бросающее на произвол судьбы людей, потерявших здоровье в боях за его интересы, не желающее предпринять даже элементарных мер к возвращению в семьи пленных и тел убитых?! А эти «судьи», у которых под боком до сих пор ВАЛЯЮТСЯ сотни неопознанных трупов защитников «конституционного строя», еще пытаются осуждать бывшее руководство страной за миллионы не захороненных солдат Второй мировой! У тех хоть их дети до сих пор лежат не погребенными среди погибших и пропавших без вести, и МАСШТАБЫ шедших в сороковые годы грандиозных сражений, не идут ни в какое сравнение с «жестокими боями» политических пигмеев девяностых годов!

Но все недостатки, существовавшие во времена СССР стали просто детскими шалостями после его распада. Ненависть, с которой новое руководство страны обрушило мириады бед и страданий на свой народ, не мог не получить обратного отпора! Обманутые и брошенные на произвол судьбы пенсионеры, полный разгром образования, медицинского обслуживания, «сдача» всего, что только можно было «сдать» врагу, создали такой негатив и отрицание власти у всех обывателей, что с их масштабом не может быть и сравнения у карманной оппозиции времен Союза. А что до вопросов? Они множатся с каждым днем! И власть, я думаю, должна знать, что если она ненавидима своим населением — обречена и неизбежно рухнет в результате внешнего удара, либо из-за ударов изнутри. Гениальный немецкий военный теоретик Клаузевиц по этому поводу сказал следующее: «...отношение народа к правительству и во время войны зависит от того, что дала эта власть народу. История знает немало примеров, когда с виду крепкие и благополучные государства становились легкой добычей захватчиков из-за недоверия простых граждан к власти предрержащим»⁸¹.

Хотелось бы надеяться, что хоть кто-нибудь в нашей стране сделает выводы из трудного пути, пройденного нашей страной! Всем сомневающимся в вышесказанном достаточно заехать в любую сибирскую деревню, и посмотреть на учиненный там властью самый натуральный РАЗГРОМ. А ведь Сибирь — это именно то место, из которого Россия должна была когда-то прирастать, и прирастала до самых недавних пор, а «...деревня — это совесть России!» Удивительно, но данная красивая фраза принадлежит продажным политикам, устроившим парламентские слушания под этим лозунгом, а в последующем не ударившим палец о палец для уменьшения последствий происходящей в нашем селе катастрофы. Лучшее про случившееся в середине 90-х высказался мой сослуживец по Афганистану — обыкновенный солдат — танкист Алексей Черепухин: «Первое время, как дома оказался, было как-то не по себе, не хватало АКСа и его... отдачи... Сейчас постепенно все забывается. И ещё, в первую чеченскую с ужасом смотрел телевизор и не понимал, как можно ТАК относиться к своим солдатам? До сих пор тяжело! За первую чеченскую ненавижу все... руководство страны! Перебил бы сам всех! Так предать страну и народ!» Неуважаемая власть, не забывай о том, что ты уже воспитала целое поколение людей, когда-то верой и прав-

дой служивших Стране — неважно, как она называлась, а теперь ненавидящих твоих представителей всеми фибрами своей души! А самое главное, что эти люди не связывают нынешних «сильных мира сего» со своей Отчизной... Переживет ли наша страна очередное Смутное время?

⁸¹ Приводится по тексту статьи Геннадия Мельника «Смысл жизни — быть полезным», в газете «Офицерский сплав», №7 (19), стр. 4.

Часть 4 «Легенды и мифы афганской войны». Дневник

Хотя других дорог на свете много,
Нам ничего нельзя вернуть.
Нам суждена (была) военная дорога,
Мы с детских лет избрали этот путь.

Как возникают мифы об этой незначительной войне? Мне довелось наблюдать зарождение, проследить создание и развитие трех из них. Первый начал формироваться еще в начале 80-х годов прошлого века, и касается он предположения об участии в боевых действиях в составе Ограниченного контингента советских войск в Афганистане морской пехоты ВМФ СССР. Второй миф повествует легковерным любителям истории про «Шиндандский моторизованный воздушно-десантный полк в провинции Фарах в 1987 году», а третий затрагивает довольно болезненную для непосредственных участников тех событий тему. В последнем случае я говорю про боевую операцию наших войск, проводившуюся в провинции Гильменд в октябре 1988 года, целью которой была проводка колонны на самую крупную в Афганистане электростанцию, построенную американцами в середине 50-х годов. Мы ее называли: «Плотина Каджаки».

Эта, чуть ли не самая последняя из крупных операций на территории Афганистана описана в издании Винницкого краеведческого музея, и в книге читателю сообщается, что участники афганской войны Анатолий Васильевич Чечет и Александр Покришук, которые «...служили в Шиндане..., неоднократно принимали участие в армейских операциях... Операция «Плотина» в ...октябре 1988 года в... провинции Гильменд, которая находится за 300 км от Шинданда, была проведена для оказания помощи продовольствием и боеприпасами воинам афганской народной армии, которые находились в окружении. Однако выйти на указанный рубеж нашим воинам не удалось». Как такое мог написать бывший рядовой 6-й мср 371-го мсп Чечет, (правда, эта рота не участвовала в штурме последнего рубежа перед плотиной — примечание автора), и Покришук — заместитель

командира 2-го взвода 1-й роты 650-го орб 5-й мсд, остается пока загадкой. Кроме того, в книге неверно указаны даже расстояния.

Впрочем, то же самое пишет в своей книге «Афганский дневник» заместитель командира 345-го парашютно-десантного полка подполковник Лапшин, где он повествует об участии десантников из Баграма в этой операции. Юрий Михайлович сообщает буквально следующее: «...3-й пдб, усиленный 6-й пдр, самолетами переброшен в Шинданд. В готовности сидит 1-й пдб. Задача засекречена необычайно. Одно узнаем, что десантирование куда-то вертолетами, и далеко. Остальные перспективы и сроки пока не ясны». Далее в дневнике стоит запись от 2.11.1988 года, когда операция уже закончилась: «Баграм. Среда. Ночью стук в дверь, и появляется Дима Савичев собственной персоной (Дмитрий Дмитриевич Савичев — «чистый» заместитель командира 345-го пдп, находившийся в октябре с подразделениями полка в 5-й мсд — примечание автора). Прилетел из Шинданда. Зашел поздороваться. Уже днем рассказал подробности пребывания на той стороне Афганистана. Наши проводили операцию по доставке грузов в район Кандагара. Где-то в том районе обложенный «духами» живет и борется афганский полк, охраняющий ГЭС. Держится из последних сил, почти без боеприпасов. Но наши смогли пробиться только до Лашкаргаха. Дорога: сплошное минирование, и чем ближе к Кандагару, тем больше нарастало противодействие: засады, обстрелы РСами. Потери в частях 5-й гв. мсд: девять убитых, 47 раненых. У нас, слава аллаху, никто не получил и царапины. Наверное, в середине ноября будут пробиваться дальше, судя по всему, и нам работа найдется».

**Учебные занятия 650-го орб на Шиндантском ДУЦ
приводится как доказательство... действий в Афганистане морской пехоты**

Одно из малоизвестных советских подразделений, участвовавших в боевых действиях в ОКТВА в Афганистане, специальный Пилз Марской Пехоты, бросает в бой в 1985 году для освобождения провинции Палтия от моджахедов. Это было одно из самых горячих сражений того времени. Советская Морская пехота была перевооружена новейшими машинами БМП-2Л.

Есть в книге Юрия Михайловича описание нашего, шиндандского ДУЦ: «У пехоты прекрасное стрельбище. Все как в Союзе: поднимаются, падают мишени, идет информация. Постреляли вволю». Имеется у автора мемуаров описание военных городков и службы в шиндандском гарнизоне: «На горизонте низенькие и остренькие, странные, какие-то игрушечные горы. Вокруг городков степь. Обстановка спокойная. В этом отношении психика местной пехоты на два-три порядка меньше испорчена, чем у нас. Такое впечатление, что и живых афганцев они не видят. Служат, как в Союзе. По крайней мере, сейчас, когда южнее наших войск нет, а на операции они толком и не ходят. Один полк (101-й) в Герате...»

Вот такая удивительная идиллия описывается автором «Афганского дневника», а в подтверждение его слов можно добавить, что в Шинданде, по слухам, даже проводились дискотеки, а военнослужащие боевых подразделений весь шиндандский гарнизон называли не иначе, как «Край Нестрелянных Дураков». Существовала даже поговорка, что в Шинданде «...пьяница напьется, бабник... (хм, ...нагуляется), вор наворует, а дурак навоюется».

А теперь по порядку...

О мифе первом

Уже во многих источниках — журналах, книгах, интернет сайтах, откуда представлены фото № 30, 34 и 35, встречалась информация, что в составе советских войск в Афганистане воевала целая

Инструкция модели БМП-2Д. На якоре хорошо видна цепь.

Изображение явно скопировано с фото 30 и 34 (32). Сохранена даже цифра «15»

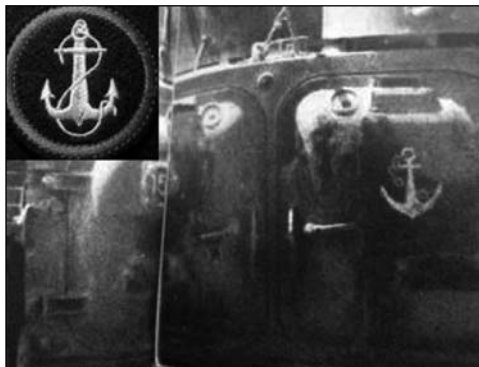
бригада (полк) морской пехоты. Даже в солидном издании для моделлистов приводятся изображения одних и тех же БМП-2Д с псевдоисторическим повествованием: «Как видно на снимках, есть доказательство, что в составе 40-й армии воевала секретная бригада морской пехоты СФ...» Видимо, в результате подобных «исторических изысканий» и «неопровержимых» фотодоказательств появилась выпущенная предприятием «Звезда» сборная модель БМП-2Д с не менее «крутыми» пассажирами. В частности, в «инструкции по нанесению картинок» под рисунком БМП с якорем, обвитым цепью, можно увидеть надпись: «Специальный полк морской пехоты, провинция Пактия, Афганистан, 1985 г.» В других изданиях приводятся фотографии БМП с якорями и аналогичными надписями, хотя их первоисточник, как видно — един.

Поэтому хочется сразу развеять подобные утверждения по отношению к приведенным изображениям и засвидетельствовать, что представленные фото принадлежат 650-му «Пражскому» гвардейскому отдельному ордена Александра Невского разведывательному батальону. В качестве доказательства своих слов сообщаю, что в орб нашей дивизии было три разведывательные роты. В отличие от рейдовых мотострелковых батальонов дивизии, в которых опознавательные знаки были едиными для всех машин батальона (во 2-м мсб 371-м мсп это были две горы с дорогой, в разрыве которой стояла цифра «2» — примечание автора), в разведбате они были разные во всех трех разведывательных ротах. Хотя в нем была еще 4-я рота — радиотехнической разведки (рртр), в которой БМП и БТР не было совсем. В первой роте на БМП, БРМ и танках наносилось по трафарету изображение якоря, обвитого цепью, про историю его появления ребята из разведбата рассказывали, что командир первой роты когда-то служил в морской пехоте. Возможно, что это была ротная легенда, хотя факты такой службы не были редкостью для выпускников общевоинских училищ, которыми комплектовались мотострелковые части и подразделения морской пехоты. Во второй роте разведывательного батальона это было изображение кленового листа, а в третьей, самой многочисленной, разведывательно-десантной роте опознавательным знаком на имеющихся в ней БМП, БРМ и БТР была десантная «курица». Под вывод появился еще один знак — батальонного взвода наблюдения и разведки — летучая мышь.

Увидев в первый раз якорь с цепью на броне еще в Афганистане, подумалось, что когда-нибудь фото подобной машины попадет в печать, и тогда кто-то будет доказывать, что в Афгане воевал советс-

кий Военно-морской флот. Смешно, но именно это и произошло в конечном итоге, и на всех приводимых горе — историками фотографиях и рисунках видны изображения первой роты шиндандского разведбата, о чем читатель может судить по характерной цепи, обвивающей якорь, а также другим признакам, присущим для техники и личного состава нашей дивизии.

Знак морской пехоты ВМФ СССР можно сравнить со знаком 1-й роты 650-го орб. Хорошо виден бортовой номер БМП №15 (№715)

А энтузиастам, доказывающим противоположную точку зрения, могу сообщить, что символом Военно-морского флота СССР и, соответственно, морской пехоты, всегда был якорь, обвитый канатом (фрагмент в левой верхней части фото 32). К этому можно добавить еще, что якорь без каната — эмблема на пуговицах советского ВМФ, был до революции 1917 года символом российского торгового флота, так что его появление впоследствии на деталях обмундирования военных моряков можно считать исторической ошибкой. Якорь же, обвитый цепью «в принципе» не мог появиться на бронетанковой технике морской пехоты, так как у нее был свой символ, которым моряки весьма гордились. Да и изготовить трафарет с цепью все же немного сложнее, чем с канатом. Ну, в крайнем случае, чтобы поменьше рисовать, могли изобразить простой якорь, как на своих собственных пуговицах. А наличие цепи говорит о том, что человек, изготавливавший трафарет со знаком, не был близко знаком с символикой ВМФ СССР. Либо должностное лицо, утверждавшее ротный знак, намеренно применило изображение, отличное от военного и торгового морских символов.

Личная фотография, предоставленная Р. Присяженко: изображение знака аналогично приведенному на предыдущем фото

Кроме того, сведения о принадлежности приводимых в печатных изданиях и на сайтах Интернета фото именно к 650-му орб подтвердил из Минска бывший командир взвода наблюдения 1-й роты этого батальона Руслан Присяженко. Он служил в этом подразделении с 1987 по 1988 год и утверждает, что на фотографиях приведены изображения его БМП №705 с «...якорем, обвитым цепью, так как первый командир разведроты любил море...» То же самое сообщает в своем письме к автору от 15.02.2007 года бывший рядовой 650-го орб Шухрат Мусаев из Ташкента: «...посмотрел фото ... — однозначно наши машины. В нашей роте [номера] были от 701 до 719. Это БМП-1 и «двойки», плюс 3 танка». Хотя разведывательные подразделения часто на технике номеров вообще не имели, например разведрота 371-го полка, а на приводимом фото в книге «Афганская война. Как это было» (фото 32) на стр.162-163 они сокращенные — вместо №705 значится «05», а вместо №715 — просто «15».

Можно и дальше развивать данную тему, а заодно привести некоторые примеры. Когда я летел в Афганистан из Ташкента, со мной в Ил-76 в Кабул следовал капитан-лейтенант плавсостава (желтый просвет) — точнее, политработник с Северного флота. Так что же, на этом основании кто-то будет утверждать, что Северный флот сражался в Афганистане? Или еще один пример — мой сослуживец по РВСН Александр Буряк, закончил в 70-х годах военное училище Ракетных войск стратегического назначения. Вся его последующая служба до самой пенсии прошла в Особом отделе РВСН, а в конце 80-х он был направлен для прохождения дальнейшей службы в Кабул. Так что же, на этом основании кто-то будет утверждать, что Ракетные войска воевали в Афганистане?

Таким образом, просто хотелось бы узнать наименования подразделений и частей морской пехоты, воевавших в ДРА! А пока они неизвестны, то думается, что изложенные здесь мною аргументы достаточно убедительны, но хотелось бы сказать, что с удовольствием рассмотрю другие веские доказательства пребывания подразделений и частей морской пехоты в Афганистане, особенно, если они будут касаться не отдельных военнослужащих.

Миф второй

В той же сборной модели под рисунком БМП со знаком ВДВ (фото 31) подпись еще более претенциозная: «Шиндандский моторизованный воздушно-десантный полк, провинция Фарах, Афганистан, 1987». «Историческое изыскание» про полк с таким названием я вообще комментировать не стану из-за полного отсутствия войсковой части с подобным наименованием не только на территории Афганистана, но даже в составе Вооруженных Сил СССР. А чего стоит еще один «перл» на фото35: «...аэробазы Шинданд провинции Фарах...»? И это притом, что город Шинданд на тот момент уже, скажем так, некоторое число лет являлся частью провинции Герат. И был ли он когда-нибудь в Фарахе? Самое интересное, что модель БМП сделана в том числе на экспорт, и «развесистая клюква», выращенная на деревьях наших уважаемых псевдоисториков, на Западе уже должна разрастаться и множиться, подтверждением чему явля-

Еще одно изображение 1-й рр 650-го орб; его фрагмент – на фото 32 из альбома «Афганская война. Как это было». По раскраске правой БМП, идентичной машине на переднем плане с фото 30, ЦВ400 и экипировке солдат видно, что оба снимка сделаны одновременно. Слева – БМП № 705 (05)

ются полученное сообщение, что «эти...фотки С. Залого давал в Конкорде по Афгану...» (Stev J. Zaloga – известный американский историк боевого применения бронетанковой техники, возможно, имеется в виду его книга «Russia's BMP Infantry Combat Vehicles» издательства Concord, или «Armour of the Afghanistan War», S. Zaloga, W.Luczak & Barry Beldam, Concord Publications Company, 1992, – примечание автора). На фото 35 видна колонна БТР-70 и БМП со знаками ВДВ на башнях и подписью «...штурмовой батальон ВДВ...» Наверное, кто-то не в меру шустрый или предприимчивый раздобыл фото машин 22-й бригады СН, либо дшб 70-й омсбр, а вероятнее всего – техники 3-й разведывательно – десантной роты все того же 650-го орб, имевшей на вооружении и БТР-70 (по три в каждом разведывательно-десантном взводе), две БРМ-1К и три БМП-2Д (во взводе спецразведки) с десантными знаками на броне, которая не просто могла, а ДОЛЖНА была действовать в Фарахе в 1987 году. Во всяком случае, на БМП, переданных 2/371 мсп из 70-й омсбр и 22-й бригады специального назначения не только символов ВДВ, но вообще каких-либо знаков не обнаруживалось. В кандагарском ДШБ их, вероятно, просто не успевали рисовать – техника довольно часто выходила из строя в результате подрывов и работы вражеских гранатометчиков, а в спецназе этого не делали по вполне понятным соображениям секретности. Кроме того, на фото по двум люкам на крыше башни боевой машины с гидродинамическими щитками над гусеницами (а не фальшбортами, характерными для БМП-1Д, изредка

Вероятно, тоже фото 650-го орб (рдр): в этой роте были и БТР-70, и БМП-2Д, и БРМ-1, похожие на БМП-1. На машинах хорошо видны знаки ВДВ

Штурмовой батальон ВДВ перемещается на позицию на окраине аэробазы Шинданд провинции Фарах на трансграничной границе в 1987 г. Войска ВДВ заменили свои теплые БМП на более просторные и надежные БМП-2 БТР-70. Удаленно ВДВ можно увидеть на башне БМП-2Д, показанных в центре и в левой части снимка.

встречавшихся в Афганистане) явно видно, что представлены фотографии БРМ-1К, а не БМП-1. А это выдает разведывательное подразделение большей численности, чем обыкновенный разведвзвод, в котором, как правило, была одна БРМка и две БМПшки.

И, поскольку возникает так много вопросов по нашему дивизионному разведбату, остановлюсь на нем более подробно. 650-й «Пражский» разведбат, был сформирован 26.03.1957 на базе 2-го отдельного гвардейского разведывательного батальона дивизии. Который, в свою очередь, до этого назывался 2-м отдельным гвардейским Пражским мотоциклетным, а еще раньше 4-м гвардейским разведывательным батальонами. По свидетельствам служивших в Афганистане офицеров и солдат, 650-й орб состоял из четырех рот и отдельных взводов. В состав первой роты входили: взвод наблюдения и разведки (внр), 1-й, 2-й разведывательные и танковый взводы, всего в ней было около 60 человек. Во второй роте также были 1-й и 2-й разведывательные и танковый взводы, всего в ней значилось около 40 человек. В третьей, разведывательно-десантной роте, кроме трех разведывательно-десантных взводов был еще взвод спецразведки (всп), всего в ней по штату было по разным данным от 80 до 98 человек, десять БТР-70, две БРМ-1К и три БМП-2Д. Причем, последние пять машин были во взводе спецразведки. Номера бронетанковой техники в 1-3 ротах были с 700 по 739, но писались только вторые две цифры, в первой роте — с 01 по 19, второй — с 20 по 29, в третьей — с 30 по 39. Таким образом, уже по номеру машины можно было определить, с какой роты данная техника, это касалось и мотострелковых подразделений 371-го полка, о чем речь пойдет ниже. Четвертая рота орб — это рота радиотехнической разведки (рртр), которая должна была перехватывать переговоры «духов». Она состояла на 99,9% из таджиков, иногда их оттуда переманивали в боевые роты в качестве переводчиков, но, как один из них по этому поводу высказался: «1-3-я роты по горам должны лазить, а в 4-й... надел шлемофон, и спишь».

А что касается первого и второго «мифологического исторического изыскания»? Все равно, лично для меня так и осталось непостижимым, как предприятие «Звезда» умудрилось на ОДНОЙ странице Инструкции формата А-4 в ТРЕХ приведенных «фактах» сделать ДВЕ грубейшие ошибки, если, конечно, их можно считать простыми ошибками. Что же касается ВДВ? Про участие в боевых действиях в провинции Фарах в указанное вышеназванными источниками время других десантных подразделений из Шинданда мне

ничего неизвестно, видимо из-за отсутствия таковых, кроме РДР 650-го орб в составе 5-й мотострелковой дивизии. А 3-й батальон 350-го парашютно-десантного полка, действительно когда-то стоявший в Фарахе и имевший «филиал» в Шинданде, был отправлен в свой полк, входивший в состав 103-й воздушно-десантной дивизии еще в 1985 году. Об этом мне поведал еще в Туркмении бывший командир взвода этого полка Хромов, — тогда уже майор, командир 3-го пдб 56-й овдбр.

Миф третий

Стремление некоторых авторов создать видимость, что воевали в Афганистане одни только ВДВ, действительности не соответствовало нисколько. В представляемом ниже «мифоразоблачительном изыскании» хотелось бы сообщить читателю, что я непосредственно участвовал в рейде на плотину Каджаки в октябре 1988 года и поэтому хочу предложить читателю свое видение прошедших в ходе него боев. Конечно, мои воспоминания могут отличаться от мемуаров других участников тех «боевых», если уважаемые ветераны когда-нибудь их напишут, но таково уж человеческое восприятие, у всех оно различается, и все по-иному видят одни и те же события, так как находятся, как правило, в разных местах. Например, вот мнение Федора Золотарева из 1-й рр 650-го орб в его письме к автору от 23.04.2007: «Честно говоря, у меня остался очень неприятный осадок от этой операции — масса подбитой техники, наш уход от плотины в сторону бетонки, в район Гиришка под достаточно плотным [огнем] и, слава Богу, не из высокоточного артвооружения... Если же оцени[ва]ть эту операцию с точки зрения минимизации потерь — она в той ситуации была на высоте...» Он же пишет в письме от 24.04.2007 г. : «У нас, в 1-й рр, потерь не было, я говорил про технику, подбитую на подступах к кишлаку («бабайская» не в счёт, хотя тоже положительного фона не создавала). Я удивляюсь такой чёткой фиксации событий. У меня, «срочника», всё смешивалось [на этой операции] в один серый и очень длинный день, до момента, когда можно было свою задницу... уложить [в БМП] поспать на «духовский» матрасик или ковёр...»

Представляется, что в данной операции принципиальным было то, что наши батальоны свою задачу выполнили, и 2-й мсб 371-го полка с честью вернулся на Родину, имея почти сто процентов награжденного и представленного к наградам личного состава во главе

с тогда уже легендарным командиром. А пока читатель может изложенные ниже воспоминания сравнить с описанием свидетельств, видимо, лишь «почти непосредственных» участников, так как личный состав 2-го батальона, разведчики орб, танкисты, артиллеристы, саперы полка, огнеметчики дивизии, дравшиеся у Каджаки – Суфла и Каджаки – Улия, рассказали бы совсем иное. Именно 2-й батальон вместе с орб трое суток непрерывно бился за выход к плотине, преодолевая последний, буквально десятикилометровый участок своего пути к водохранилищу – месту расположения охраняющих электростанцию подразделений афганской армии, и в конечном итоге ВЫПОЛНИЛ поставленную задачу.

Да, далеко не секрет, что многие военнослужащие и служащие Советской армии шинданского гарнизона действительно не видели ни обстрелов своих городков, ни, зачастую, живых «духов». А поскольку личный состав 2-го батальона был из четвертой, описанной выше в поговорке категории (дураков – примечание автора), не считая зазорным сказать о том, что мне так и осталось непонятным, откуда появились сведения о столь плачевном результате операции, описанной в процитированных выше источниках.

Предполагаю, что дело было в каких-то штабных интригах против нашего командира полка подполковника В.С. Ликонцева или командира батальона капитана С.Н. Гушина, представленных за эту операцию к званию Героя Советского Союза. Косвенно Сергей Николаевич подтвердил мои предположения, сказав в ходе телефонного разговора 27.09.2007 г.: «Время еще не пришло!» Поэтому, чтобы развеять все недомолвки и домыслы об этом рейде, я решил несколько лет назад изложить все, что смог вспомнить, на бумагу, а за основу данной работы был взят дневник, наспех составленный после тех ожесточенных боев, и документы, сохранившиеся в личном архиве.

Итак....

...В этот день, 19 октября 1988 года, весь личный состав 2-го батальона 371-го гвардейского полка 5-й гвардейской «Зимовниковской» Краснознаменной, орденов Кутузова II степени и Александра Невского, имени 60-летия СССР мотострелковой дивизии, назначенный для участия в операции по сопровождению колонны с грузами в район плотины Каджаки, провинции Гильменд, был выведен на дивизионный учебный центр.

371-й полк впервые упоминается 18.12.1942, как 54-я механизированная бригада, которая в тот день вошла в состав 6-го механизированного корпуса Южного фронта, и 9-го января 1943 года в составе 2-й гвардейской армии участвовала в отражении удара генерала Манштейна, пробивавшегося к окруженной в Сталинграде 6-й армии генерал-фельдмаршала Паулюса. В состав бригады входил 79-й танковый полк, созданный на базе отличившейся в битве под Москвой 34-й танковой бригады. Затем 54-я бригада участвовала в контрударе, в результате которого 08.01.1943 был освобожден город Зимовники. При этом действия частей корпуса были настолько успешными, что 09.01.1943 он получил почетное наименование «Зимовниковского» и был преобразован в 5-й гвардейский механизированный корпус. 54-я механизированная бригада при этом стала 11-й гвардейской тбр, а 11-12 июля 1943 она с 42-мя Т-34 и 22-мя Т-70 участвовала в сражении под Прохоровкой. Затем бригада принимала участие в освобождении Украины, после которого находилась в резерве Ставки ВГК. В начале января 1945 в составе 5-го корпуса 11-я тбр была передана в состав 1-го Украинского фронта, и включена в 4-ю гвардейскую танковую армию. Закончила войну бригада 11-го мая Берлинской и Пражской операциями. 10.06.1945 при реформировании корпуса в 5-ю гвардейскую механизированную дивизию часть стала называться 11-й гвардейской Берлинской орденов Суворова и Богдана Хмельницкого II степени механизированной бригадой. Происходило реформирование в г. Бусске, Львовской области, куда корпус был переведен в конце мая 1945, а уже в конце ноября того же года вновь созданная дивизия убыла в Туркестан, в г. Мары. В последующем она была передислоцирована в г. Кушка, при этом бывшая 11-я бригада стала 11-м гвардейским механизированным полком. А 26.03.1957 г. дивизия была реформирована в 53-ю гвардейскую мотострелковую дивизию, при этом 11-й гвардейский механизированный полк стал 371-м гвардейским мотострелковым полком, но 17.11.1964 г. дивизии вернули ее прежний номер, и она вновь стала 5-й мсд. В конце декабря 1979 года 371-й мотострелковый полк, дислоцированный на Кушке, в составе дивизии вошел в Афганистан, и к моменту начала операции на плотину Каджаки как в полном составе, так и побатальонно почти непрерывно участвовал в боевых действиях на западе страны – в провинциях Герат, Нимруз, Гур, Фарах, Кандагар, Гильменд.

В октябре 1988 года полк готовился к очередным боевым действиям в провинции Гильменд. Для нас это был рядовой, ничем

не примечательный рейд, которому предшествовала обычная и достаточно серьезная подготовка, начиная с середины октября. В ходе учебных занятий были проведены тренировки по огневой, тактической подготовке, начиная с одиночных действий солдата в бою, отработки действий в составе отделения, взвода и заканчивая боевыми стрельбами личного состава на войсковом стрельбище (ДУЦ). Были проведены тренировки наводчиков-операторов в боевых пусках ПТУР, экипажей БМП в вождении техники и произведена тщательная выверка и пристрелка вооружения. Окончательным итогом подготовки были ротные тактические учения (РТУ) с боевой стрельбой, состоявшиеся для нашей роты 17-го октября, и в которых поочередно участвовали все три роты батальона и минометная батарея. На РТУ, в том числе, были отработаны действия личного состава в пешем порядке за техникой вслед за огневым валом, производимым огнем наших минометчиков. Это был один из многих рейдов, следовавших непрерывно один за другим на протяжении многих месяцев, начиная с того дня, когда наш батальон в начале 1987 году был смещен с застав на более чем двухсоткилометровом участке дороги от Пиришка до Галамеха. Он был заменен тогда 3/371 мсп и переведен в Шинданд для дальнейшего использования в качестве так называемого «рейдового батальона».

Список названий операций, в которых участвовал наш личный состав с тех пор, не отличался особой оригинальностью, так как воевали в основном в одних и тех же местах. Это либо в Кандагаре и «зеленке» вокруг него (чаще всего почему-то в уезде Даман, где запомнились кишлаки Спинкалача, Хиндукалача — примечание автора), либо в провинции Гильменд. Вот их неполный перечень: «первый Кандагар», «второй Кандагар», «первая Муса-Кала», «вторая Муса-Кала», «первый Сангин», «второй Сангин» — таковы были названия проведенных батальоном за последний год крупных операций, в которых были задействованы многие части и подразделения 40-й армии. А уездные Муса-Кала и Сангин вообще стали для батальона чуть ли не «родными» вместе с местными «духами» и их главарем — муллой Насимом Акундзада. В 1987 году была даже сложена песня об этих милейших людях:

...Настал момент, и словно стенд,
Внизу раскинулась провинция Гильменд.
«Муса-Кала, — вопит мулла, —
Здесь «шурави», они сожгут тебя дотла!»

Не бойсь старик, твой хриплый крик,
В кровь мусульман уже давным-давно проник.
«Эр-эсов» вой над головой, —
Как подтверждение тому для нас с тобой...

В рейды батальон ходил вначале под командованием подполковника Мишина, руководившего теперь Оперативным отделением 5-й мсд, затем капитана Вячеслава Дмитриевича Власяна (Алма-Атинское ВОКУ 1979), заменившимся в Союз подполковником, и с 4 июня 1988 года — под руководством вновь назначенного командира — капитана Гушина (Алма-Атинское ВОКУ 1981). Кроме того, были проведены многочисленные рейды на иранскую границу, одиночные в Чагчаран, Адраскан, Герат в район цитадели и мавзолея Алишера Навои, а также на «Зер-Кух» — в окрестностях Старого Шинданда. Были и многие мелкие операции типа засад, сопровождений колонн и отдельных машин в составе «дежурного» взвода, но они не отложились в памяти именно из-за их кратковременности и многочисленности.

Никто не знал, что операция, к которой мы так тщательно и в то же время буднично готовились, радуясь окончанию постылого времени пребывания в пункте постоянной дислокации с его построениями и строевыми смотрами, а также непрерывными, продолжающимися часто по несколько суток караулами и нарядами, изменит оставшуюся жизнь очень многим из нас. Все эти гарнизонные будни перемежались иногда достаточно интересными и познавательными действиями в составе досмотрового взвода, осуществлявшего дежурство на аэродроме Шинданд и вылетавшего на вертолетах в районы прохождения караванов для их проверки, а также для сопровождения колонн.

Организационно — штатная структура батальона в тот момент была такой: штаб батальона, 4-я, 5-я и 6-я мотострелковые роты на 12-ти БМП-2Д каждая, минометная батарея на МТЛ-Б и ГАЗ-66, вооруженная 82-мм минометами 2Б14 «Поднос» и автоматическими минометами 2Б9 «Василек». Батарея состояла из взвода управления, двух «огневых» взводов, имевшем четыре «Василька», и еще двух взводов, также включающих в своем составе четыре «Подноса», всего в ней было около 60-ти человек. Такая организация минометных батарей была характерна только для Афганистана. Автоматические минометы, как правило, использовались с брони, для чего их устанавливали сверху над десантным отделением МТЛ-Б. Кроме того, в

состав батальона входили отдельные взводы: разведывательный с БРМ-1К и 2-мя БМП, связи с 2-мя БМП, гранатометный с тремя БМП, зенитно-ракетный и обеспечения. Еще в штате был батальонный медицинский пункт.

Каждая мотострелковая рота по штату состояла из управления — 7 человек с одной БМП, трех мотострелковых взводов по 20 человек на 3-х БМП каждый и гранатометно — пулеметного взвода. В гпв, как мне помнится, было 16 или 17 человек на двух БМП с 3-мя автоматическими гранатометами АГС-17 и 2-мя крупнокалиберными пулеметами НСВС «Утес», а всего в роте по штату было от 81 до 85 человек, сколько точно — уже не помню. В моем 2-м мсв 4-й мср списочный состав на июнь 1988 года был таков: управление — командир взвода (КВ) л-т Магерамов, пулеметчик ПК — ряд. Назаров; 1-е отделение: заместитель командира взвода — ком. 1-го отделения (ЗКВ-КО1) — мл.с-т Отамирзаев, наводчик — оператор (НО) — ряд. Саидкасимов, механик — водитель (МВ) — ряд. Шаймордонов, снайпер (Сн) — ряд. Лебедеко, стрелок — гранатометчик (СГ) — ряд. Парпиев, стрелок (С) — ряд. Калашников; 2-е отделение: КО-2 — мл. с-т Соболев; НО — ряд. Никитин, МВ — ряд. Жайляулов, Сн — ряд. Дехканов, СГ — ряд. Смоляк, С — ряд. Хазраткулов; 3-е отделение: КО-3 — мл. с-т Мешковский; НО — ряд. Субботин, МВ — ряд. Насретдинов, пулеметчик РПК74 — ряд. Алашеев, Сн — ряд. Костюк, СГ — ряд. Мельниченко, всего во взводе было по штату, да и по списку, было 20 человек.

В конце июня — начале июля многие сержанты и солдаты взвода уволились в запас, прибыло молодое пополнение — около 10 человек, прошедшее подготовку в учебных мотострелковых частях в Туркмении и бригаде спецназа в Бердске. — интересно, что из Новосибирска в Афганистан их отправлял мой однокашник по Омскому ВОКУ — Сергей Юров. Позже произошли другие изменения, в том числе в воинских званиях, и списочный состав взвода стал следующим: управление — ст. л-т Магерамов, ряд. Назаров, 1-е отд.: ст. с-т Отамирзаев, рядовые Легков, Хакимов, Хазраткулов, Азаматов, Парпиев; 2-е отд.: с-т Казаков, рядовые Саидкасимов, Думич, Сырых, Костюк, Жураев, 3-е отд.: мл. с-т Мацюра, рядовые Рошин, Седухин, Савенко, Алашеев, Джуманов. Непосредственно перед операцией во взвод на должность снайпера был назначен рядовой Онисковец, не помню уже, вместо кого.

С 4-й роты для участия в боевых действиях было выделено десять БМП — вся наличная в тот момент техника, и около шестидеся-

ти человек личного состава. За два дня до операции мы с другими взводными распределили людей по машинам, учтя при назначении, как обычно, психологический аспект взаимоотношений военнослужащих в этих микроколлективах. При подобных назначениях мы частенько перебрасывали солдат не только из отделения в отделение, но и из взвода во взвод, а сработавшиеся экипажи машин, как правило, были неизменны. С моего взвода было задействовано для участия в операции около пятнадцати человек. В пункте постоянной дислокации от роты осталось около двадцати человек для несения внутренней и караульной службы, а также больных. Был у нас во взводе рядовой Алашеев, очень хороший и добросовестный солдат, который, трижды переболев гепатитом, имел очень слабое здоровье и редко привлекался для участия в операциях, а увольняться в запас по болезни он не захотел. В таких случаях Алашеев был бессменным дежурным или дневальным по роте и в связи с этим иногда становился объектом беззлобных «подначек». А вообще, в батальоне считалось позором, если солдат, сержант, прапорщик или младший офицер, будучи здоровым, не шел по какой-либо причине на боевую операцию.

Отношение военнослужащих к ведущейся в Афганистане войне было неоднозначным, каждый понимал, что в боях против наших войск прямым или косвенным образом участвует практически всё местное население и поэтому его нельзя за это сильно наказывать. Как метко подметил в 1987 году журналист Артем Генрихович Боровик, «Первая стадия длилась обычно до трех месяцев, в зависимости от прозорливости или догматизма вновь прибывшего: «Война идет нормально, надо добавить еще двадцать-тридцать тысяч войск, и тогда вообще все будет чик-чик». Вторая стадия (пять месяцев): «Уж коли мы ввязались в это гиблое дело, надо быстрее довоевывать. Тридцатитысячной добавкой тут не обойтись. Чтобы перекрыть границы, нужна еще по крайней мере одна армия». Третья стадия (еще полгода): «Нет, братцы, что-то тут глубоко не так. Ну и вляпались же мы!» Четвертая стадия: «Братва, надо делать отсюда ноги. И чем быстрее, тем лучше».

Конечно, если бы войскам поставили задачу на полное истребление населения страны, при определенных условиях они ее выполнили, но такой подход полностью не соответствовал принципам, характерным для нашей армии и задачам, ставящимся советским войскам в Афганистане. Напротив, отношение партийной верхушки СССР к «продолжению политики иными средствами» и Ограничен-

ному Контингенту больше напоминала какую-то шизофрению, но всем при этом было непонятно — кто же больной? Уже в первые годы войны стало очевидно, что наши войска при такой численности — чуть больше 100 тысяч человек никогда не смогут контролировать всей территории страны, но контингент не только не увеличивался, а, наоборот, сокращался — слухи о введении в Афганистан дополнительных войск так и остались слухами. На местах же новым явленным ханам и бекам с членскими билетами НДПА было достаточно вести больше риторики о благодарности к СССР, уважении к его вкладу в дело мира и к его Вооруженным силам, твердо выражать намерение построить в стране социализм. И таким руководителям прощались коррупция, преступления, а зачастую открытый саботаж всех проводимых нашими войсками мероприятий. Афганская армия, как впоследствии сказал о ней Ахмад Шах Масуд, «...опиралась на штыки солдат чужого государства и поэтому... ничего собою не представляла...»

Именно потому наш батальон почти всегда действовал самостоятельно и с непостижимым для нас постоянством, будучи чуть ли не единственной «мобильной» силой в Шиндане, выходя на операции, «брал» назначенный ему район, выполняя поставленную задачу. А потом без боя уходил, чтобы через месяц, а то и раньше вернуться, и вновь атаковать те же самые вражеские позиции. И так из месяца в месяц, из года в год! Я однажды в офицерском модуле обнаружил старые рабочие карты командира 5-й мср капитана Шумилова за 1985 год, и выяснил, что батальон в это время тоже был «рейдовым», и боевые действия он вел все там же — в Кандагаре да Гильменде!

А иногда нам в 1988 году даже поступали совершенно бессмысленные, если не сказать больше, приказы в масштабе всей сороковой армии — не открывать огня даже в случае обстрела противником, приуроченные, как правило, к периодам так называемого «национального примирения». Ввиду нежелания подставлять свои головы под пули непосредственные исполнители подобные приказы просто игнорировали, хотя и сокращали активность в стрельбе, при этом огонь в стране немного стихал, но отнюдь не прекращался.

Несомненно, что бессистемность проводившихся такими методами боевых действий, часто сопровождающихся при этом гибелью людей и уничтожением дорогостоящей техники, накладывала отпечаток и на участвующий в них личный состав, ведь у наших войск не существовало мотивированной идеи защиты государства, а

лозунг «интернациональной помощи афганскому народу» был, в общем-то, чужд советским военнослужащим.

Каждодневно сталкиваясь с коррупцией, нежеланием простых афганцев воевать за «Саурскую революцию», а то и с переходом на сторону врага не только отдельных представителей, но иногда целых подразделений, частей «народной» армии и чиновников местной власти наши бойцы и командиры меняли свои взгляды на пребывание ОКСВА на территории Афганистана.

Документ, подготовленный по сведениям ГРУ ГШ, МГБ ДРА, штабов афганской и 40-й армий и носящий название — «О фактах предательства и дезертирства в ВС РА» приводит следующие сведения за апрель — июнь 1987 года: «...по официальным данным... [из ВС ДРА] дезертировало: в январе — 2350, феврале — 2600, марте — 2900, апреле — свыше 3000 военнослужащих. ...В качестве примеров можно привести следующие. В ночь на 3.04.1987 на сторону мятежников перешел батальон 34-го пп из состава 2-го армейского корпуса, г. Кандагар. По приказу командира батальона офицеры и солдаты, не пожелавшие дезертировать, были расстреляны. 27.04.1987 93-й батальон царандоя (Северный Баглан, 110 чел., 2 БРДМ, 3 миномета, 5 автомобилей)... перешел на сторону мятежников сразу же после участия в параде, посвященного 9-й годовщине Апрельской революции. ...В ночь с 11 на 12.05.1987 командир 72-го полка царандоя Шабон (провинция Баглан) во главе отряда до 300 человек (2 БТР, 2 миномета, 368 единиц стрелкового оружия) ... перешел на сторону мятежников». И подобные факты в то время можно было приводить до бесконечности...

Что говорить, если один из семи самых первых членов ЦК НДПА 1965 года, впоследствии — один из высших руководителей государства и министр иностранных дел Г.Д. Панджшери платил со своей недвижимостью, находящейся в районе ущелья «Пяти львов» сбор Ахмад Шаху Масуду. Данный налог был установлен для всех жителей провинции независимо от их национальности и партийной принадлежности — об этом позорном факте поведал корреспонденту российского телевидения Киселеву сам «Панджшерский лев» незадолго до своей гибели!

Все наши военнослужащие прекрасно видели происходящее, поэтому отношение людей к ведущейся войне представляло собой, по словам Александра Проханова «...мрачный, жертвенный стоицизм», основной идеей которого была формула — «если не я, то

кто?». В мотострелковых подразделениях чаще жили по принципу: «от службы не беги, но службы не ищи», но многим, сейчас их называют «пассионарными» личностям, например разведчикам, часто просто нравилось участвовать в боевых действиях. Ведь атмосфера в ходе них была более либеральной, чем в пунктах постоянной дислокации, имелась возможность отличиться, а, кроме того, на «боевых» люди получали такой адреналин, какой невозможно было получить при других видах деятельности!

Не последнюю роль играло и то, что в Афганистане зарплату платили чеками Внешпосылторга, на которые в стране тотального дефицита можно было приобрести хоть какие-то товары, и поэтому эти денежные знаки представляли определенную ценность в отличие от обесценивающихся советских рублей... Впрочем, государство в конечном итоге «кинуло» все выводящиеся из Афганистана войска, отменив к 15.02.1989 года хождение в стране чеков, закрыв «Березки» и лишив возможности военнослужащих потратить альтернативную советскую валюту.

**В рр 371 мсп. На БРМ-1К «Имени погибших 23 июня 1986 года»
лейтенанты Олег Клименко (Бакинское ВОКУ-86)
и Александр Магерамов. Май 1988, застава Карвангах**

По поводу комплектования советских войск в Афганистане? Несомненно, что уже в самом начале этой войны руководству страной было необходимо прийти к политическому решению о начале перевода вначале ОКСВА, а затем и всех Вооруженных Сил на смешанно — контрактную основу. Добровольцы бы неизбежно нашлись, изменилась бы мотивация, ну а свою жизнь русский солдат испокон веков ставил ниже, чем воинский долг! Хотя надо отдать должное

командованию всех уровней, людей в ходе операций действительно берегли, в случаях оказания противником упорного сопротивления задействовались все возможные силы и средства, вплоть до привлечения дислоцированных на территории Союза бомбардировщиков Ту-16 и Ту-22М2. Во всяком случае, кровавых и бессмысленных штурмов «любой ценой» безмянных сопков, перевалов и населенных пунктов ко времени «Ч» (этот термин в армии означает мгновение, когда причинное место солдата при атаке переднего края должно зависнуть над вражеским окопом — примечание автора) войска не проводили никогда. Времени на «войну» у нас всегда было предостаточно!

Боеприпасами, как обычно, боевые машины батальона были загружены еще в парке, кроме штатных мест в боеукладках, на каждой БМП весь правый десант обычно перед операцией доверху забивался необходимым количеством ящиков с боеприпасами. А сверху, над десантным отделением боевой машины был почти всегда прикреплен большой ящик для продуктов и четырехсотлитровая водяная цистерна ЦВ-400. На боевые операции очень редко брали противотанковые ракеты — как «Фаготы», так и «Конкурсы», так как они себя зарекомендовали, как очень нежные и капризные электронные приборы, которые в случае их неправильного хранения и транспортировки часто давали отказы.

На «боевые» обычно получали на трое суток сухой паек и еще на семь — продукты россыпью. Многие полуфабрикаты, например ящики с заспиртованными батонами хлеба, жир, макароны, крупы и овощные консервы мы обычно грузили прямо в моторно-трансмиссионное отделение, под ребристый лист БМП. Все остальное, то есть сухие пайки, тушенку, сахар, чай, консервированный плавленый сыр и т.д. грузили в ящик для продуктов. Кроме того, сверху на боевые машины обычно привязывали казаны, чайники, брезенты, маскировочные сети, сбоку струбцинами крепили к бортам запасные опорные катки, а еще брали с собой дрова для приготовления пищи. Ведь на дизельном топливе мы готовили лишь в крайних случаях, так как пища пропитывалась ее запахом. Хотя был однажды случай, когда из-за долгого отсутствия хлеба нам пришлось печь лепешки на моторном масле МТ-16п. Запах и вкус у них был наимерзопакостнейший! На башнях боевых машин позади люков обычно устанавливали для командира и наводчика пару сидений от автомобилей, особенно удобными на марше были водительские сидения КАМАЗ с высокой спинкой.

Форма одежды у личного состава и специально подготовленные для строевых смотров вещмешки после окончания проверки обычно менялись на «подменку», вид которой особо не регламентировался. Это могло быть и хлопчатобумажное обмундирование (ХБ), которого в Афганистане было несколько видов, и полушерстяное (ПШ), некоторые брали на войну спецназовскую, горную и даже старую парадную форму, кто что добудет. Под запретом, но не очень строгим, в батальоне были только кроссовки и «костюмы защитные сетчатые» (КЗС). Обязательными же были: головной убор – панاما или кепка, стальной шлем, обмундирование перечисленного выше вида, четырехкилограммовый бронезилет Ж81 (6Б2), которые в полку за редким исключением почему-то были очень затрапезного вида и почти лишены титановых пластин. Что, однако, не помешало основной их массе после вывода попасть для «прохождения дальнейшей службы» в 56-ю десантно-штурмовую бригаду и одному из моих солдат перед отправкой в Баку даже достался бронезилет с биркой санинструктора 4-й мср сержанта Храпова. В этой защите нам пришлось пройти еще целый ряд боев на Кавказе и Средней Азии.

В экипировку солдата входили, кроме того: личное оружие, снаряжение, боекомплект в подсумках или китайском нагруднике, который в полку называли «лифчиком», а афганцы – «синегИ» с ударением на последней букве. Кроме того, очень много патронов, гранат, наземных огней и дымов, сигнальных, зажигательно-дымовых и осветительных патронов грузилось в вещмешок, РД-54 или трофейный рюкзак – в зависимости от вкуса и пристрастий его владельца. Во всяком случае, такая небольшая емкость, как рюкзак десантный образца 1954 года (РД-54), подготовленный для действий в пешем порядке в горах, и под завязку забитый боеприпасами, весил около сорока килограммов. У каждого солдата было по две полуторалитровые фляги с водой, но на «боевые» при действиях на технике обычно брали лишь одну платмассовую или восьмисотграммовую алюминиевую. На ногах у всех в обязательном порядке должны были быть ботинки или сапоги, наибольшей популярностью пользовались ботинки «с высоким берцем» производства омской обувной фабрики, так называемые «экспериментальные», очень легкие и на рифленой подошве. Но носили и другую обувь: хромовую, прыжковую, «сарбосовскую» производства Чехословакии или горную с отвинченными от подошвы металлическими зацепами. Офицеры, особенно в полку, часто надевали перекрашенные в черный цвет форменные туфли фирмы «Цебо» (ЧССР) или любые другие полуботинки – я, в част-

ности, с 1988 по 1991 год носил купленные в Германии черные кроссовки «Адидас» югославского производства, очень похожие на туфли.

Из «карманной артиллерии» наибольшей популярностью пользовалась оборонительная граната Ф-1, реже применяли наступательную РГД-5, а РГ-О и РГ-Н, хотя и использовались, но не очень охотно, и при малейшей возможности заменялись «эфками». Не знаю, с чем это было связано, при мне у этих вполне современных гранат с взрывателем мгновенного действия отказов не было ни разу, возможно, их не любили потому, что нельзя было бросить под ноги, чтобы подорвать себя вместе с врагами и избежать плена. У этих гранат был встроенный дистанционный взрыватель, поэтому ими также нельзя было заминировать что-либо. В комплекте имелись отвратительного исполнения (плохо вскрывались) пластмассовые укупорки на 4 взрывателя каждая. А наступательную РГ-42 «за речкой» мне вообще не удалось увидеть ни разу, что было странно, так как эта граната была гораздо мощнее и «дальнобойнее» РГД-5 и в ГСВГ я однажды наблюдал случай поражения солдата такой гранатой на расстоянии в две сотни метров, причем осколок ему попал прямо в глаз. На операции, кроме случаев, когда действовали в пешем порядке, никогда не брали пистолеты: ни ПМ, ни АПС, ни ПБ или АПБ (АО-44) не пользовались популярностью из-за маленькой дальности стрельбы, а для бесшумного огня в основном применялся автомат АКМ с патронами «УС» и прибором бесшумной и беспламенной стрельбы ПБС.

Во время боевых действий настоящим оружием считалось что-то, начиная с 7,62 мм пулемета Калашникова – ПК, снаряженного патронами с пулей «Б-32» или редкой пулей типа «З» с красной головкой, а еще более высоко котиrowались 12,7 мм пулемет НСВС «Утес», снаряженные боеприпасами с пулями «МДЗ» или автоматический гранатомет АГС-17. Это вооружение во время нахождения на блоке обычно выставлялось отдельно от БМП на так называемом «выносном» посту. Также за оружие «признавался» автомат с подствольным гранатометом ГП-25, который неоднократно производил фурор среди военных наблюдателей в Шинданте. Запомнились представители Швеции, Голландии, Ганы и Непала, с которыми меня частенько отправляли на ДУЦ – проводить занятия по стрельбе. Они, видимо, до того, как увидели ГП-25 «Костер», даже не предполагали, что на вооружении Советской армии есть такое оружие и

оно из-за отсутствия гильзы гораздо более эффективно, чем американский M203. Во всяком случае, увидев гранатомет, они буквально с остервенением начинали его фотографировать!

Снайперов, как и снайперских винтовок СВД, во взводе было три. Хотя в дивизии и существовала нештатная, «сводная» снайперская рота, наши снайперы, закончившие «учебку» по этой специальности или назначенные на данную должность уже в подразделении, находились при взводе. Автоматы, а ими могли быть АК74, АКС74, АКМ или АКС74У считались за личное оружие, и ими вооружались все военнослужащие, включая часто и тех, кто должен был носить ручные пулеметы РПК74, пистолеты и гранатометы РПГ-7, в том числе расчеты НСВ и АГС. Ручных пулеметов в подразделениях было мало, например, у меня во взводе — только один, который был в комплекте с ночным прибором НСПУ, а РПГ-7 отсутствовали вовсе, когда-то очень давно их сдали на склад и больше не получали, а изредка вместо них на боевые брали одноразовые РПГ-18 «Муха». К автоматам АК74, АКС74, отказов при стрельбе из которых, вопреки распространенному мнению, у нас практически не было, обычно снаряжалось от четырех до десяти магазинов. Предпочтение во всех случаях отдавалось магазинам от РПК74 на 45 патронов, плюс до тысячи патронов неприкосновенного запаса всегда держали в вещевом мешке или РД в емкости, сделанной из рукава ХБ. Таким образом,

Показ оружия и снаряжения взвода иностранным наблюдателям ООН.

Слева направо: представитель от Швеции, ст. л-т Магерамов, с-т Казаков, представитель от Голландии, ряд. Дехканов; на личном составе надеты специально для такого случая полученные новые бронежилеты 6Б3ТМ.

Расположение 371-го полка, между модулями 4-й и 5-й рот, Шиндант, лето 1988 г.

рота, выдвигающаяся на боевые действия, обычно сильно напоминала цыганский табор из-за заплатаанных бронежилетов, разношерстной формы одежды, висящих на броне закопченных чайников и казанов, а также свисающих ключев сетчатой ткани от маскировочных тканевых комплектов МКТ-Т, которыми все военнослужащие обычно оборачивали свои стальные шлемы, чтобы они поменьше нагревались на солнце и не давали бликов.

Примерно такое же количество личного состава — около 60 человек и техники вышло на ДУЦ с 5-й роты под командованием ее заместителя старшего лейтенанта Нуриддина Азимжанова (Ташкентское ВОКУ — 1984), принявшего временное командование вместо находящегося в отпуске штатного командира — капитана Богдана Михайловича Микульского. И столько же от 6-й роты под командованием капитана Мошкарёва, прибывшего недавно на замену уехавшего в Союз старшего лейтенанта Юрия Степанова, выпускника Омского ВОКУ 1985 года. Еще около семидесяти человек — офицеров, прапорщиков, сержантов и солдат вышло в рейд с минометной батареей (командир — старший лейтенант Юрий Владимирович Есенкин) и отдельных взводов батальона — разведывательного (старший лейтенант Мурад Цебоев, Орджоникидзевское ВОКУ, 1983), гранатометного (старший лейтенант Александр Иосифович Усович, Омское ВОКУ, 1984), связи (командир — старший лейтенант Олег Аброев), зенитно — ракетного (в котором, кстати, зенитных ракет не было никогда) и взвода материального обеспечения (к сожалению, не помню фамилий прапорщиков, командовавших ими в ходе октябрьской операции). Итого с батальона для сопровождения колонны было задействовано около 250 человек личного состава и примерно 40 единиц бронетанковой техники. Кроме того, в состав оперативной группы дивизии были включены все наличные боевые (у нас, их называли «рейдовые») подразделения нашей дивизии — 3-й батальон 101-го мотострелкового полка из Герата, 650-й отдельный гвардейский разведывательный батальон, по одному дивизиону в состав оперативной группы было придано с арtpолка дивизии — самоходные «Акации» и с 28-го реактивного артиллерийского полка, у нас его называли «РЯПом» — «Ураганы». В общем, подразделения в рейд собирали, как говорится, «с бора по сосенке».

Дело в том, что после вывода в 1986 году 24-го гв. танкового полка и «сводного», так называемого «371-го «А» полка (220-го гв. мсп), в которые были включены все люди и техника дивизии, подлежащие отправке в Союз, а в августе 1988 года — нашего 12-го гв.

мотострелкового полка, в дивизии возник дефицит боевых подразделений... В том же августе 3/371 мсп был выведен с участка трассы Гиришк—Галамех, а 1-й батальон еще раньше возвращен из города Чагчарана провинции Гур, и они оба были поставлены на заставы непосредственно вокруг Шинданда вместо выведенных подразделений 12-го полка. Все остальные, имеющиеся в дивизии мотострелковые батальоны 101-го мсп, стояли на заставах вокруг Шинданда, Герата, вдоль дороги Шинданд — Рабати-Мирза, осуществляя охрану военных городков и трассу.

Кроме того, командованием было принято решение об участии в боевых действиях еще некоторых подразделений — как наших дивизионных, типа 680-го инженерно-саперного батальона, дислоцированного в Адраскане, 164-й отдельной огнеметной роты, 1377-го отдельного противотанкового дивизиона и других частей, так и чужих. В частности, в этот рейд с нами пошла одна из рот 2-го батальона 345-го парашютно-десантного полка. Его усиленный 3-й батальон был переброшен накануне из Баграма в Шинданд для охраны штаба дивизии во время нашего рейда. Об этом автору сообщили бывшие военнослужащие 345-го полка, и они свидетельствуют о переброске в Шинданд 6-й, 7-й, 8-й, и знаменитой теперь 9-й роты.

На время проведения операции «баграмцы» получили БТРы комендантской роты дивизии, а размещались они рядом с 371-м полком — в «модулях» противотанкового дивизиона дивизии, и во время подготовки к рейду запомнились тем, что почти круглосуточно занимались строевой подготовкой. Видимо, их наказали за какую-то провинность или приводили в чувство после «боевых», так как вид у солдат был довольно несчастный в отличие от бойцов роты, которая выходила с нами в рейд.

Из 371-го полка в состав оперативной группы дивизии были, кроме того, включены: части 2-й и 7-й мотострелковых рот, разведывательная рота, сводная танковая рота на штатных Т-62Д, артиллерийская батарея самоходных гаубиц 2С1 «Гвоздика», установки «Град», инженерно-саперная рота. Все эти подразделения в ходе рейда поочередно выставлялись на блоки на маршруте движения оперативной группы, разведывательная рота полка, в частности, стояла в районе Черных гор недалеко от Гиришка. Для переброски грузов, кроме советских автомобильных колонн были привлечены подразделения афганской армии, а всего для участия в марше, согласно боевого приказа, выстроилось около двух тысяч автомобилей. Часть из них везла грузы в Гиришк и другие точки по ходу маршрута движе-

ния, а также Лашкаргах. Сверху нас должна была поддерживать авиация — вертолеты огневой поддержки, штурмовики и бомбардировщики, для непосредственной корректировки в состав подразделений были назначены авиационные наводчики, а для связи были задействованы самолет поддержки и самолет — ретранслятор с позывным «Ястреб»...

Вся эта армада сосредоточилась на учебном центре и, как обычно перед всеми подобными рейдами, в ней начался грандиозный строевой смотр, воспетый в песнях наших дивизионных бардов из 12 мсп Сергея Евгеньевича Зыкова и Валерия Анатольевича Зубарева. Именно ими были в свое время сказаны бессмертные слова:

Ну, как сражаться лежа или стоя,
Вопрос неясен, если бирки нет?

Конечно, кроме соответствия приказу Министра обороны СССР бирок на вещмешках, противогазах и общевойсковых защитных комплектах личного состава, в дивизии была проведена проверка вооружения и техники, боеприпасов, снаряжения, материальных средств, проведены сотни других мероприятий, обязательных в ходе подготовки столь масштабной операции, частям и подразделениям были поставлены боевые задачи. Этот момент был увековечен для истории фотокорреспондентами, и фотография офицеров оперативной группы 5-й мсд опубликована на страницах 104—105 книги «Афганская война. Как это было».

**Постановка боевых задач командирам подразделений ОГ
5-й гв. мсд: третий справа - Усович, 6-й - Есенкин, 8-й - Магерамов,
9-й, полубернувшись, - Гуцин. ДУЦ, 19.10.1988 г.**

Из боевого приказа мы уяснили, что 2-й батальон должен непосредственно выполнять задачу, поставленную ОГ, а все остальные подразделения, участвовавшие в рейде, лишь обеспечивали ее исполнение — проводку колонны на плотину Каджаки. Наша, то есть 4-я мср (без моего, 2-го мсв) под командованием командира роты — выпускника Московского ВОКУ 1986 года, в ходе марша была назначена для действий в составе головной походной заставы. В роте из командного состава были в наличии только командиры взводов, за исключением убитого весной командира первого мсв, чья должность до сих пор оставалась вакантной, а также замполит роты лейтенант Долгов, выпускник СВВПТАУ 1987 года. Старшего техника в роте уже не было, а молодой прапорщик, прибывший на место бывшего старшины роты — старшего прапорщика Костюка, буквально на днях заменившегося в Союз, остался в ППД. Отсутствовал и заместитель командира роты — выпускник Московского ВОКУ 1986 года, так как он уже давно исполнял обязанности помощника военного коменданта Шинданда. Все эти безобразия были следствием почти полного отсутствия в роте техники, из-за чего подразделение до сегодняшнего дня почти никогда не могло в полном составе выйти в рейд. Мой взвод командиром батальона был назначен в тыловую походную заставу дивизии и вскоре, отдав личному составу боевой приказ, я поставил свои две машины в хвост колонны. Мы с сержантами взвода — Отамирзаевым и Казаковым, начавшими недавно отсчет третьего года срочной службы, стали готовить взвод к маршу, назначенному на раннее утро, а третий наш сержант, недавно прибывший из «учебки», решением командования остался в пункте постоянной дислокации бессменным дежурным по роте.

Неожиданно вечером всех офицеров роты собрал комбат и сообщил, что наш командир роты заболел «афганским букетом», то есть гепатитом, тифом и малярией одновременно, что было в этой стране достаточно распространенным явлением, и уже убыл в госпиталь. Сергей Николаевич почему-то не стал сам назначать исполняющего обязанности (ИО) командира роты, а поинтересовался у нас, кто будет командовать подразделением в рейде. Поскольку из роты в строю оставалось вместе со мной всего три офицера и один прапорщик, а я был старший по званию среди них, то, разумеется, принял командование на себя. Тем более что на всех предшествовавших этому дню операциях, начиная с вывода 70-й мотострелковой бригады и 22-й бригады спецназа в августе, когда старший лейтенант Толстов, выпускник Киевского ВОКУ 1985 года,

уезжающий в Союз по замене, сдавал должность, а новый ротный ее принимал, мне уже неоднократно приходилось исполнять обязанности командира роты. Так мой взвод был вновь поставлен в строй роты, а 3-й мсв лейтенанта Александра Слободенюка, выпускника Алма-Атинского ВОКУ 1987 года, был назначен в состав тыловой походной заставы.

20 октября 1988 года

Рано утром выдвинул вперед колонну роты. Перед выездом в подразделение прислали арткорректировщика — офицера с артиллерийского дивизиона нашего полка. Было пять часов утра. Вперед проследовал «Клен» — отряд обеспечения движения (ООД №1, а всего их было три), состоящий в основном из саперной техники и танка с колежным минным тралом КМТ-4, которых в паре обычно называли: «слон с яйцами». Потом командир нашего полка подполковник Ликонцев дал команду моей роте, и мы начали движение. Порядок построения колонны роты был такой: 546, 502, 540, 544, 543, 541, 542, 041. С БМП у нас в роте впервые за полгода дела обстоят хорошо — почти полный штат, не хватает лишь по одной машине во 2-м и 4-м взводах, а перед этим было не редкостью, когда в роте в наличии было всего по 3-4 машины. В июне, когда мы ходили на иранскую границу выводить афганских малишей, в моем взводе была вообще только одна БМП — 545-я. Хронический некомплект техники продолжался в батальоне много месяцев, если не лет, ведь в среднем у нас подрывалось и уничтожалось по 2-3 боевых машины в месяц, а новую технику нам в связи с предстоящим выводом не поставляли ни разу. Единственным крупным вливанием за последние полгода была передача нам в августе БМП-2Д десантно-штурмового батальона и разведывательной роты 70-й мотострелковой (в некоторых источниках ее называют «общевойсковой» из-за входившего в ее состав дшб — примечание автора) бригады и аналогичных боевых машин 22-й бригады специального назначения из Лашкаргаха — всего около тридцати БМП. Тогда все подразделения батальона прибыли из рейда в Герат и обнаружили в парке оставленные для нас боевые машины пехоты, в результате «дележа» которых мы были впервые доукомплектованы техникой практически до полного штата. Командир 3-го взвода роты лейтенант Александр Слободенюк со своим взводом на трех БМП-2Д — тыловая походная заставка дивизии и действует отдельно от роты. Остальная рота на восьми машинах

вместе с 502-й начальника штаба батальона — головная походная застава, и действует впереди, сразу за отрядом обеспечения движения №1.

После начала движения в ООД сразу начали ломаться машины. Учитывая то, что, начиная с 55-го километра, от Шинданда в сторону Кандагара наших войск не было уже два месяца, а подразделениям «зеленых», стоящим на блоках, мы не доверяли никогда, двигались очень осторожно. Первый осмотр саперами моста на 55-м километре был безрезультатен. Там же начала отслаиваться резина на опорных катках БМП №041 нашего гранатометно — пулеметного взвода... Это был какой-то бич данного марша для единственной и многострадальной машины гпв: или ломались торсионы на стыках бетонных плит трассы, разбитых многолетним движением гусеничной техники, или отслаивалась и горела резина на опорных катках.

Пошли первые отголоски войны: разбитые и сгоревшие танки, БМП, БТРы, правда, единичные, и сотни автомобилей, лежащих на обочинах в самых причудливых позах умирающих — обугленные, взорванные и простреленные. Виднелись огромные дыры в бетонном покрытии дороги площадью в десятки квадратных метров от фугасов, вздыбленная к небу арматура дороги — результаты подрывов, «духовских» и наших засад в многолетних непрерывных боевых действиях на трассе. И множество наших обелисков на местах гибели солдат и офицеров. Попался на глаза один, который я уже видел раньше, во время первого выезда на бетонку в апреле: лейтенант Александр К... (не уверен, но мне кажется, что фамилия на обелиске была «Козырь» — примечание автора). Родился он в 1966 году, а погиб в феврале 1988 года. Младше меня на год и уже мертв! Видимо, «колонник» из одного из многочисленных автомобильных батальонов.

Начальник штаба нашего батальона майор Сафонов (Павел Петрович, Орджоникидзевокое ВОКУ — 1978) на своей 502-й взвода связи идет сразу позади меня. У него это первый рейд, он только месяц назад приехал в Афганистан. Перед началом рейда командир батальона капитан Гушин поставил его мне в колонну и приказал смотреть за ним. Ему, соответственно, приказал контролировать мои действия, но не вмешиваться — нормальная практика в Афганистане, где полковника вполне могли поставить в подчинение прапорщику, так как прапорщик уже был в Афганистане некоторое время и имел опыт, а полковник — нет. У меня это пятый рейд, не считая засад, поисков и реализаций разведанных. В глазах комбата я —

уже ветеран с опытом, и он без зазрения совести ставит мне под команду майора.

Из-за явных признаков «работы» «духов» настроение не очень хорошее. Все в основном озираются, знакомый холодок в спине. Ведь за нами на марше почти всегда наблюдают ненавидящие глаза невидимых наблюдателей, и только шестое чувство подсказывает это сидящим на броне! Во время выходов на «боевые» вообще невозможно выполнять поставленную задачу, не подготовив себя заранее к неизбежной смерти или тяжелому ранению, и лишь где-то в глубине души у каждого из нас теплится надежда на благоприятный исход операции. Ведь если ты будешь каждую секунду ждать пули или разрыва, то через некоторое время окажешься в десятом отделении Ташкентского госпиталя, а так ты просто уверен в своей неизбежной смерти, неважно, когда она произойдет, через секунду или через много лет и поэтому возвращение из рейда воспринимаешь, как подарок судьбы. А может быть отсрочку в исполнении приговора?.. Впрочем, на «боевых» все наши инстинкты обостряются, поэтому никто за дешево свою жизнь не отдаст ни за что!

Случайно сделанный снимок: момент подрыва на mine МТЛ-Б, следовавшего в колонне (фото из архива Х.А. Капкаева)

Вскоре мы вышли в долину. Далеко впереди виден Фарахруд с его зданием в три этажа — единственное многоэтажное здание, которое я видел за последние полгода в Афганистане. В этом громадном по афганским меркам доме еще три месяца назад сидел 8-й батальон 22-й бригады спецназа, а теперь... Теперь не знаешь, чего ждать оттуда... Не доходя до Фарахруда, мы свернули влево, я подъехал к начальнику оперативной группы полковнику Дружинину (Альберту

Ивановичу?) из штаба дивизии и получил от него задачу. Начал выставлять машины на блоки к югу, огибая район ночного отдыха дивизии. Нарвались на стадо баранов, но забирать у чабанов, его охранявших (это были рабы местных пуштунов с отрезанными языками) скотину не стали — в рейдах нас всегда кормили отлично. Рота стала на блоки, я им уточнил задачи, и мы стали готовиться к ужину и сну. Нарисовал еще схему ротного опорного пункта, командиры машин представили карточки огня БМП, а бойцы тем временем сделали инженерное оборудование позиций. Наутро мой механик-водитель рядовой Хакимов что-то сотворил с машиной, мы проснулись — а она не заводится, часа два возились с топливной системой. Вышли немного с опозданием, и начался новый день и новый участок трассы: Фарахруд—Диларам.

21 октября 1988 года

В 5 часов утра начали движение навстречу восходящему солнцу. В разряженном воздухе оно казалось большим, чем обычно. Очень холодно, так как уже наступила осень, а высота над уровнем моря здесь около 1000 метров, но днем, когда солнце согреет землю, будет гораздо теплее. До заставы «Фарахруд» дошли быстро, прошли мост, знаменитый для батальона тем, что несколько лет назад с него упала 545-я БМП, которая три недели назад была наконец-то сдана в капитальный ремонт. До этого она долгое время стояла с поврежденным падением стабилизатором вооружения, пока ее не отремонтировали для участия в рейде на «иранку» летом наши взводные Кулибины — рядовые Никитин и Субботин. Где-то в 10 километрах в сторону Галамеха я увидел сгоревшие БТРы, которых раньше на дороге не было — видимо, результаты вывода в Союз 70-й мотострелковой бригады в августе. Часам к 10 утра солнце стало припекать, но мы уже прошли Чекаб, где весной в разведро-те слишком поздно узнали о «духовском» складе с оружием и после пуска ПТУР в пещеру, где он находился, нашли только архаичное кремневое ружье 1817 года. Везде стояли блоки «зеленых», хорошо вооруженных и на технике. В районе разгрома колонны № 0016, где наемниками было уничтожено два наших танка, несколько БМП, одна БРДМ, трактор и около 30-ти автомобилей, по сей день ржавеющих на обочине, вспомнилось о проведенных здесь весной в составе разведывательной роты мероприятиях — засадах, поисках, «проческах» кяризов, представленных здесь в невиданном количе-

стве, проводках колонн, обезвреживаниях неисчислимого количества мин и фугасов. Вспомнились подземные реки, кишасщие форелью и горные озера с крабами, огромное количество которых весной образовывалось в местной округе... Вот на этой горке мы тогда «торчали», когда начался «афганец», в этом кяризе мы прямо руками ловили форель, а возле вон тех кустов рядовой Багин от бедра застрелил зайца!

Разведывательная рота нашего полка, до августа 1988 года стоявшая на Дилараме, несколько лет до этого дня имела позывной в эфире «Кобра», его знали и побаивались все окрестные «духи». В этот раз его почему-то сменили и на сегодняшнюю операцию разведчики шли с позывным «Ватага». А еще вспомнился солдат, приданный нам весной в разведку из полковой инженерно-саперной роты — воистину сапер от бога и самородок с шестым чувством, знавший наизусть каждый бугорок и ямку проходимого нами сейчас участка трассы и неоднократно спасавший нас от верной смерти...

Потом мимо проплыла застава «Карвангах», где мы стояли на охране трассы весной, и вскоре колонна прошла «место позора», как я его назвал еще весной и где лично сильно «обмишурился». В один из воскресных дней командир разведывательной роты капитан Дадаев устроил что-то типа военной эстафеты для личного состава роты. Кроме выполнения нормативов по установке аккумуляторов на БМП, подтягиванию в экипировке на перекладине, разборке оружия, перевязке и переноске раненого в качестве завершающего этапа было назначена стрельба по гильзам к оружию 2А42, в которой должны были участвовать командиры взводов. Я в тот день позорно промахнулся, так как накануне халатно отнесся к пристрелке своего автомата. Меня не утешило даже то, что в тот день все взводные стреляли аналогично, и на следующий день тщательно пристрелял свой АКС, а потом еще две недели непрерывно тренировался на мелких пташках, крабах и гильзах. В конечном итоге пристрелялся так, что, сидя на движущейся по трассе БРМке, на лету сбил куропатку, которых здесь было огромное количество. Мы частенько устраивали на них охоту, чтобы разнообразить свой рацион, так как мясо у них было очень вкусное, белое, похожее на куриное.

За «Карвангахом» было место, где были убиты два танкиста нашего полка, устроивших при помощи ствола своего танка шлагбаум, и назначивших таксу за проезд по трассе с проезжающих афганцев. Когда последним надоели поборы, они наняли «духов» и те, подк-

равшись к танку по дренажной трубе, застрелили танкистов, причем наши солдаты афганцев за это даже не осуждали, считая, что они пострадали за дело.

Потом за бортом остался небольшой перевал, мост и застава «Дехтут», а за нею — «Чара», что в переводе с дари-фарси означает «черная». Это тоже бывшая сторожевая застава нашего 3-го батальона, а рядом с нею возвышается очень темная гора, обозначенная на картах, как «Чара». Вблизи она похожа на колоссальную медведеподобную глыбу и, по-видимому, является разумным существом — возле нее никогда не покидало ощущение, что оно равнодушно взирает на нас, мелких козявок. Возле горы когда-то находился одноименный кишлак, от него сейчас остались только несколько полуразрушенных строений из сырцового кирпича с характерной для местных построек куполообразной крышей. На трассе недалеко от развалин возвышался избитый пулями обелиск в память советского инженера и его жены Галины Сергеевны, погибших в результате селевого потока в 60-х годах, еще во время мирного строительства бетонки. Не знаю, почему, но запомнилось именно имя-отчество жены, а не фамилия покойного инженера. Кто-то из очевидцев, занимавшихся строительством в те давние времена, рассказывал, что когда в здешних краях располагались лагеря дорожников, король Афганистана под угрозой проведения карательной экспедиции приказал местным пуштунам не обижать советских, болгарских, а еще раньше американских специалистов — последние строили плотину и электростанцию Каджаки, на которую мы сейчас выдвигались. Поэтому все межплеменные битвы афганцев и перестрелки в те дни происходили либо до лагерей дорожников, либо после них.

Далее располагалось рукотворное озеро, изготовленное с помощью подрыва пяти тонн взрывчатки, в котором мы обычно в разведке охлаждались после жаркого дня, нащупывая ногами на дне водоема неразорвавшиеся снаряды. Затем — опять долина, и справа — как мираж среди марева и тысяч маленьких смерчей — обсаженная деревьями дорога от Диларама на Фарах. Диларам прошли около 12 часов дня. Ни Бобсона, ни Гуляма возле дуканов я не увидел — их уже, видимо, убили за эти два месяца, как наших бывших друзей, а «зеленые» стояли в нашем, разведготовском, построенном в 60-х годах болгарами, мотеле. Он был сложен из мощных бетонных плит, спокойно выдерживающих попадания РС и мин.

Не останавливаясь, мы прошли еще около десяти километров в сторону Кандагара и, получив от полковника Дружинина задачу,

начали выставлять блоки по окрестным горкам. С тоской посмотрел на оставшуюся позади запруду реки с чистой, как слеза водою, кишашей, как обычно крабами, на которую в теперь уже незапамятные времена мы ходили купаться. Ностальгию развеять не удалось, поэтому мылись с бойцами на блоке через шланг «цевешки» водой, шедро посыпанной хлоркой.

А потом снова пришлось отправлять прапорщика Грицай на 041-й чиниться в техническое замыкание — у него «накрылось» сразу четыре опорных катка. Еще днем мы прощупали местность — искали мины, но молодой сапер с такой же собакой оказались слишком неопытными и не нашли спрятанную в россыпи камней гранату — обычное дело для подобной их проверки, и были с позором изгнаны с позиции. Ночь под ослепляющими местными звездами, которые в ту минуту смотрели на мой родной дом, прошла спокойно.

22 октября 1988 года

В 4-00 утра рота сняла машины с блоков. Вся техника вышла к дороге, кроме замполита лейтенанта Долгова. Он потерялся и отсутствовал минут сорок. Потом, когда уже начало светать, вынырнул из густого утреннего тумана. По команде комбата начали движение по направлению Диларам — Гиришк, точно в установленный им срок.

Окружающий пейзаж именно здесь, на этом участке маршрута был наиболее величественен — равнина с отдельно разбросанными на местности скалами, и только вдаль видны седые вершины юго-западной оконечности Гиндукуша. Конечно, горы в Афганистане везде на горизонте и это — очень красивая страна. Когда-то, видимо, в одной из прошлых жизней, я наверняка был здесь и видел, как по этой долине проходили войска Александра Македонского, следующие в направлении Кандагара, который тогда назывался Александрия — Арахосия. Ведь основание этого города, как и Герата, который в те незапамятные времена назывался Александрия — Ариана по названию местности, которая означала: «Страна ариев», историки приписывают именно этому завоевателю, или, как его называли в здешних краях — Зу-л-Карнейну, или «Двуроному». Даже не верится, что с тех пор прошло почти две с половиной тысячи лет, так как здесь за это время ничего не изменилось! Гримасы цивилизации совершенно не коснулись Афганистана, и все здесь сохранилось в первозданном

виде, таком, в каком эта местность существовала уже миллионы лет назад. Разве только за это время появилась бетонка, но это — наверное, единственное нововведение, внесенное цивилизацией в окружающий пейзаж. Удивительно, но на этом отрезке трассы, на которой летом невозможно стоять босиком, так она раскалена, нет даже уничтоженных машин! Вспомнился застреленный весной рядом вон с тем камнем у дороги «дух», мозги которого вперемежку с кровью и лохматыми осколками черепной коробки раскидало по бетону. Мне частенько потом вспоминалось, как они лениво булькали, закипая на солнце. Но теперь следов этой и других многочисленных смертей на дороге уже не осталось — и кровь и мозги с наступлением сумерек немедленно вылизывали шакалы.

Далее опять пошла разбитая техника, ржавые остовы «наливников», к которым мы относили не только топливозаправщики, но и грузовые машины с закрепленными в кузовах цистернами, ребра скелетов сгоревших радиальных машин, всякий валяющийся на дороге хлам... Все же, сколько человеческих трагедий произошло на этой дороге за годы непрерывных войн, следующих одна за другой на протяжении столетий! В том числе и последней, начавшейся со свержения шаха и диктатуры Дауда, плавно, но не менее кроваво перешедших в Апрельскую революцию и нынешнее вооруженное противостояние, следы которого отмечает наш опытный глаз! Тем не менее, эти обугленные тела уничтоженной техники — просто детский сад по сравнению с Кандагаром, где «духи» за последние годы спалили ее такое количество, что за заставой «Элеватор» из них построили целую стену высотой до трех метров и длиной около трех километров, на местном жаргоне ее называли «Дамба». Стену выстроили для того, чтобы «духи», выскакивающие из кяризов, как черти из табакерок, не могли сразу попасть из гранатометов по движущимся колоннам и сразу вновь спрыгнуть в колодец подземной реки, а вынуждены были маневрировать... Впрочем, это мало помогало...

Без приключений прошли Черную гору, где наши войска в начале 80-х впервые столкнулись с наемниками из арабских стран и Пакистана, которых прозвали «Черными аистами» за форму. По рассказам, тот бой был очень жестоким и обкуранные «духи» шли в атаку, не кланяясь пулям. Впрочем, этот опорный пункт сейчас охраняли афганские «коммандос» в черной униформе, которые, наряду с так называемыми «кровниками», были весьма надежными и упорными в боях подразделениями афганской армии. Не доходя до Гиришка километров тридцать, увидели на дороге недавно взорвав-

шуюся «Шилку»... Башню унесло метров на триста и, что интересно, упала она тоже на бетонку.

В Гиришке нас встречали восторженно: местное население зывало в дома, афганцы кричали, стреляли в воздух — чувствовалось, что противостояние с «духами» один на один стало их тяготить. А может, и претворялись, что тоже весьма для них характерно. Хотя выглядел народ достаточно устало, словно постоянно был в войне. Вспомнилось, доводили приказ — в сентябре «духи» пытались штурмом взять Гиришк, но их отбили. В районе Яхчали увидели столб дыма, но значения этому событию не придали. И напрасно, так как это был сигнал, которым «духовские» наблюдатели давали команду своим артиллеристам на открытие огня. Когда впереди раздался первый разрыв 82-мм мины, артиллерийский корректировщик, приданный роте — офицер с нашего артдивизиона заорал, что надо прятаться в броню. Я подал роте команду «К бою!», и все сели «по-боевому». Второй взрыв от минометной мины произошел метрах в тридцати впереди головной машины и не принес вреда уже укрытому за броней личному составу. Тогда и мы открыли огонь из пушек сначала вправо от машины в район створа с дымом, — а потом по нам с заставы «Яхчаль» открыл огонь «сербосовский», а вернее, уже «духовский» танк Т-54, и мы начали долбить по нему из пушек, заставив его замолчать, а экипаж — бежать из машины. Дальше огонь вели по всему, что шевелилось. Единственное, по кому не стал стрелять — по четырем солдатам афганских Вооруженных сил — и то потому, что они не прятались, а шли в нашем направлении в полный рост. А вообще смелость была не очень характерной чертой для солдат народной армии, невзирая даже на расстрел на месте, которому их часто подвергали местные командиры. Ведь ее комплектация была принудительно — добровольной и мы неоднократно участвовали в совместных операциях по проческе кишлаков для мобилизации рекрутов в армию. Другими людьми солдаты обычно становились, когда они дезертировали из рядов национальной армии и вливались в отряды вооруженной оппозиции — смелыми, упорными в бою и готовыми к самопожертвованию. Об афганской армии остались воспоминания, как о весьма внешне дисциплинированной организации с отданием воинских почестей даже в боевой обстановке. Зимой их солдаты были одеты в обмундирование, сшитое из советского солдатского шинельного сукна, кепи по типу немецких из того же материала и чехословацкие ботинки с неотъемными крагами. При совместных действиях советская рота по численности обычно соответствовала

афганской дивизии или корпусу, так они «обожали» воевать за свою «народную» власть!

«Духи» вскоре прекратили огонь по колонне и до поворота дороги на Лашкаргах мы дошли спокойно, без боя. Больше всего опасался гранатометчиков, ведь рота сидела внутри машин — одно попадание из ручного противотанкового гранатомета — и... БМП оправдывает свое неофициальное название «братской могилы пехоты». Но пушки боевых машин были расположены «елочкой» и «духам» было трудно незаметно к нам подобраться для выстрела. Возле поворота на «Лашкаревку» повернули влево и стали на ночной отдых. Вскоре рота ушла на блоки — продолжать выполнение задачи в составе ГПЗ по охране и обороне района ночного отдыха оперативной группы дивизии. Уже на месте мы поужинали, допили последние остатки «Si-Si» и приступили к починке пушек — почти у всех машин были задержки: на 543-й, 541-й, моей. Возился поочередно на всех машинах вместе с наводчиками-операторами над устранением задержек до трех часов ночи.

23 октября 1988 года

А в 4-30 вновь подъем и снова подготовка к маршу. Начало движения. Но уже не по бетонке, а по земле. Земля в Афганистане, вернее пыль, покрывающая дороги слоем высотой от щиколотки до полуметра — больше похожа на цемент. И по консистенции, и по воздействию на человеческий организм и технику, ведь недаром у афганцев, несмотря на температуру, доходящую в здешних местах летом до семидесяти градусов по Цельсию, очень много больных туберкулезом.

Так у нас начался «маленький Чагчаран» — в отличие от «большого», который у батальона был годом ранее, когда он прошел 1000 км в крошечной пыли, преодолевая перевалы на высоте до четырех тысяч метров. При этом в ходе марша наши кудесники — техники рот и механики-водители исхитрились поменять двигатель на БМП, которую тащили на буксире. На этот раз было всего лишь 300 км и без гор, от Гиришка вдоль реки Гильменд на северо-восток, до плотины Каджаки. Нас обстреливали на подходах к кишлакам из минометов и реактивными снарядами, мы наводили на «духов» авиацию, которая наносила бомбы — штурмовые удары по огневым точкам противника и стреляли сами из орудий БМП, танков и установленных на МПЛ-Б 82-мм автоматических минометов «Василек». Рота сидела на

броне, так как была велика минная опасность, и дышала всей той гадостью, что часами висела в воздухе. Именно в такие моменты, когда твоя носоглотка и глаза забиты пылью, приходит осознание гениальности изобретения головного убора восточных народов — чалмы, которая сделана из полупрозрачного шелка или ткани типа «плащевки», с помощью которой можно закутать лицо, оставив только щель для глаз. Есть у этого головного убора еще несколько функций — он используется, как накидка от пыли и дождя из-за большого размера — примерно полтора на три метра, а также вместо савана. Но все эти мысли — лишь лирические отступления от исполнения служебных обязанностей в ходе марша.

По ходу движения мы оставили чуть в стороне места наших прошлых рейдов — кишлак Сангин, а также расположенную на северо-запад от него Муса-Кау и примерно к 14-00 вышли в район Сарванкалы, где 24 апреля 1988 года погиб командир 1-го взвода нашей роты, выпускник Ташкентского ВОКУ-1986 лейтенант Дорохин. Тогда он пошел вместе с замполитом роты осмотреть могилу какого-то хаджи, обозначенную к его несчастью на карте — «пятидесятке», которую офицерам обычно выдавали на все операции. К несчастью потому, что, обуреваемые любопытством, в этот «поход» они взяли с собой лишь небольшое количество боеприпасов к автоматам, а когда уже возвращались обратно, попали в засаду, где Дорохин был ранен в ногу. Замполиту, скатившемуся с хребта в сторону, обращенную к нашему посту, удалось уйти, а Дорохину, раненому и упавшему с противоположной стороны — нет. Заместитель командира гвп сержант Матмуратов, огромный человечихе под два метра ростом, отбивал атаки «духов» на раненого Дорохина с соседней горы из «Утеса», пока мог это делать. Когда у него кончились пулеметные боеприпасы, он под обстрелом противника положил раскаленный пятидесятикилограммовый пулемет вместе со станком себе на шею — свидетельством чему потом был огромный ожог, четыре пустых короба от пулемета, снаряжение, каски, бронежилеты и автоматы повесил на себя и помчался с горы под «духовским» огнем, чтобы вызвать помощь. Прибывший с ним по тревоге разведывательный взвод батальона нашел добитого выстрелом в голову лейтенанта в расщелине, куда «духи» его скинули, надеясь, что тело минует каменный выступ в скале и прилетит в расположенный внизу кишлак. Где они хотели подвергнуть его тело своему любимому занятию — изуродовать.

Жизнь человеческая в Афганистане стоила очень немного, хотя и на порядок дороже, чем в наступившие вскоре в нашей стране

времени. Убитого офицера исключили из списков части уже в день гибели, а вот его, унесенный «духами» АКС-74, еще долго числился за ротой. Самым показательным примером подобного рода «в связи с гибелью в бою» людей, животных и списания имущества был тот, который нам приводили полковые старожилы про подрыв на фугасе возле Яхчали, восточнее Гиришка 1.07.1987 г. двух саперов с поисковой собакой. Взрыв был такой силы, что обоих саперов разорвало на куски, и их привезли в плащ-палатке, связанной в узел, а потом сортировали по одежде — один был одет в горный комбинезон, а второй в ХБ. Собака осталась невредимой, но вскоре она тоже погибла, так как из-за смерти хозяина сразу же отказалась от пищи, заморив себя голодом. Солдат «списали» уже в день гибели. Собаку сняли с довольствия через неделю после ее смерти, обмундирование, обувь и снаряжение саперов — примерно через месяц. Бронежилеты и шлемы вещевая служба списала только через полгода, а автоматы служба РАВ — через год. Такова была обратная сторона войны и гибели людей со стороны бюрократических «закавык» снабженцев! Хотя, к ним в батальоне претензий не было почти никогда, нас они всегда снабжали безропотно и в полном объеме.

Хотя были несправедливости и у нас! В частности, замполит 6-й роты старший лейтенант Леонид Григорьевич Лупинович из Минского ВВПОУ-1985, боевой офицер, прекрасный товарищ, за два года не пропустивший ни одной операции своей роты, заменился летом на Родину с одним афганским орденом «Звезды 2-й степени». Он так и не получил наград от «родной советской власти», в отличие от начальника полкового свинарника прапорщика Муковоза, который был обвешан боевыми наградами, как новогодняя елка. У нас еще шутили, что он их получил за то, что «...у него свиньи по двору строем ходят».

До могилы проклятого ходжи мы на этот раз не дошли километра три — тут моя машина снова забарахлила, и мы чуть не свалились в расщелину. Но все обошлось, и я получил от комбата задачу возвратиться из ГПЗ в состав батальона, а 6-я рота уходила на наше место. К этому моменту бойцы роты сильно разбили две машины, из 543-й валил густой черный дым. Батальон встал ротными колоннами, и мы стали готовиться к последнему броску на плотину Каджаки. В ремонтной роте достали еще четыре катка, так как весь ротный запас уже к тому времени израсходовали и стали их менять, ремонтировать машины и, наконец-то, обнаружив причину горения резины на опорных катках, начали ослаблять передние торсионы на 041.

Эта БМП нам досталась в августе то ли из 70-й мотострелковой бригады, то ли из 22-й бригады спецназа, и клиренс у нее был сильно поднят для езды по пустыне, а сама она была покрашена в желто-коричнево-зеленый «пустынный» цвет, отличающий ее от других машин, воевавших в здешних краях. Нам такой высокий просвет между землей и днищем был совершенно не нужен, так как при этом только увеличивался силуэт машины. Жаль, что мы поздно выявили этот ее недостаток, и его пришлось устранять непосредственно перед боем вместо отдыха людей.

Карта 200к-і41-36[1] района боевых действий у плотины Каджаки

Вечером комбат начал ставить командирам подразделений боевые задачи на следующий день: с утра мы должны были пройти около сорока — пятидесяти километров, предположительно под огнем, и выставить блоки до плотины Каджаки. Также нам была поставлена задача — заблокировать район Каджаки — кишлаки Каджаки-Суфла и Каджаки-Улиа, вывести несколько сотен автомобилей в район плотины, дождаться их разгрузки и в тот же день уйти обратно. Одну БМП из состава роты я с вечера выставил на блок на господствующей высоте для охраны района ночного отдыха батальона, а все остальные военнослужащие стали готовиться к утреннему, как мы надеялись, «крайнему» броску. Оставшиеся в ротных колоннах подразделения быстро привели технику и вооружение в готовность к планируемому на завтра боевым действиям, в неизбежности которых никто не сомневался, и довольно рано легли спать.

Спали мы в эту ночь, как младенцы, и никто не предполагал, что тот крошечный ад, что ожидал нас в течение трех ближайших суток, уже совсем близок — батальон отделяло от него всего несколько часов, проведенных под всегда яркими звездами Афганистана. Никому, кто рассказал бы мне подобную историю до тех минут и если бы я не видел всего происходившего собственными глазами, не поверил никогда! Поэтому несколько не удивлялся в последующем определенному недоверию, читающемуся в глазах и звучащем в словах других «афганцев»: «Такого просто не могло быть!», «Определенное преувеличение!» и т.д. Это касалось многих моментов, в частности, того, как по отдельному солдату «духи» выпускали до сотни снарядов из трех пусковых установок.... Но мы-то в ту минуту как раз сидели на броне, наблюдали происходящее и еще спорили, — попадут в бойца, или нет? Поэтому в последующем никогда не удивлялся подобным оценкам, да и не хотелось особо обо всем произошедшем вспоминать! Никому из нас не приходилось видеть столь плотного огня со стороны противника, у меня тогда даже возникла мысль, что мы попали под огонь своих приданных реактивных систем залпового огня «Град». Но не могли же наши артиллеристы ТРОЕ СУТОК непрерывно «долбить» по батальону! Такая же оценка происходящему была у наших гораздо более опытных в боях товарищей. Обо всем этом они в один голос говорили позднее, и их описание событий, когда мы уже вернулись в полк, было примерно следующим: «Про такую ПОЛНУЮ ж...у мне даже слышать не приходилось, не то, что видеть. И ведь надо же — увидел!» Так что лишь время — лекарство, да названные в самом начале статьи причины заставили меня взяться за данное повествование.

Но это — все та же лирика, к дневнику прошедших тогда боевых действий отношения не имеющая. Поэтому продолжаю излагать все то, что я наспех записал 1 ноября 1988 года в обычной девяносто шести листовой тетради для конспектов по политической подготовке....

Наутро события развивались следующим образом...

24 октября 1988 года

С утра двинулись в порядке: 4-я рота, которая имела позывной «Костер», 5-я рота («Сигма») и подразделения огневой поддержки и обеспечения. 6-я рота («Двина») осталась на блоках вокруг подразде-

лений обеспечения и тыла. Колонна прошла всего лишь метров пятьсот, и тут по нам был открыт воистину ураганный огонь. «Духи» из отрядов муллы Насима стреляли на этой дистанции, вероятно, египетскими 122-мм РС SAKR-40, запускаемых с треножников с дистанции 20-30 километров, нам их было видно только при запуске. Китайские 12-ствольные пусковые установки РСЗО «Тип 63», 82-мм минометы и 106,7-мм реактивные снаряды, запускаемые с грунта, стреляли, как заведенные. Вскоре всю долину реки заволкло дымом и пылью, поднятой при стрельбе. Изредка огрызались безоткатные орудия. Плотность разрывов снарядов вокруг нас была такой, что у меня возникло ощущение ирреальности происходящего: показалось, что я смотрю документальный фильм о Великой Отечественной войне прямо из центра событий, а вокруг нас бушует море огня.

Спутниковое фото района боевых действий

Но вся растерянность быстро прошла, и мы открыли ответную стрельбу. Правда, наши пушки 2А42 до дальнебойных «духовских» установок своими осколочно-фугасными и осколочно-трассирующими снарядами не доставали. Они имели прицельную дальность стрельбы ровно два километра, в отличие от бронебойно — трассирующих, в соответствии с ТТХ летавших вдвое дальше. Но последние мы никогда не применяли в Афганистане из-за отсутствия бронированных целей. Зато нас выручали 115-мм орудия приданных танкистов. Комбат, у которого был позывной «Вожак» дал команду, и «слоны», как мы их называли, начали выдвигание на господствующие высоты. Правда, на этом этапе операции танков было с нами всего

четыре штуки, и они выполняли функции больших снайперских винтовок. Но помощь «слоны» батальону оказывали неоценимую!

Личному составу сразу же дали команду сесть в броню, и потерь от осколков у нас не было, хотя «духи» показали такой «класс» в ведении огня, что я был поражен высоким профессионализмом их артиллеристов. К примеру, они делали при помощи огня реактивной артиллерии самый настоящий подвижный заградительный огонь, сопровождавший наше выдвижение. Хотя, как я запомнил из лекций во время обучения в военном училище, такая задача для реактивных систем вообще не ставится, она характерна только для ствольной артиллерии. Не меньше поражало, что они не жалели боеприпасов — чуть позже, на моих глазах по отдельному солдату, идущему от машины к машине на расстояние всего около 200 метров било три установки по 12 «эр-эс» каждая. Причем каждая по два раза перезаряжалась.

Рейд на плотину Каджаки. Слева направо лейтенанты: Александр Слободенюк и стоматолог полка Андрей Сидоров, крайний справа – рядовой Кадыров. Октябрь 1988 г.

В самый разгар этого боя, когда до плотины оставалось около пятнадцати километров, на нашей машине окончательно «накрылся» топливный насос высокого давления. Боевая машина засела в лощине, а перед нами на горе — «духи» с 82-х миллиметровым минометом. Колонна батальона, остатки моей роты проследовали мимо для продолжения выполнения задачи, комбат при этом дал мне команду остаться с поврежденной машиной, и мы начали перестрелку с противником.

«Духи» обстреливали машину из миномета около сорока минут, выпустили по экипажу с десятком 82-мм мин, но не попали — машина находилась в мертвой зоне для огня артиллерии, а пехоту мы

быстро подавили. В общем, они стрельбу вскоре прекратили, и вероятно, стали менять позицию. В этот момент у нас заклинило пушку — как это нередко бывало у орудия 2А42 — обрыв закраины гильзы в стволе. И вот мы сидим в яме и не знаем, то ли нам выбираться из БМП, ведь «духи» могут в это время подойти ближе, и ударить по спешенному личному составу из миномета, или сидеть в машине среди мертвого, не простреливаемого нами пространства, и тогда велика вероятность поражения БМП из РПГ. Поэтому я дал команду развернуть автоматический гранатомет на станке АГС-17 и наблюдать за местностью наверху, а сам побежал к танку, который был метрах в трехстах. Начальник штаба танкового батальона, сидящий на месте командира с полуслова все понял, мы подъехали, и вытащили БМП из низины на горку. Пока снимали с механиком топливный фильтр, надеясь устранить неисправность, танк, получив приказ от командира нашего батальона, уехал, чтобы участвовать в прорыве через кишлак, а вместе с ним уехал мой автомат, который остался висеть на крышке люка...

После подхода технического замыкания батальона во главе с кем-то из техников, я зацепил БМП за колесный легкий тягач на базе «Урала» — «КЭТ-Л» (в Союзе аналогичный тягач называли «ТК» — *примеч. автора*), чтобы эвакуировать БМП в тыл для ремонта. Туда же по команде командира батальона отправил и экипаж, а сам на машине первой роты 650-го разведывательного батальона с нанесенным на броне знаком — якорем, обвитым цепью отправился в район боевых действий. Огонь по одинокой машине разведбата противник вел настолько плотный, осколки снарядов и пули так звенели по броне, что офицер-разведчик поверх шлемофона даже надел стальной шлем, но внутрь машины не залез, видимо, из солидарности со мною. Каждую секунду мы с ним и механиком-водителем БМП ждали прямого попадания в машину снаряда или подрыва, хотя со своими жизнями каждый из нас мысленно попрощался еще утром...

По прибытии на высоту, где был командный пункт полка, я обнаружил рядом с ней подорвавшуюся 501-ю БМП комбата и в полном составе контуженый экипаж. Мина взорвалась под вторым или третьим опорным катком, вырвав его вместе с балансиром, куском днища и сиденьем старшего стрелка, разорвала гусеницу и нанесла машине другие достаточно серьезные повреждения, противоккумулятивные экраны на ней были сорваны взрывом. Впрочем, механик-водитель был очень толковым парнем, и уже ремонтировал свою

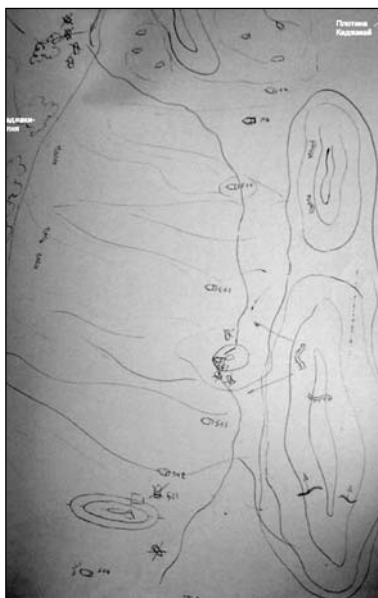
«ласточку», я впоследствии разговаривал с ним сквозь огромную щель в броне, а машина даже вернулась своим ходом с «боевых» в расположение полка. Сильнее всех пострадал от взрыва фельдшер батальона прапорщик Семенюк, и его уже эвакуировали в тыл. Все остальные члены экипажа остались в строю и перевязывали раны. Комбат тоже не вышел из боя и, когда ему оказали медицинскую помощь — у него была разбита голова, уехал на 502-й в район Каджаки-Улия... На горе стояла сгоревшая БМП-1 «зеленых» и несколько других их поврежденных взрывами мин и «эр-эсов» машин, виднелась кучка афганцев, которые металась по высоте, а по ним «духи» били 122- или 130-мм «эр-эс».

Схема расположения на местности в районе плотины Каджаки

4-й и 5-й мср по состоянию на 24.10.1988 г.

На высоте с флагом - КП 371-го мсп.

На высотах справа показаны действия 650-го орб.

С горки открывалось, если бы можно было отрешиться от войны и заняться созерцанием окружающего пейзажа, воистину великолепное зрелище! Под нами располагалась долина реки Гильменд, внизу слева и вдоль нее — кишлаки Каджаки, Каджаки-Суфла и Кад-

жаки-Улия, составляющие, практически, единый и достаточно крупный город, справа — возвышенность, а за нею горы, и вся эта местность была расцвечена взрывами: черными — от обычных снарядов — и белыми — от фосфорных. Время от времени пачками расцветали огненные вспышки, а потом они превращались в белые пушистые «деревья», похожие на покрытые инеем березы в средней полосе России. Красивый «духи» давали фейерверк в честь нашего приезда! Видимо, война — все же действительно мужское дело, раз даже вид ее сегодня доставляет нам удовольствие, несмотря на весьма большую вероятность трагических последствий. И еще она — своеобразный спорт — кто кого. Правда, на кону, как всегда, стоят человеческие жизни, а для нас она стала сегодня даже своего рода выходом из затруднительного положения и началом спокойной и привычной работы! Или мы уже действительно стали «псами войны»? Происходящее вокруг — будто из песни:

Шесть дней в песках искали тень,
Седьмой удачней выпал день.
Подул нам в лица, наконец,
Не пыльный ветер, а свинец.

Но оценку происходящим событиям будем давать позже, а пока, среди хаоса и суматохи, происходящей вокруг среди «зеленых» наблюдаю командира 4-го взвода нашей роты, прапорщика Григория Грицаца на 041-й, и его бойцов, изготовившиеся к бою. Ни малейшей суеты и расхлябанности. Все деловиты, сосредоточены, и каждый знает свою задачу. В такие моменты понимаешь, что все же не зря живешь на этом свете, раз у тебя такие солдаты! Пушку у них заклинило, ведут огонь из «Утеса», а ствол орудия, чтобы выбить из нее оборванную гильзу, вытащить не могут, так как по ним «работает» снайпер. Мы стреляем по горам, а «духи» с них — по топливозаправщикам за нашей спиной. Вообще они хорошо пристреляли эту горку, заранее установили мины, на которых подорвались два афганских бензовоза. И долбят по нам из всего, что может стрелять! Среди автомобилей лежат раненые и убитые «зеленые». Нас, правда, защищает броня.

В это время 5-я рота при поддержке танков прошла участок от позиций моей роты, выставив машины на блоки, и вошла в кишлак Каджаки-Улия. Населенные пункты в здешних краях, обьежженных машинами батальона вдоль и поперек, почти всегда местным насе-

лением оставлялись перед приходом «шурави» или уже в ходе боевых действий. Поэтому и мы, и «духи» уже привыкли вести огонь, не оглядываясь на мирное население, да и, в конце концов, не мы первые начали сегодняшнюю огненную симфонию. И какое тут может быть мирное население? Ведь здесь живут исключительно пуштуны, в основном из племен исхакзай и аликозай (алькозай), и оба они относятся к пуштунской группе племен дуррани (буквальный перевод — «жемчужные», до 1747 года известных, как абдали — примечание автора), к которому относился и сам бывший афганский король Закир-Шах. Несомненно, такое родство просто неизбежно заставляет их быть о себе самого высокого мнения и, похоже, что сегодня их бойцы тоже не отступят ни за что! Оба племени составляют основную массу населения уезда Муса-Кала и являются оплотом местной вооруженной оппозиции из ДИРА. Муса-кала — наш многолетний враг, лежала всего лишь километрах в тридцати от плотины на запад. Силы отрядов муллы Насима Акундзада в провинции Гильменд (уезд Муса-Кала), по данным разведки, были примерно такие: боевиков — 1390, входивших в 19 отрядов и групп с 4-мя ПЗРК, 12-ю ЗГУ, двумя ПТУР, 17-ю минометами, 30-ю ДШК и 45-ю РПГ. В том же уезде, в кишлаке Наузад, кроме отрядов муллы, существовала еще одна, правда, «непримиримая» как к правительству, так и «насимовцам» группировка «духов» под командой Абдурахмана из Исламской партии Афганистана. Состав ее был таков: 960 бойцов, входящих в 18 отрядов и групп с тремя ЗГУ, пятью безоткатными орудиями, 20-ю минометами, 31-м ДШК, 57-ю РПГ. Действовали они против батальона совместно с отрядами ДИРА или нет — для нас осталось неизвестным, так же, как и общая численность вражеской группировки, хотя, судя по тому, что по нам вели огонь безоткатные орудия, которые у муллы Насима в отрядах не значились, «абдурахмановцы» тоже были в «деле». Единственное, что нам довели позднее из разведывательной сводки, было то, что в результате операции «...десятки экстремистов убиты и ранены».

Вот как охарактеризовал впоследствии нашего главного противника по Муса-Кале генерал армии Варенников, в 1987–1988 годах проводивший переговоры с муллой в Кандагаре, где его отряды, совершая свои «рейды», тоже часто воевали с советскими и афганскими войсками: «Мятежники были непримиримые. Особенно злая банда была у муллы Насима. Какие только подходы мы не делали, однако склонить его к мирному диалогу не удавалось...»

Была еще одна сводка по обстановке в провинции Гильменд после вывода советских войск из этих краев, датированная сентябрем 1988: «...большинство руководителей основных отрядов вооруженной оппозиции выехало в Пакистан для консультаций с лидерами оппозиционных группировок и получения оружия. В частности, 35 автомашин с оружием прибыли в район Каджаки в формирование Муллы Насима (ДИРА)... Ожидается, что активизация боевых действий может наступить с возвращением из Пакистана в провинцию [этого] наиболее влиятельного руководителя оппозиции... Основанием для того, что он не пойдет на компромисс с госвластью, является смерть его брата Муллы Гафара, погибшего в ходе боестолкновения 7 августа с племенным полком, дислоцирующимся в районе Каджаки...»

Впрочем, кто-то из наших недавно рассказывал, что полгода назад возле плотины стояли на блоке во время восстановления нашими войсками линии электропередач, так за месяц здесь стрельбы не было ни разу! Но до плотины тогда добирались по другой дороге — северной, от Лашкаргаха, а «насимовцы» ждали батальон возле Сангина. Вот что пишет об этом в своем письме к автору бывший сержант 1-го взвода 8-й роты полка Сергей Махинько: «...на электростанцию первый рейд был весной 1988 года. Наш взвод тогда сняли с «Яхчали», вернее две машины, а третью оставили, и во главе с нашим взводным мы прикрывали рабочих, которые тянули к этой электростанции высоковольтную линию... У меня даже фото несколько осталось, там... видно на заднем плане, как они работают, а на одной с нами снялся их инженер — Ниамат звали, он — чуть ли не замминистра энергетики у них в правительстве был... Когда наша зона ответственности кончилась, и нас хотели сменить другим подразделением, то наши «духи» запротестовали, и не захотели другой охраны, так нас и оставили до июня».

Зато сейчас проводов на столбах, протянутых тогда до самого Кандагара, уже не наблюдается, «духи» их все поснимали и сдали в пакистанский «вторцветмет»! И, видимо, сегодня бойцы муллы здесь действуют тем же «вахтовым» методом, поэтому свет им абсолютно не нужен, жили же их предки тысячи лет без него?

О том, что происходило в те минуты в кишлаке, уже после «боевых» мне рассказали офицеры Матросов и Феофилакт, а совсем недавно память освежил Сергей Николаевич Гушин. В Каджаки-Улия, поняв, что противник заманивает колонну в кишлак, чтобы в нем устроить «кровавую баню», уничтожая технику в упор из засад,

комбат решил все машины пустить в гору и миновать этот «крайний» перед плотиной населенный пункт. Боевые машины пехоты, кроме одной, по его команде преодолели почти 60-ти градусный уклон ближайших гор, но два танка, следующих в колонне, не смогли вслед за ними вскарабкаться на высоты. Поэтому они пошли в обход, при этом хорошо знакомый мне головной танк начальника штаба танкового батальона, снабженный противоккумулятивными решетками, подорвался на mine. Следующий за ним второй танк старшего лейтенанта Теофилактова подошел вплотную, чтобы вытащить поврежденную машину из-под огня, но ему в башню ударил выстрел, выпущенный из РПГ-7 практически в упор из-за «дувала» — кумулятивной струей гранаты убило заряжающего, ранило наводчика и Теофилактова, танк загорелся. Оба танковых экипажа под прикрытием бронетранспортера саперов и единственной следующей за ними БМП 5-й роты были эвакуированы, а «духи» начали жечь колонну «зеленых», состоящую, примерно, из двадцати пяти автомобилей. Под конец они подожгли первый танк, оставленный экипажем.

Сергей Махинько (стоит, второй справа) с экипажем из состава 8-й роты 371 полка вместе с афганскими специалистами, ведущими линию электропередач от плотины Каджаки до г. Кандагара, апрель-май 1988 г.

Бойцы старшего лейтенанта Матросова — командира взвода 5-й роты — открыли по «духам», ведущим огонь из-за «дувала» ураганный огонь и уничтожили гранатометчика, запалившего «слонна». Огонь при этом велся обеими сторонами практически в упор (Матросов говорил, что с расстояния метров двадцать — примечание автора), хотя и, что удивительно, без потерь с нашей стороны. Гранатомет подобрать не удалось, так как «духи», не желая расставаться со своим «орудием труда» стоимостью в 500-600 тысяч «афгани» продолжали вести кинжальный огонь, и вскоре наши бойцы по команде начали отход из населенного пункта, уводя за собой уцелевшие автомобили «зеленых».

В кишлаке остались гореть два танка и около пятнадцати автомобилей, направляя в небо густые черные столбы дыма, вскоре на них сдетонировал боекомплект, а «Грачи» — штурмовики Су-25 начали наносить бомбово-штурмовые удары по центру кишлака.

Мы обозначили оранжевыми наземными дымами правый фланг своей роты, так как 5-я рота с отдельными взводами уходила в тыл, везла на броне пятерых раненых (причем все были ранены в голову — примечание автора), а также контуженных, тащила две подорвавшиеся БМП, и туда же двигались все остальные приданные батальону подразделения. В кишлаке и сопках перед ним рвались авиабомбы ФАБ-500 и ФАБ-250, а на моей горке — «духовские» «эр-эсы». Комбат дал команду лично указать колонне маршрут отхода и в самый разгар исполнения обязанностей «регулирующего» реактивный снаряд, едва не снес голову наблюдателя, сидевшего на броне нашей БМП, взорвался в нескольких шагах, зацепив осколками ЗИЛ-131 и тяжело ранив водителя-афганца — перебил позвоночник...

Когда тебя неожиданно глушит разрывом, накрывает землей, а вокруг многоголосо визжат осколки, восприятие окружающего мира несколько меняется... В медсанбате уже после операции у меня волосы на голове шевелились от ужаса при воспоминании о том мгновении, да и не о нем одном. А тогда я лишь тупо посмотрел на воронку у своих ног, ощупал себя, не веря, что жив и даже не ранен, обнаружив в снаряжении застрявший осколок. Раненый сарбоз от боли и страха издавал нечеловеческие вопли, заглушая разрывы. И продолжал стонать и плакать весь день, до наступления темноты...

В районе бомбо — штурмового удара авиации остался только один танк, который вскоре накрыло взрывом «пятисотки», правда, прямого попадания не было, хотя осколками камней и ранило офицера — в госпитале у него на теле насчитали около ста пятидесяти осколочных ранений, к счастью мелких... Мы продолжали корректировать огонь артиллерии и сами вели стрельбу, пытаясь не допустить, чтобы «духи» подошли к оставшейся в одиночестве боевой машине...

Начало темнеть. Вскоре 5-я рота перегруппировалась и начала выдвигание на господствующие вокруг кишлака Каджаки-Улия

высоты — почему-то она действовала без танков и какой-либо видимой поддержки. Мы смотрели на них, как на смертников! Но ребята вышли на высоты и спокойно заняли их, а «духи», видимо, из кишлака ушли. Весь вечер наши товарищи организовывали связь, уточняли задачи на ночь и завтрашний день. В конце концов, не выдержав криков раненого афганского солдата, я сделал ему укол обезболивающего. Это был «промедол», который лежал в кармане у каждого офицера, прапорщика и сержанта — старшего в экипаже именно для таких случаев — «зеленый» вскоре перестал кричать и заснул, а ночью к нашему облегчению его и других раненых, а также убитых сарбозы эвакуировали. Мы уже устали от их криков боли...

Ночью я начал разбираться с местонахождением своего автомата, который остался в танке, сгоревшем в кишлаке. Об этом мало радостном событии еще днем поведал командир танкового батальона, когда наши войска откатывались из кишлака мимо моей высоты. Начальник штаба танкистов, в свою очередь, по радиации сообщил, что «...автомат старшего Костра...» из сгоревшего танка вытащили, а на следующий день его вернул лично комбат «слоновьяго стада». Майор Сафонов, которого капитан Гушин оставил за себя старшим, чтобы поспать, его почему-то долго благодарил, а меня, конечно, отчитал за такой крупный залет. Я внимательно выслушал его мнение по данному вопросу, впрочем, он обошелся без каких-либо эпитетов и я, удовлетворенный его деликатностью пошел спать, оставив за себя прапорщика Грицаю. Проснулись от разрыва. Выглядываем из машины. На наших глазах метрах в сорока от машины расцветивается еще один разрыв. Бойцы сразу полезли в яму, заблаговременно вырытую под машиной, а мы с наводчиком — в башню. Оказалось, что по машине бьет безоткатное орудие. Мы открыли по нему огонь и часа два им занимались, пока не подавили. Потом снова пошли спать, назначив очередность дежурства.

25 октября 1988 года

С утра нас снова начали обстреливать. До обеда в основном занимались засечкой огневых точек, а 5-я рота закреплялась на высотах перед Каджаки-Улия. Мы обнаружили минометную батарею «духов». Уточнили, что именно с этой позиции они и ведут огонь по 5-й роте, осуществляющей маневр. Стали наводить туда артиллерию — приданные «Гвоздики», еще вражескую батарею по нашей наводке бомбила авиация. В кишлаке живой силы противника видно

не было, все находились на позициях и сражались с нами. Профессионалы! Но наши ребята — тоже великолепные бойцы, храбрые, упорные в бою. Я еще только когда приехал в Афганистан был удивлен их подготовкой. Каждый солдат и сержант в роте, кто уже послужил здесь хотя бы полгода, умел стрелять из всего, что стреляет, работать на всех средствах связи роты и станции ближней разведки, был в состоянии заменить любого члена экипажа, включая наводчика-оператора и механика — водителя БМП. Несомненно, что это было связано с более качественной боевой подготовкой прибывающего пополнения как в период его натаскивания в учебных центрах Средней Азии, так и в полку на курсе молодого бойца, а затем в подразделениях, ведь в общей сложности проходило от полугода до года срочной службы, пока новобранец становился полноценным бойцом. Впрочем, для каждого пехотинца было голубой мечтой когда-нибудь стать «специалистом» — механиком или наводчиком на боевой машине пехоты.

За рекой Гильменд вспыхивали при запуске «эр-эсы», били вражеские ДШК. Но наши пушки до них не доставали. Выручали танки, хотя у них быстро кончались боеприпасы, и они уходили на дозагрузку. Ближе к обеду началась, как ее потом назвали, «операция по эвакуации из танка тела погибшего танкиста», убитого накануне в кишлаке. Исполняющий обязанности командира 5-й роты, старший лейтенант Азимжанов с двумя БМП и взводом старшего лейтенанта Колодкина, выпускника Московского ВОКУ 1985 года, пошли под прикрытием всей нашей оперативной группы почти в центр Каджаки-Улия. Докладывали комбату о каждом шаге. Они без единого выстрела подошли к танкам, у которых при взрывах боекомплектов сорвало башни, и начали искать труп убитого солдата. Ведь у нас в полку до этого никогда не было случая, чтобы мы кого-то оставили на поле боя — всегда возвращались и выносили и убитых, и раненых, невзирая на потери. Так же было и сейчас! Но танкист — рядовой Ягмуров сгорел безо всякого остатка, от него остался только искореженный автомат, танкисты в полку потом долго ломали голову над тем, что положить в цинковый гроб для отправки на родину в Ташауз! А в кишлаке ребята лишь сфотографировали внутренности танка и быстро покинули негостеприимный населенный пункт. На плотину решили выдвигаться по горкам восточнее, минуя кишлаки.

Тем временем я поехал проверить 1-й взвод своей роты. На 541-й заклинило пушку, а у экипажа шла пулеметная дуэль со снай-

пером и корректировщиком, находившихся метрах в двухстах от БМП. Я тоже дал по ним несколько очередей из пулемета ПКТ, но не попал. Потом поехал в свой 2-й взвод. Старший сержант Отамирзаев там все организовал как всегда, грамотно, но очень уж невыгодная позиция — ложбина. Распорядился оборудовать выносной пост, забрал у него снайпера — рядового Онисковца и поехал обратно на 541-ю, чтобы мой подчиненный подстрелил вражеского стрелка, мешавшего нам ремонтировать пушку. Когда приехал, оказалось, что экипажи 041-й и 541-й перекрестным огнем одного «духа» уже уничтожили, и он лежал на бруствере окопа, а его товарищи сосредотачивались в своем опорном пункте. Вскоре они подобрали и унесли убитого, что душманы, так же, как и наши войска, делали всегда и чему мы даже не стали препятствовать. Вскоре я подогнал машину 1-го взвода, и где-то 100 снарядов выпустил по позиции «духов». Снаряды в ленте были осколочно-трассирующие и рвались в воздухе, рикошетируя от земли, так что эффект был хороший. Потом поехал на 041-ю. Бойцы стояли на ребристом листе и пребывали в «веселом» возбуждении: гранатометчик трижды стрелял по ним, одна граната РПГ-7 не долетела до БМП и взорвалась в метре от машины! Я представил, что если бы «дух» взял чуть-чуть повыше, когда мои орлы были внутри... Мы ещё обсудили это происшествие, потом зарядили боекомплект пушки и пулемета, взяли одеяла с разбитых и брошенных машин и улеглись спать — кто в яму под машиной, кто в башню, кто в десант, конечно, назначив двух человек — «молодого» и «старого» в охранение.

Ночью проснулся от криков комбата по радиостанции. Он начал мне выговаривать, почему я не нахожусь на связи. Долго меня отчитывал. Выяснилось, что пока мы спали, как убитые, «духи» пошли в атаку на 5-ю роту, чуть ли не со штыками наперевес. Минут пятнадцать они дрались в упор, но у наших потерь не было, а «духов» отбили. Комбат приказал взять 544-ю и ехать на командный пункт полка. Вскоре мы туда и отправились. За ночь вырыли целую позицию! Делалось это обычно так — перед или позади стоящей БМП отрывалась щель шириной чуть поменьше ширины гусениц, длиной — метров четыре-пять, а глубиной — по принципу «чем глубже, тем лучше». На это сооружение БМП после окончания отрывки наезжала сверху. Затем вокруг машины по нижнюю часть ее броневое корпуса выкладывался бруствер из земли и камней, чтобы исключить залет в щель осколков и пуль. Одновременно с укрытием, но обычно в стороне, производилась отрывка отдельного окопа для

АГС, ПК или НСВ. После этого из укрытия для личного состава, уже полностью защищенного со всех сторон, кроме тыла, где вместо бруствера иногда делался выход со ступенями, производилась отрывка ходов сообщения, оборудовались другие окопы для стрельбы. Инженерное оборудование позиции и дальнейшее ее совершенствование занимало у экипажа из 5–7 человек, в зависимости от типа грунта от 5–10 часов непрерывной работы до нескольких суток. Иногда для разрушения скального монолита приходилось использовать даже окопные кумулятивно-фугасные заряды.

На этот раз земля была мягкой. В ходе инженерного оборудования позиции «духи» снова устроили нам ночное световое шоу с расцветиванием окружающей местности при помощи фосфорных «эр-эс». На самом деле белый фосфор — очень страшное оружие, я изучал его, как и действие напалма, который в нашей армии назывался «огнесмесью» в своем родном «альма матер» — Омском общевойсковом училище. Видел и результат воздействия вещества на конечностях бывшего командира 4-й роты капитана Шалкина (Московское ВОКУ), которому белый фосфор под Кандагаром попал на ногу, но когда взрыв расцветивается далеко от тебя, то восприятие несколько меняется. Сам фосфор возгорается от соприкосновения с воздухом и потушить его невозможно, он гаснет, только когда полностью сгорит, зато дает отличное целеуказание и днем, и ночью с большим количеством белого дыма и огня. Поэтому «духи», видимо тоже воодушевленные устроенным ими фейерверком, продолжали с остервенением долбить по командному пункту полка, а мои солдаты бодро трудились под обстрелом — как землеройные машины, никого подгонять не надо! Сержанта Казакова вечером отправил в район расположения наших «тылов», наказав ему привезти АГС-17 с 546-й БМП. Утром он вернулся с автоматическим гранатометом и снаряженными коробами к нему.

26 октября 1988 года

С утра, через два часа после окончания земляных работ поступила команда сниматься с блока. Видимо, так всегда было, есть и будет в нашей Красной Армии — очередная смена позиции! Мы должны были передвинуться почти на то же место, где стояли вчера, только ближе к плотине, на стык 4-й и 5-й рот. Дело в том, что вдаль 5-я рота начала выдвигание к водохранилищу, и нам надо было увеличивать фронт опорного пункта роты. Стрельба из стрелкового ору-

жия, минометов и РСЗО на всех участках резко активизировалась. Бой был упорный и жестокий: «эр-эсы» летали, как пули, противник стрелял по каждому бойцу, непосредственно вокруг машины за день взрывалось от 150 до 170 снарядов и мин. Да, это не винтовки «Пибоди—Мартини» образца 1869 года! Мелькнула мысль — много же они завезли боеприпасов за эти два месяца, что нас здесь не было, ведь такого плотного огня они до этого дня не устраивали никогда! Мы ведь не знали в тот момент про тридцать пять машин с боеприпасами, полученными «насимовцами» к сентябрю. Специально для подсчета разрывов вражеских снарядов был назначен боец, конечно, молодой, который для выполнения поставленной задачи получил право выглядывать из окопа под машиной. Вообще-то, на этой операции у молодых солдат было всего две основных обязанности — готовить еду и снаряжать магазины, ночью они еще стояли в охране в паре со старослужащим и при необходимости рыли окопы. Все остальное лежало на наших уважаемых ветеранах третьего года службы, а также солдатах, приближающихся к двум годам «в погонах». Все они буквально пинками загоняли молодых в окоп под машиной, если те из любопытства высовывались, чтобы посмотреть на бой.

Как в калейдоскопе событий вспоминается эпизод — невысокий и совсем не напоминающий комплекцией тяжелоатлета «дембель» Парпиев кулаком стучит по голове то ли Легкову, то ли Седухину — и тот и другой по габаритам были почти вдвое больше его самого. И со своим обычным спокойствием и небольшим узбекским акцентом говорит им, почти кричит из-за грохота разрывов: «Куда лезешь, с...ка, назад! Назад, я сказал! Когда понадобиться — тебя позовут». Причем говорил он это в перерыве между посылками очередей в направлении ближайшего опорного пункта противника. Все происходившее на моих глазах в ту секунду было в батальоне давней традицией, и сформировалась она еще во время командования майора Власяна. А ведь так называемые «молодые», которых в полку, независимо от воинского звания, называли «чижиками», прослужили в армии к тому времени уже целый год, и на этой операции их было гораздо больше, чем всех остальных! Но воевали в те минуты только «дембеля» и другие старослужащие — вся молодежь, для которой этот бой был первым, привлекалась только в тяжелые моменты под пристальным наблюдением опытных бойцов. Великую мудрость этой традиции мне удалось осознать значительно позже, когда занимался изучением опыта боев под городом Белым в 1942 году!..

Такой взаимопомощи, как в эти дни, причем безоглядной и безоговорочной, при взаимоотношениях между любыми категориями военнослужащих я не видел никогда — ни до, ни после Афганистана. Были совершенно позабыты все обиды, разногласия, неприязненные отношения, сроки службы и время пребывания в Афганистане и всея прочая суета сует... При мне только однажды Гриша Грицай сорвался, думаю, что из-за постоянного нервного напряжения и потом, уже в полку, долго просил извинения...

**Представитель славной когорты лучших в мире артиллеристов.
Ст. л-т Сергей Епихин, офицер 1060-го ап на огневой позиции Д-30**

Мы стали в километре правее 541-й. Немного позади нас стояла БМП разведбата, правее — наших разведчиков. Отправил всех своих солдат досыпать, так как они всю ночь копали землю, а я все же немного «покемарил», и сел за наблюдателя. Пока не стреляли, видимо, у «духов» было их «партийное собрание», а может быть, они совершали намаз. Это было как-то необычно, ведь мы уже привыкли к непрерывному реву боя. Где-то около 10-ти утра сзади пошли грузовые машины — штуки три. По ним «духи» стали бить из стрелкового оружия сзади, с горы, на которой действовали подразделения нашего разведывательного батальона, а мы открыли огонь по высотам снизу из четырех БМП. «Духи» заткнулись, и наши «полосатые», как капитан Гушин называл разведку за повальное стремление всего личного состава носить тельняшки, перебежками пошли в гору. Командир разведывательного взвода батальона старший лейтенант Мурад Цебоев доложил, что врага с позиции выбили, от них остались только брошенные трофеи, правда, одного своего убитого они

не успели унести с собой, его обнаружил рядовой Полад Мусаев. Потом мы засекли в скалах вдоль реки взводный опорный пункт противника, выдолбленный по всем правилам фортификационного искусства, и целый день воевали с сидящими в нем подразделениями «духов». Помимо пехоты там была целая минометная батарея, хорошо замаскированная и находящаяся на обратных скатах высот. Тут пригодился привезенный сержантом Казаковым АГС-17: после того как мы разрядили по ним четыре коробки, минометы замолчали и больше с этой позиции не стреляли. Пятая рота со средствами усиления все еще билась за выход к плотине. По ним и по нам целый день «духи» долбили «эр-эсами» и из минометов, а мы на пару с наводчиком — оператором рядовым Саидкасимовым подавили три или четыре их пусковые установки. Снова наводили приданную артиллерию, в общем, нам было не до скуки. Бой продолжался и ночью, когда на нашу БМП вышла разведгруппа 650-го орб, мы с ними обменялись имеющейся информацией о дислокации противника, а сами продолжали рыть окопы, заряжали ленты и магазины, обслуживали пушку, чтобы сократить до минимума вероятность задержек, необычно обильных в этом рейде. Ночь у нас была совершенно бессонная...

27 октября 1988 года

Опять активизировалась вражеская батарея 82-миллиметровых минометов. Я по ним из пушки БМП попасть не могу, так как они находятся на обратных скатах высот, а к автоматическому гранатомету закончились боеприпасы. И ведут огонь по 5-й роте! Опять пришлось ставить огневую задачу артиллерии — приданной батарее «Гвоздик» (или «Акаций», не помню уже), находящейся в тылу на удалении около десяти километров и непосредственно корректировать ее огонь. Для этого пришлось вспомнить все, чему учили в училище — репер, основное направление стрельбы, географические координаты, деления угломера и вспоминать, чем они отличается от пехотных «тысячных». «Дуй-в-тысячу» здесь не пройдет, надо 995! Наши «Боги войны», кстати, стреляли всегда выше всяких похвал, это касалось не только МинБатр батальона, но вообще всех батарей дивизии. Если бы им поставили задачу, они, наверное, попали бы в дом через печную трубу...

У наводчика-оператора к вечеру от интенсивной стрельбы заклинило и пушку, и пулемет... Пятая рота вышла к плотине, и там подорвалась машина гранатометного взвода. Опять повезли раненых

и контуженных, поволокли поврежденную машину. Ближе к вечеру нас стали заправлять дизельным топливом, которое уже заканчивалось, так как для ведения огня двигателя машин постоянно молотили на протяжении нескольких суток. Свою БМП погнал заправлять самой последней, но до места не доехал — закончилось горючее. Заправщик подошел сам и залил нашу «ласточку» топливом. У дивизионной огнеметной роты забрал огнемет РПО-А «Шмель», чтобы испытать его в бою.

Стали на свое место и сразу увидели противника — человек десять около зеленки и домов в кишлаке. Дальность — где-то 900 метров. А пушка заклинена, пулемет тоже, мы что-то совсем забыли про них! По нам ведется огонь, поэтому ремонтом орудия заняться не можем, ведь для этого надо снять ствол, для чего один член экипажа должен вылезти на броню спереди или сбоку, так как сзади привязаны ящик и ЦВ-400. С Саидкасимовым и Отамирзаевым сели обсудить ситуацию и пришли к выводу, что каждого из нас довольно продолжительное время мучает ощущение того, что мы забыли что-то очень важное сделать. Долго думали — что, и, наконец, сообразили — экипаж уже трое суток ничего не ел! Удивительно, но за это время никто из моих подчиненных ни разу не вспомнил про еду. Даже когда в конце каждого дня солдаты как подкошенные валились на землю от усталости, ни один боец ни разу не поинтересовался ужином. Хотя в машине продуктов было буквально навалом — начиная от горно-летних пайков, считавшихся в Афганистане среди солдат самыми лакомыми из-за наличия шоколада, сахара, сгущенки, сока и компота, названного почему-то: «фруктовый суп с рисом». Кроме того, в БМП было много продуктов россыпью, начиная с тушенки и сгущенки, заканчивая галетами и заспиртованными батонами производства Днепропетровского хлебобулочного комбината. Я уже отмечал, что в рейдах нас всегда снабжали отлично, и каждый экипаж в спокойной обстановке трижды в день, а иногда и чаще устраивал себе настоящий пир. То готовили узбекский плов, то шурпу, украинский борщ или лагман, в общем, все кашеварили, насколько позволяла фантазия, и даже при отсутствии стрельбы иногда ходили в гости из экипажа в экипаж. Поварами у нас обычно были узбеки, проявлявшие в этом деле большой талант, и всегда тщательно подбиравшие все необходимые для приготовления фирменных блюд экипажей ингредиенты.

На этот раз все было иначе! Вспомнив о трех сутках без еды, у нас, как по команде, сразу засосало под ложечкой. Поэтому мы

бросили все остальные дела и стали дружно готовить в окопе под машиной сверхбыстрый и сверхплотный обед, а после его окончания бойцы залезли под БМП, а я — на нее, и тут внезапно «попал». Меня начал обстреливать вражеский стрелок, который выпустил с десятков патронов, но почему-то промазал, и, явно этим раздосадованный, куда-то убрался. По ходу радиопереговоров с комбатом я не услышал свиста пуль, и только заметившие разрывы на скале солдаты вынудили меня укрыться в машине. Они же сообщили впоследствии, что пули в скалу ложились довольно кучно. Я долго потом ломал голову, почему вражеский снайпер промазал, ведь огонь он вел с небольшого расстояния из малошумного оружия, а для таких профессионалов, какими были местные «духи», подобная мишень — почти белое ХБ на фоне темной скалы была просто подарком судьбы. И кроме защиты во время этой операции не только меня одного, а всей моей роты какими-то Высшими Силами, я так и не нашел произошедшему разумного объяснения. Ведь смерть летала над каждым из нас за эти дни по тысяче раз в день, собирая свою обильную жатву, и никого из моих подчиненных не забрала к себе!

Офицеры и прапорщики 2-го батальона с командованием 371-го полка.

**В первом ряду в центре — командир полка п/п-к Ликонцев,
справа от него — ЗКПЧ п/п-к Турлаков, слева — капитан Гушин.**

Расположение 371-го полка, 7.11.1988 г.

Сзади пошли топливозаправщики, которые закончили заправку машин батальона. Их обстреляли, и заместитель по технической части майор Котоман Виктор Петрович поднял такие вопли по связи, что комбат с большой иронией начал нарочито мне выговари-

вать, чтобы я прикрыл «Драму» — таким был позывной зампотеха. Я дал команду бойцам, и они открыли ураганный огонь в сторону духовских позиций из стрелкового оружия. В течение нескольких минут они выпустили почти весь боекомплект к автоматам — около тридцати магазинов. Зампотех, успокоенный, уехал. А мы остались совершенно безоружными, поэтому часть бойцов была посажена под БМП заряжать магазины и ленты к пушке и пулеметам, Саидкасимову приказано устранять неисправность ПКТ, а «дембелю» Парпиеву — надеть два бронежилета, шлем и снимать ствол пушки с оборванной гильзой, сам полез открывать защелку. Когда Парпиев вытащил ствол орудия из направляющих, мы поставили его с ним в окоп, так как я предположил, что в стволе может находиться выстрел с осечкой, и сдуру выстрелил в него из автомата АКС-74. Пуля, конечно, не выбила гильзу снаряда с оборванной закраиной, а, рассыпавшись на осколки, полетела обратно.... Так я получил свое «огнестрельное осколочное, мелкоточечное ранение» в руку, при этом осколки стального сердечника, торчащие из кисти, напоминающей ошестинившегося ежика, пришлось выдергивать плоскогубцами. Сообразив свою оплошность, выбил гильзу с помощью снайперской винтовки Драгунова, на которой в этот раз даже спусковой крючок нажимал четвертым коленом антенны... Поставили ствол на место — и по тому десятку «духов» «оторвались по полной программе»!

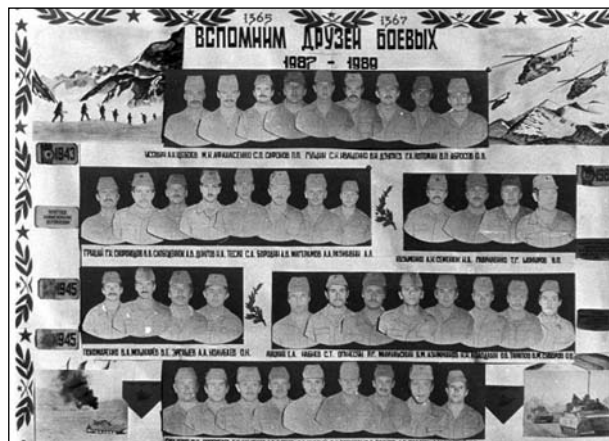
Вечером нам привезли гранаты к АГС — их высадили по минометной батарее. Результатов не видели, так как стреляли навесной траекторией по обратным скатам берега в долине реки, но «духи» в этой точке сразу успокоились. К вечеру, как всегда «получил» от капитана Гушина, не помню уже за что, но это превратилось в ходе текущей операции в хорошую традицию вместо пожелания «спокойной ночи», поставил роте задачу и отправился спать. Но после обстрела снайпером не спалось, ведь на его месте я бы не промазал и снял бы цель первым же выстрелом. Ну, в крайнем случае, вторым. Не мой был день! А может, наоборот?

28 октября 1988 года

Ночью начали пропускать мимо себя «зеленых» с плотины — пеших и на машинах, одетых в афганскую национальную одежду, вместе с женщинами и детьми. Командованием было принято решение снять их «племенной полк» (у нас его называли батальоном, а если откровенно, то это просто была договорная банда) с электрос-

танции и оставить ее другим, местным «духам», тем более, что сарбосовские «колонники» после всего произошедшего в первый день просто разбежались, впрочем, как и все остальные афганские подразделения. Всю ночь «договорные» выходили из района плотины вместе со своими домочадцами, а утром я всех своих бойцов выгнал из машины, ребятки загрузили казенное имущество и снова завалились досыпать. А я взял десятиметровую тангенту и лег возле БМП. Покрутил огнемет, разобрался с его применением, тем более, что на нем была написана достаточно подробная инструкция. Тут из окопа высовывается «дух» — корректировщик огня, а у меня под рукой — только огнемет, так как автомат, как всегда, висит на крышке люка БМП — полезешь за ним — вспугнешь. Аккуратненько навожу «трубу» — дальность метров триста — и плавно жму спуск. Разрыв термобарического снаряда происходит где-то позади «духа» — задержка доли секунды после падения, и поднимается мощный огненный шар. Потом грохочет объемный взрыв на площади в сотню квадратных метров! Качественное оружие! Наблюдатель, конечно, упал поджаренный, да и как ему не было остаться в живых — температура-то в эпицентре — 800 градусов! Труба огнемета, после того, как я ее опустил вниз «выплюнула» массивную металлическую решетку и стала совсем невесомой. Потом она отправилась за ненадобностью в ближайшую воронку.

Офицеры и прапорщики 2/371 мсп.
Декабрь 1988 г.

Тут подъехал командир нашего гранатометного взвода Саша Усович, плюс танки, и мы начали сниматься с блоков. Впереди нас из клуба черного дыма стартануло в направлении ближайших облаков колесо — это подорвался на mine БТР-80, причем на колее, по которой мы проехали за эти дни уже раз десять! Ранило водителя, ему бинтовали голову, а он при этом ругался матом и грозил кулаком «духам». Пока его перевязывали, я снял с блока машину замполита Долгова и поставил ее в колонну роты, потом подъехал к Грицаю, одиноко сидевшему на броне — и на моих глазах в метре от него и чуть впереди нашей движущейся машины взорвался вражеский реактивный снаряд. Обе БМП накрыло осколками и заволочло облаком дыма и пыли помню, что я что-то злобно орал, так как был уверен, что Гришу убило, не могло не убить, но когда машины поравнялись, и рассеялась пыль, увидел его живого и здорового. На душе отлегло, а прапорщик неторопливо стряхивал с себя землю с осколками, выплевывал изо рта пыль с тротиловой гарью и флегматично матерился. «Духи» снова массированно били по батальону, и мы, чтобы сбить их с толку относительно местонахождения колонны по команде комбата начали ставить дымовую завесу с помощью систем 902Б «Туча». Вскоре все окрестности заволочло густым черным дымом.

Сарбозы активно драпали, бросая пушки, зенитные установки, автомобили, одних только оставленных ими зениток я насчитал штук пять. Мы двигались позади и расстреливали брошенную технику, неизбежно уготовленную «духам» в лапы. Последние два десятка километров, когда мы мчались к выходу из ущелья, ведущего в долину, «духи» по нам продолжали долбить с прежней интенсивностью. Потом, как по мановенью волшебной палочки, а вернее — с выходом из зоны огня их 122-мм установок «эр-эс» наступила тишина. Мы встали в ротной колонне в чистом поле рядом с 6-й ротой и стали по радио слушать, как из долины реки выходят 5-я рота и «слоны» — вопли, крики, непрерывный мат по связи. Какой-то сержант — танкист, его позывной был «Тайга-12», прикрывая отход 5-й роты, «разул» свой танк, комбат приказал поджечь его, а экипаж эвакуировать. Командир минометной батареи старший лейтенант Есенкин передал сержанту распоряжение комбата, но тот ответил: «Танк не брошу, через пять минут закончим». И ведь вывел танк, хотя «духи» выскочили из всех укрытий и устроили за ним форменную охоту, в полный рост бросившись за бронированной машиной и стреляя по ней из десятка РПГ! А «Тайга-12» мчался к выходу из ущелья, злобно

поливая огнем противника, а матом — всех подряд, и своих, и чужих! В этот момент я почувствовал гордость за стойкость в бою и верность своим машинам наших людей. Ведь боевая техника уже давно воспринималась всеми нами, как живой организм, ведь она делила с нами и опасности, и радость побед, выносила из тяжелых ситуаций. Поэтому бросить ее на произвол судьбы для любого из присутствующих было немыслимо, это просто не укладывалось в голове! Мысленно пожелал удачи этому достойному человеку — жаль, что не запомнилась его фамилия. Чуть позже еще и Есенкин «разулся», но тоже быстро устранил неисправность и вывел из ущелья свой командирский тягач МТЛ-Б.

Другой солдат, из артиллеристов, после попадания вражеского снаряда в машину с бензином, которая стояла рядом с автомобилями, груженными боеприпасами, вскочил в автомобиль и увел его на безопасное расстояние, где тот взорвался, но остальные машины не пострадали. Кажется, его впоследствии наградили Орденом Красног знамени, во всяком случае, представляли к нему.

Это был день воистину массового героизма: поддержка, взаимовыручка, безоглядная и бескомпромиссная помощь друг другу, никто совершенно не думал о себе и о сохранении своей жизни. Все были охвачены какой-то эйфорией, называемой упоением боем и с остервенением жали на гашетки орудий и пулеметов, расстреливая врага. Впрочем, он с аналогичной страстью делал то же самое. В схватке на плотине сошлись достойные противники!

Вскоре батальон был собран и построен в ротные колонны. Потерь при выходе из-под огня у нас не было. В 8-00 нашу роту снова вывели в ГПЗ, я получил задачу Дружинина, и колонна двинулась вперед. На этот раз взвод лейтенанта Слободенюка действовал в составе нашего подразделения. Я мысленно уже в который раз перекрестился, что мои подчиненные действуют без потерь, хотя тогда еще был неверующим человеком. Несколько мелких ранений и контузий среди личного состава, причем все раненые остались в строю, были не в счет. Мы начали нагонять сарбозов, которые удирали, бросая машины и технику. Старший лейтенант Колодкин по приказу комбата ехал сзади, и аккуратно расстреливал все исправное, что попадалось по пути, хотя духам, наверняка, досталось много трофеев, брошенных «зелеными».

В районе ближайшего к плотине кишлака запомнилась девушка лет 15, которую «духи» поставили на обочине дороги, видимо в наказание за что-то, надеясь, что ее задавят или убьют. Она стояла

возле дороги с открытым лицом, глотая слезы попеременно с пылью, а мимо нее потоком неслись наши машины и все, сидевшие на броне, с удивлением пытались заглянуть ей в глаза, чтобы понять, чем она провинилась перед родными. Когда наши глаза встретились, я был поражен этим взглядом затравленного зверька, уже попрощавшегося с жизнью. Потом ее глаза блеснули, увидев, что я не собираюсь в нее стрелять, а с приближением следующей машины вновь помертвели. Рота прошла мимо нее, она умирала и рождалась десять раз подряд, и все же эта молодая женщина невольно внушала уважение своей покорностью судьбе и неистребимым желанием жить.

Наш отход теперь походил на бегство, хотя на самом деле не был таковым. Паника была только у наших союзников из «народно-революционной» армии, нам же хотелось лишь поскорее добраться до Гиришка, который был для нас, как родной после этих многосуточных непрерывных боев. Кроме того, мы знали, что головное подразделение должно держать темп, которого будет придерживаться следующая за ним колонна. И вскоре поплатились за гонку и потерю бдительности: колонну начали обстреливать «эр-эсами» и вначале «духи» попали в группу стоящих на блоке артиллеристов, в результате — четверо убитых солдат. А еще через километр подорвалась БМП № 547 моей роты под командованием замкомвзвода 3-го взвода, она загорелась и буквально через пару минут на ней сдетонировал боекомплект. Башня взлетела на воздух, затем медленно, со вздохом опустилась на ребристый лист БМП, машина вскоре занялась огнем и быстро сгорела дотла, а четверых находившихся в ней членов экипажа контузило. Слава богу, что вовремя, до того, как начал рваться боекомплект, из машины успели вытащить механика — водителя, кажется, рядового Виктора Гуцуленко. Он был без сознания, хотя ему еще крупно повезло — взрыв произошел не сзади него, а под правой гусеницей, пробил днище и зажег двигатель вместе с моторно-трансмиссионным отделением.

На блоки мы встали на старых местах, неподалеку от поворота на Лашкаргах, отправили контуженных вертолетом в медсанбат, я доложил на Центр боевого управления о потерях, поели и немедленно завалились спать, выставив посты. Весь вечер и всю ночь мы отсыпались.

29 октября 1988 года

С утра вытянули колонну и начали выдвижение к бетонке. До Гиришка дошли спокойно. Город будто вымер, что было всегда плохим признаком в подобных случаях! И точно, как вышли за город — опять попали в огневую засаду. Мост через реку Гильменд оказался разобранным. Боевая машина разминирования (БМР) саперов с позывным «Лопата» прямо перед нами попыталась проделать своим ковшом проход для колесных машин, подцепив землицы, но подорвалась на mine, а по нам «духи» немедленно открыли шквальный огонь фосфорными 107-мм «эр-эсами». Первым же осколком, в грудь ранило моего штатного заместителя сержанта Отамирзаева, сидевшего, как и все командиры, на башне 544-й.

Замполит роты по моей команде повез его к медикам, по дороге вколов ему промедол. Сержант был без сознания. Лейтенант стал его осматривать и обнаружил, что тот ранен легко — контузия мягких тканей груди и сильный местный ожог, так как раскаленный от фосфора осколок застрял в пакете ткани СВМ бронезилета Ж81, в котором в наличии оставалась буквально пара титановых пластин. Это был какой-то нонсенс, и я больше всего удивился, что сержант вообще надел на себя бронезилет! Ведь наши увольняемые, кстати, перед этой операцией добровольно (почти!) отказавшиеся от отправки в Союз и прослужившие в общей сложности не по два, а по два с половиной года, до этой операции никогда не хотели на себя надевать защиту. Они считали, что проку от жилетов при попадании осколка или пули нет никакого, а носить их было неудобно. То же касалось и касок. С командиров же обычно «драли» три шкуры, если солдат получал ранение, не имея на себе защиты. А тут — бронезилет спас «дембелю» жизнь! С этого мгновения ситуация изменилась кардинально и со старослужащими проблем с надеванием этих средств до самого выхода из Афганистана у нас больше не возникало. Напротив, они стали подавать пример другим, причем часто стремились вместо Ж81 одеть 6БЗТМ или керамические 6Б4, не пользовавшиеся до этого популярностью из-за большого веса.

Но все это было позднее, а пока мы открыли огонь по зеленке в долине реки Гильменд, и стали отходить назад, за насыпь вдоль дороги, чтобы из-за нее, как из окопа вести огонь по пусковым установкам «духов». Ведь мы должны были прикрыть движение колонны автомобилей, которые пошли в обход, правее нас. И противник очень скоро был подавлен и замолчал. Но до этого на танке, действо-

вавшем впереди, был ранен осколком фосфорного РС в грудь еще один офицер из нашей инженерно-саперной роты (как мне кажется, это был Геннадий Борисович Владимирский, лейтенант, выпускник КВКУИВ-1987), мы потом с ним вместе лежали в дивизионном медсанбате. После выхода колонны автомобилей из Гиришка по объездной дороге рота спокойно перешла через разобранный мост, найдя еще одну противотранспортную «итальянку» TS-6,1 (Italian anti-vehicular blast mine).

До старого места стоянки возле Диларама мы дошли спокойно, и там бойцы наконец-то впервые за эти дни помылись, чего не делали уже суток пять. Какое же это несказанное удовольствие — облиться водой, особенно, когда с тебя сошло уже «сто потов»! Я тогда обнаружил, что у меня носки сгнили и развалились прямо в ботинках, так как обувь за это время не снималась ни разу. Продолжали отъедаться, в общем, расслабление было полное, и мы проспали как убитые всю ночь!

30 октября 1988 года

А с утра подъем и снова марш. До Фарахруда дошли почти спокойно. Только я замучился на ходу подтягивать трубки на топливном насосе высокого давления своей БМП. Из них струей било дизтопливо, так как во время замены насоса трубки были плохо закручены, и на дне моторного отделения машины всю дорогу плескалось топливо, которое мы откачивали при помощи аварийной помпы. Механик-водитель БМП рядовой Хакимов был молодой, и так же, как половина личного состава роты, был в первый раз на боевой операции, но показал себя в ходе нее настолько безалаберным механиком, что после «боевых» пришлось его «разжаловать» в стрелки, и назначить на эту должность рядового Онисковца. Потом еще у машины загорелись ленточные тормоза — этот «шарун» не снял ее с «ручника», и поэтому, не доезжая двадцати километров до Фарахруда, я остановил 546-ю для ремонта и поставил 1-й взвод под командой замполита и заместителя командира 1-го взвода старшего сержанта Шапиева вокруг нее на блоки. Сам на 502-й майора Сафонова доехал с остатками роты до района ночного отдыха.

Погода была замечательная, настроение великолепное, несмотря на онемевшую после попадания осколков пули руку, ведь мы — уже практически дома! Потом встали на блоки. Через час приехал командир 4-го, гранатометно — пулеметного взвода прапорщик

Грицай на 041-й, еще через час — 1-й взвод и 546-я. Я тем временем получил на роту кое-какие продукты, а когда к вечеру вернулся, увидел, что «колонники» пускают сигнальные ракеты и стреляют из автоматов в воздух, радуясь окончанию такой небывало тяжелой операции. Короче, «духи», посмотрев на этот глупый фейерверк, поставили пусковые установки реактивных снарядов с задержкой пуска и ночью совершили огневой налет по колонне. Сгорели еще два автомобиля, правда, потерь среди живой силы не было. Это был конец «войны», утром мы вернулись в Шинданд, где нас встречал музыкой оркестр, что бывало при мне нечастым явлением. Но сегодня это воспринималось совсем иначе и вообще, ощущение было такое, что мы в тот день как будто заново родились!

**Майор Сафонов и автор возле БМП № 502
после многодневных непрерывных боев.
Район Фарахруда. 30.10.1988 г.**

Забавный случай произошел сразу после прибытия в полк, когда мы пошли в баню. Когда все присутствовавшие уже мылись, раздался резкий гул. Потом мы сообразили, что звук создал запорный водяной кран, но в тот момент все присутствующие тут же присели, укрываясь от летящего реактивного снаряда. Потом присутствующие с недоумением посмотрели друг на друга — лежащих и сидящих на корточках среди мочалок и тазиков голых мужиков. И долго хохотали над своими приобретенными в ходе боевых действий условными рефлексам.

Заключение

Из той операции в провинцию Гильменд я сделал несколько очень важных для всей моей последующей службы выводов — командир, кроме тщательной подготовки подразделения к боевым действиям и организации четкой, устойчивой и непрерывной связи должен постоянно держать руку на пульсе происходящих событий. А для этого у него должен быть толковый заместитель из опытных офицеров, которого у меня, как временно исполнявшего обязанности, не было на данной операции. Необходимо было хотя бы поставить невдалеке от своей машины БМП командира 3-го взвода лейтенанта Слободенюка, чтобы тот был в постоянной готовности исполнять обязанности командира роты в случае моего выхода из строя или необходимости поспать! И вообще, в этом рейде я совершил просто невероятное количество ошибок — это и инцидент с автоматом, совершенно не способствовавший поддержанию авторитета, еще случай с экипажем, оставшимся безоружным, ведь ротный должен был предусмотреть подобное развитие событий! Также не способствовало успеху подразделения бестолковое ранение командира, к счастью, не повлекшее последующей эвакуации. И много еще чего. Впрочем, «не совершает ошибки лишь тот, кто ничего не делает». Весь опыт руководства подразделением приобретался прямо в ходе непрерывных многосуточных боев, и когда уже можно было осмыслить происходившее, мною был сделан вывод, что нельзя ни на минуту терять нити управления и быть вне происходящих событий, а на все действия противника необходимо своевременно реагировать эффективными и грамотными контрмерами. И «когда говорят пушки», надо действовать предельно жестко!

Естественно, необходима тщательная и всесторонняя подготовка подразделения к боевым действиям, и в этой подготовке не может быть разделения на важные и второстепенные задачи. Очень большое значение имеет уяснение обстановки самим командиром и отдача им четкого и недвусмысленного боевого приказа, продуманная постановка задач подчиненным. Ведь русский солдат непобедим лишь тогда, когда он четко знает «свой маневр» — это еще Суворов говорил! Плюс к этому — поддержание строгой дисциплины в подразделении и неуклонное соблюдение мер безопасности личным составом. Операция на плотине была именно тем мужским делом, ради которого мы все учились, занимались спортом и приобретали необходимые для войны навыки и опыт.

Именно таким образом действовал наш комбат в ходе тех боевых, и я искренне им восхищался в тяжелые моменты, а впоследствии его методы руководства подразделениями стали для меня примером во время подготовки и проведения последующих операций. Думаю, в немалой степени из-за предпринятых капитаном Гушиным мер за время его командования у нас не было потерь убитыми ни в рейде на плотину, ни потом, до самого вывода войск из Афганистана 2-й мсб не потерял погибшим НИ ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА! Из-за чего батальон и его командир стали легендой, отраженной в названии статьи. Как мне кажется, не было в РА другого подразделения, прошедшего столько тяжелых боев, и которое могло бы похвастаться ПОЛНЫМ отсутствием безвозвратных потерь, а офицеры батальона — тем, что им не довелось ни разу посмотреть в глаза родителей их убитых солдат.

После этого рейда около семидесяти процентов личного состава было представлено к правительственным наградам. Перебирая в памяти прошедшие жаркие схватки с противником, я и по сей день не могу найти разумного объяснения, почему нашим подразделениям в Афганистане всегда содействовал успех, а их личный состав, основная масса которого была атеистами, несмотря на это, будто постоянно находился под Высшей Защитой. Вопрос о практически полном отсутствии убитых в составе нашего батальона и приданных ему подразделениях в ходе рейда на плотину по сей день мучает нашего командира — полковника Гушина — он его выразил в ходе телефонных разговоров 27.09 и 2.10.2007 г. Командир до сегодняшнего дня считает, что потери у нас тогда должны были быть гораздо более тяжелыми! Ведь раненых в ходе операции на плотину в батальоне было много, около пятидесяти (здесь комбат меня поправил: «...фактически был ранен или контужен каждый третий из ходивших на те боевые, или около восьмидесяти человек...», причем только два десятка из них были эвакуированы, а остальные остались в строю — примечание автора). Но убитых и пропавших без вести в батальоне не было ни одного, и все раненые остались в живых!

Думаю, что во многом благодаря примеру Сергея Николаевича в руководимых мною подразделениях впоследствии также никогда не было убитых, а ведь мои подчиненные прошли Карабах, участвовали в боевых столкновениях в ходе межнационального конфликта в Баку 20–25 января 1990 года. Потом они дрались с боевиками всех национальностей и оттенков на границе Армении, Нахичевани и Ирана, а летом того же года в Узгене во время кровавых Ошских событий.

Полковник Гушин, 2007 г.

Уже после вывода наших войск из Афганистана мы вместе с выпускником РВВДКДКУ 1987 года лейтенантом Юрием Грищенко попали служить в 56-ю гвардейскую десантно-штурмовую бригаду в город Иолотань, Туркменской ССР. Там нам и стало известно, что за проведение операции на плотину Каджаки нашему бывшему командиру батальона гвардии майору С.Н. Гушину Указом Президиума Верховного Совета СССР было присвоено звание Героя Советского Союза. Но в том же 1989 году история 2-го, «рейдового» батальона 371-го полка закончилась, его личный состав частично влился в так называемую «Большую пехоту», как с февраля 1989 года стал называться наш полк с момента передачи его знамени части, расквартированной в г. Кушке, или как ее теперь называют туркмены — Серхетабад. Основная часть солдат — сразу два призыва, тогда же была уволена в запас после соответственно двух и двух с половиной лет службы, а большую часть офицеров разбросали по частям и соединениям тогда еще необъятного Советского Союза, история которого уже отсчитывала последние годы, месяцы и дни. Ходили слухи, что так же, как разоружение батальона непосредственно перед пересечением границы и быстрое расформирование соединений и частей 40-й армии произошло из-за их якобы готовности к отстранению от власти Горбачева и участию в государственном перевороте.

В нашем батальоне таких настроений не было точно, тем не менее, вскоре после описанных событий на память о нашей совместной службе осталась только песня времен Великой Отечественной войны, переключенная на новый лад:

Вспомним мы пехоту, шалкинскую роту,
И тебя, Власян, что дал нам закурить.

Поэтому люди, воевавшие в составе 2-го батальона, могли испытывать только гордость за то, что они служили в самом боевом подразделении 371-го полка. У нас никогда не было случаев «героической гибели», потому что командование батальона и полка не допускало, чтобы для этого создавались предпосылки. Недаром есть выражение: «героизм одних — это результат некомпетентности, разгильдяйства или трусости других»... Тщательная подготовка и планирование операций, профессионализм личного состава, наконец, просто невероятное, находящееся на грани мистики везение были залогом успеха наших подразделений. Так же, как и поддержание строгой дисциплины в ходе боевых действий, и недаром газетчики впоследствии назвали комбата «везучим капитаном». Все наши солдаты, сержанты, прапорщики и офицеры честно исполнили свой воинский долг в самых ортодоксальных и непримиримых провинциях Афганистана — Гильменде и Кандагаре, где по данным Би-Би-Си, в настоящее время производится около восьмидесяти процентов выращиваемого в Афганистане опиума, а в первой из них — двадцать процентов мирового производства. Думаю, многие в бывшем Союзе только теперь начинают осознавать, почему в нашей стране в конце восьмидесятых практически не было героиновой наркомании!

Поэтому наших товарищей было совершенно не в чем упрекнуть, за исключением единственного случая привлечения к уголовной ответственности из-за случайно застреленного 15.02.1988 г. в карауле рядового 6-й роты. Впрочем, при этом нельзя сбрасывать со счетов большую вероятность нервного срыва — как уже говорилось, наряды и караулы продолжались часто помногу суток, и стоять в них было, пожалуй, тяжелее, чем ходить в составе подразделения на «боевые». Правда, был еще один позорный случай весной 1988 года — оставление раненого на поле боя. Впрочем, подробности произошедшего пусть останутся на совести оставшегося в живых, ведь при этом больше никто не присутствовал. И потому не имеет права судить, была ли у них возможность вдвоем спастись от гибели!

В батальоне никогда не было ни случаев мародерства, ни бесчинств по отношению к мирному населению, ни казней пленных и издевательств над ними, а также других воинских преступлений. Во всяком случае, о подобных проступках, позорящих звание русского солдата, я в батальоне не слышал. Зато мне известно, что однажды в оставленном оппозиционерами и населением кишлаке Дуаб, в который батальон вошел в 1987 году в Гильменде, солдаты несколько недель подкармливали и охраняли двух не покинувших селения жителей — старика и девочку 10–12 лет. Живы они сейчас или нет, трудно сказать, но совесть по отношению к ним у наших военнослужащих была совершенно чиста.

Зато многие наши боевые друзья, верные присяге, улетели в Союз печальным «грузом двести», оставшись жить лишь в памяти своих товарищей и близких людей. Немало тех, что стали инвалидами, людьми с исковерканной судьбой и психикой уже после вывода войск. Ведь их воспитание в духе служения Родине вступило впоследствии в противоречие с перестроечным и постперестроечным культом предательства национальных интересов Отечества и торговли всем тем, что было для них свято — товариществом, взаимовыручкой, принципом «сам погибай, а товарища выручай».

В полку, и надо прямо об этом сказать, далеко не все погибшие были убиты в боях, напротив, таких было меньше, чем так называемых «небоевых потерь», проводившихся в полковой отчетности, как боевые. В основном «за речкой» люди гибли из-за глупости, своей и чужой, низкой дисциплинированности, а в плен часто попадали и по прямому предательству, то есть проступков, считавшихся позорными во все времена. Ведь верных долгу военнослужащих враги, как правило, сразу убивали, глумясь над живыми или уже мертвыми нашими товарищами, как это было в 1987 году с личным составом гпв одной из рот 191-го «Газнийского» горного полка в составе восьми человек, в полном составе polegшего в «зеленке» под Кандагаром. Взводу тогда просто забыли дать команду на отход, и он с тяжелым вооружением остался в каменных лабиринтах местных виноградников. Солдаты во главе со своим сержантом не успели вовремя отступить, и, когда к ним с боем пробился десантно-штурмовой батальон из 70-й омсбр, потерявший в ходе атаки еще несколько человек, то прибывшие обнаружили, что все «газнийцы» были убиты в неравном и жестоком рукопашном бою. А оставшихся в живых раненых «духи» добились, искромсав ножами. Да и пытки, которым подвергал противник наших пленных солдат, выходили за все мыслимые и немысли-

мые пределы человеческой жестокости. Излюбленной казнью душманами в Кандагаре и Гильменде было надрезать кожу наколотого наркотиками до бессознательного состояния пленного в нижней части туловища и, завернув ее чулком, завязать над головой вместе с руками, а потом оставить человека, кричавшего от боли и ужаса внутри кровавого «кокона», умирать на солнце.

По свидетельствам британских военнослужащих из парашютного полка 16-й воздушно-штурмовой бригады (16 Air Assault Brigade), в «городе» Каджаки в сентябре 2006 года ими был обнаружен целый пыточный застенок — они его назвали «домом скорби» («Honking House»). В этом строении подвергались нечеловеческим пыткам различные люди, в том числе, как пишут англичане, и наши военнослужащие, попавшие в плен к «духам». Происходило это, по тем же данным, «в период советской оккупации» — что, кстати, маловероятно, а сам застенок действовал до самого недавнего времени.

Именно по глупости, как собственной, так и чужой, а также роковому стечению обстоятельств распрощалась с жизнью большая часть военнослужащих нашего полка, доставленных в «черном тюльпане» на Родину. Запомнился солдат, упавший в воду в горной реке и утонувший во время умывания. В 1986 году на мосту в Фарахруде заклинило бортовой фрикцион БМП №545, которая везла раненого, она упала с моста и придавила сразу трех человек. Еще были майор и старший лейтенант, подстреленные летом 1988 года солдатом из Казахстана, у которого «поехала крыша», он потом еще стрелял по часовым на заставе, но к счастью, не попал.

Паспорт «духа», застреленного при минировании аэродрома г. Джелалабада (фото Х.А. Капкаева)

Недисциплинированность? Именно из-за нее зимой 1987–1988 годов погибли двое военнослужащих из нашей минометной батареи, фамилии которых сообщил Вячеслав Дмитриевич Власян. Это были рядовые Касперович и Филонов, и они ночью, тайком пошли за покупками в «дуكان» в Шинданте, а потом их трупы с отрезанными головами «духи» подбросили в расположение дивизии. Но в последнем случае можно с достаточно высокой долей вероятности утверждать, что эти два солдата мужественно приняли страшную смерть, предпочтя ее предательству!

Ведь последнее действительно имело место! Это, конечно же, тот случай, когда в июне 1988 года молодой солдат из Западной Украины, на второй день после своего прибытия с последним пополнением в полк прямо из карантина перебежал к врагу, а увольняемым из-за этого задержали отправку в Союз до выяснения причин его побега. Разведбат тогда провел целую операцию по его «возврату», расстреляв несколько боекомплектов по кишлаку, где перебежчика удерживали, склоняя, таким образом, старейшин к выдаче. Когда его, наконец, выменяли у пятого или шестого по счету хозяина на автомобиль КАМАЗ, ведь «духи» перепродавали дезертира из банды в банду, как барана, то по приказу вышестоящего командования его сразу отправили домой. К тому времени предательство, прикрываемое политическими интересами государства, начинало становиться добродетелью в нашей стране, а прибывшие в Афганистан вместе с ним ребята пошли через три месяца в рейд на плотину Каджаки. Хотя, надеюсь, никто из них — Легков, Седухин, Савенко, Онисковец и другие, впоследствии не сожалели, что там с ними не было этого субъекта! Вспоминается еще один солдат 1-го батальона полка, не хочется называть его фамилию, но он до сих пор почему-то значится в списках пропавших без вести в Афганистане. Хотя все в дивизии знали, что он ушел к оппозиционерам сам, причем за неделю до своего увольнения в запас и впоследствии участвовал в боях с нашими войсками.

Как сообщил человек, служивший в 40-й армии и побывавший недавно в Афганистане, в одной из центральных провинций этой страны до сих пор живет этот дезертир, расстрелявший в плену двух своих товарищей, отказавшихся, в отличие от него, воевать в «душманских» формированиях. Другой бывший пленный, оказавшийся у «духов», по его словам «в бессознательном состоянии» даже показал нашему «туристу» место их захоронения. Два этих бывших военнослужащих Советской армии не общаются между собой уже много лет.

Мне же хочется поименно вспомнить тех погибших и тяжело-раненых в боях однополчан, которые до конца исполнили свой солдатский долг, как знакомых лично, так и неизвестных, но чьи имена и подвиги сохранились в памяти боевых друзей, спасибо всем тем, кто подсказал забытые эпизоды. И пусть напомнят не названные в статье фамилии, имена и даты те, кто их до сих пор хранит!

Это командир 4-й мср старший лейтенант Виль Рахимович Мухамедзянов (РВВДКДКУ—1984). Офицер получил тяжелые множественные ранения в феврале 1988 года в провинции Кандагар, когда выстрел РПГ попал в боевую машину пехоты и впоследствии был эвакуирован для лечения в Союз. Старший лейтенант не покинул горящей машины и отстреливался от наседавших врагов до тех пор, пока в БМП не начали рваться боеприпасы! Вспомним замполита нашей роты лейтенанта Андрея Ефремовича Гайдукова, выпускника Новосибирского ВВПОУ 1986 г., убитому 12.12.1987 г. осколком «эр-эс» севернее Синжарая, в провинции Кандагар, и командира 1-го взвода лейтенанта Дорохина, погибшего 24.04.1988 г. в Гильменде.

Упокой души рядовым полковой разведроты: Мирзаахмаду Хасановичу Мирзарахимову из Узбекистана (родился 2.03.1968 г.), убитому 12.02.1987 г. в бою под Карвангахом во время спасения людей из колонны №0016, Вячеславу Емельяновичу Муртазину (родился 2.12.1966) из Башкирии, убитому снайпером во время поиска и «прочески», проведенной ротой в марте 1987 года в провинции Фарах. А еще Владимира Валерьевича Масложенко, из Харькова, 17.09.1967, (механик-водитель БМП разведроты, позже, в составе батальона спецназа — снайпер), смертельно раненому 20.03.1987 г. при обстреле Фарахруда.

Светлая память еще пяти бойцам разведывательной роты, убитых осколками снаряда в провинции Кандагар во главе со своим командиром — капитаном Игорем Ивановичем Кубановым (Бакинское ВОКУ-82?), 02.08.1961 г. года рождения. Удалось установить их имена и прозвища: Сергея Байрамовича Байрамова, рядового, 10.01.1967, из Башкирии, «Федота-Таджика» — Фарида Самиулаевича Ираева, 19.3.1967, из Узбекистана, «Тимохи» — заместителя командира 2-го взвода сержанта Николая Андреевича Тимошенко из Николаевской области, который родился 1.01.1966, и Сергея Петровича Зырянова, 13.11.1966 рождения, из Башкирии. Все они погибли на границе с Пакистаном, под Шиннараем, и в память о них одна из машин разведроты была названа: «Имени погибших 23 июня 1986

года!» Так же, как в 6-й мср одна БМП до самого вывода носила имя сержанта Олега Николаевича Калиниченко из Кемеровской области, который родился 20.09.1968, а умер 23.08.1987 г. от ран, полученных в бою в Кандагаре, в июле 1987 года. Всего разведрота за почти десять лет войны потеряла 22 человека — именно столько поясных ремней погибших хранилось в Уголке Памяти этого боевого подразделения на Дилараме — три офицерских и девятнадцать солдатских.

Пусть земля будет пухом заряжающему танка — Тазыбаю Кочкаровичу Ягмурову из г. Ташауза, высокому, добродушному туркмену, служившему в 1-й роте танкового батальона полка и погибшему 24.10.1988 в кишлаке Каджаки-Улия, а также одиннадцати другим советским военнослужащим, убитым в те последние октябрьские дни 1988 года. И, наконец, хочется пожелать удачи выпускнику Новосибирского ВВПОУ 1985 года старшему лейтенанту Петру Михайловичу Крысюку, тяжело раненому при подрыве машины в окрестностях Шинданда в декабре 1988 года. Он в тот момент служил в 7-й мср полка.

Алексей Палкин (на фото - сидит слева)

И, наконец, еще одна тяжелая утрата — Леша Палкин, выпускник РВВДКДКУ 1985 года, с которым мы вместе воевали в Кандагаре, потом в Баку, когда уже служили в 56-й одшбр в Иолотани. До 1990 года Алексей командовал ротой в 1-м пдб, и его «ушли» из 56-й в областной военкомат. Перед моим отъездом из Туркмении осенью 1991 года нам довелось встретиться с ним в г. Мары, у него дома. В последний раз! Долго сидели, вспоминая знакомые места,

совместные бои дшб, разведроты «семидесятки» и подразделений 371-го полка, нашу совместную службу и август 88-го, когда 2-й батальон выводил 70-ю омсбр из Афганистана. Вспоминали погибших, и он рассказал об убитых в зеленке «газнийцах», которых они вытаскивали. Напоследок Леша подарил фотографию, на которой он был снят с бойцами своего подразделения возле обнаруженной ими «итальянки», подписав ее на память: «...от Алексея. Пускай служил в Баграме ты, в Шинданте иль Кабуле, а может сердце дрогнет при слове Кандагар!»... После этого наши пути разошлись, как выяснилось — навсегда! Недавно пришло грустное известие — 12 августа 2005 года Леша умер. Всем друзьям, сослуживцам, нашим боевым товарищам⁸², как перечисленным выше, так и тем, чьи имена которых остались не названными, Сергеем Зыковым была в свое время посвящена песня:

Над песками птица черная кружит,
В пыльном мареве, сливаясь с синевой.
С высоты свою добычу сторожит,
Не поймешь, то ли эскорт, то ли конвой.

Мы не заперты, но некуда идти,
В «блоке» варимся, как в собственном соку.
И воюем только с минами в пути,
И товарищей теряем на скаку.

Разворочены железные бока,
Кровь и пыль спеклись на треснувшей броне.
Ах, как страшно и как глупо мы пока,
Наших мальчиков теряем на войне.

Ждет страна своих родимых сыновей,
Ей, России не к такому привыкать.
Курский трель по ним отслужит соловей,
В Белоруссии зайдет в плаче мать.

⁸² Данные о потерях за время операции на плотину несколько разнятся с цифрами, приведенными в начале статьи, но приводятся те сведения, что были доведены лично составу батальона после операции — 12 убитых и свыше 100 раненых и контуженых советских солдат и офицеров. Потери «зеленых» в ходе рейда остались неизвестными, но они тоже были немалыми. Мулла Насим Ахундзада после ухода 5-й мсд из Афганистана прожил совсем недолго — 25.03.1990 он был убит вместе с пятью другими полевыми командирами в городе Черате, в 25 км к юго-востоку от Пешавара в Пакистане — закономерный конец для этого жестокого и упрямого человека. Кто-то неизвестный все же выполнил поставленную батальону задачу!

Примет пухом украинская земля,
Казахстан обнимет крыльями степей.
Отшумят над ними травами поля,
И отпляшет вихри танца суховей.

Кто-то принял эти горькие дары,
Кто-то здесь лежит, в афганской стороне.
Обелисками им служат до поры,
Наши кони в рваных ранах на броне.

То ль бетонки искореженный металл,
Это — память в наших спекшихся сердцах.
Ах, как хочется, чтоб каждый павший встал,
Чтобы в друга обратились тлен и прах!

А самое главное, что хочется сделать — еще раз поблагодарить ребят моего 2-го взвода 4-й роты, которые в октябре—декабре 1988 года должны были уволиться в запас и поехать домой, а вместо этого пошли драться на плотину Каджаки. Они вынесли на себе самую тяжелую и опасную работу в ходе этой операции, ВСЕ ранения и контузии во взводе. Вот фамилии настоящих героев, представленных после рейда командованием к правительственным наградам: сержанты Отамирзаев, Казаков, рядовые Хазраткулов, Парпиев, Саидкасимов, Жураев.

Часть 5 «Вывод советских войск из Республики Афганистан». Эссе

Почему-то в печати совершенно не освещено, как выходил из Афганистана 371-й гвардейский мотострелковый полк. В одних источниках упоминается, что он вышел из РА в 1986 году, в других описывается выход 15.02.1988 года лишь 650-го разведывательного батальона 5-й мотострелковой дивизии и десантно-штурмовой маневренной группы Тахта-Базарского пограничного отряда, но нигде практически не упоминается ни 2-й батальон 371 полка, ни 3-й батальон 101 полка 5-й мсд. Чтобы восполнить этот пробел, я и решил написать эту статью. Как же проходил вывод советских войск из западной части Афганистана, и как покидали страну подразделения и части 40-й армии вдоль трассы Кушка—Кандагар в 1988—1989 годах?

Подготовка к этому знаменательному событию началась еще за год до этого, с Заявления советского руководства о выводе Ограниченного контингента советских войск из Республики Афганистан. Все войска с нетерпением ждали вывода, так как методы ведущейся Советским Союзом в Афганистане войны весьма претили участвующим в них войскам, — во-первых, их количество было совершенно недостаточным для эффективного проведения операций, а во-вторых, все мы прекрасно видели, что происходящее здесь никому не интересно — ни правительству Афганистана, ни нашим руководителям. Советское руководство интересовала только политическая сторона — пребывание Советской армии в сердце Азии, а афганское — личное благополучие. Нежелание афганской армии воевать за свою революцию, коррупция на всех уровнях власти в республике наложили отпечаток и на психологию наших офицеров, прапорщиков, сержантов и солдат. Ведь ОКСВА воевал против оппозиции не вместе с народной армией, а зачастую вместо нее и против нее. Афганские войска в своей массе при малейшем огневом противодействии просто ложились на землю и отказывались идти вперед, а советские подразделения начинали выполнять поставленные первым задачи. Дезертирство в Народной армии Республики Афганистан было настолько распространенным явлением, что

зачастую в отряды оппозиции военнослужащие уходили целыми подразделениями и частями.

В августе 88-го прошел первый этап вывода соединений и частей из Кандагара, Лашкаргаха и населенных пунктов, расположенных вдоль трассы Кандагар—Шинданд, из крупных войсковых единиц в Союз ушли 70-я отдельная мотострелковая бригада, 22-я отдельная бригада специального назначения, 12-й мотострелковый полк 5-й мотострелковой дивизии и множество мелких частей и подразделений. Вывод их прошел достаточно спокойно и организовано, в основном в это время «духи» ожесточенно дрались друг с другом, деля сферы влияния. Правда, обстреливали и наши войска, в частности, 4-ю роту, стоявшую в северной части Герата недалеко от штаба (21-го?) армейского корпуса афганской армии. К счастью, все обошлось тогда без потерь. Наши подразделения во время августовской операции были очень малочисленными из-за хронического некомплекта бронетанковой техники в батальоне. На эти «боевые» вышла хоть и вся его наличная техника в количестве 15-20-ти БМП-2Д, но, учитывая, что по штату их значилось около 50-ти... В 4-й роте, вышедшей на «боевые», их было «аж целых» 3 штуки, в которые удалось посадить около двадцати человек личного состава. На блоке в Герате мы простояли несколько дней, обстрелов выходящих из Афганистана колонн не допустили и только этот единственный инцидент, да еще приезд на блок писателя Александра Проханова немного скрасили наш убогий досуг.

На блоке севернее Герата, вместе с механиком-водителем БМП №540
Рамилем Фасхудиновым, август 1988 г.

А потом мы вернулись обратно в Шинданд и обнаружили, что выведившиеся из Кандагара, Лашкаргаха, Фарахруда войска оставили нам все свои наличные БМП. Ведь накануне рейда в полку уже решался вопрос о передаче нам из состава 1-го батальона, совсем не богатого техникой, «цельных» трех БМП, чтобы хоть как-то «поддержать штаны» нашего 2-го батальона. Накануне мы даже отремонтировали упавшую в 1986 году с моста 545-ю БМП, чтобы в роте было хотя бы четыре машины. Впрочем, ее так и не удалось довести до ума, она постоянно грелась, и ее радиатор во время движения приходилось все время поливать водой во избежание перегрева, стабилизатор вооружения водил пушку по вертикали вверх и вниз и на ней все время что-нибудь ломалось. Ее бы в капитальный ремонт, но, как говорится, мы были рады и этому, так как в моем взводе на тот момент это была единственная БМП. А при отсутствии техники несчастный взвод обычно оставлялся в Шинданде, и по полной программе вкушал все прелести гарнизонной жизни с почти непрерывными тогда построениями, перемежающимися частыми строевыми смотрами и продолжающимися по несколько суток нарядами.

Дело в том, что 371-м полком в то время командовал полковник Д., который очень любил держать имеющиеся в пункте постоянной дислокации подразделения на плацу, иногда даже снимая свое руководство частью на видеокамеру. В полку на тот момент постоянно дислоцировались: 2-й мсб, танковая рота, артиллерийская батарея и отдельные полковые подразделения обеспечения и поддержки. Остальные, причем в — основном боевые подразделения, составляющие чуть ли не две трети численности полка, стояли на заставах вокруг Шинданда на трех поясах безопасности.

Поэтому чуть ли не главным нашим развлечением при нахождении в расположении была подготовка к очередному строевому смотру, то есть выпиливание из фанеры и покрытие лаком бирок 3 на 5 сантиметра, проверять которые на флягах, противогазах и ОЗК наш полковник имел особую склонность. Впрочем, то же самое творилось и в 101-м полку, ведь он, как и Шиндандский полк, для Герата тоже был «придворным», и дивизионное, а также армейское начальство, видимо из-за небогатой фантазии, постоянно производило аналогичные инспекции и там. Про орб в письме написали следующее: «...по поводу маразма с бирками, иголками и даже расчёсками у... наголо бритых, — это было по всей дивизии и, как я помню из внутренних обсуждений, было связано с новым комдивом

и его замом (как зовут, не помню зама, а «погоняло» было «Трассер»). У нас в батальоне даже устраивали полную эвакуацию по тревоге на ДУЦ и только в последний момент отменили эвакуацию продовольственного склада!».

«Трассер» — была кличка бывшего командира 101-го мсп подполковника К., про него недавно написал Дмитрий Маслак, служивший с октября 1987-го по февраль 1989 года в батарее артиллерийской разведки шиндандского артполка. Как он пишет: «Трассером» звали начальника штаба дивизии за его рыжую шевелюру и привычку без шлемофона раскатывать на броне мчащегося БТРа. Так и говорили — «вон трассер полетел».

Севернее Герата, при выводе войск в августе 1988 г.

На снимке — автор и А. Слободенюк.

На заднем плане (четыре трубы) — мавзолей Алишера Навои

Дивизионная парадомания даже была воспета в песнях наших дивизионных бардов из минбатр 3-го мсб 12-го полка Сергея Зыкова и Валерия Зубарева, так же, как случавшиеся иногда прибытия в наши полки для получения наград «сынков» московского генералитета. Один представитель этой славной когорты будущих генералов во время своего «командования» ротой практически непрерывно находился в отпуске, либо «зависал» в госпиталях, медсанбате или многочисленных шиндандских базах хранения. Кстати, про его похождения в период, предшествовавший назначению в наш полк, довольно подробно рассказал И.Черняк, корреспондент «Комсомольской правды» в своей статье «Двое на одной войне».

Но в основной своей массе, в батальоне офицеры и прапорщики были действительно трудягами, не жалевшими ни времени, ни

сил на обучение подчиненных, слаживание подразделений и проведение занятий с личным составом. Ведь недаром А.В. Суворов говорил: «Тяжело в учении — легко в бою!» и основная масса командного состава уровня от командира взвода до командира батальона в своей повседневной деятельности руководствовалась именно этим принципом. У меня сохранились лишь две записи по проведению занятий с подразделениями во время их подготовки к рейдам. Так, за два дня до начала боевых действий на иранской границе у нас в роте 8 июня 1988 года было проведено занятие на дивизионном учебном центре по огневой подготовке, в ходе которого были выполнены — «УКС-1 из БМП-2Д с офицерами, прапорщиками, наводчиками — операторами и командирами отделений». С остальным личным составом тогда же были проведены «стрельбы из стрелкового оружия с отработкой нормативов 1,12,13,15, по посадке и высадке из БМП». При подготовке к другому рейду с 15 октября 1988 года были проведены «тренировки по огневой, тактической подготовке, начиная с одиночных действий солдата в бою, отработки действий в составе отделения и взвода и заканчивая боевыми стрельбами личного состава на войсковом стрельбище». Были осуществлены «тренировки наводчиков-операторов в боевых пусках ПТУР, экипажей БМП в вождении техники и произведена ... пристрелка вооружения». Окончательным итогом подготовки октябрьского рейда были ротные тактические учения с боевой стрельбой, в которых поочередно участвовали все три роты батальона и минометная батарея. На РТУ, в том числе, были отработаны действия личного состава в пешем порядке за техникой вслед за огневым валом, производимым огнем нашей минометной батареи. А вообще, в батальоне при нахождении в ППД боевая подготовка проводилась постоянно, особенно она активизировалась перед выходом на «боевые».

К нашей неопишуемой радости вскоре нашего командира полка отправили на повышение — он стал заместителем командира 5-й дивизии, а его место занял бывший заместитель, подполковник Владимир Сергеевич Ликонцев, часто ходивший с нами на «боевые» и пользовавшийся в полку большим авторитетом. Он сразу сократил активность любящих парадоманию местных начальников. Хотя все остальные многочисленные высокопоставленные проверяющие, прилетающие в Шинданд, обязательно притаскивались в наш «придворный» полк и «парили» нам мозги, если батальон, к его несчастью, оказывался на месте. Все они были убеждены, что мы даже во снах мечтаем, чтобы очередной генерал или, как однажды,

адмирал из ГлавПУра прилетел к нам, и наконец-то сообщил порядок вывода в Союз. Хотя как начинать боевые действия, вести их и выходить из боя, мы знали прекрасно и без облеченных большими звездами чиновников из Политуправления, этому нас всех долго и планомерно учили всю нашу предыдущую службу. Гораздо больше военнослужащих в тот момент интересовало, что нам делать с выданными накануне в огромных количествах «красными» чеками Внешпосылторга, для чего всех офицеров и прапорщиков в приказном порядке заставили закрыть свои банковские счета. На это мы получили исчерпывающий и удовлетворивший всех нас тогда ответ с похлопыванием ладонью адмиральской груди, и обещанием бросить свою честь морского волка собакам на поругание, если он нас вводит в заблуждение. Чем это все закончилось, я опишу позднее.

Таким образом, любой выход на «боевые» для нас всегда был настоящим праздником и, слава Богу, что эти мероприятия проводились почти постоянно — то это были какие-то мелкие засады, то поиски в зонах действия «духов», то обеспечения проводок колонн и отдельных машин. Однажды я двое суток сопровождал на двух БМП прилетевшего с инспекцией аэродрома генерала (кажется, это был генерал-майор Профантилов — *примеч. авт.*), встретив на заставе своего бывшего однокашника, до Афганистана служившего в единственном в стране кавалерийском эскадроне в Оше. В этом сопровождении главным маразмом было то, что генералу дали для инспекции застав более комфортабельный и быстроходный БТР-80, и он, отрываясь по бетонке от наших гусеничных машин со скоростью около 100 километров в час, заставлял заниматься не столько его сопровождением, сколько поиском. Еще мы частенько вылетали в составе досмотрового взвода на осмотр караванов и опять-таки для сопровождения колонн.

У меня сохранился список, конечно неполный, мероприятий, в которых довелось участвовать за время пребывания в полку. С 14.04.1988 по 20.05.1988 находился в полковой разведывательной роте, мы обеспечивали прохождение колонн, а также проводили засады, разминирования и поиски в окрестностях Карвангаха, Дехтуда, Чары, Диларама, в провинциях Герат, Фарах, Нимруз и Гильменд. С 25.05. по 10.06., уже в составе 2-го мсб проходила подготовка к боевым действиям на иранскую границу и одновременно восстанавливалась БМП номер 545. С 11.06. по 18.06. мы участвовали в боевых действиях на «иранке» и оказывали помощь в выводе оттуда афганских малишей. С 20.06. по 16.07. — находился на сборах

молодого пополнения, прибывшего в полк. С 8.08. по 16.08. мы вели боевые действия в районе Герата. С 20.08. по 10.09. проводили засады, сопровождения, действовали в составе досмотрового взвода, потом был рейд на «Зер—Кух» в окрестностях Старого Шинданда. Позже мы ходили проводить поиск в районе города Адраскана, а с 22.09. по 6.10. я сдавал нашу многострадальную 545-ю в капитальный ремонт в Торагунди. С 20.10. по 30.10. мы участвовали в боевых действиях в Гильменде, потом до 6.11. я лежал в медсанбате с простреленной рукой, а с 6.11. по 30.11. мы готовились к рейду в Кандагар, попутно «тащили» караулы и наряды, а ушли на юг Афганистана лишь 5-го декабря. Вернулись оттуда 22.12.1988 г. Потом нам долго «компостировали мозги» в связи с выводом, в частности, минимум две недели ВЕСЬ батальон был озабочен тем, что свозил из окрестностей сгоревшие автомобили и обкладывал ими модуля накануне передачи «зеленым». Для нас так и осталось непостижимой загадкой, зачем мы это делали, так как защита от них модулей была никакая. А 25.01.1989 г. мы наконец-то навсегда оставили свой пункт постоянной дислокации, и выехали на своей бронетанковой технике в Герат...

Досуг. Кроме игры офицеров в преферанс в офицерском модуле, большим развлечением для всего личного состава полка было наблюдение за похождениями нашей местной «звезды» — макаки Степашки, привезенной по одним данным летчиками из-под Джелалабада, а по другим — из Лашкаргаха, из бригады спецназа. Вначале он жил на аэродроме, а затем кочевал по полкам и батальонам из-за довольно вредного характера и «повышенной кусачести». Ввиду отсутствия представителей данного вида фауны в наших краях, Степашка в качестве объектов реализации своего безудержного темперамента избрал местных кошек, которых он «пользовал» с большой охотой, выдумкой и упорством. Причем не делая разницы между полом и возрастом несчастных Мурок и Мурзиков (по воспоминаниям некоторых очевидцев данных событий — «мурзиков» он все же иногда «отфильтровывал» — примечание автора), совсем не испытывающих вдохновения от перспективы оказаться в цепких лапах любвеобильной макаки. Было ощущение, что сидение в засадах на крышах модулей и неутомимое преследование очередной жертвы составляло смысл всего существования этой мелкой обезьянки, или, как их называют афганцы — «май-муна». Но вскоре наши бесплатные представления закончились, и причиной тому стала глупая смерть «шоу-муна», когда он, подгоняемый дурными гормо-

нами во время погони за очередной жертвой прыгал с крыши на крышу модулей и зацепился поводком за гвоздь. Вероятно, сильным рывком ему сломало шею, а потом он задохнулся в своем ошейнике. Бездыханное тело макаки обнаружили наутро.

Какое-то время развлечение офицерам батальона доставлял кот, повадившийся по трубам коммуникаций пробираться в определенную комнату, и гадить на кровать заместителя командира нашей 4-й роты Бородина Андрея Владиленовича. Не знаю, за что он так невзлюбил этого, в общем-то, довольно добродушного человека. Похождения кота продолжались много дней и достаточно было вместе с Андреем придти в кубрик, как представление, сопровождающееся криками, щедро сдобренными ненормативной лексикой, тут же начиналось и продолжалось довольно длительное время, вызывая у остальных обитателей модуля гомерический хохот. Наконец, в один счастливый для нашего зама день, нарушитель его душевного комфорта был пойман на месте преступления и нашими совместными усилиями безжалостно прикончен. Труп преступного кота был брошен в полковой туалет типа «сортир».

Еще одним развлечением, очень типичным для всей нашей страны в то время, стало посещение офицерами, прапорщиками, сержантами и солдатами полкового магазина, или, как его называли на афганский манер, «дукана». Когда я только приехал в полк, то обнаружил, что кроме консервов со сгущенкой и крабами, да китайских пуховиков, остальные магазинные полки были девственно чисты. Небольшое оживление торговли было лишь однажды осенью, когда в течение месяца торговали хоть какими-то товарами, а в основном магазин все время пустовал. Поэтому, желая хоть что-то привезти себе домой, солдаты и офицеры ходили в афганские «дуканы». Не для всех подобные мероприятия закончились успешно, и однажды «духами» были пойманы и обезглавлены двое солдат нашей минометной батареи.

В горе и радости, а также на праздники обычно использовалась «Фанта-шурави» — говоря проще, — обыкновенная брага, которая изготавливалась обычно прямо в подразделениях, лишь однажды в «военторг» завезли огуречный лосьон, и тогда в полку был великий ажиотаж. Естественно, вся спиртосодержащая жидкость была немедленно скуплена и моментально выпита. Дефицит алкоголя в Афганистане был повсеместный, так как в «военторге» им не торговали, и он не мог быть покрыт за счет отпускников и сменщиков — через границу было разрешено провозить только по десять поллитровых

бутылок пива. В случае срочной необходимости выпить что-то погорячее «Фанты», все страждущие были вынуждены посещать наш 1377-й противотанковый дивизион и по 25 чеков за бутылку покупать у вольнонаемных служащих Советской армии самогон, частенько сдобренный уксусом. В афганских «дуканах» иногда брали водку «Столичная» пакистанского разлива, обходившуюся в 50 чеков за поллитра, а также местный коньяк, кажется, он назывался «Нептун». Иногда добывали у знакомых «дуканщиков» самодельную «кишмишовку».

В отличие от алкоголя, недостатка в марихуане, афганцы ее называют «чарс», не было совсем, она была везде, правда, не все из наших военнослужащих ее употребляли, хотя пробовал курить, наверное, каждый. Дело в том, что афганцы его используют просто в невероятных количествах, даже добавляя в пищу, и почти всегда имеют с собою в карманах. Часто, захватив пленного, можно было не найти при нем ничего, кроме какого-нибудь мусора (именно так — «кучка мусора», я однажды написал в протоколе изъятия вещей очередного из них), но «чарс» присутствовал в карманах обязательно. Насчет героина и опия сказать ничего не могу, их было очень много в провинциях, где действовал батальон, но у нас в батальоне его не употреблял никто.

Государство накануне вывода подкинуло нам еще одно развлечение — думать, что делать с накопленными за время службы деньгами, вернее «чеками», которыми нам платили денежное довольствие — офицерам-прапорщикам от 250 до 400 «чеков», солдатам и сержантам — от 20 до 50. Дело в том, что в Союзе в это время началась визгливая компания за прекращение хождения «второй валюты», как в средствах массовой информации называли «чеки Внешпосылторга» и все купленные властью «прогрессивные силы» страны в один голос требовали закрытия магазинов «Березка», где на них торговали. При этом все почему-то сразу забыли, что наше государство само придумало эти расчетные знаки, чтобы не платить работающим и служащим за пределами нашей страны валюту, которая шла в доход государства, а вместо них выдавало «чеки» и «бонны». Поэтому к нашему прибытию в СССР эти «фантики» были уже никому не нужны, всех военнослужащих, как я уже писал, еще раньше вынудили закрыть банковские книжки, где они хранились, а выданные на руки еще в РА по ним «чеки» на Кушке просто поменяли на рубли в соотношении один к одному. А вообще-то тема этой грандиозной аферы, в которую было вовлечено, я думаю, все высшее руководство стра-

ны, а в «кидалове» выводившихся из Афганистана войск участвовали как высшие чины МО СССР, так и Туркестанского военного округа, — тема отдельного разговора, желательного с привлечением тысячонки другой прокуроров. Если, конечно, еще не истек срок давности.

Главное, что в результате этой финансовой махинации государства у всех, находившихся в 1988—1989 годах в Афганистане, была достаточно серьезная головная боль — где купить подарки своим близким, как подготовиться к увольнению в запас и что привезти в страну тотального дефицита. Наверное, не один десяток советских военнослужащих по всей стране расстался с жизнью в результате «мудрой и продуманной» политики по обеспечению войск товарами, пытаясь тайком, либо ночью посетить афганские «дуканы». Ведь высокие местные и «заезжие» чины всем нам сообщили, что товары на территорию Афганистана завозиться не будут, а «отправятся» на Кушку, где после вывода войск нас всех обязательно «отоварят». Естественно, что в глубине души им мало кто верил, но что было делать? Как впоследствии выяснилось, главный аспект этой проблемы заключался, в том, что на «чеки» в «Березках» можно было купить либо телевизор Panasonic G40, либо видеомэгафон аналогичной модели за 1400 инвалютных рублей каждый. После этой операции видеомэгафон можно было тут же поменять на одно-, двухгодовалый «ВАЗ», так как по стране уже повсюду открывались видеосалоны, где этот аппарат был дефицитом. А одно-, двухгодовалый автомобиль, купленный за 3—4 тысячи советских рублей в Туркмении, или обменный на «видик», можно было в России тут же поменять на квартиру. Поэтому высоким начальникам со своими «камарильями» было глубоко наплевать на выходящие из Афганистана войска — они были заняты личным обогащением, «толкая» втридорога аппаратуру, купленную на чеки, обменные у выводившихся из РА частей. Да и не в принципах наших высоких руководителей было давать своим воинам хорошо жить, отдавая все обещанные им ранее «долги» и создавая человеческие условия для существования...

Ведь для нас так и осталось непостижимой загадкой, почему в Афганистан нельзя было завезти в достаточных количествах хотя бы лимонад или минеральную воду в полутора — литровых полистирольных бутылках, которой в Туркмении было полно после открытия там соответствующего завода — в невероятных количествах нам довелось ее употреблять только после вывода. А в РА советские военнослужащие даже во время нахождения в пунктах постоянной дислокации постоянно хлебали хлорированную воду, либо покупали

минералку или лимонад, причем втридорога в афганских магазинах, где иногда подсовывали и отраву. Интересно было то, что в момент завоза товаров в «военторг» курс обмена «чеков» среди афганцев резко возрастал, и минералку «Боржом» советского производства можно было увидеть в свободной продаже только у них! Недаром, похоже, говорится: «кому война...!» В памяти сохранился единственный случай, когда мне в полку досталась «по распределению» упаковка то ли из 24-х, то ли 12-ти 0,33-литровых банок датского лимонада «Si-si», купив которую, я взял ее на «боевые» а, выпив все банки, мы с экипажем вновь перешли на хлорированную воду. Солдатам не «светило» «урвать» даже этого напитка, так же, как и югославского лимонада «Рорі», который иногда «выбрасывали» на прилавки нашего полкового «дукана». Кстати, на базе в Торагунди, в отличие от полка и дивизии, этот напиток находился в свободной продаже — но не поедут же бойцы покупать воду за многие сотни километров?

Хлорированная же вода потреблялась советскими военнослужащими просто в невероятных количествах — водяную цистерну в 400 литров экипаж из 4—5 человек летом выпивал обычно за три дня. Ведь жара, особенно на «иранке» и в Кандагаре, была просто невыносимой, до 70 градусов на солнце (а где ты ее на блоке найдешь — тень-то?), БМП при этом раскалялась так, что на ее броне можно было жарить яйца и кипятить воду. Много пили еще и из-за того, что примерно в том же, 1988 году в очередной раз изменилось мнение советских медиков по проблеме потреблению воды — «... в жару личный состав водою ограничивать вредно, особенно если в этом нет необходимости». Поэтому пили мы постоянно, конечно, кроме случаев действий в пешем порядке, когда «ашдвао», за исключением имевшейся во флягах, не доставлялась по несколько суток.

Среднестатистический портрет военнослужащего нашего батальона того времени можно было вывести следующий: худой до предела, загорелый до черноты субъект с отвисающим из-за непрерывного потребления жидкости животом. Мы не узнавали возвращающихся из отпуска товарищей — так они отъедались за месяц-два потребления домашних харчей.

С женщинами у нас проблем тоже не было, у нас в полку их было семь, и все они, за исключением двух официанток из офицерской столовой и библиотечарши были уже «закреплены» за полковым начальством. Официантки были женщинами независимыми, свободными и, в общем-то, жили с теми, с кем хотели. Главной проблемой для нас было найти время для общения с ними, а также другими

представительницами лучшей половины человечества из многочисленных частей и учреждений Шинданда, так как, возвращаясь из очередного рейда, мы после непродолжительных сборов, чередующихся нарядами и строевыми смотрами, вновь выходили на очередные «боевые».

Отношения между военнослужащими складывались по-разному в различных частях и подразделениях. В полку солдаты офицеров называли «шакалами» за непрерывные попытки хоть что-то «урвать» в Военторге, отношения между нами строились так, как это обычно бывает между начальниками и подчиненными. Между собою солдаты и сержанты обычно также выстраивали типичную для этой среды иерархию, хотя на примере нашего батальона могу сказать, что махровой дедовщины у нас не было. После нескольких «боевых», где я увидел, как «пашут» старослужащие и за себя, и за «того парня», то есть за так называемых «чижигов», к которым относили всех вновь прибывших, независимо от возраста и воинского звания, я сквозь пальцы стал смотреть на их «подай — принеси — постирай — погладь» в ППД. Увольняемых, особенно в разведке, практически невозможно было заставить что-то делать своими руками, да мы и не сильно к этому стремились — сломав традицию наставничества, мы получили бы ораву бестолковых молодых солдат, по первой команде неопытного командира бросающихся под огонь и на минные поля. А так рядовые (и не только рядовые) «чижи» на «боевых» правом голоса не обладали, сидели молча, готовили еду, снаряжали боеприпасы для вооружения и техники, рыли окопы, смотря, что и как при этом делают старослужащие. Или выполняли все то, что им приказывают, а по мере освоения специальности становились «шарунами», начиная вначале понемногу, а затем по-полной программе привлекаться к участию в «боевых». Непригодные списывались в вечные наряды по роте, от них открещивались и всячески третировали, поэтому вскоре они оказывались в лечебных учреждениях и других «небоевых» подразделениях. А кому понравится живущий рядом с тобой субъект, который не ходит на «войну» из-за каких-то непонятных «личностных качеств», а ты из-за этого должен нести дополнительную нагрузку?

Зато когда было необходимо что-то сделать на вооружении или технике, — тут альтернативы старослужащим не было. В ГСВГ я тоже служил на БМП-2 и знал, какая это сложная техника. В полку в Перлеберге был только один выпускник Киевского танкового инженерного училища, который ремонтировал блоки ее наведения

на интегральных микросхемах, зачастую даже не нарисованных на электронных схемах (нарисован был вход и выход, а вместо микросхемы — пробел). Когда уже здесь, в Шиндане возникла необходимость восстановления упавшей за два года до того с моста БМП, командир 4-й роты старший лейтенант Толстов посоветовал мне, только что прибывшему в роту, привлечь для ремонта своих взводных наводчиков-операторов — рядовых Никитина и Субботина. Зная объем предстоящих работ, я спланировал, что на ремонт вооружения уйдет до трех суток непрерывных трудов, так как в башне не действовало ничего, и она вообще была сорвана с направляющих. Можете представить мое удивление и восхищение этими парнями — «шарунами» и трудягами, когда к вечеру они доложили, что БМП заводится и стреляет. И не их вина, что большую часть запчастей на ней поменяли на «убитые» за те два года, что она стояла неисправной в учебном классе — это выявилось на ближайших «боевых».

В полку взаимоотношения строились в зависимости от того, в каких подразделениях служили люди. Самые уважаемые служили в разведке и других боевых подразделениях. Корпоративная солидарность была, в общем-то, очень крепкой и батальонных «молодых» не позволяли обижать чужим «дембелям». Оружие при этом каждый чистил сам, и никого нельзя было заставить обслуживать чужой автомат. Как-то я поставил задачу солдату почистить пулемет бойца, находящегося в наряде по столовой. Посоветовавшись со старослужащими, он пришел ко мне и прямо сказал, что делать ничего не будет, так как это — обязанность его хозяина и вообще — поставленная мною задача «...противоречит традициям».

Впоследствии я понял, почему так было принято — например, какой-то не в меру ретивый «дембель» заставит чистить свой автомат «молодого». Что могло помешать обиженному солдату «устроить» в автомате какую-нибудь неисправность? Например, вынуть фиксатор ударника из затвора или пружину на выбрасывателе. В бою человек с таким оружием, если и останется в живых, то навлечет на себя постоянные насмешки и презрение со стороны товарищей, как солдат, не умеющий управляться со своим автоматом. Кому он будет предъявлять при этом свои претензии? То-то!

Вообще, солдаты и сержанты в Афганистане, особенно старослужащие в боевых подразделениях, разительно отличались от тех, кто проходил службу в других регионах страны и Группках войск. Часто ни по внешнему виду, ни поведению было невозможно понять, с кем ты разговариваешь — с офицером — прапорщиком, или

с сержантом-рядовым — косвенным признаком при подобной идентификации обычно было наличие или отсутствие офицерского, солдатского ремня. Ведь звездочки на погонах мы частенько не носили, так же, как и сами погоны. А разительное отличие всех категорий личного состава от «союзных» состояло в том, что они ДУМАЛИ, как выполнить поставленную задачу, и в этот процесс включалось множество факторов, характерных для каждого индивидуума. Одни выполняли задачу, опираясь на знания, другие на опыт, третьи на интуицию, и только успех при выполнении задачи впоследствии влиял на то, что подчиненные, впоследствии НЕ ЗАДУМЫВАЯСЬ, выполняли приказы уважаемого ими командира, за которым они были готовы идти и в огонь, и в воду.

После окончания операции в Адраскане.
БМП № 725 2-й прр 650-го орб (фото Андрея Демидова)

Часто солдат или сержант просто направлял неопытного офицера-прапорщика к постановке правильной задачи, не допуская, таким образом, принижения его достоинства, а главное — излишних потерь и вообще неудач при выполнении полученной задачи. Если командир в таком случае начинал показывать спесь и свое командирское «Я», сержант мог просто отказаться выполнять заведомо неправильную задачу, доложив вышестоящему командиру, что нижестоящий начальник пытается нарушить его приказ. В таких случаях замкомвзвод мог сказать своему командиру взвода что-то вроде того: «Если Вы считаете, что задачу надо выполнять так, как Вы приказываете, то выполняйте ее сами, а людьми я рискую».

не позволю! Считаю, что исполнение вашего приказа приведет к неоправданным потерям, кроме того, он противоречит задаче, поставленной взводу командиром роты!» И я не помню, чтобы вышестоящий начальник поддержал своего подчиненного из офицерской солидарности. Главной задачей в этой войне было максимальное сокращение числа потерь среди личного состава — даже выполнение поставленной задачи частенько являлось второстепенным делом. Кстати, наш командир батальона, капитан Гушин относился именно к такой категории уважаемых офицеров, и в батальоне подобных руководителей было довольно много.

Рукоприкладство имело место между всеми категориями военнослужащих, но оно не носило характера одного лишь унижения. Били обычно за конкретные нарушения, когда солдат, несмотря на неоднократные предупреждения, творил что-либо непотребное, подлое или опасное для подразделения, например — засыпал на посту. Часто приходилось видеть такую картину — командир лупцует заснувшего на посту бойца, при этом автомат часового упирается ему в живот. Но никто и никогда не нажал при этом на спусковой крючок. А вот в 1-м батальоне такой эпизод однажды произошел и сбежавшего от расправы за расстрел сослуживцев солдата, потом вылавливал в горах наш разведвзвод. Здесь я в основном говорю про свой батальон, так как не знаю наверняка, что творилось в других подразделениях и частях.

Бывало, что у людей из-за постоянного напряжения и ежедневной вероятности погибнуть или стать инвалидом, происходили странные изменения в психике. Однажды один прапорщик после конфликта со своим начальником бросил в его комнату ручную гранату, а потом долго не мог вспомнить, зачем он это сделал и из-за чего. Еще был солдат, который открыл огонь по личному составу своей заставы, тяжело ранив двух офицеров. Я уж молчу, что взрывы в знаменитом полковом туалете типа «сортир» гремели с ужасающей регулярностью, так как отдельные индивидуумы, видимо из-за необратимых изменений в психике, а может быть из хулиганских побуждений, обвязывали нитками запалы гранат Ф-1 или РГД-5, выдерживали чеку и бросали их в зловонную жижу. После перегнивания фурнитуры, а это могло произойти и через несколько лет, под аккомпанемент одинокого хлопка в направлении железного потолка этого многострадального учреждения взметался фонтан из стальных осколков и фекалий. Иногда находящийся поблизости «невезунчик» оставался «обтекать» внутри раскаленного 20-тонного контейнера и

хорошо, что никто в полку при этом ни разу не был убит или ранен. Впрочем, с ума за последний год пребывания войск в Афганистане у нас в полку не сошел никто, а вот во время службы в Иолотани, среди солдат-десантников 56-й бригады отправка в «десятку» Ташкентского госпиталя происходила с пугающей регулярностью. Жара-с!

Из командования полка огромным уважением пользовался, как я уже писал, сам командир полка и еще замполит — подполковник Александр Александрович Турлаков. Гораздо меньше авторитета было у начальника штаба, подполковника Д. из-за того, что он редко ездил с нами на «боевые» и своего мелочного, злопамятного характера. Но, поскольку он вместе с начальником разведки полка майором Иваном Ивановичем Мелеховым (очень хорошим и грамотным человеком и офицером, Орджоникидзевокое ВОКУ-1975), был непосредственным начальником у всей полковой разведки, с ним приходилось часто общаться. Позже, уже во время моей службы в батальоне, с Д. мы по-настоящему «схлестнулись» под Новый год в карауле, когда он во время проверки, уже собираясь уходить, поинтересовался, почему не светит один из трех карманных фонариков, с которыми разводящие ходили на посты. Я был тогда злым, как собака, так как прибывший из очередного загула командир роты, видимо в благодарность за то, что я вместо него почти два месяца командовал подразделением и ходил на «боевые», поставил меня 31-го декабря в караул. Подполковнику на его вопрос с невинным видом было отвечено, что фонарик не горит потому, что некий высокий штабной руководитель полкового звена, который в соответствии с Уставом Гарнизонной и Караульной службы должен обеспечивать смены материально-техническими средствами в виде батареек и лампочек, самоустранился от участия в этом процессе, а решение проблемы переложил на начальников караулов. Естественно, НШ не смог простить своему подчиненному такого мнения, кардинально отличающегося от его точки зрения, и с караула меня снял. Кроме того, после моего наглого заявления, в карауле были выявлены многие другие недостатки, в том числе — каюсь — отсутствие у меня автомата, за что я даже отсидел впоследствии трое суток на гарнизонной гауптвахте. Так что Новый год пришлось встречать в компании моего однокашника, Павла Лобачева из 3-го мсб, случайно приехавшего в батальон, причем настроение было совсем не праздничным — ведь я не подготовился должным образом к данному мероприятию!

Ближе к концу января нас хотели отправить на самолетах в аэропорт г. Кандагара для доставки боеприпасов местному «сарбо-

зовскому» гарнизону, но потом все переиграли, и на «Ариану» полетел 650-й разведбат во главе с подполковником Мауренко. Несмотря на то, что мы чуть ли не «били копытом» от радостного ощущения того, что «свалим» наконец-то из ненавистного ППД — пусть хоть черту в пасть, ребятам из орб никто из нас не завидовал. Кандагар — он и есть Кандагар, там всегда было непредсказуемо, жарко и очень кроваво. Но разведчики с честью вышли из этого крайне опасного мероприятия, потеряв пару самолетов и несколько человек ранеными. Вот что мне написал про этот рейд один из разведчиков: «По ночам прилетали с Маров транспортники — Анны, по 6-ть машин, мы охраняли их разгрузку и пинали «дружественную армию» прикладами, чтобы быстрее шевелились на разгрузке и ничего в самолёты не подбросили. Так как посадка ночью — вещь сложная, один [аппарат] приземлился весьма жёстко — сломал стойку шасси... потеряв свой хвост вместе со стрелком. Был ещё один самолёт (кажется из Баграма — летающая медооперационная, тоже антоновской марки), [он по]стоял с недельку, пока какой-то РС всё-таки рядом да попал. Куча пробоин, текущий керосин — короче и его нам [от]дали на разграбление и уничтожение. Получается два, но их никто не терял — они сами потерялись. Главное, что все живы остались! Да, было одно прикольное духовское мероприятие, единственное «яркое» ощущение — через несколько дней они стали подсвечивать аэродром километров с пяти зенитными прожекторами. Ночь превращалась в день...»

Когда батальон покидал шиндандский гарнизон, военнослужащие разведбата уже возвращались обратно. Страну мы покидали под звуки только что вышедшей в эфир песни «Каскада» с такими словами:

С покоренных однажды небесных вершин,
По ступеням обугленным на землю сходим.
Под прицельные залпы наветов и лжи,
Мы уходим, уходим, уходим, уходим!

Прощайте горы, вам видней,
Какую цену здесь платили.
Врага какого не добились,
Каких оставили друзей!

Первую ночь перед самым Гератом мы провели в составе батальона в ротных колоннах. Ночью ударил мороз и выпал снег, поэтому на указанные нам блоки мы выдвигались среди белого безмолвия, глубина снежного покрова при этом достигала двадцати сантиметров. Это было невиданное в здешних краях зрелище!

Мы шли вперед, а стоящая невдалеке батарея «Ураганов» вела огонь через наши головы, это мероприятие на жаргоне называлось «запуском столбов», так как снаряды к данной реактивной системе залпового огня диаметром, как мне помнится, в 240 мм, и толщиной, и длиной очень напоминали телеграфные столбы.

В Герате мы встали на блоки в 500 метрах севернее моста через Герируд на дороге, засаженной много лет назад соснами, единственными высокими местными представителями флоры, которые нам довелось повидеть на территории Афганистана. Там мы и подглядели отношение афганцев к дереву вообще, ведь они отколупывали щепочки от пеньков спиленных деревьев в течение очень долгого времени, все глубже и глубже вгрызаясь в землю.

Взаимоотношения на блоке с окружавшими нас сарбозами и «духами» из местного племенного батальона сложились самые теплые. Мы сразу установили контакт с «бридманом» из числа местных «духов», то есть лейтенантом (после привлечения их отряда на сторону правительства) по имени Шокур, а на заставы к «сарбозам» несколько раз ходили в гости, на плов. Плов, кстати, у них был отвратительный, состоял лишь из риса с бараньим салом, и в нем напрочь отсутствовали специи. Наши экипажные кулинары — узбеки, на блоках делали его на порядок лучше.

Там же, на заставе «зеленых», довелось увидеть взаимоотношения, выстраивавшиеся между военнослужащими афганской армии и внутри афганских семей, а что не удалось увидеть, то по крупицам пришлось домыслить, опираясь на их рассказы. Так, увидев стоящего на одной ноге, и при этом радостно улыбающегося молоденького солдата с автоматом на вытянутых вверх руках я узнал, что «джек туран», то есть старший капитан, таким образом, наказал его за какую-то мелкую провинность. На мой вопрос, что ему было бы за более серьезное нарушение воинской дисциплины, солдат просто-душно ответил мне, что за это командир бы ему устроил «ж... кантрол», то есть гомосексуальный контакт. Аналогичному «кантролу» по рассказам афганских офицеров, подвергается все вновь прибывающее на заставу молодое пополнение. Кстати, это весьма широко распространенная в Афганистане традиция, которая считается впол-

не нормальным явлением и сохранилась она, думаю, чуть ли не со времен владычества в этих краях греков — вначале войск Александра Великого, которому приписывается основание города Герата, затем более чем двухсотлетнего нахождения в составе государства Селевкидов и Греко-Бактрийского царства с Антиохом во главе, а также его потомков. Ведь известно, что у греков любовь к представителю одного пола считалась нормой, ее воспевал Гомер и другие античные поэты, а Селевк был полководцем у Македонского, ему по жребию достались здешние края после смерти Александра.

Прощание с погибшими, 1987 г. (фото Андрея Демидова)

Однажды, после плова, которым нас с рядовым Джумановым угощали «сарбозы», они сели курить кальян с «чарсом». Мы отказались курить но, увидев лежавшего в углу пожилого афганца, радостно прильнувшего к трубке, спросили его, почему он все время лежит обкуранный — до этого его также неоднократно видели в невменяемом состоянии. Ответ обескуражил. Несмотря на то, что выглядел он на все 60, афганец сообщил, что ему 40 лет, денег, чтобы купить жену — а это около ста тысяч афгани, у него нет, и никогда при таком уровне доходов не будет. Поэтому ему остается только курить... Командир тут же спросил меня: «Командор, чанд аст ханум Моску?» («Командир, сколько стоит женщина в России?»). Я долго думал, что ему ответить... Наконец сказал, что не стоит ничего. Между афганцами произошел диалог с восхищенными интонациями и, наконец, был задан вопрос: «Бакшиш?» («Подарок?»). На что я вынужден был ответить утвердительно, так как у нас фактически нет принятого у них процесса купли-продажи дочерей с обсуждением цены. Они опять долго и восхищенно что-то говорили, а затем командир выдал:

«Командор, мана Моску бурубахай, туй мана ханум бакшиш?» («Командир, я приеду к тебе в Россию, ты мне женщину подаришь?»).

Через несколько дней я помог им починить крупнокалиберный пулемет КПВ на установке ПКП, у которого была неисправна боевая пружина, я еще долго пытался объяснить им, что «фонарь — хароб!»», а они мне все не верили, так как внешне деталь была совершенно исправной. Видимо, пулемет долго простоял с взведенной боевой личинкой и пружина «просела», когда ее заменили, пулемет застрочил. Сарбозы, чтобы меня отблагодарить, и зная склонность к экзотическому оружию, сразу приволокли кучу всего самого интересного и экстраординарного, чтобы я пострелял из него... Запомнились фирменный немецкий пистолет «Маузер» 1910 года с неисправной возвратной пружиной и «бочкой» на рукоятке, а также винтовка «Пибоди—Мартини» образца 1869 года с патронами, заряжающимися капсюлем, дымным порохом и самодельной пулей из пулелейки так же, как снаряжаются патроны к охотничьему ружью...

Трепетное отношение в Афганистане к женщине мы видели часто, но самым ярким примером был «дед» по кличке «Бобо» в Фарахе. Это был мужчина лет 50-ти, выглядевший, тем не менее, уже дряхлым стариком, афганцы вообще очень быстро стареют. Незадолго до нашей первой встречи он наконец-то накопил денег и купил себе «ханум» лет 12-ти. Он буквально трясся над нею, только что пылинки не сдувал со своей жены. Такого внимательного и предупредительного мужа вы не увидите ни у одного представителя других национальностей у нас, в Союзе. На наш недоуменный вопрос он сообщил, что у него никогда не было близких родственников, и он всю свою жизнь сам копил деньги на жену, и вот, наконец-то, свершилось, и он ею обзавелся! Теперь она должна в течение последующих 10—15 лет родить ему 10—12 детей. «А если она заболит и умрет, — спросил он, — что я тогда буду делать? Я ведь НИКОГДА больше не смогу собрать еще столько же денег на жену!» И мы были вынуждены с ним согласиться. Жена, самая захудалая, у них стоила около 100 тысяч афгани — столько же стоил «пакистанский» АКМ, что-то около 2 тысяч долларов, но цены на женщин варьировались в зависимости от места жительства и степени богатства ее родных, цена доходила, по словам афганцев, до 250 тысяч и выше. У некоторых местных жителей, которых довелось узнать, в жизни было распланировано буквально все — «...в день одна пачка сигарет и коробок спичек, вот деньги на еду и «чарс», а все остальное — на жену, при таком раскладе через 15 лет я ее куплю». Хотя были и мальчишки из богатых се-

мей, которые уже в 13–14 лет имели «ханум», купленную родителями или родом вскладчину. А вообще, расспросы на эту тему, так же, как неуважительное отношение к женщине, немедленно пресекались афганцами всех возрастов, разговаривать об этом можно было только отвлеченно, не имея в виду сестру, жену или мать собеседника. За это можно было получить и пулю, не знаю почему, но наши представители среднеазиатских республик, а их в роте было большинство, часто задавали такие вопросы, хотя сами считали себя мусульманами. И я, зная, что дело может кончиться перестрелкой даже с человеком, с которым вы только что разве не обнимались, пресекал такие разговоры и всячески старался сгладить ситуацию.

Жизнь свою среднестатистический афганец всегда готов отдать очень легко, особенно, если это будет смерть от пули или ножа, в данном случае разговор идет о мужчинах. Впрочем, жизнь мальчишки в афганских семьях тоже не стоила почти ничего. Однажды за случайно задавленного «бачу» нашим «колонникам» было достаточно отдать родителям ящик тушенки, и они уже не имели к ним претензий. С девочками, случайно убитыми нашими, все было дороже в разы, вернее, на порядки, так как представительницы прекрасного пола были в семьях часто единственным капиталом, и поэтому очень ценились. Я никогда не забуду, какой ненавистью загорелись глаза одного афганского офицера в Герате, когда я спросил, почему у него только двое детей. Он ответил — «мина... прилетела во двор крепости, и убила моих девочек... Я теперь, когда душмана ловлю, режу его... вот так...», и показал, как он расчленяет «духа»... Жив ли поверивший болтунам из нашего высшего руководства этот давно уже позабытый мною афганский офицер? Вряд ли!

Пару раз нас на блоке все же обстреляли, а вот между собой «душманы» сражались почти непрерывно, к западу от дороги практически постоянно гремела канонада, причем в ней участвовали все виды стрелкового и тяжелого вооружения «духов». Седьмого февраля мы попрощались с афганцами, я подарил Шокуру на память свою португезю, на которую он давно «положил глаз» и неделю уговаривал ее продать, снялись с блоков и начали выдвижение в направлении Союза. Прошли Герат, преодолели участок до развилки на СССР и Иран и вскоре прошли так называемый «перевал Рабати–Мирза». «Так называемый», потому что, несмотря на то что мы много раз проходили эту точку, я так и не смог его ни разу зафиксировать, а перевалом мы его звали, потому что на картах он был обозначен именно так.

К вечеру мы добрались до Торагунди, но остановились на дороге, не доезжая нескольких километров до этого не крупного городка. Сразу вспомнился бывший ротный — Слава Толстов, любимым выражением которого было: «Я в это время буду уже на Кушке, фисташки есть», так как на картах окрестности этого самого южного советского города были сплошь в ореховых рощах. Справа от нас в километре текла знаменитая река Кушка, дальше которой никакого офицера послать не могут просто по определению, но нас, тем не менее — послали, а за нею была видна наша Родина, треугольником вдававшаяся в афганскую территорию.

Командиры взводов 4 мср 371 мсп – Александр Магерамов, Анатолий Разживин, Александр Слободенюк – за день до вывода

Мы встали в ротных колоннах, присоединившись к вставшим там ранее машинам наших боевых товарищей из 3/101 мсп и 650 орб нашей дивизии. Именно с этими двумя подразделениями мы прошли весь трудный боевой путь, не пропустили, наверное, ни одной операции, кроме последней проведенной разведбатом в Кандагаре, не раз помогая друг другу, выручая в тяжелые моменты боя. Было глубоко символичным, что и теперь мы стояли рядом, плечо к плечу. И пусть мы были почти незнакомы друг с другом, но эти три батальона всегда не задумываясь приходили друг другу на помощь, если решение вопроса зависело от них. Вскоре орб ушел на блоки вокруг района сосредоточения, а у оставшихся двух подразделений наступил период непривычного безделья. Мы пропустили все колонны, выводившиеся в Союз, в том числе разведроту нашего полка, и здесь же выполнили последний и самый непонятный для нас приказ вышестоящего командования о разоружении своих подразделений.

Связано это, как впоследствии, оказалось, было с тем, что до руководства страны дошла информация, что некоторые части, зная о творимся на Родине «беспределе», решили продолжить войну на территории нашей страны. Это, конечно, было полной чушью, но нам было приказано свалить в КАМАЗы все боеприпасы, а оставить только по несколько магазинов у командиров взводов и боеприпасы, снаряженные в ленты боевых машин. На моих глазах батальон быстро набил с верхом два грузовика — чего только там не было из трофейного вооружения — американские и бельгийские шариковые ручные гранаты, китайские разрывные патроны к АКМ с черной головкой, итальянские, чехословацкие и американские противотанковые и противопехотные мины, пластит зарубежного производства — можно было устраивать экскурсии для непосвященных. Потом все эти трофеи вместе с боеприпасами советского производства вывезли к ближайшим горкам, свалили в яму, залили бензином из топливозаправщика и подожгли. «Особисты» транспортировали в Союз кривые восточные сабли, пики, кремневые пистолеты и ружья, на которые, конечно же, ими были получены соответствующие разрешения. Мы же из трофейного оружия не везли для себя ничего, так как нас очень долго «страшали» о последствиях этого еще в Шиндане. Здесь же всем выдали новую зимнюю «афганку», чтобы на выходе у нас был более респектабельный внешний вид, вручили Грамоты Президиума Верховного совета СССР и наручные часы от Министра обороны... Попутно нам привезли красные плакаты с угодными политическому руководству лозунгами, которые были закреплены на машинах...

14 февраля мы снимали с башен машин КАМАЗовские кресла, сели на броню своих стальных коней и стали вытягивать колонну в сторону Торагунди. На машинах все, кроме офицеров были без боеприпасов в магазинах, хорошо еще, что «духи» не стреляли нам в спину. Вскоре роты приблизились к мосту через реку Кушка. Мы шли, повторяя про себя актуальные слова полубившейся с недавних пор песни:

Нам вернуться сюда больше не суждено,
Сколько нас полегло в этом долгом походе.
И дела не доделаны полностью, но,
Мы уходим, уходим, уходим, уходим...

Слева от колонны проплыла база, на которой полгода назад жили во время сдачи техники в капитальный ремонт, и где впервые на территории Афганистана мы с бойцами пару дней поспали в обычном гостиничном номере с душем и полированными деревянными кроватями. Вскоре граница СССР нами была преодолена, ветер со снегом бил нам в лицо, из глаз почему-то текли слезы, и всем было непонятно, то ли это из-за радости встречи с Родиной, то ли из-за горечи оттого, что мы уходили, не добив ТАКОГО ВРАГА! Мы увидели пограничника в зеленой фуражке, стоящего на вышке у реки, мужчин, махавших нам руками, и женщин, которые по всегдашней своей сострадательности стояли, и тихо плакали. Вскоре подразделения уже стояли в ротных колоннах возле самого кушкинского гарнизона.

Вскоре нас разместили в «Большой пехоте», так называли единственный «развернутый» мотострелковый полк — на том же самом месте стоял наш 371-й мсп в 1979 году, отсюда он вошел в Афганистан и сюда же через десять лет вернулся! Перед уходом в казармы мы сдали последние оставшиеся у нас боеприпасы, выгрузив их из боеукладок машин и «лифчиков» командиров взводов, и постепенно разбрелись по всему городу. Вскоре почти весь наш батальон дружно сидел в местном кинотеатре, смотря фильм «Маленькая Вера», шум вокруг которого тогда стоял грандиозный. На следующий день командир батальона капитан Гушин вновь «ввел» на территорию Афганистана нашу 5-ю роту, и вскоре она обозначила вывод советских войск из РА вместе с представителями 3-го мсб 101-го мсп и 650-го орб. Про это пишет в своем письме Майзер Бекаури из разведывательно-десантной роты разведбата: «Я из... взвода спецразведки, 1987–1989, выводился 15 февраля на последней своей «двушке» № 738 «Имени павших 4 апреля 1986 года».

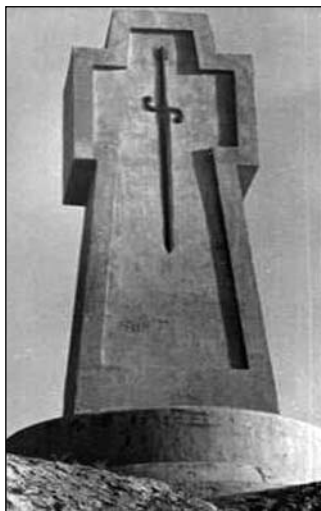
После этого был грандиозный митинг с безалкогольным застольем, впрочем, мы быстро исправили этот недостаток, а ближе к вечеру началась сдача оружия, техники, имущества взводов и рот. В последний раз погладил многострадальную броню своей боевой машины, поблагодарив ее мысленно за все — ведь это был такой же ВОИН, как и любой из моих ЖИВЫХ солдат и сержантов. А вскоре мы уже безуспешно пытались разыскать контейнеры с японской аппаратурой, много раз обещанной нам начальниками самых высоких рангов еще в Шиндане и, якобы, поэтому не завезенных в Афганистан. Но вскоре прекратили этот поиск, так как поняли, что нас в очередной раз «кинули». Поменял все свои наличные чеки

Внешпосылторга с красной полосой в количестве двух или трех тысяч на советские рубли, то же сделали другие военнослужащие, и начали грандиозный процесс празднования вывода. В тот момент я уже знал, что трудами моего бесценного ротного, напялившего на себя по случаю приезда Варенникова трофейный камуфляж, и весь день с целью замены проведенного в штабе полка, меня вывели за штат вновь сформированного на нашей базе, и базе «большой пехоты» полка. Вскоре вместе с моими друзьями из Иолотани, сдав дела и должность, отправился к ним в гости. Это были Андрей Радченко из Белгородской области, с которым мы летели в Афган год назад, и Володя Филимонов из Полтавы — в то время они продолжали служить в 56-й отдельной десантно-штурмовой бригаде в Иолотани, в двухстах сорока километрах к северу от Кушки. Причем оба офицера специально приехали, чтобы встретить меня на границе. В 371-й полк я вернулся только через две недели с «отношением» 56-й одшбр для того, чтобы попрощаться с друзьями и забрать вещи. Ташкентский «направленец» прямо на коленке выписал мне предписание: «...следовать для прохождения дальнейшей службы» в г. Иолотань. Командир 3-го взвода нашей роты и самый преданный друг Санька Слободенюк пошел проводить меня на автобус...

Мы уже знали, что наши пути расходятся, может быть навсегда, я ехал в назначенную мне десантно — штурмовую часть, а он — в свою мотострелковую на Украину. Последний раз взглянул на окружающий автобусную остановку военный городок, его уютные зеленые дворы, «Южный Крест», возвышающийся над окрестностями 371-го полка, и сказал: «А все же это счастье, что мне довелось здесь послужить всего лишь две недели!..» Мы обнялись с Александром. Когда автобус тронулся, припомнились слова: «Прощайте горы, вам видней, кем были мы в краю далеком, пускай не судит односторонне нас кабинетный грамотей». Так для меня закончилась первая в жизни война — но впереди была жизнь, полная приключений, а еще — катастрофа и развал страны, ради которой многие поколения моих предков, а также родственников, друзей, товарищей и сослуживцев проливали поистине реки своей и чужой крови.

Но об этом позже...

**«Южный крест» на Кушке
(фото предоставила Алиса)**

Литература

1. Газета «Красная Звезда», от 14 апреля 1989 года;
2. Газета «Красная Звезда», от 21 сентября 2002 года;
3. Артем Боровик, «Спрятанная война» «Огонек», 1989, No. 46;
4. Ю. М. Лапшин, «Афганский дневник». — М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2004;
5. А. Проханов, Фотоальбом «Афганская война. Как это было» М, 1990;
6. «Народы Передней Азии», М., 1957;
7. «Особенности разведывательно-боевой деятельности частей и подразделений специальной разведки в условиях Афганистана», Глава II;
8. В.И. Варенников «Неповторимое», Книга 5;
9. Ю.В. Ганковский, «Империя Дуррани», М., 1958;
10. В.Н. Шунков «Ракетное оружие». — Мн.: ООО «Попурри», 2001- 528с;
11. Евгений Лисанов, Парламентская газета, «Две Звезды капитана Гущина», 14.08.2002;
12. Инструкция по окраске БМП-2Д, изделие № 3555, ОАО «Звезда» (141730, Московская область, г. Лобня, ул. Промышленная, 2);
13. 16 Air Assault Brigade, 42 Commando Royal Marines: «M – Company in Kajaki 26 Sep-10 Oct 2006»;
14. Л. М. Черниш, «Віина в Афганістані (1979-1989 рр.). Очима її учасників – земляків вінничан»;
15. «Рейд на плотину Каджакай» в книге: Красные пятна времени, «Контур», Омск, 2004 стр.51- 60;
16. Научный архив Винницкого краеведческого музея. — Ист. довідка про Покрищука Олександра Михайловича — С 2-3;
17. «Книга Памяти Министерства обороны», Воениздат, 1995 г. и 1999 г., в 2-х томах;
18. «Фотохроника войны» № 3 , издательство «Торнадо», Рига, 2000.
19. Журнал «Арсенал», № 4, 2003;
20. А.А. Ляховский, В.М. Забродин, «Тайны афганской войны», М., «Планета», 1991;
21. В. Гнеушев, А. Попутько, «Тайна Марухского ледника», Издание 4-е, Ставрополь, 1975;
22. В. Суворов «Освободитель. Аквариум» М., «АСТ», 1996;
23. «Афганистан болит в моей душе», М., «Правда», 1989;
24. Элиан, «Пестрые рассказы», М.-Л., «Наука», 1964;
25. Гомер «Илиада»;
26. А.В. Шишков «Сто великих военачальников», М., Вече, 2000;
26. Митрополит Вениамин (Федченко), «За православие помилует меня бог», СПб, 1998;
27. И.Г. Писарихин Боевые действия 1-й морской пограничной школы младшего начсостава НКВД СССР (историческая справка). — Севастополь, МГООС, 1972;
28. Д.Ю. Стогний, «Боевые действия на севере Крыма осенью 1941 г». Историческая справка. Севастополь, МГООС, 1999;
29. П.А. Моргунов, «Героический Севастополь», М., 1979;
30. В. Смиян, «Морская пехота в обороне Севастополя 1941-1942 гг». Научная справка. (МГООС), 1971;
31. А.В. Басов, «Крым в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», М., 1987;
32. Д.Ю. Стогний, «ПВО главной базы Черноморского флота в боях за Севастополь», (лекция). — Севастополь, МГООС, 1996;
33. Х.Х. Камалов, «Морская пехота в боях за Родину», М., 1966;
34. Х.Х. Камалов «Участие морской пехоты в защите завоеваний Октябрьской революции и социализма». — Л.: Издательство ЛГУ, 1975;
35. И.С. Павленко, «Воспоминания солдата», Воронеж, ВЛХСП, 2007;
36. «История Второй мировой войны», в 12 томах, М, 1973-1982;
37. Побратим №13 (104), декабрь 2007;
38. Побратим №1 (105), январь 2008;
39. Газета «Бельская правда», №30 (5598) от 10.03.1983;
40. Газета «Бельская правда», от 7.10.2003;
41. В.А. Кадыров, «Он до тонкостей знал военную службу», Воронежский курьер, 03. 2008;
42. И.М. Калинин, «Под знаменем Врангеля», Ростов-на-Дону, 1991;
43. Г.К. Жуков, «Воспоминания и размышления», Изд. 11-е, М., 1992;
44. Jentz Thomas L. «Panzertruppen», The Complete Guide to the Creation & Combat Employment of Germany's Tank Force — 1933-1942. Atglen, PA; Schiffer Military History, 1996;
45. Chamberlain Peter, Doyle Hilary & Jentz Thomas L. «Encyclopedia of German tanks of World war two», London, Arms & Armour, 2000;

46. Инф. агенство»Славянский мир», по материалам пресс-службы Госдумы РФ, М., 9.02.2001.
47. «Деловая пресса» №11(42) от23.03.2000.
48. Р.Б. Гуль, «Ледяной поход», М., Военное издательство, 1992.
49. «Краснознаменный Черноморский флот», М., 1979.
50. А.А. Жандр, «Речь, произнесенная на Общем Собрании Медицинского общества при Донском университете 14 апреля 1919 г.».
51. «Памятная книжка Могилевской дирекции народных училищ на 1894-1895 учебный год»;
52. Kasper Niesiecki «Herbarz Polski», S.J., Lipsk (Leipzig) edition, 1839-1846.
53. П. Муромцев «Описание Могилевской губернии», книга 2, стр. 706 см. «Опыт описания Могилевской губ.», в трех книгах, под ред. А.С. Дембовецкого (М., 1882-84);
54. S. Uruski, hr. Rodzina. Herbarz szlachty polskiej. Warszawa, 1904-1931. Т. 1-15.
55. Папроцки «Гербы рыцарства польского», №730; Fol. 1121;
56. Г. Гайдук. «Практические советы по изучению родословной. Шляхта и Белорусское Дворянство».
57. В.Ю. Рикман «Дворянское законодательство Российской империи», Москва, 1992.
58. В. Веревкин-Шелюта, ст. «Разбор» в «Энциклопедии истории Белоруссии», Минск, 2001, т.6.
59. С. Рыбчонка «Источники по генеалогии Белорусской шляхты и проведение архивных исследований», НИАРБ, г. Минск, 2002 г. «Гербовник белорусской шляхты» Том 1 (издание на белорусском языке).
60. Е.А. Домбровская; «Ш. И. Криницкий», книга, РГМИ, 2004 г.
61. Список землевладельцев Минской губернии за 1876 год. Минск, 1877. 2+ XXIV+ 187 с.
62. С.Д. Рудин Межевое законодательство и деятельность межевой части в России за 150 лет. Пг., 1915.
63. Мельников – Разведенков, Медицинская мысль, РГУ, 1922 № 9-11, стр. 279- 281.
64. Газета «Приазовский край» от 13.03.1919, от 19.03.1919 №64;
65. А.А. Жандр, Протоколы заседаний Общества естествоиспытателей при Д. Университете, кн.1.
66. Газета «Донские ведомости» от 19 марта (1 апреля) 1919;
67. Газета «Южный Край» от 6.03.1907.
68. Газета «Харьковские Губернские Ведомости», от 11.12.1869, 28.09.1889, 5.02.1897, 3.12.1893.
69. А. В. Парабучев, «Медицинская мысль», РГУ, 1922, № 9 – 10, с. 287.
70. Список землевладельцев Минской губернии. Минск, 1889. 4 + 419 с.
71. A. Boniecki Herbarz Polski. Warszawa, 1899-1913. Т.1-16.
72. «Алфавитный список дворянским родам, внесенным в дворянскую родословную книгу Витебской губернии», Витебск, 1900. 83 с.
73. Atlas Historiczny Polski, Warszawa, 1998.
74. «Харків і Польща: люди і події: Матеріали Міжнародної наук.-практ. конф.», м. Харків, Майдан, 2006.
75. Ежемесячник «Witaj, Polsko», Омск, 2005, № 1-2.
76. «Szlachta wylegitymowana w Krolestwie Polskim w latach 1836-1861».
77. «Алфавитный список дворянских родов, внесенных в родословные Дворянские книги Могилевской губернии. Могилев», 1909 г.
78. «Алфавитный список дворянских родов, внесенных в родословные Дворянские книги Могилевской губернии», Могилев, 1908 г.
79. Г.г. потомственные дворяне, внесенные в родословные книги // Дворянский адрес-календарь на 1897 год. Издательство Н.В. Шапошникова. СПб., 1897.
80. S. Dumin, S. Gyrzyski, Spis szlachty wylegitymowanej w guberniach grodzieckiej, minskiej, mohylewskiej, smolenskiej i witebskiej, Warszawa, 1992.
81. А. Дыбковская История Польши с древнейших времен до наших дней; ПВН Варшава, 1995.
82. Tadeusz Gajl «Herbarz Szlacheckie Rzeczypospolitej Obojga Narodow» [Armorial of the Nobility of the Republic of Both Nations].
83. Алфавитный список землевладельцам, по уездам, за 1882 год // Опыт описания Могилевской губернии. Под ред. А.С. Дембовецкого. Книга 3. Могилев, 1884.
84. Список населенных мест Могилевской губернии. Под ред. Г.П. Пожарова. Могилев, 1910.
85. Б.А. Мельников, «Список садовладельцев Могилевской губернии», Могилев, 1911.
86. «Памятные книжки Могилевской губернии» на 1890, 1893 и 1895 гг.

87. «Советские военачальники и полководцы», ЖЗЛ, М., Молодая гвардия, 1988.
88. «Боевой путь 135-й Краковской Краснознаменной сд», рукопись на 7 листах, архив музея 29-й СШ г. Коломны.
89. «Перечень главных управлений, штабов, соединений, частей и других формирований войск ВЧК-ОГПУ-НКВД-МВД-МООП за 1918-1960 гг.», М.
90. Н. Кондратьев. «На линии огня», М., Политиздат, 1964.
91. «Пособие для допризывника», Воениздат, М., 1955.
92. С.П. Мельгунов, «Красный террор в России», М., СП «Ruico», 1990.
93. А. Я. Гутман (А. Ган). Гибель Николаевска-на-Амуре. – Берлин, 1924. – С. 123-124.
94. Э. Манштейн, «Утерянные победы», АСТ, М., 1999.
95. С. М. Будённый «Пройдённый путь», Книга первая: М.: Воениздат, 1958.
96. В. Чивилихин «Память», М., «Современник», 1982 стр. 391.
97. Фонды государственных архивов и музеев – ЦАМО, РГВИА, Воронежской, Могилевской, Одесской, Омской, Ростовской, Харьковской областей, г. Москвы и Санкт-Петербурга.
98. Л.Н. Гумилев, «Конец и вновь начало», М, Ди Дик, 1997.
99. А.Б. Жук, «Справочник по стрелковому оружию», М., Воениздат, 1993.
100. А. Степанов, «Нарукавные знаки воздушно-десантных войск...», Библиотека военно-исторического журнала «ЦЕИХГАУЗ», Москва, 1999.
101. Советская военная энциклопедия в восьми томах.
102. «Герои Октября». Краснодар, 1967.
103. Sönke Neitzel: Abgehört. Deutsche Generäle in britischer Kriegsgefangenschaft 1942-1945, Berlin / München: Propyläen 2005.
104. Исаак Бабель, «Конармия». М., «Правда», 1990.
105. Калинин, путеводитель, М., «Московский рабочий», 1965.
106. Личный архив автора (1988-1989 – 371-й мсп, 1989-1991 – 56-я одшбр (овдбр);
107. Личный архив и воспоминания Олега Ивановича Хомякова (1986–1987 – рр 371-го мсп).
108. Личный архив Акмаля Абдукаримовича Имамбаева (1980-1982 – рр 70-й омсбр).
109. Личный архив и воспоминания Дмитрия Андреевича Крупейникова (в 1942 – ксв(р) 396-го и 497-го сп);
110. Личный архив и воспоминания Халила Ахмеджановича Капкаева (1981-1983 – тб 66-й омсбр).
111. Личный архив и воспоминания Константина Тер-Казаряна (1981-1986 – 5-я мср 239-го мсп).
112. Воспоминания Сергея Николаевича Гущина (1987-1989 – 2/ 371 мсп).
113. Воспоминания Сергея Махинько (1986-1988 – 8-я мср 371-го мсп).
114. Воспоминания Андрея Сапарова (1987-1989 – 8-я пдр 345-го пдп).
115. Воспоминания Шухрата Фархадовича Мусаева (1985 -1987 – 1-я рр 650-го орб).
116. Воспоминания Руслана Присяженко (1987 -1988 – 1-я рр 650-го орб).
117. Воспоминания Майзера Бекаури (1987-1989 – 3-я рдр 650-го орб).
118. Воспоминания Андрея Демидова (1987 – 1988 – 2-я рр 650-го орб).
119. Воспоминания Алексея Черепухина (1987-1989 – 1-я тр 371-го мсп).
120. Воспоминания Андрея Владимировича Василенко (1986-1988 – 1-я мср 371-го мсп).
121. Воспоминания Владимира Соломоновича Свердловца (1984-1986 – 1 минбатр 371-го мсп).
122. Воспоминания Вячеслава Владимировича Толстова (1986-1988 – 4-я мср 371-го мсп).
123. Воспоминания Каната Есова (1984-1986 – рр 371-го мсп);
124. Воспоминания Федора Петровича Золотарева (1987-1989 – 1-я рр 650-го орб).
125. Воспоминания Алексея Алексеевича Палкина (1986-1988 – дшб 70-й омсбр).
126. Воспоминания Полада Мусаева (1987-1989 – рв 2-го мсб 371-го мсп);
127. Воспоминания Юрия Михайловича Лапшина (1987-1989 – ЗК 345-го пдп).
128. Воспоминания Алексея Васильевича Тятина (1986-1989 – ком. 7-й пдр 345-го пдп).
129. Воспоминания Сергея Александровича Богатова (ЗКПЧ 2-го пдб 345-го пдп).
130. Воспоминания Дмитрия Маслака (1987-1989 батарея артиллерийской разведки ап).
131. Личный архив и воспоминания Ивана Степановича Павленко (в 1941-1945 – ком. радиовзв – нс полка).

132. Воспоминания Вячеслава Дмитриевича Власяна (1986 -1988 – 2/ 371 мсп).
133. Воспоминания Ивана Андреевича Корнилова (в 1941 – 225-й гап 51-й сд).
134. Воспоминания Юрия Александровича Голубева (в 1988-1989 – 4-я мср 371-го мсп).
135. Воспоминания Олега Шаповалова (1987-1988 – 6-я мср 371-го мсп).
136. Воспоминания Марата Раифовича Назарова (1987-1989 – 4-я мср 371-го мсп).
137. Воспоминания Виля Рахимовича Мухаметзянова (1987-1988 – 4-я мср 371-го мсп).
138. Воспоминания Евгения Викторовича Разина (1983-1987 – 4-я мср 239-го мсп).
139. Воспоминания Александра Степановича Тумаха (1981-1984 – 3-й дшб 56-й одшбр).
140. Воспоминания Матвея Цодиковича Лихтермана (в 1943 – 3-я вдбр – «Днепровский десант»).
141. Интернет-сайты: Арт-оф-Вар, Рядовой-К, «Орды Третьего Рима», Десантура. ру., Лучший форум для коллекционеров.